

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРСОНАЛИИ

- Безверхов А. Г., Кленова Т. В.** Виктор Павлович Малков (1931–2019). Памяти выдающегося отечественного ученого 7

ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Безверхов А. Г.** О некоторых разновидностях коррупционных преступлений в московском праве XVI века 10
Оспенников Ю. В. Направления противодействия коррупции в праве Московского государства XVI в. 15
Розенцвайг А. И. Проблема выявления коррупционных правонарушений в церковном праве Московского государства XVI в. 20
Фоменко Р. В. Наместничье управление и его альтернативы: проблемы эффективности местного управления в Русском государстве в конце XV –XVI вв. 26
Логунова Л. Е. Особенности посула в системе коррупционных правонарушений в праве Московского государства XV–XVI вв. 34

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

- Спирин М. Ю.** Формальные источники правового регулирования противодействия коррупционной деятельности в России 40
Костюнина О. В. Предметные факторы правовой и антикоррупционной экспертиз как средства выявления коррупционных рисков 45
Чернобель Г. Т. Правовая легитимность законодательного акта 51
Кузьмин И. А. Проблемы и перспективы совершенствования законодательной конструкции юридической ответственности в сфере инвестиционных правоотношений 60

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

- Кленова Т. В., Мнацаканян Д. Л.** Актуальные проблемы понимания эксцесса соучастника 68
Голенко Д. В. Исторический опыт структурирования Особенной части Уголовного кодекса (на примере УК РСФСР 1926 года) 74

ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

- Долгих Т. Н.** Некоторые вопросы, возникающие при применении положений ст. 72 УК РФ в редакции Федерального закона от 3 июля 2018 года № 186-ФЗ, и возможные пути их решения 79

КРИМИНОЛОГИЯ

- Грибунов О. П., Загорьян С. Г.** Типология личности несовершеннолетних, совершающих преступления в составе организованных групп 84
Теохаров А. К. Противодействие попрошайничеству в России: исторический аспект 91

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

- Лазарева В. А., Демкина М. С.** Проблемы развития правовой регламентации деятельности педагога (психолога) в следственных действиях 101
Степанова В. Г. Уголовно-процессуальная форма и письменность уголовного процесса как институциональный принцип предварительного расследования 108
Развейкина Н. А., Дьячкова Е. А. Проблемы применения особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам 114

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

- Курдюк П. М., Очаковский В. А.** Некоторые особенности реализации контрольных полномочий Центральным банком Российской Федерации 120

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО

- Филякина Д. Д.** Комитеты совета директоров в акционерных обществах с государственным участием: к вопросу о совершенствовании корпоративного законодательства 126
Смирнов И. А. Трудовая адаптация как основной фактор ресоциализации осужденных: проблемные аспекты и пути их решения 134
Григорян Г. Р. Социально-экономические и информационно-технологические основания криминализации мошенничества в сфере компьютерной информации 141
Кравцова И. А. Отдельные криминалистические аспекты организационно-тактического обеспечения расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте 147
Давитаян Д. В., Силантьев Р. В. Система земского самоуправления как мера противодействия коррупции 155

СОБЫТИЯ

- Королева А. Н.** Обзор круглого стола «Правовое регулирование цифровизации социально-экономического развития» 162

- Требования к оформлению статей* 164

CONTENTS

PERSONALIA	
Bezverkhov A. G., Klenova T. V. Viktor Pavlovich Malkov (1931–2019). In memory of the outstanding Russian scientist	7
HISTORY OF LAW AND STATE	
Bezverkhov A. G. About some types of corruption crimes in the Moscow law of the XVI century	10
Ospennikov Yu. V. Directions of anti-corruption in the law of the Moscow state of the 16 th century	15
Rozentsvaig A. I. Problem of identification of corruption offences in ecclesiastical law of the Moscow state of the 16 th century	20
Fomenko R. V. Namestnik government and its alternatives: problems of efficiencies of local government in Russian state at the end of the XV – XVI centuries	26
Logunova L. E. Peculiarities of the bribe in the system of corruption offenses in the law of the Moscow state of the XV–XVI centuries	34
THEORY OF LAW AND STATE	
Spirin M. Yu. Formal sources of legal regulation of anti-corruption activities in Russia	40
Kostunina O. V. Substantive factors of legal and anti-corruption examination as a means to identify corruption risks	45
Chernobel H. T. Legal legitimacy of a legislative act	51
Kuzmin I. A. Problems and prospects of improving the legal construction of legal liability in the field of investment legal relations	60
CRIMINAL LAW	
Klenova T. V., Mnatsakanyan D. L. Actual problems of understanding the excessive act of an accomplice	68
Golenko D. V. Historical experience of structuring of the Special Part of the Criminal Code (on the example of the Criminal Code of the RSFSR of 1926)	74
ADVOCACY AND LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES	
Dolgich T. N. Some issues arising in the application of the provisions of Article 72 of the Criminal Code in the wording of the Federal law as of July 3, 2018 № 186-FZ and possible solutions	79
CRIMINAL SCIENCE	
Gribunov O. P., Zagoryan S. G. Typology of the identity of minors who commit crimes in organized groups	84
Teokharov A. K. Counteraction to begging in Russia: historical aspect	91
CRIMINAL PROCEDURE	
Lazareva V. A., Demkina M. S. Development problems of legal regulation of the teacher's (psychologist) activities in investigative actions	101
Stepanova V. G. Criminal procedure form and writing of the criminal proceeding as an institutional principle of preliminary investigation	108
Razveykina N. A., Dyachkova E. A. Problems of application of a special procedure for the trial on criminal cases	114
FINANCIAL AND BANKING LAW	
Kurdyuk P. M., Ochakovskii V. A. Some features of implementation of control powers by the Central Bank of the Russian Federation	120
TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST	
Filyakina D. D. Committees of the board of directors in joint-stock companies with state participation: on the issue of improving corporate legislation	126
Smirnov I. A. Labor adaptation as the main factor of resocialization of convicts: problematic aspects and ways of their solution	134
Grigoryan G. R. Socio-economic and information technology bases of criminalization of fraud in computer information	141
Kravtsova I. A. Separate criminalistics aspects of investigation of organizational and tactical support of investigation of unsolved crimes of the past years committed in transport	147
Davitavyan D. V., Silantsev R. V. System of territorial self-government as anti-corruption measure	155
EVENTS	
Koroleva A. N. Overview of the round table «Legal regulation of digitalization of socio-economic development»	162
<i>Requirements to the design of articles</i>	164

ПЕРСОНАЛИИ

ВИКТОР ПАВЛОВИЧ МАЛКОВ (1931–2019) ПАМЯТИ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УЧЕНОГО

VIKTOR PAVLOVICH MALKOV (1931–2019) IN MEMORY OF THE OUTSTANDING RUSSIAN SCIENTIST

24 июня 2019 г. в Казани в возрасте 87 лет ушел из жизни доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный деятель науки Татарской АССР, крупнейший специалист в области уголовного права и уголовного процесса Виктор Павлович Малков.

Виктор Павлович Малков – блистательный ученый-педагог, жизнь которого была связана со служением Отчизне, Обществу и Науке. Отличающие Виктора Павловича высокий профессионализм, основательность, большая ответственность и принципиальность стали идеальными стандартами поведения для юристов многих поколений. Профессор Малков, без всякого преувеличения – Богатырь российской юриспруденции, ставший носителем традиции русского уголовного права, на силе которого зиждется современная доктрина.

Виктора Павловича Малкова отличали прекрасные человеческие качества. Ему были присущи открытость, готовность оказать помощь и поддержку, неподдельная скромность и честность, обостренное чувство справедливости и долга. Это был мудрый, благородный, совестливый человек с безбрежной душой, дарующий сердце и радость всем, с кем общался. Профессор Малков умел великолепно строить человеческие взаимоотношения. Возможно, именно поэтому Виктор Павлович всегда был таким жизнерадостным и жизнелюбимым, полным творческих замыслов и идей, успешным, уважаемым и любимым.

Виктор Павлович Малков прожил достойную, интересную, соединенную с преодолением многих трудностей жизнь. Он родился 8 октября 1931 г. в городе Биляре Удмуртской Республики в семье крестьян. Как следует из его автобиографии¹, в 12-летнем возрасте прервал обучение в школе – в 1943–1945 гг. работал в колхозе «Удмурт» Бемыжского района Удмуртской Республики. Награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». Окончив школу в 1951 г., держал вступительные экзамены на отделение марксизма-ленинизма Казанского государственного университета, не прошел по конкурсу, был зачислен на первый курс Казанского юридического института. В 1952 г. в связи с ликвидацией Казанского юридического института переведен на юридический факультет Казанского государственного университета. На 4-м и 5-м курсах за отличную учебу и активное участие в общественной жизни Университета получал именную стипендию имени В. М. Молотова. Был избран председателем Совета студенческого научного общества КГУ. В 1956 г. окончил с отличием юридический факультет Казанского университета.

Уже на заре своей трудовой деятельности Виктор Павлович Малков был тесно связан с Самарской землей. С августа 1956 г. до 15 октября 1962 г. он работал в органах МВД города Куйбышева

¹ См.: Малков В.П. Избранные труды: в 3 т. Т. 1. Казань: Изд-во «Познание» Института экономики, управления и права, 2011. С. 5–8.

на должностях оперуполномоченного уголовного розыска, следователя, старшего следователя, начальника следственного отделения и начальника районного отдела внутренних дел. За успехи в работе награжден нагрудным знаком «Отличник милиции».

В 1962 г. был приглашен на научно-педагогическую работу в Казанский университет. С 15 октября 1962 г. по 1 января 1998 г. – стажер-преподаватель, ассистент, старший преподаватель, доцент, заведующий кафедрой Казанского государственного университета.

В 1966–1967 гг. обучался в годичной целевой аспирантуре по кафедре уголовного права юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. В июне 1967 г. под научным руководством профессора Г. А. Кригера защитил кандидатскую диссертацию на тему «Повторность преступлений по советскому уголовному праву: понятие и уголовно-правовое значение».

В 1968–1970 гг. был заместителем секретаря парткома Казанского государственного университета.

С 1972 по 1983 г. Виктор Павлович – декан юридического факультета Казанского государственного университета.

В январе 1975 г. в Московском государственном университете имени М. В. Ломоносова при научном консультировании профессора Г. А. Кригера защитил докторскую диссертацию на тему «Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву».

В 1982–1997 гг. был заведующим кафедрой уголовного права и криминологии Казанского государственного университета.

В июне 1993 г. избран действительным членом Международной академии наук высшей школы.

В 1994–1999 гг. Виктор Павлович Малков – член Научно-консультативного совета по правовой реформе при Президенте РФ.

Профессор Малков входил в состав Комиссии по вопросам помилования при Президенте Республики Татарстан, Общественного Совета при МВД по Республике Татарстан.

С 1997 г. Виктор Павлович Малков стал вновь трудиться на Самарской земле профессором кафедры уголовного права и криминологии Самарского государственного университета. При этом принимал самое активное участие в создании диссертационного совета по юридическим наукам при Самарском государственном университете, был заместителем председателя диссертационного совета с 1997 до 2012 г. и оставался постоянным членом этого совета до своей кончины.

Надо заметить, что воспитание и подготовка научно-педагогических кадров были «коньком» профессора Малкова. Виктор Павлович Малков часто повторял, что «молодым нужно помогать»! В Самарском университете в соответствии с такой жизненной позицией Виктор Павлович Малков вложил много сил в формирование научного

коллектива юридического факультета. Достаточно сказать, что при научном консультировании этого ученого-юриста защитили докторские диссертации декан юридического факультета А. Г. Безверхов и заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Т. В. Кленова.

У Виктора Павловича много талантливых учеников и верных друзей. И в этом его богатство, а также условие развития его научных идей и продолжения его творческого наследия. Всего он подготовил 72 кандидата юридических наук и 11 докторов юридических наук.

С января 2000 г. Виктор Павлович Малков стал профессором Института экономики, управления и права (г. Казань), с 2002 г. – заведующим кафедрой уголовного права и процесса этого же вуза.

В 2013–2018 гг. работал профессором кафедры уголовного права Казанского юридического института МВД России.

В наследии Виктора Павловича Малкова – около 300 научных и учебно-методических работ, в том числе 15 монографий, 40 учебников и научно-практических пособий, учебно-методических разработок.

Круг научных интересов Виктора Павловича был весьма разнообразен. Это и проблемы Общей и Особенной частей уголовного права России, и вопросы уголовного процесса, судостройства, прокурорского надзора и криминалистики. Однако постоянная научная любовь этого российского ученого – учение о множественности преступлений как социально-правовом явлении. Без преувеличения можно сказать, что проблематику повторности, совокупности, рецидива преступных деяний, совокупности приговоров, иных форм проявления множественности преступлений только Виктору Павловичу Малкову удалось так скрупулезно на монографическом уровне исследовать и широко осветить в научно-прикладной литературе. Не случайно профессора Малкова по праву считают основоположником теории множественности преступлений в уголовном праве России. В 1982 г. вышла в свет его монография «Множественность преступлений и ее формы по советскому уголовному праву», а в 2006 г. – «Множественность преступлений: сущность, виды, правовое значение».

В научных работах профессора Малкова дано ставшее классическим определение понятия множественности как таких влекущих предусмотренные законом уголовно-правовые, уголовно-процессуальные либо общеправовые последствия случаев, когда одно и то же лицо последовательно до осуждения либо одним действием (бездействием) совершает два либо более преступлений, выпадающих под признаки различных либо одного и того же состава преступления, а также когда оно совершает новое (ые) преступление (я) после осуждения либо освобождения от уголовной ответственности или наказания за предыдущее преступление при условии, когда по двум из них в соответствии с законом не погашены уголовно-правовые последствия, а также отсутствуют процес-

суальные препятствия к возбуждению уголовного преследования. По мнению Виктора Павловича Малкова, социальная сущность множественности преступлений заключается в том, что она является свидетельством, как правило, большей общественной опасности личности преступника, его устойчивой антиобщественной жизненной позиции, а нередко и о сформировании у него преступного профессионализма. Соответственно, профессор Малков отстаивал идею сближения уголовно-правового понимания рецидива преступлений и фактической повторной преступности.

Жизнь подарила нам возможность учиться, работать, набираться мудрости рядом с мэтром российской науки. Мы разделяем со всеми боль невосполнимой утраты великого ученого, образ которого, его отношение к науке, к своему кредо останутся навсегда в нашей памяти.

От имени деканата, коллектива юридического факультета, кафедр уголовного права и криминологии, уголовного процесса и криминалистики Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева выражаем глубочайшие соболезнования заботливой супруге Виктора Павловича – Татьяне Ивановне Малковой, кандидату химических наук, и его сыну

Сергею Викторовичу Малкову, кандидату биологических наук, лауреату премии Ленинского комсомола 1983 г.

Безверхов Артур Геннадьевич,
доктор юридических наук, профессор,
декан юридического факультета
Самарского национального
исследовательского университета
имени академика С. П. Королева
Bezverkhov Artur Gennadievich,
Doctor of Law, professor,
dean of the Faculty of Law,
Samara National Research University

Кленова Татьяна Владимировна,
доктор юридических наук, профессор
заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Самарского национального
исследовательского университета
имени академика С. П. Королева
Klenova Tatiana Vladimirovna,
Doctor of Law, professor,
head of the Department
of Criminal Law and Criminology,
Samara National Research University

ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-10-14
УДК 340

Дата поступления статьи: 13/III/2019
Дата принятия статьи: 22/IV/2019

А. Г. Безверхов

О НЕКОТОРЫХ РАЗНОВИДНОСТЯХ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В МОСКОВСКОМ ПРАВЕ XVI ВЕКА

© **Безверхов Артур Геннадьевич** (bezverkhov_artur@rambler.ru), доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета, **Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева**, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема докторской диссертации: «Имущественные преступления». Автор более 200 научных работ, в том числе монографии «Имущественные преступления» (2002). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Уничтожение и повреждение имущества: вопросы истории, теории, практики» (2010), «Энциклопедия уголовного права. Т. 18. Преступления против собственности» (2011), «Проект Уголовного уложения Российской империи 1813 года» (2013), «Памятники русского права: учебно-научное пособие. Том IX. Законодательство первой половины XIX века в сфере публичного права» (2017), «Ответственность за преступления против здоровья по современному уголовному праву России» (2018).

Область научных интересов: уголовное право России, уголовная политика, криминология, противодействие экономическим и служебным преступлениям.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена уголовно-правовой характеристике ложного обвинения с целью захвата чужого имущества как разновидности коррупционных преступлений, известных московскому средневековому праву XVI в. На основе анализа публично-правовых актов (уставных и губных грамот), законодательных (Псковской Судной грамоты, Судебника 1550 г.) и иных источников (записок иностранцев о Московском государстве XVI в.) обосновывается отнесение рассматриваемых составов корыстных уголовных правонарушений к группе преступлений коррупционной направленности. Схема преступного деяния предполагала, во-первых, наличие вторичного преступления – заведомо ложных показаний, как правило, от лица уже схваченного разбойника, который указывал на своих якобы «сообщников» из числа заведомо невиновных местных жителей. Во-вторых, изъятие посредством конфискации имущества, принадлежащего заведомо оговоренным и осужденным за соучастие в первичном преступлении. Приобретение части чужого имущества определяло корыстную мотивацию вторичного преступления. В-третьих, особо субъектный состав, ядро которого составляли представители судебной власти и другие должностные лица – своего рода организаторы и активные участники вторичного преступного посягательства. Именно в этом заключалось своеобразие анализируемого деликта, отличающегося такой социально-правовой особенностью, как соучастие во вторичном корыстном преступлении должностных лиц, реализующих свои полномочия в сфере правосудия.

Ключевые слова: московское средневековое право, Псковская Судная грамота, Судебник 1550 г., ложное обвинение, служебные преступления, коррупция, формы коррупции.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 18-411-630004 «Конкретно-исторические формы коррупции в Московском государстве (XV–XVI вв.)» при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области.

Цитирование. Безверхов А. Г. О некоторых разновидностях коррупционных преступлений в московском праве XVI века // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 10–14. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-10-14>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

A. G. Bezverkhov

ABOUT SOME TYPES OF CORRUPTION CRIMES IN THE MOSCOW LAW OF THE XVI CENTURY

© **Bezverkhov Artur Gennadievich** (bezverkhov_artur@rambler.ru), Doctor of Law, professor, dean of the Faculty of Law, **Samara National Research University**, 34, Moscovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Property crimes». Author of more than 200 scientific works, including monographs «Property crimes» (2002). A number of scientific works written in collaboration: «Destruction and damage to property: issues of history, theory, practice» (2010), «Encyclopedia of Criminal Law. Vol. 18. Crimes against property» (2011), «Draft of the Criminal Code of the Russian Empire of 1813» (2013), «Monuments of the Russian Law: academic and research manual. Vol. IX. Legislation of the first half of the XIX century in the field of public law» (2017), «Responsibility for crimes against health according to the modern criminal law of Russia» (2018).

Research interests: criminal law of Russia, criminal policy, criminology, counteraction to economic and official crimes.

ABSTRACT

The article is devoted to criminal-legal characteristics of the false accusations with the aim of seizing someone else's property as a form of corruption crimes, known to the medieval law of Moscow of the XVI century based on the analysis of public-law acts (statutory and labial letters), legislative (the Pskov Judicial Charter, Code of Laws of 1550) and other sources (notes of foreigners about the Moscow state in XVI century) substantiates the assignment of the considered compositions acquisitive criminal offences to the group of corruption-related crimes. The scheme of the criminal act assumed, first, the presence of secondary crime of false testimony, usually from a person already arrested robber, who pointed to their alleged «accomplices» of the obviously innocent locals. Secondly, the seizure by confiscation of property belonging to knowingly agreed and convicted of complicity in the primary crime. The acquisition of part of someone else's property determined the selfish motivation of the secondary crime. Thirdly, especially the subject composition, the core of which were representatives of the judiciary and other officials – a kind of organizers and active participants in the secondary criminal assault. This was the peculiarity of the analyzed tort, characterized by such a social and legal feature as complicity in a secondary mercenary crime of officials exercising their powers in the field of justice.

Key words: Moscow medieval law, Pskov Judicial Charter, Sudebnik 1550, false accusation, official crimes, corruption, forms of corruption.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Bezverkhov A. G. *O nekotorykh raznovidnostyakh korruptsionnykh prestuplenii v moskovskom prave XVI veka* [About some types of corruption crimes in the Moscow law of the XVI century]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 10–14. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-10-14> [in Russian].

Задача исторического подхода – установить первоначальное значение и его временные трансформации в целях разъяснения современного содержания юридической конструкции. Если понятие не имеет под собой устойчивых исторических оснований, возникает вопрос о современном правовом смысле этой категории и оснований введения ее в закон. В каждом действующем законе есть элемент прошлого. Не является исключением здесь и современное законодательство о противодействии коррупции. Для понимания действующего антикоррупционного законодательства необходимо обращение к истории его развития.

История противодействия коррупции самым тесным образом соединена с историей возникновения и развития государства – основного политического института управления и власти. Так же и в России, по мере того как шел процесс образования государственности и политической централизации, параллельно ему шли два других процесса. Один, будучи негативным следствием, был связан с появлением и ростом криминальных явлений в сфере управления и властеотношений. Другой – параллельный и позитивный, сопряженный с развитием правовых норм об ответственности за коррупционные и иные служебные правонарушения.

Важно подчеркнуть, что законодательство о взяточничестве и других служебных преступлениях с самого начала своего возникновения выполняло две функции. С одной стороны, оно обеспечивало охрану прав и свобод граждан от служебных злоупотреблений. Оно было правовым средством защиты от необоснованного властного принуждения. Это исходное предназначение рассматриваемого института, который представлял собой систему барьеров и преград на пути неправосудия власти. Нормы об ответственности за коррупционные (служебные) правонарушения развиваются под влиянием ограничения власти правом.

С другой – оно было сориентировано на укрепление государственной централизации, охраняло политический централизм и предупреждало удельный (региональный) сепаратизм. Борьба со взяточничеством – это не только защита населения от «кормленщиков», но и обеспечение приоритета общегосударственного интереса над частным, так как взятка есть не что иное, как противоправное средство реализации частного, личного интереса в ущерб публичным основаниям [1, с. 72–73].

Одной из актуальных для историко-юридической науки задач является выявление конкретно-исторических форм правонарушений коррупционной направленности. Основная цель – выработка более полных и системных знаний об этой группе преступных деяний и более эффективного противодействия им в современных условиях. Как говорится, прошлое толкует нас. Отдельные составы преступных деяний коррупционной направленности (к примеру, «посулы», «лихоимство») достаточно хорошо известны науке и подвергались подробному анализу еще в работах дореволюционных отечественных исследователей [2–5]. Понятно, что современный уровень развития юриспруденции позволяет посмотреть на них под другим углом зрения и уточнить их социально-правовую характеристику. Между тем в рамках настоящей научной статьи предпринята попытка юридико-догматического анализа прежде всего тех первых разновидностей коррупционных нарушений в московском средневековом праве, которые не рассматривались историко-юридической наукой. Они начинают привлекать внимание современных исследователей, хотя изучение их пока что носит фрагментарный характер [6, с. 12–15].

Так, в системе московского средневекового права XVI века имело место такое преступление, как ложные обвинения в сфере правосудия с целью захвата чужого имущества. В уставной грамоте, данной Соли Переяславской посадским людям 1555 г., заявляется о широком распространении этого преступления: «... меж их поклепы и тяжбы были великие, да от того на посадах многие крестьянские дворы и в уездах деревни и дворы позапустили» [7, с. 110]. В грамоте переяславским рыболовам 1555 г. содержится норма о восстановлении судебных пошлин, что должно было стать препятствием для наведения безосновательных обвинений («безлепичных поклепов») [8, с. 10].

Сама схема преступного деяния предполагала, во-первых, наличие заведомо ложных показаний, как правило, от лица уже схваченного разбойника, который указывал на своих якобы «сообщников» из числа заведомо невиновных местных жителей.

Во-вторых, изъятие посредством конфискации имущества, принадлежащего заведомо оговоренным и осужденным как разбойники. Именно приобретение части чужого имущества и определяло корыстную мотивацию этого преступления.

В-третьих, особо субъектный состав, ядро которого составляли представители судебной власти и другие должностные лица – своего рода организаторы и активные участники рассматриваемого преступного посягательства. Именно в этом заключалось своеобразие данного деликта – он всегда осуществлялся с непременным участием субъектов власти, прежде всего тех, кто вершил на местах правосудие. Благодаря этому удавалось добиваться необоснованного осуждения заведомо невиновных в целях незаконного завладения частью их имущества. На эту особенность рассматриваемого посягательства указывал Г. Штаден, который утверждал, что в практику осуществления этой преступной схемы были вовлечены как местные должностные лица, так и представители административно-судебной власти на центральном уровне управления. При этом Г. Штаден отмечал, что жертвами становились «торговые люди и богатые крестьяне». Это вполне соответствовало сведениям уставных грамот, где также речь шла о запустении посадских дворов и дворах «в уездах» [9, с. 383].

Следует подчеркнуть, что законодательство того периода четко различало судебную ошибку и сознательное осуществление неправого суда. Статья 2 Судебника 1550 г. трактует совершение судебной ошибки следующим образом: «А которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк просудится, а обвинит кого не по суду безхитростно, или писок подпишет и правую грамоту даст ... в том пени нет; а истцом суд з головы, а взятое отдади» [10, с. 97]. Однако в первой статье этого же законодательного акта содержится норма, восходящая к присяге судебного должностного лица по Псковской Судной грамоте, которая вводит запрет, а соответственно, и наказуемость сознательного нарушения принципа беспристрастности суда – наличия личной заинтересованности: «А судом не дружыти и не мстити никому, и посулу в суде не имати...» [10, с. 97].

Таким образом, в составе рассматриваемого преступного деяния можно выделить следующие отличительные объективные и субъективные признаки: 1) заведомо ложные показания (обвинения); 2) корыстную цель; 3) достижение поставленной цели посредством использования в сфере правосудия властных функций вопреки их предназначению и в нарушение установленных принципов.

Можно предположить, что анализируемый *corpus delicti* подпадал под правовое регулирование нескольких статей Судебника 1550 г. В этих

статьях речь шла о неправосудии, в том числе корыстного, коррупционного характера.

Согласно статье 3 Судебника, «а которой боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возьмет и обвинит не по суду, а обыщется то в правду, и на том боярине, или на дворецком, или на казначеи, или на дьяке взята исцов иск, а пошлыны царя и великого князя, и езд, и правда, и пересуд, и хоженое, и правой десяток и пожелезное взята втрое, а в пене, что государь укажет». Как видно, здесь законодатель устанавливал конкретную меру наказания для должностного лица, уличенного в неправосудии. Согласно тексту статьи, чиновник должен быть уличен в том, что получил «подарок» («посул») в обмен на неправосудное решение, после чего с него должны быть взысканы в тройном размере сумма иска и судебные пошлыны [10, с. 97].

Создается представление о выраженной правительственной политике по борьбе с коррупцией в административно-судебном аппарате. При этом анализ последующих статей Судебника показывает, что более жесткие меры ответственности применялись к нижестоящим должностным лицам. Тогда как верхний эшелон судебных чиновников мог вполне обойтись штрафом (мы не имеем достоверных сведений, насколько часто срабатывала оговорка статьи 3 Судебника «а в пене, что государь укажет»). Достаточно наглядной в данном случае являлась санкция статьи 5 Судебника: «Подьячий, которой запишет не по суду для посула без дьячего приказу, и того подьячего казнити торговою казнью, бити кнутьем» [10, с. 97]. Указанное наказание разительно отличалось от штрафа в отношении боярина или дьяка. Между тем вполне очевидно, что общественная опасность действий коррумпированного чиновника высшего звена представляется гораздо более высокой.

Еще более строгому наказанию подлежало ложное или недоказанное обвинение должностного лица в неправосудии. Статья 6 Судебника гласила: «А кто виноватой солжет на боярина... а обыщется то в правду, что он солгал, и того жалобника, сверх его вины, казнити торговою казнью, бити кнутьем, да вкинути в тюрьму» [10, с. 97–98].

Названные статьи носят общий характер, касаясь как интересующего состава ложных обвинений в сфере правосудия с целью завладения чужим имуществом, так и других преступных деяний. Статья 53 Судебника затрагивала значительно более узкий круг правоотношений, будучи посвященной конкретной ситуации сговора должностного лица с преступником: «А пошлют которого неделщика имати татей или разбойников, и ему имати татей и разбойников безхитростно, а не норовити ему никому; а изымав ему татя или разбойника, не отпустити, ни посулов не взяти; а опричных ему людей не имати. А поноровит которой неделщик татю или разбойнику по посулом, а его отпустит, и уличат его в том, и на том неделщике исцов иск доправити, а его казнити торговою казнью да вкинути в тюрьму, а в казни что государь укажет» [10, с. 107]. Здесь мы видим несколько эле-

ментов описанной выше схемы совершения анализируемого преступления: 1) должностное лицо вступает в сговор с преступником; 2) присутствует корыстный интерес должностного лица, в данном случае он получает от преступника «посул»; 3) совершение совместно вторичного преступления – заведомо ложное обвинение постороннего лица, не имеющее никакого отношения к расследуемому преступлению («опричные люди»).

Сопоставление сведений о ложных обвинениях в сфере правосудия с целью захвата чужого имущества, которые содержатся в уставных грамотах и сообщениях иностранцев о России XVI в., с теми сведениями, которые содержатся в Судебнике 1550 г., позволяет сделать следующий вывод. Статья 53 Судебника описывает ограниченный круг противоправных деяний, которые охватывались рассматриваемой разновидностью коррупционных преступлений. Ложное обвинение в сфере правосудия с целью захвата чужого имущества может быть выделено как самостоятельная форма коррупции на основе, во-первых, вышеуказанных публично-правовых актов и других источников, весьма определенно конкретизирующих и помещающих анализируемое корыстное поведение в ряду коррупционных правонарушений, во-вторых, таких отличительных признаков, как наличие корыстного интереса и достижение этого интереса посредством использования властных функций в сфере правосудия вопреки их предназначению и в нарушение установленных принципов и пр.

Сказанное позволяет поставить на осуждение вопрос о заведомо ложном обвинении в сфере правосудия с целью захвата чужого имущества как о конкретно-исторической форме коррупции, описанной в московском средневековом праве XVI в.

Библиографический список

1. Безверхов А. Г. Историко-правовые основания антикоррупционной политики // Права человека и гражданина: конституционные идеалы и современные проблемы реализации: материалы и доклады XIII Международной научно-практич. конф. (Самара, 28 сентября – 1 октября 2017 г.) / под ред. В. В. Полянского, В. Э. Волкова. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2018. С. 72–75. URL: <http://repo.ssau.ru/bitstream/Prava-cheloveka-i-grazhdanina-konstitucionnye-idealy-i-sovremennye-problemy-realizacii/ISTORIKOPRAVOVYE-OSNOVANIYA-ANTIKORRUPCIONNOI-POLITIKI-73594/1/ilovepdf.com-72-75.pdf>.
2. Ширяев В. Н. Взятничество и лиходелательство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. Ярославль, 1916. 571 с. URL: <https://avidreaders.ru/book/vzyatochnichestvo-i-lihodatelstvo-v-svyazi-s.html>.
3. Есипов В. В. Превышение и бездействие власти по русскому праву. Изд. 2-е, пересм. и доп. М., 1904. 108 с. URL: <https://avidreaders.ru/book/prevyshenie-i-bezdeystvie-vlasti-po-russkomu.html>.
4. Муравьев Н. В. Об уголовном преследовании должностных лиц за преступления по службе // Юридический вестник. 1879. Т. 2. С. 575–603. URL: <http://lawlibrary.ru/article1126531.html>.

5. Познышев С. В. Особенная часть русского уголовного права. Сравнительный очерк важнейших отделов особенной части старого и нового Уложений. Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1912. 499 с. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum3668>.

6. Оспенников Ю. В. О разнообразии форм коррупционных правонарушений в Московском государстве XVI в. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 12–15. DOI: 10.24420/KUI.2017.28.6252.

7. Грамота уставная, данная Соли Переславской посадским людям 11 августа 1555 г. // Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. № 5. С. 110–113. URL: <http://bookre.org/reader?file=1349353>.

8. Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. 256 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=1349353>.

9. Штаден Г. Страна и правление москвитов (записки немца-опричника) // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2003. С. 380–430. URL: <http://wordweb.ru/2008/03/20/strana-i-pravlenie-moskovitov-zapiski.html>.

10. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М., 1985. С. 97–129. URL: http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf.

References

1. Bezverkhov A. G. *Istoriko-pravovye osnovaniya antikorrupcionnoi politiki* [Historical and legal reasons of anticorruption policy]. In: *Prava cheloveka i grazhdanina: konstitutsionnye idealy i sovremennye problemy realizatsii: materialy i doklady XIII Mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf. (Samara, 28 sentyabrya – 1 oktyabrya 2017 g.)*. Pod red. V. V. Polyanskogo, V. E. Volkova [Rights of man and citizen: constitutional ideals and current problems of implementation: proceedings and reports of the XIII International research and practical conference (Samara, September 28 – October 1, 2017)]. V. V. Polyansky, V. E. Volkov (Eds.). Samara: Samarskaya gumanitarnaya akademiya, 2018, pp. 72–75. Available at: http://repo.ssau.ru/bitstream/Prava-cheloveka-i-grazhdanina-konstitutsionnye-idealy-i-sovremennye-problemy-realizatsii/ISTORIKOPRAVOVYE-OŠNOVANIYA-ANTIKORRUPCIONNOI-POLITIKI-73594/1/ilovepdf_com-72-75.pdf [in Russian].

2. Shiryayev V. N. *Vzlyatochnichestvo i likhodatel'stvo v svyazi s obshchim ucheniem o dolzhnostnykh prestupleniyakh. Ugolovno-yuridicheskoe issledovanie* [Bribery and embezzlement in connection with the general doctrine of malfeasance. Criminal law research]. Yaroslavl, 1916, 571 p. Available at: <https://avidreaders.ru/book/vzlyatochnichestvo-i-likhodatelstvo-v-svyazi-s.html> [in Russian].

3. Esipov V. V. *Prevyshenie i bezdeistvie vlasti po russkomu pravu. Izd. 2-e, peresm, i dop.* [Excess and inaction of the authorities in the Russian right. 2nd edition, revised and enlarged]. M., 1904, 108 p. Available at: <https://avidreaders.ru/book/prevyshenie-i-bezdeystvie-vlasti-po-russkomu.html> [in Russian].

4. Muravyov N. V. *Ob ugolovnom presledovanii dolzhnostnykh lits za prestupleniya po sluzhbe* [On criminal prosecution of officials for service crimes]. *Yuridicheskii vestnik* [Legal Gazette], 1879, Vol. 2, pp. 575–603. Available at: <http://lawlibrary.ru/article1126531.html> [in Russian].

5. Poznyshch S. V. *Osobennaya chast' russkogo ugolovnogo prava. Sravnitel'nyi ocherk vazhneishikh otdelov osobennoi chasti starogo i novogo Ulozhenii. Izd. 3-e, ispr. i dop.* [The special part of Russian criminal right. A comparative sketch of the most important sections of the special part of the old and new Codes. 3rd edition, revised and enlarged]. M., 1912, 499 p. Available at: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum3668> [in Russian].

6. Ospennikov Yu. V. *O raznoobrazii form korruptsionnykh pravonarushenii v Moskovskom gosudarstve XVI v.* [On the variety of forms of corruption offenses in Moscow State of the XVI century]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia], 2017, no. 2 (28), pp. 12–15. DOI: 10.24420/KUI.2017.28.6252 [in Russian].

7. *Gramota ustavnaya, dannaya Soli Pereslavskoi posadskim lyudyam 11 avgusta 1555 g.* [Charter given by Salt Pereslavl to tradespeople on August 11, 1555]. In: Shumakov S. *Gubnye i zemskie gramoty Moskovskogo gosudarstva* [Spelling letters and zemstvo charters of the Moscow state]. M., 1895, no. 5, pp. 110–113. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1349353> [in Russian].

8. Shumakov S. *Gubnye i zemskie gramoty Moskovskogo gosudarstva* [Spelling letters and zemstvo charters of the Moscow state]. M., 1895, 256 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1349353> [in Russian].

9. Shtaden G. *Strana i pravlenie moskovitov (zapiski nemtsa-oprichnika)* [Country and government of Muscovites (German life-guardsman's notes)]. In: *Rossiya XVI veka. Vospominaniya inostrantsev* [Russia of the 16th century. Memoirs of foreigners]. Smolensk, 2003, pp. 380–430. Available at: <http://wordweb.ru/2008/03/20/strana-i-pravlenie-moskovitov-zapiski.html> [in Russian].

10. *Sudebnik 1550 g.* [Code of Laws of 1550]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 2* [Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 2]. M., 1985, pp. 97–129. Available at: http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf [in Russian].

Ю. В. Оспенников

НАПРАВЛЕНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В ПРАВЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVI В.

© **Оспенников Юрий Владимирович** (desmandado@yandex.ru), доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема докторской диссертации: «Право государств Северо-Западной Руси в XII–XV вв.». Автор 142 научных работ, в том числе монографии «Правовая традиция Северо-Западной Руси XII–XV вв.» (2007, 2011), также ряд работ написан в соавторстве, в том числе коллективная монография «Система источников русского права X–XVIII вв.» (2014).

Область научных интересов: система источников права, правовые традиции, история права.

АННОТАЦИЯ

Автор статьи исходит из представления о прочной связи между правовой традицией Московского государства и предшествующего периода, а в целом московское право XVI века эволюционировало на прочном фундаменте предшествовавшей правовой традиции, в том числе в части правовых норм, посвященных ограничению властного произвола должностных лиц и пресечению возможного использования властных полномочий для реализации частного корыстного интереса.

В исследовательской литературе господствует подход, согласно которому конкретно-исторические формы коррупции в московском праве сводятся к содержанию понятия «взяточничество» и отождествляются с терминами «лихоимство» и «мздоимство». Между тем реалии Московского государства XVI века породили гораздо большее разнообразие форм коррупции, многие из которых до сих пор недостаточно изучены.

На основе анализа законодательных памятников права Московского государства XVI в., публично-правовых грамот и нарративных источников информации выявляются система коррупционных правонарушений и основные направления противодействия коррупции, которые были сформированы на уровне государственной политики: 1) предупредительные меры; 2) меры позитивной ответственности; 3) меры гражданской и уголовной ответственности, предполагавшие реализацию функций возмещения причиненного ущерба и собственно наказания.

Ключевые слова: право Московского государства, коррупция, противодействие коррупции.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 18-411-630004 «Конкретно-исторические формы коррупции в Московском государстве (XV–XVI вв.)» при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области.

Цитирование. Оспенников Ю. В. Направления противодействия коррупции в праве Московского государства XVI в. // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 15–19. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-15-19>.

Yu. V. Ospennikov

DIRECTIONS OF ANTI-CORRUPTION IN THE LAW OF THE MOSCOW STATE OF THE 16TH CENTURY

© *Ospennikov Yuri Vladimirovich (desmandado@yandex.ru)*, Doctor of Law, professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Law of the states of North-West Russia in XII–XV centuries». Author of 142 scientific works, including monographs «Legal tradition of North-West Russia of the XII–XV centuries» (2007, 2011), a number of scientific works written in collaboration, including collective monographs «System of Sources of Russian Law of the X–XVIII centuries» (2014).

Research interests: system of sources of law, legal traditions, history of law.

ABSTRACT

The author of the article proceeds from idea of strong communication between legal tradition of the Moscow state and the previous period, and in general the Moscow right of the 16th century evolved on the strong base of the previous legal tradition, including regarding the precepts of law devoted to restriction of an imperious arbitrariness of officials and suppression of possible use of powers of authority for realization of private mercenary interest.

In research literature approach according to which concrete historical forms of corruption in the Moscow right come down to the maintenance of the concept «bribery» dominates and are identified with the terms «extortion» and «bribery». Meanwhile realities of the Moscow state of the 16th century generated a much bigger variety of forms of corruption, many of which are still insufficiently studied.

On the basis of the analysis of legislative monuments of the law of the Moscow state of the 16th century, public diplomas and narrative sources of information the system of corruption offenses and the main directions of anti-corruption which were created at the level of state policy comes to light: 1) precautionary measures; 2) measures of positive responsibility; 3) measures of civil and criminal liability assuming realization of functions of compensation of the caused damage and actually punishment.

Key words: law of the Moscow state, corruption, anti-corruption.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Ospennikov Yu. V. *Napravleniya protivodeistviya korrupsii v prave Moskovskogo gosudarstva XVI v.* [Directions of anti-corruption in the law of the Moscow state of the 16th century]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 15–19. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-15-19> [in Russian].

В современной историко-правовой литературе нередко можно встретить попытки обозначить правления Ивана III или Ивана IV как самый ранний этап становления антикоррупционной политики [1, с. 179; 2, с. 149]. Однако есть все основания полагать, что правовая традиция, в рамках которой были сформированы основные направления к ограничению произвола должностных лиц, существовала и в домосковский период. В качестве наиболее яркого примера можно привести соответствующие статьи Псковской Судной грамоты, содержащие перечень ограничений, налагаемых на лицо, осуществляющее судебные полномочия. Статья 4 Псковской Судебной грамоты формулирует запрет судьям принимать подарки, которые могут повлиять на вынесение решения, ст. 3 напоминает о приоритете общественного интереса над частным при реализации судебной власти [3, с. 332]. Тексты московских

судебников, воспринявших элементы «присяги судей», убедительно свидетельствуют о том, что московское право XV–XVI веков эволюционировало на прочном фундаменте предшествовавшей правовой традиции, в том числе в части правовых норм, посвященных ограничению властного произвола должностных лиц и пресечению возможного использования властных полномочий для реализации частного корыстного интереса.

Особенности социально-политического развития Московского княжества в первой половине XVI века свидетельствуют о высокой актуальности проблемы коррумпированности административно-судебного аппарата, которая превратилась в это время в значимый фактор роста социальной напряженности [4, с. 65]. Эта опасность для существующего государственно-политического порядка четко осознавалась правящими кругами,

поскольку с самого начала правления Ивана IV начинаются поиски возможных путей решения указанной проблемы [5, с. 65–66].

С начала нового активного этапа развития историко-юридической науки возобладал подход, согласно которому конкретно-исторические формы коррупции в московском праве сводились к содержанию понятия «взяточничество» и отождествлялись с терминами «лихоимство» и «мздоимство» [6; 7]. Между тем реалии Московского государства XVI века породили гораздо большее разнообразие форм коррупции, многие из которых до сих пор недостаточно изучены.

Наиболее известная форма коррупционных правонарушений связана с порядком обеспечения должностных лиц содержанием и представляет собой взимание должностными лицами сборов сверх установленных норм. Она отражена и в Судебнике 1550 года [8, с. 98], и в уставных грамотах [9, с. 262].

Непосредственно с ней связана еще одна форма, известная по Судебнику 1550 г. и сообщениям иностранцев, – взимание разного рода «подарков, дач и приносов» [10, с. 415].

С осуществлением судебных полномочий связана целая группа коррупционных правонарушений. Острое социальное значение имело участие должностных лиц в ложных обвинениях с целью завладения имуществом. По данным уставных грамот, от этой формы коррупционных правонарушений серьезно страдали и местные общины, и государственная казна [11, с. 110]. Учитывая, что мы имеем указание уставных грамот о распространности этого явления, можно с доверием отнести и к сообщению Генриха Штадена о том, что значительная часть верхушки административного аппарата, особенно в Разбойном приказе, использовала этот способ обогащения: «Если где-либо в стране – по уездам, городам, деревням и по большим дорогам – словят убийцу, а тот откупится, так его подстрекали, чтобы он оговаривал торговых людей и богатых крестьян, будто и они ему помогали. Так эти «великие господа» добывали себе деньги» [10, с. 383]. С другой стороны, Судебник 1550 г., устанавливая ответственность для недельщика за сговор с преступником, показывает, что эта форма коррупционных правонарушений была распространена и среди низшего административно-судебного аппарата [8, с. 107].

Следует полагать, что еще более распространенной формой коррупционных правонарушений являлось умышленное затягивание судебных процессуальных действий, либо, напротив, нарушение разумных сроков вызова на суд [9, с. 262].

В царском Судебнике и в уставных грамотах постоянно повторяются запреты, восходящие еще к Псковской Судной грамоте, которые указывают на распространенную практику использования судебных полномочий в собственных интересах для заведомо неправосудного решения в пользу одного лица и во вред другому.

Наконец, есть указания на существование такой формы, как хищение средств, которые были собраны в пользу казны [12, с. 393].

Разнообразие конкретно-исторических форм коррупции, которые можно выделить на основе Судебника и ряда групп публично-правовых грамот, свидетельствуют о том, что острота этой проблема была очевидна и обществу, и власти, а московское право шло по пути последовательного выявления существующих форм коррупционных правонарушений и выработки мер противодействия им.

В историко-юридической литературе нередко в центре внимания и на первом месте в системе мер противодействия коррупции оказывается Судебник 1550 г. Между тем, скорее всего, большее значение имела выдача верховной властью уставных грамот, определявших функции и полномочия должностных лиц, порядок взимания и размеры сборов на содержание административно-судебного аппарата, количество должностных лиц, необходимых для реализации их функций, и т. п. [13, с. 192–193]. Сами эти акты хранились выбранными представителями общества и могли являться действенным средством защиты против произвола должностных лиц. Согласно таким грамотам, некоторые процедуры, предполагавшие широкие возможности для злоупотребления властью, закреплялись за выборными представителями местных общин (например, сбор «корма» для должностных лиц) [13, с. 193]. В системе отношений «местная община – государственные административно-судебные должностные лица» уставные грамоты выполняли фундаментальную функцию – они устанавливали те правовые границы, в которых могли действовать должностные лица, и те правила, согласно которым они должны были действовать в этих границах. Оценивая уставные грамоты в системе мер противодействия коррупционным правонарушениям, следует рассматривать их как средство предупреждения соответствующих деяний.

Другим направлением деятельности по предупреждению совершения коррупционных правонарушений являлась замена назначаемых должностных лиц выборными лицами от местных общин, повлиять на которых у населения было больше возможностей. Благодаря этому направлению в системе московского местного самоуправления появляются многочисленные приказчики, старосты, целовальники, десятские, пятидесятские, сотские [14, с. 163–165; 15, с. 32–33; 12, с. 393]. На них перекладывались некоторые функции, которые ранее выполняли государственные должностные лица, в том числе весьма обширные функции по борьбе с преступностью.

Также предупредительную функцию выполняли меры правительства Ивана IV по обеспечению публичности суда («а без добрых людей суда никакого не судити») [16, с. 24]. Впрочем, участие представителей общества в осуществлении суда не являлось новшеством, введенным в это время, а относится к числу основных институтов древнерусской правовой традиции. Напротив, в период XV–XVI вв. и на северо-западе русских земель, и в московском праве можно наблюдать постепенный процесс ограничения принципа публичности суда. В этом смысле именно сохранение этого прин-

ципа в составе уставных грамот является важной характеристикой антикоррупционной политики правительства Ивана IV.

Другие способы борьбы с коррупцией – прежде всего меры уголовного и гражданско-правового характера – гораздо чаще привлекают внимание исследователей. Достаточно обоснованным является мнение, что угроза уголовного наказания эффективно сдерживала развитие коррупции [17, с. 434]. Объективные особенности источниковой базы не позволяют уверенно судить о том, насколько на самом деле были эффективны эти меры, однако на основе анализа применявшихся мер ответственности можно сделать вывод о том, на осуществление каких функций они были направлены: 1) функцию возмещения причиненного ущерба; 2) функцию собственно наказания и устрашения (высшая мера проявления – смертная казнь). Относительно первой функции нужно отметить, что речь шла прежде всего о возмещении ущерба населения, пострадавшего от преступных действий должностного лица [12, с. 394].

Еще одно направление противодействия коррупции связано с мерами позитивной ответственности, предполагающими вознаграждение лиц, сообщивших о фактах преступной деятельности чиновников (в их пользу отходило имущество казенных должностных лиц, оставшееся после удовлетворения претензий лиц, потерпевших от их действий) [18, с. 266–267; 17, с. 394]. Аналогичные меры широко представлены, например, в откупных и оброчных таможенных грамотах [19, с. 400; 20, с. 401].

Таким образом, система противодействия коррупции в Московском государстве включала в себя разнообразные меры, которые можно систематизировать по трем направлениям: 1) предупредительные меры; 2) меры позитивной ответственности; 3) меры гражданской и уголовной ответственности, предполагавшие реализацию функций возмещения причиненного ущерба и собственно наказания. Вопреки распространенному мнению, репрессивные меры устрашения не преобладали, гораздо большее значение придавалось мерам предупредительного характера, которые должны были максимально сузить поле для возможных коррупционных правонарушений.

Библиографический список

1. Касьянов В. С. Исторические аспекты противодействия коррупции в России // Государственное и муниципальное управление. Учен. зап. СКАГС. 2012. № 2. С. 177–187. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19047724>.
2. Климов И. П. Историко-правовой опыт противодействия коррупции и его значение для современной России // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2010. № 2. С. 147–154. URL: <https://www.docme.ru/doc/1594162/istoriko-pravovoj-opyt-protivodejstviya-korruptcii-i-ego-zn...>
3. Псковская Судная грамота // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984. С. 331–344. URL: <https://diletant.media/articles/38915864>.
4. Латкин В. Н. Земские соборы Древней Руси, их история и организация сравнительно с западноевропейскими представительными учреждениями. СПб., 1885. 447 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=735889>.
5. Загоскин Н. П. История права Московского государства. Т. I. Казань, 1877. 519 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=735527>.
6. Кабанов П. А. Коррупция и взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые проблемы. Нижнекамск: Изд.-полигр. центр «Гузель», 1995. 172 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23781359>.
7. Кирпичников А. И. Взятка и коррупция в России. СПб.: Альфа, 1997. 352 с. URL: <http://gendocs.ru>.
8. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1985. С. 97–129. URL: http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf.
9. Уставная грамота переяславским рыболовам 1555 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук (ААЭ). Т. I. СПб., 1836. № 242. С. 261–264. URL: <http://histfishing.ru/biblio/istochniki-i-dokumenty/1555-g-ustavnaya-gramota-pereslavskim-rybolovam.html?galItem=69&galAlbum=2&galTag=>.
10. Штаден Г. Страна и правление московитов (записки немца-опричника) // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. С. 380–430. URL: <http://wordweb.ru/2008/03/20/strana-i-pravlenie-moskovitov-zapiski.html>.
11. Грамота уставная, данная Соли Переславской посадским людям 11 августа 1555 г. // Шумаков С. Губные и земские грамоты Московского государства. М., 1895. № 5. С. 110. URL: <http://bookre.org/reader?file=1349353>.
12. Губная грамота Троицкому Сергиеву монастырю 1586 г. // ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 330. С. 391–394.
13. Белозерская уставная грамота // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1985. С. 192–195. URL: <https://constitutions.ru/?p=5206>.
14. Губная Белозерская грамота 1539 г. // ААЭ. Т. I. СПб., 1836. № 187. С. 163–165. URL: <https://www.portal-slovo.ru/history/47541.php>.
15. Губная Каргопольская грамота 1539 г. // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1846. № 31. С. 32–33.
16. Уставная грамота крестьянам Моревской слободы 1530 г. // Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1. СПб., 1846. № 26. С. 23–26. URL: <https://runivers.ru/lib/book8011/457173>.
17. Раздорский А. И. «Воровство», «хитрость» и «нерадение» при сборе таможенных и кабацких доходов в XVII в. (на примере службы курских, белгородских, вяземских и можайских голов и целовальников) // Русь, Россия. Средневековье и новое время. 2015. № 4. С. 428–435. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25470203>.
18. Уставная грамота Устюжского уезда Усецких и Заецких волостей крестьянам 1555 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 243. С. 266–267. URL: https://studopedia.ru/11_257401_ustavnaya-zemskaya-gramota-krestyanam-ustyuzhskogo-uezda-usetskih-i-zaetskih-volostey--g-oktyabrya-.html.
19. Таможенная откупная грамота новгородцу Ивану Филатову о сборе поворотной пошлины на

гостиных дворах 1586 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 331. С. 398–400.

20. Таможенная откупная грамота Новгороду Ивану Филатову о сборе явчей, пятенной и привязной пошлины 1586 г. // ААЭ. Т. I. 1294–1598. СПб., 1836. № 332. С. 400–402.

References

1. Kasjanov V. S. *Istoricheskie aspekty protivodeistviya korruptsii v Rossii* [Historical aspects of counteraction to corruption in Russia]. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchen. zap. SKAGS* [State and Municipal Management. Scholar Notes], 2012, no. 2, pp. 177–187. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19047724> [in Russian].

2. Klimov I. P. *Istoriko-pravovoi opyt protivodeistviya korruptsii i ego znachenie dlya sovremennoi Rossii* [Historical and legal experience of counteraction against corruption and its value for modern Russia]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsial'no-ekonomicheskie i pravovye issledovaniya* [Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research], 2010, no. 2, pp. 147–154. Available at: <https://www.docme.ru/doc/1594162/istoriko-pravovoj-opyt-protivodejstviya-korruptcii-i-ego-zn...> [in Russian].

3. *Pskovskaya Sudnaya gramota* [Pskov Judicial Charter]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 1* [Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 1]. M.: Yurid. lit., 1984, pp. 331–344. Available at: <https://diletant.media/articles/38915864> [in Russian].

4. Latkin V. N. *Zemskie sobory Drevnei Rusi, ikh istoriya i organizatsiya sravnitel'no s zapadnoevropeiskimi predstavitel'nymi uchrezhdeniyami* [Zemsky sobors of Ancient Russia, their history and the organization compared with the Western European representative institutions]. SPb., 1885, 447 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=735889> [in Russian].

5. Zagoskin N. P. *Istoriya prava Moskovskogo gosudarstva. T. I.* [History of the law of the Moscow state. Vol. I]. Kazan, 1877, 519 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=735527> [in Russian].

6. Kabanov P. A. *Korruptsiya i vzyatochnichestvo v Rossii: istoricheskie, kriminologicheskie i ugolovno-pravovye problemy* [Corruption and bribery in Russia: historical, criminological and criminal problems]. Nizhnekamsk: I Izd. poligr. tsentr «Guzel'», 1995, 172 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23781359> [in Russian].

7. Kirpichnikov A. I. *Vzyatka i korruptsiya v Rossii* [Bribe and corruption in Russia]. SPb.: Al'fa, 1997. 352 p. Available at: <http://gendocs.ru> [in Russian].

8. *Sudebnik 1550 g.* [Code of Laws of 1550]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 2* [Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 2]. M., 1985, pp. 97–129. Available at: http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf [in Russian].

9. *Ustavnaya gramota pereyaslavskim rybolovam 1555 g.* [Charter to Pereyaslav fishermen 1555]. In: *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoi ekspeditsiei Imperatorskoi akademii nauk (AAE). T. I.* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences (hereinafter – AAE). Vol. I.]. SPb., 1836, no. 242, pp. 261–264. Available at: <http://histfishing.ru/biblio/istochniki-i-dokumenty/1555-g-ustavnaya-gramota-pereslavskim-rybolovam.html?gallery=69&galleryAlbum=2&galleryTag=> [in Russian].

10. Shtaden G. *Strana i pravlenie moskovitov (zapiski nemtsa-oprichnika)* [Country and government

of Muscovites (German life-guard's notes)]. In: *Rossiya XVI veka. Vospominaniya inostrantsev* [Russia of the 16th century. Memoirs of foreigners]. Smolensk: Rusich, 2003, pp. 380–430. Available at: <http://wordweb.ru/2008/03/20/strana-i-pravlenie-moskovitov-zapiski.html> [in Russian].

11. *Gramota ustavnaya, dannaya Soli Pereslavskoi posadskim lyudyam 11 avgusta 1555 g.* [Charter given by Salt Pereslavl to tradespeople on August 11, 1555]. In: *Shumakov S. Gubnye i zemskie gramoty Moskovskogo gosudarstva* [Spelling letters and zemstvo charters of the Moscow state]. M., 1895, no. 5, pp. 110–113. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1349353> [in Russian].

12. *Gubnaya gramota Troitskomu Sergievu monastyryu 1586 g.* [Spelling letter to the Trinity Lavra of St. Sergius]. In: *AAE*, Vol. I. SPb., 1836, no. 330, pp. 391–394 [in Russian].

13. *Belozerskaya ustavnaya gramota* [Belozersky charter]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 2* [Russian legislation of the X–XX centuries. Vol. 2]. M.: Yurid. lit., 1985, pp. 192–195. Available at: <https://constitutions.ru/?p=5206> [in Russian].

14. *Gubnaya Belozerskaya gramota 1539 g.* [Belozersky spelling letter of 1539]. In: *AAE*, Vol. I. SPb., 1836, no. 187, pp. 163–165. Available at: <https://www.portal-slovo.ru/history/47541.php> [in Russian].

15. *Gubnaya Kargopol'skaya gramota 1539 g.* [Kagopol spelling letter of 1539]. In: *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei. T. 1* [Additions to historical acts collected and published by the Archaeographic Commission. Vol. 1]. SPb., 1846, no. 31, pp. 32–33 [in Russian].

16. *Ustavnaya gramota krest'yanam Morevskoi slobody 1530 g.* [Charter of the peasants of the Morev settlement of 1530]. In: *Dopolneniya k aktam istoricheskim, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi komissiei. T. 1* [Additions to historical acts collected and published by the Archaeographic Commission. Vol. 1]. SPb., 1846, no. 26, pp. 23–26. Available at: <https://runivers.ru/lib/book8011/457173> [in Russian].

17. Razdorskij A. I. «Vorovstvo», «khitrost'» i «neradenie» pri sbore tamozhennykh i kabatskikh dokhodov v XVII v. (na primere sluzhby kurskikh, belgorodskikh, vyazemskikh i mozhaiskikh golov i tseloval'nikov) [«Corruption», «cunning» and «irresponsibility» when collecting the customs and tavern income in the XVII century (on the example of service of the Kursk, Belgorod, Vyazma and Mozhaisk heads and publicans)]. *Rus', Rossiya. Srednevekov'e i novoe vremya* [Rus', Russia. Middle Ages and modern times], 2015, no. 4, pp. 428–435. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25470203> [in Russian].

18. *Ustavnaya gramota Ustyuzhskogo uezda Usetskikh i Zaetskikh volostei krest'yanam 1555 g.* [The charter letter of the Ustyug district of the Ussetsky and Zayetsky volosts to peasants of 1555]. *AAE*. Vol. I, 1294–1598. SPb., 1836, no. 243, pp. 266–267. Available at: https://studopedia.ru/11_257401_ustavnaya-zemskaya-gramota-krest'yanam-ustyuzhskogo-uezda-usetskikh-i-zaetskikh-volostey--g-oktyabrya.html [in Russian].

19. *amozhennaya otкупnaya gramota novgorodtsu Ivanu Filatovu o sbore povorotnoi poshliny na gostinykh dvorakh 1586 g.* [Customs handouts charter to Novgorodian Ivan Filatov on the collection of turning duty at the guest houses in 1586]. *AAE*, Vol. I. 1294–1598. SPb., 1836, no. 331, pp. 398–400 [in Russian].

20. *Tamozhennaya otкупnaya gramota Novgorodu Ivanu Filatovu o sbore yavchei, pyatennoi i privyaznoi poshliny 1586 g.* [Customs repayment letter to Novgorod Ivan Filatov on the collection of yavchis, stain and tethered duty in 1586]. *AAE*, Vol. I. 1294–1598. SPb., 1836, no. 332, pp. 400–402 [in Russian].

*А. И. Розенцвайг***ПРОБЛЕМА ВЫЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ЦЕРКОВНОМ ПРАВЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XVI В.**

© **Розенцвайг Анна Игоревна** (lawyeranna@mail.ru), кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права, **Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева**, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Преступления против собственности, совершаемые путем обмана и злоупотребления доверием: вопросы истории, теории, практики». Автор более 30 научных работ, в том числе монографии «Преступления против собственности, совершаемые путем обмана и злоупотребления доверием: вопросы истории, теории, практики» (2013).

Область научных интересов: международное право, международное уголовное право.

АННОТАЦИЯ

В статье ставится проблема выявления коррупционных правонарушений в церковном праве Московского государства XVI века на примере разбора узкой и широкой трактовки понятия симонии.

Показано, что церковное право действовало по принципу аналогии, возводя регулирование коррупционных правонарушений, связанных с взиманием незаконных поборов, к соответствующим правовым институтам, известным в подсистеме светского права. В целом Церковь была заинтересована в легализации незаконных поборов, что осуществлялось двумя путями: 1) через формализацию права и узаконивание ранее неформальных поборов; 2) через превращение неформальных поборов в правовой обычай и представление этих поборов в качестве добровольных «подарков». Вторым путем являлся более архаичным, и, видимо, в условиях московского права XVI века получил преобладание первый способ.

По итогам рассмотрения источников церковного права видится безосновательной трактовка коррупции в системе церковного права как единичного субъективного греха. Напротив, коррупционные правонарушения следует изучать как системную проблему церковного права, которая не носит субъективного характера и не связана с греховностью отдельных личностей.

Подчеркиваются своеобразие церковного права, порожденная им двойственность в трактовке симонии, предлагается объяснение живучести этого института в церковном праве московского периода.

Ключевые слова: московское право, церковное право, симония, Владимирский собор 1273 (1274) года.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 18-411-630004 «Конкретно-исторические формы коррупции в Московском государстве (XV–XVI вв.)» при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области.

Цитирование. Розенцвайг А. И. Проблема выявления коррупционных правонарушений в церковном праве Московского государства XVI в. // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 20–25. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-20-25>.

A. I. Rozentsvaig

PROBLEM OF IDENTIFICATION OF CORRUPTION OFFENCES IN ECCLESIASTICAL LAW OF THE MOSCOW STATE OF THE 16TH CENTURY

© **Rozentsvaig Anna Igorevna (lawyeranna@mail.ru)**, Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Crimes against property, committed with lie and abuse of trust: issues of history, theory and practice». Author of more than 30 scientific works, including monographs: «Crimes against property, committed with lie and abuse of trust: issues of history, theory and practice» (2013).

Research interests: international law, international criminal law.

ABSTRACT

In article the problem of identification of corruption offenses in the ecclesiastical law of the Moscow state of the 16th century on the example of analysis of narrow and broad interpretations of a concept of simony is put.

It is shown that church law acted on the principle of analogy, building the regulation of corruption offences related to the collection of illegal fees to the corresponding legal institutions known in the subsystem of secular law. In general, the Church was interested in legalizing illegal fees, which was carried out in two ways: 1) through the formalization of law and the legitimization of previously informal fees; 2) by turning informal fees into a legal custom and presenting those fees as voluntary «gifts». The second way was more archaic and, apparently, in the conditions of Moscow law of the 16th century the first way was dominated.

As a result of the consideration of the sources of church law, the interpretation of corruption in the system of church law as a single subjective sin is seen as baseless. On the contrary, corruption offences should be studied as a systemic problem of church law, which is not subjective and is not related to the sinfulness of individuals.

The originality of ecclesiastical law, the duality generated by it in interpretation of simony is emphasized, the explanation of survivability of this institute in ecclesiastical law of the Moscow period is offered.

Key words: Moscow law, ecclesiastical law, simony, Vladimirsky Council of 1273 (1274).

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Rozentsvaig A. I. *Problema vyyavleniya korruptsionnykh pravonarushenii v tserkovnom prave Moskovskogo gosudarstva XVI v.* [Problem of identification of corruption offences in ecclesiastical law of the Moscow state of the 16th century]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 20–25. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-20-25> [in Russian].

В рамках отечественной правовой традиции в XVI веке была предпринята попытка проведения унификации разрозненных правовых норм на основе определенного набора базовых идей, принципов, которые должны были структурировать и задать импульс для систематизации как норм светского, так и норм церковного права. Базовые идеи, из которых исходило правительство Ивана IV и которые были положены в основу систематизации московского права, предполагали несколько направлений государственной политики и достижение соответствующих целей, среди них особое место занимает то направление, которое с позиций современной юридической науки можно обозначить как антикоррупционная политика.

Применительно к сфере светского права в историко-юридической и отраслевой юридической литературе уже предпринимались попытки выяв-

ления и анализа отдельных составов преступных деяний коррупционной направленности [1; 2; 3, с. 79–82; 4, с. 305–310; 5, с. 12–15]. В сфере церковного права периода Московского государства XV–XVI вв. такие попытки только начинают предприниматься и до сих пор не существует научно разработанной системы коррупционных правонарушений в церковном праве Московского периода. Более того, в современной историко-юридической науке нередко ставится вопрос о необходимости выделения церковной ответственности как особого вида юридической ответственности, в связи с чем признается своеобразие всей системы церковных правонарушений и наказаний [6, с. 94–97].

Здесь важно заметить, что церковное право традиционно для отечественной историко-правовой науки недооценивается или совсем упускается из виду. Между тем церковное право представля-

ет собой одну из важнейших подсистем правовой системы Московского государства, разделенной на две сферы правового регулирования – светскую и церковную. В условиях формирования единого централизованного государства огромное значение имели процессы унификации системы управления и правового регулирования общественных отношений, и в этом отношении в сфере церковного права мы можем наблюдать те же тенденции, те же новации, что и в сфере светского права, но при этом они обладают некоторой спецификой, выявление которой позволяет составить более точное представление об особенностях правовой системы Московского государства в целом.

Одним из важнейших направлений государственной политики в XVI в. являлась выработка возможных мер по ограничению властного произвола, в том числе той группы деяний, которые в современной терминологии можно было бы объединить терминологической конструкцией «коррупционные правонарушения». В Московском государстве середины XVI в. именно эта группа правонарушений рассматривалась в качестве одной из наиболее серьезных угроз общественному порядку [5, с. 12–15]. В связи с этим в Судебнике 1550 г. и в других современных ему законодательных актах появляется целый ряд норм, направленных на создание условий для ограничения произвола административно-судебного аппарата и более эффективного противодействия коррупционной деятельности. Общественные отношения, находившиеся в сфере ответственности церковного управления и суда, испытывали воздействие тех же негативных явлений, что и в сфере светского управления.

Попытка рассмотреть систему правонарушений, известных церковному праву средневековой Руси, с точки зрения выявления возможных деяний коррупционной направленности сразу же дает некоторые результаты, причем в центре этой группы преступных деяний будет находиться симония. О значении симонии в церковной жизни удачно и образно сказал П. И. Гайденко: «Можно вполне уверенно говорить о том, что уже в эпоху высокого и позднего Средневековья симония стала важнейшим механизмом вхождения человека в круг церковной иерархии и восхождения по ступеням ее служебной лестницы» [7, с. 85].

Присущие раннему христианству идеи равенства и нестяжательства были естественным образом утрачены по мере превращения христианства в идеологическое оружие обеспечения господства правящего класса. Более того, внутри самой церковной корпорации все дальше заходило имущественное расслоение, в число монашествующих лиц вступали представители привилегированных сословий, а занятие определенного места в церковной иерархии должно было обеспечить поступление соответствующего дохода этому лицу, – аналогично светской иерархии. Важно понимать, что сам по себе этот принцип – обеспечение «кормления» духовного лица за счет нахождения на определенной ступени церковной иерархии – не подвергался сомнению и был вполне органичен средневековому правосознанию. Более одиозным являлось взима-

ние «незаконных» поборов, в первую очередь при поставлении на соответствующую ступеньку церковной иерархии или в сан священника.

Косвенно о распространении практики разнообразных подарков в церковной среде говорят и другие институты. Например, в рамках вопросов и ответов Стоглавого собора поднималась проблема организации церковных училищ, при этом дело обучения грамоте отдавалось в руки священников, а сама организация этого обучения носила подчеркнуто частнопредметный характер – в домах священников, по оплате родители учеников договаривались со священниками, при этом 26-я глава Стоглава дает основания полагать, что плата не была фиксированной и вполне могла на бытовом уровне смешиваться с подарками [8, с. 291].

Институт симонии неоднократно оказывался в центре ожесточенных диспутов церковных иерархов как в отечественной правовой традиции, так и в других правовых системах. В одном из немногочисленных памятников права XIII века, сохранивших решения церковных соборов, содержится достаточно четкое определение симонии, которое составители памятника вложили в уста митрополита Кирилла II: «Приде бо в слухы наша, яко неции от братия наша дерзнуша продати священный сан, и причитати я к церквам, и взимати от них некия «оуроки» глаголемыя» [9, ст. 86].

Некоторые исследователи полагают, что дискуссия о симонии была настолько актуальна и важна для тогдашней церковной жизни, что именно этот вопрос был важнейшим на Владимирском соборе, тогда как остальные пункты носили второстепенный характер [10, с. 176]. Как видно из приведенной цитаты, под симонией здесь понимается продажа церковного сана, осуществляемая, соответственно, святителем. Однако в исследовательской литературе справедливо указывается, что перечень «нестроений» в тогдашней церковной жизни был значительно большим: незаконные поборы взимались за архиерейскую и священнические хиротонии, за монашеский постриг, за архиерейские службы, практиковались подношения за переход от одних духовников к другим, назначались дополнительные поборы в пользу епископских кафедр [11, с. 232].

Показательно, что озвученная митрополитом проблема, которая, по-видимому, являлась центральным вопросом повестки собора, так и не была решена, поскольку, как указывают исследователи, в решениях того же собора формальное осуждение симонии находится в остром противоречии с утверждением платы за посвящение в диаконы и священники, то есть фактически той же самой симонии [12, с. 154–161; 13, с. 116–118].

Поэтому неудивительно, что памятники церковного права московского периода содержат очередные дискуссии о симонии и очередные ее запреты. В частности, собор 1503 года вновь осудил поставление «на мзде», отдельно оговорив запрет «всякого дара» при поставлении на церковную должность [14, с. 484–485]. За этой расширительной оговоркой можно предположительно увидеть практику замаскировать покупку церковного сана другими «подарками». И здесь естественным образом приходит на

ум сравнение с другим институтом, хорошо известным по источникам светского права – «посулом». В отношении посула мы имеем дело с давней дискуссией в исследовательской литературе, при этом одни авторы рассматривают его как взятку должностному лицу, другие – как допускаемые правовым обычаем подарки должностному лицу, долгое время не подлежавшие осуждению ни со стороны общества, ни со стороны закона. Принимая вторую точку зрения, можно гипотетически предположить параллельные тенденции в светском и церковном праве. В светском праве подарки должностному лицу, осуществлявшему судебные функции, долгое время являлись допустимым с точки зрения обычной явлением, но в связи со становлением централизованного государства и формализацией права переходят в разряд недопустимых, а в законодательстве начинают рассматриваться в качестве наказуемых деяний (эта тенденция отражается и в Псковской Судной грамоте, а затем и в московских судебныхниках). В это же время в церковном праве под действием той же тенденции формализации права и унификации принципов правового регулирования в светской и церковной сфере ужесточается подход к трактовке традиционных «подарков» иерархам за поставление в церковный сан, которые все чаще предлагаются рассматривать в качестве преступлений.

Судя по правоприменительной практике, искоренить симонию не удалось, хотя сам запрет мог использоваться в политической борьбе иерархов, в частности, в 1504 году обвинения в поставлении священников «на мзде» привели к смещению архиепископа новгородского Геннадия с кафедры [15, с. 258]. Нарративные источники также показывают, что проявления симонии на Руси увязывались с действиями епископата, а не приходского духовенства [7, с. 92]. Хотя в Стоглаве, в целом весьма негативно настроенном по отношению к новгородским обычаям, содержится ряд весьма интересных замечаний относительно взимания поборов не только со священников, но и самими священниками, принимавшими на службу проскурниц, пономарей и сторожей в обмен на «подарки» [8, с. 306].

Однако в середине XVI столетия Стоглав, перечисляя основания для лишения духовного сана в рамках 34-й главы, ничего не говорит о симонии в широком смысле, т. е. о взимании «подарков» [8, с. 297]. В отношениях священников с прихожанами подарки, никак не урегулированные церковными правилами, играли значительную роль, но Стоглав их «не замечает». Можно предположить, что составители Стоглава не хотели видеть в этой практике проявления симонии или шире – вообще коррупционного поведения, ограничиваясь узким пониманием симонии как продажи церковного сана, в чем обвинить священника а priori невозможно.

Позже в составе вторых царских вопросов вновь был поднят вопрос о поставлении на мзде (глава 41, вопрос 4). Уже в дореволюционной литературе справедливо было замечено, что заинтересовано в такой постановке вопроса было белое духовенство, которое больше всего страдало от практики поставления в духовный сан через взимание незаконных поборов [16, с. 70]. В рамках концепции данной статьи это как раз узкая трактовка симонии, которая, как это оче-

видно из правоприменительной практики, являлась наиболее удобной для церковной корпорации.

Любопытно, что симония чаще всего рассматривалась как внутрицерковная проблема, но при широком обсуждении на Соборе 1551 г., носившем церковно-земский характер, в некоторых статьях эта же проблема была поставлена в более широком смысле, соединяя церковную и светскую сферы правового регулирования. Естественнее всего это было сделать на примере новгородских порядков, где вмешательство светских корпораций в дела Церкви было наибольшим. В контексте рассматриваемой темы представляет интерес указание в Стоглаве на практику взимания с приходского духовенства не только епископами, но и уличанскими общинами (нужно здесь вспомнить, что в Новгородской земле существовала практики приглашения священников в приход по договору с общиной, в связи с чем поставление епископом приобретало формальный и второстепенный характер), при этом озвучивались конкретные цифры поборов за поставление – от 15 до 30 рублей [8, с. 306].

Немного позже в том же Стоглаве замечательно раскрывается глубинная суть «поставления на мзде» как коррупционного деяния, нарушающего общественный интерес, напрямую наносящего вред той общественно полезной функции, которую должен был выполнять «поставляемый». Указывая на практику взимания взятки за поставление приходских священников псковскими церковными должностными лицами, составители Стоглава подчеркивали, что при этом не принимается во внимание грамотность и другие качества, которые должны быть свойственны кандидату в священники, главный интерес взяткополучателей – «кто им больши денег даст» [8, с. 307].

Соответственно, в Стоглаве проблемный и болезненный для церковной корпорации в целом и особенно для приходского духовенства вопрос был решен в пользу формализации правовых установлений и фиксации точных «расценок» на поставление. В частности, поставление в дьяконы или священники сопровождалось пошлиной в полтину, в дьяконы и священники – в один московский рубль, выдача отпускной или благословенной грамоты – полтина, выдача настольной грамоты – один рубль [8, с. 303]. При этом составители Стоглава все-таки оговаривают, что необходимо выбирать кандидатов на церковные должности по их грамотности и нравственным качествам, но это положение носит рекомендательный характер, никак не будучи подкрепленным возможными санкциями за нарушение [8, с. 306].

Двойственность подхода, проявившегося в решениях Стоглава, видна и в решении вопроса о взимании поборов при совершении церковных обрядов. Составители Стоглава указали, что священники вполне могут рассчитывать на добровольные дары, ссылаясь при этом на параллели в светском обществе – на соответствующее вознаграждение за труд земледельца или воина: «... вси бо дают и богатые и убогие и нищие своего ради спасения, священники же и пищу и прочая потребности от сих себе имеют, якоже и земледелатели от плода вкушают труда своего и якоже воины воинствующей

оброки своими довлеются...» [8, с. 316]. Что показательно, при этом составители Стоглава формально выступают против вымогательства поборов при совершении церковных обрядов.

Схожим образом был урегулирован и вопрос о взимании платы за выделение участка земли под погребение около церкви. С одной стороны, запрещалось вымогать какие-либо поборы в связи с этим, но, с другой стороны, подчеркивалось, что родственники при наличии доброй воли могут сами передать Церкви какое-то имущество в благодарность за выделенный для погребения участок земли [8, с. 318]. То есть происходил своеобразный возврат к той самой практике правовых обычаев «даров» церковным корпорациям и конкретным духовным лицам, которые, по своей сути, являлись проявлениями коррупции.

Еще один вариант обоснования и институционализации правовых обычаев, связанных с коррупцией, мы видим в решении вопроса о вечах пошлинах. Здесь составители Стоглава обращаются к обоснованию через традицию, ссылаясь на древность происхождения этого побора, в связи с чем и сам он получает легитимность [8, с. 318].

Рассмотренные правовые установления, касающиеся симонии, заставляют усомниться в трактовке коррупционных правонарушений в сфере церковного права, которые нередко сводят их к понятию греха. В современной юридической литературе нередко предлагается понимание коррупции в системе церковного права как единичного субъективного греха, не носящего системного характера: «...понятие коррупции в своем теологическом понимании полностью укладывалось в концепцию греха, позволявшую сосредоточить ответственность на самом грешнике, т. е. субъекте, отступившем от первоначально установленной истины» [4, с. 307]. Анализ правового регулирования симонии указывает на восприятие этой конкретно-исторической формы коррупционных правонарушений как системной проблемы, которая не носит субъективного характера и не связана с греховностью отдельных личностей.

Возможны расширительные трактовки понятия «симония». В частности, по мнению П. И. Гайденко, в широком смысле под симонией понимались «любые принудительные платы за приобщение человека к благодатным дарам, получаемым в Церкви (причащение, благословение и иные службы)» [7, с. 86]. В узком же смысле под симонией могло пониматься непосредственно то деяние, которое приписывалось в Деяниях апостолов Симону Волхву (Деяния апостолов, глава 8), и в этом отношении симония является попыткой получить особые возможности («дайте и мне власть сию, чтобы тот, на кого я возложу руку, получал Духа Святаго») или, как определяет это узкое толкование П. И. Гайденко, «получение харизматических способностей» [7, с. 86].

В этом разграничении узкого и широкого толкования понятия «симония», которое провел П. И. Гайденко, видится основание для понимания того двойственного отношения к данному правонарушению, которое демонстрируют памятники церковного права. В связи со спецификой церковной иерархии, которая выполняла сакральные (во внешнем отношении – литурги-

ческие) и социальные функции, в действиях, которые формально подпадали под определение симонии, можно было усмотреть ту же двойственность. Если в этих действиях видеть сакральное содержание, то актуализировалась узкая трактовка симонии, но для значительной части духовенства получение сана означало прежде всего возможность получения прихода и соответствующего места, с которого можно было кормиться. В этом социальном аспекте более актуальной являлась широкая трактовка симонии. Здесь же коренятся и живучесть этого правового института, основания безуспешности борьбы с ним в течение всего московского периода.

Библиографический список

1. Кабанов П. А. Коррупция и взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые проблемы. Нижнекамск: Изд.-полигр. центр «Гузель», 1995. 172 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23781359>.
2. Марьина Е. В. Об объекте и субъекте коррупционного правонарушения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2010. № 1 (12). С. 289–293. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15256561>.
3. Детков М. Г., Шохин Н. Н. История развития уголовной ответственности за коррупцию в Российском государстве // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2007. № 2. С. 79–82. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=10027907>.
4. Дворецкий М. Ю. История развития и направления оптимизации уголовной ответственности за коррупцию // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 1 (81). С. 305–310. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-i-napravleniya-optimizatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-korruptsiyu>.
5. Оспенников Ю. В. О разнообразии форм коррупционных правонарушений в Московском государстве XVI в. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 12–15. DOI: 10.24420/KUI.2017.28.6252.
6. Лунин С. В. Проблема выявления церковной ответственности по Стоглаву // Евразийский юридический журнал. 2017. № 6 (109). С. 94–97. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29848844>.
7. Гайденко П. И. Симония: дары или покупка? О некоторых особенностях каноническо-правового сознания Древней Руси // Христианское чтение. 2018. № 6. С. 85–100. DOI: 10.24411/1814-5574-2018-10132.
8. Стоглав // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1985. С. 253–402. URL: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav>.
9. Определения Владимирского собора, изложенные в грамоте митрополита Кирилла II // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. Т. VI. СПб., 1880. Ст. 83–102. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book428108/#page/1/mode/lup>.
10. Соколов П. П. Русский архиерей из Византии и право его назначения до начала XV в. Киев, 1913. 582 с. URL: <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=47393816>.
11. Гайденко П. И. Собор 1273(4) года в свете церковно-политической ситуации на Руси: несколько замечаний о несостоявшейся канонической реформе митрополита Кирилла // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2014. Т. 15. Вып. 4. С. 229–239. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22805542>.

12. Оспенников Ю. В. Соборные приговоры как источник русского права (XI–XVI вв.) // Право и образование. 2012. № 5. С. 154–161. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17705786>.

13. Лунин С. В. О преемственности Стоглава и Владимирского собора 1273 (1274) г. // Евразийский юридический журнал. 2018. № 4 (119). С. 116–118. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34858374>.

14. Соборное определение о невзимании со священнослужителей мзды за хиротонию 1503 г. // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической комиссией императорской академии наук. СПб., 1836. Т. 1. № 382. С. 484–485. URL: <https://runivers.ru/lib/book3032/9536>.

15. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей. Т. 12. СПб., 1901. 266 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book9142/479808>.

16. Стефанович Д. О Стоглаве. Его происхождение, редакции и состав. К истории памятников древнерусского церковного права. СПб., 1909. 320 с.

References

1. Kabanov P. A. *Korrupsiya i vzyatochnichestvo v Rossii: istoricheskie, kriminologicheskie i ugovolno-pravovye problemy* [Corruption and bribery in Russia: historical, criminological and criminal problems]. Nizhnekamsk: Izd.-poligr. tsentr «Guzel'», 1995. 172 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23781359> [in Russian].

2. Maryina Ye. V. Ob ob'ekte i sub'ekte korrupsionnogo pravonarusheniya [About the object and the subject of a corruption offence]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi Akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia], 2010, no. 1 (12), pp. 289–293. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15256561> [in Russian].

3. Detkov M. G., Shohin N. N. *Istoriya razvitiya ugovolnoi otvetstvennosti za korrupsiyu v Rossiiskom gosudarstve* [The history of development of the criminal liability for corruption in the Russian state]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Yurisprudentsiya* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Jurisprudence], 2007, no. 2, pp. 79–82. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=10027907> [in Russian].

4. Dvoretzky M. Yu. *Istoriya razvitiya i napravleniya optimizatsii ugovolnoi otvetstvennosti za korrupsiyu* [History of development and direction of optimization of the criminal liability for corruption]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2010, no. 1 (81), pp. 305–310. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-razvitiya-i-napravleniya-optimizatsii-ugolovnoy-otvetstvennosti-za-korrupsiyu> [in Russian].

5. Ospennikov Yu. V. *O raznoobrazii form korrupsionnykh pravonarushenii v Moskovskom gosudarstve XVI v.* [On a variety of forms of corruption offenses in Moscow state of the 16th century]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia], 2017, no. 2 (28), pp. 12–15. DOI: 10.24420/KUI.2017.28.6252 [in Russian].

6. Lunin S. V. *Problema vyyavleniya tserkovnoi otvetstvennosti po Stoglavu* [Problem of identification of church responsibility according to Stoglav]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2017, no. 6 (109), pp. 94–97. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29848844> [in Russian].

7. Gaidenko P. I. *Simoniya: dary ili pokupka? O nekotorykh osobennostyakh kanonicheskopravovogo soznaniya Drevnei Rusi* [Simony: Gifts or Purchase? On some Features of the Canonical-Legal Consciousness of Ancient Rus']. *Khristianskoe chtenie* [Christian Reading], 2018, no. 6, pp. 85–100. DOI: 10.24411/1814-5574-2018-10132 [in Russian].

8. *Stoglav* [Stoglav]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 2* [Russian Legislation of X–XX centuries. Vol. 2]. M.: Yurid. lit., 1985, pp. 253–402. Available at: <https://azbyka.ru/otechnik/pravila/stoglav> [in Russian].

9. *Opreddeniya Vladimirskogo sobora, izlozhennyye v gramote mitropolita Kirilla II* [Definitions of Vladimirsky Council stated in the charter of the metropolitan Kirill II]. In: *Russkaya istoricheskaya biblioteka, izdavaemaya Arkheograficheskoi komissiei. T. VI* [Russian Historical Library, published by the Archaeographic Commission. Vol. VI]. SPb., 1880, pp. 83–102. Available at: <https://runivers.ru/bookreader/book428108/#page/1/mode/lup> [in Russian].

10. Sokolov P. P. *Russkii arkhierei iz Vizantii i pravo ego naznacheniya do nachala XV v.* [Russian bishop from Byzantium and the right of its appointment prior to the beginning of the 15th century]. Kiev, 1913, 582 p. Available at: <http://e-heritage.ru/ras/view/publication/general.html?id=47393816> [in Russian].

11. Gaydenko P. I. *Sobor 1273(4) goda v svete tserkovno-politicheskoi situatsii na Rusi: neskol'ko zamechaniy o nesostoyavsheisya kanonicheskoi reforme mitropolita Kirilla* [Cathedral 1273 (4) of in the light of a church and political situation in Russia: some remarks on cancelled initial reform of the metropolitan Kirill]. *Vestnik Russkoi khristianskoi gumanitarnoi akademii* [Herald of the Russian Christian Academy for humanities], 2014, Vol. 15, Issue 4, pp. 229–239. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22805542> [in Russian].

12. Ospennikov Yu. V. *Sobornye prigovory kak istochnik russkogo prava (XI–XVI vv.)* [Decisions of church councils as source of the Russian law (XI–XVI centuries)]. *Pravo i obrazovanie* [Law and Education], 2012, no. 5, pp. 154–161. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17705786> [in Russian].

13. Lunin S. V. *O preemstvennosti Stoglava i Vladimirskogo sobora 1273 (1274) g.* [On the succession of Stoglav and St. Volodymyr's Cathedral in 1273 (1274)]. *Evraziiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2018, no. 4 (119), pp. 116–118. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34858374> [in Russian].

14. *Sobornoe opredelenie o nevzimanii so svyashchennosluzhitelei mzdy za khirononiyu 1503 g.* [Cathedral ruling on non-collection from clergy of the bribe for consecration 1503]. In: *Akty, sobrannyye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoi komissiei imperatorskoi akademii nauk* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Commission of the Imperial Academy of Sciences]. SPb., 1836, Vol. 1, no. 382, pp. 484–485. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3032/9536> [in Russian].

15. *Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarsheyu ili Nikonovskoyu letopis'yu* [Chronicle collection called the Patriarch or Nikon Chronicle]. In: *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 12* [Full collection of Russian chronicles. Vol. 12]. SPb., 1901, 266 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book9142/479808> [in Russian].

16. Stefanovich D. *O Stoglave. Ego proiskhozhdenie, redaktsii i sostav. K istorii pamyatnikov drevnerusskogo tserkovnogo prava* [About Stoglav. Its origins, editions and composition. On the history of monuments of Ancient Russian church law]. SPb., 1909, 320 p. [in Russian].

*Р. В. Фоменко***НАМЕСТНИЧЬЕ УПРАВЛЕНИЕ И ЕГО АЛЬТЕРНАТИВЫ: ПРОБЛЕМЫ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕСТНОГО УПРАВЛЕНИЯ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ В КОНЦЕ XV – XVI ВВ.**

© **Фоменко Роман Владимирович** (fomenkorv@yandex.ru), кандидат исторических наук, доцент кафедры связей с общественностью, **Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики**, 443010, Российская Федерация, г. Самара, ул. Льва Толстого, 23.

Тема кандидатской диссертации: «Мексиканская политика Вудро Вильсона (1913–1917 годы)». Автор 20 научных работ, в том числе коллективной монографии «Источники русского городского права XIII–XVIII вв.» (2016).

Область научных интересов: история русского права XV–XVII веков, история внешней политики США начала XX в.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются эволюция и общая эффективность местного управления в Русском государстве в конце XV – XVI вв. Ставятся проблемы взаимозаменяемости и взаимодополняемости разных форм государственного управления, губного и земского самоуправления.

В статье показано, что с середины XVI в. начинается закономерный закат наместничьего управления как переходной и ограниченной формы, не способной в условиях централизации государства надлежащим образом выполнять свои административные и судебные функции. На основе рассмотрения нормативных и правоприменительных актов выявлены две тенденции: 1) в ходе губных и земской реформ значительными и разнообразными полномочиями наделяются органы местного самоуправления; 2) по мере развития приказной системы в центре постепенно создаются условия для бюрократизации управления и на местах.

С 50–80-х гг. XVI в. вместе с оформлением приказной системы и включением в состав государства инородных территорий зарождается воеводское управление на местах. Изначально как чрезвычайное управление в окраинных городах и на вновь осваиваемых территориях воеводская система, как оказалось, имела больший по сравнению с наместничьей потенциал роста.

Ключевые слова: право Русского государства конца XV – XVI вв., наместничье управление, кормление, воеводское управление, губное и земское самоуправление.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 18-411-630004 «Конкретно-исторические формы коррупции в Московском государстве (XV–XVI вв.)» при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области.

Цитирование. Фоменко Р. В. Наместничье управление и его альтернативы: проблемы эффективности местного управления в Русском государстве в конце XV – XVI вв. // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 26–33. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-26-33>.

R. V. Fomenko

NAMESTNIK GOVERNMENT AND ITS ALTERNATIVES: PROBLEMS OF EFFICIENCIES OF LOCAL GOVERNMENT IN RUSSIAN STATE AT THE END OF THE XV – XVI CENTURIES

© **Fomenko Roman Vladimirovich (fomenkorv@yandex.ru)**, Candidate of Historical Sciences, assistant professor of the Department of Public Relations, **Povolzhskiy State University of Telecommunications and Informatics**, 23, L. Tolstoy Street, Samara, 443010, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Mexican Policy of Woodrow Wilson (1913–1917)». Author of 20 scientific works, including collective monograph: «Sources of Russian urban law XIII–XVIII centuries» (2016).

Research interests: history of Russian law of XV–XVII centuries, US foreign policy history (the beginning of XX century).

ABSTRACT

In the article evolution and overall effectiveness of local management in the Russian state at the end of the XV–XVI centuries is considered. Problems of interchangeability and complementarity of different forms of public administration, gubnoe and territorial self-government are put.

In the article it is shown, that the natural decline of namestnik management begins with the middle of the 16th century as the transitional and limited form not capable in the conditions of centralization of the state properly to perform the administrative and judicial functions. On the basis of consideration of standard and law-enforcement acts two trends are revealed: 1) during gubnoe both territorial reforms considerable and various powers allocate local governments; 2) in the process of development of a mandative system in the center, conditions for bureaucratization of management and on places are gradually created.

From 50–80-ies of the 16th century together with registration of a mandative system and inclusion in the structure of state of foreign territories voivodship management on places arises. Initially as extraordinary management in the suburban cities and in again developed territories, the voivodship system as it appeared, had bigger in comparison with namestnik growth potential.

Key words: law of Russian state of the end of the XV – XVI centuries. namestnik government, vovoda government, gubnoe and zemskoe (public) self-government.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Fomenko R. V. *Namestnich'e upravlenie i ego al'ternativy: problemy effektivnosti mestnogo upravleniya v Russkom gosudarstve v kontse XV – XVI vv.* [Namestnik government and its alternatives: problems of efficiencies of local government in Russian state at the end of the XV – XVI centuries]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 26–33. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-26-33> [in Russian].

В конце XV – XVI вв. система местного управления в Русском государстве претерпела существенные и неоднократные изменения за сравнительно небольшой период. Это породило ряд исследовательских вопросов, связанных с изучением причин, характера и последствий таких трансформаций, в том числе в контексте выявления управленческой эффективности местного управления. Попытаемся их обозначить, не претендуя ни на исчерпывающий перечень, ни на полноту рассмотрения в данной статье:

1. Что собой представляла система местного управления в Русском государстве к концу XV в., какие факторы и в каком направлении определяли ее развитие?

2. Каким образом изменения в системе местного управления были связаны с трансформацией цен-

трального управления, с особенностями политического и социально-экономического развития страны?

3. Как на разных этапах сочетались автономно-инициативные и административно-распорядительные элементы системы местного управления? В каком направлении и в какой степени развивались органы местного самоуправления? Как можно ответить на вопрос относительно взаимозаменяемости или же взаимодополняемости государственного управления на местах и местного самоуправления в различных формах?

4. Что собой представляли территориальные особенности местного управления по мере включения в состав государства разнородных частей и в связи с сохранением унаследованного от феодальной эпохи правового партикуляризма?

5. С помощью каких способов государство и местные общины регулировали управленческие отношения частного характера?

6. Что собой представляли коррупционные издержки местного управления? Какие способы противодействия коррупции использовались и с какой эффективностью?

7. И наконец, как можно оценить общую эффективность местного управления в рассматриваемый период, учитывая многообразие его форм и проявлений, высокую степень изменчивости, с одной стороны, и ограниченность источников – с другой?

С конца XV в. становится понятно, что традиционный удельный порядок в условиях стремительного «собираения земель», усложнения внутри- и внешнеполитических задач государства перестает отвечать потребностям как центрального, так и местного управления. Центральная власть вынуждена была искать новые формы управления, новые способы организации связи государства и «земли». В этих поисках комбинировались как шаги, нацеленные на создание новых государственных управленческих институтов, так и попытки использовать в интересах государства способности местных общин к самоорганизации и самоуправлению.

Первой из таких форм становится система наместничьего управления и кормлений. На Руси наместничье управление существовало с раннефеодальной эпохи, но первоначально оно носило чрезвычайный характер и предназначалось для управления отдаленными покоренными территориями – например, отторгнутой Московским княжеством в конце XIV в. у Новгорода Двинской землей [1, с. 181–182]. До конца XV в. системообразующей оставалась удельная система, в условиях которой связь населения с государством имела в основном опосредованный фискальный характер. Возвышение Москвы, объединение вокруг нее все новых и новых русских земель привели к необходимости существенных изменений в организации местного управления. Возникли условия для перехода к системе назначаемых из центра наместников в качестве основной. Хотя в большинстве своем удельные князья присоединяемых территорий сохранили земельные владения, их права, связанные с осуществлением публичной власти, были значительно урезаны. Вотчинники по-прежнему сохраняли значительные податные и судебные иммунитеты, но города с их военным, административным, а также экономическим значением переходили под общегосударственный контроль [1, с. 24].

Первые сведения о формирующейся системе наместников содержатся в Белозерской уставной грамоте 1488 г. В грамоте определяются размеры и порядок предоставления кормов и пошлин, регламентируется численность аппарата наместника – два тиуна и десять доводчиков, два из которых были должны находиться непосредственно в городе. Принципиально важным стал запрет судопро-

изводства без участия сотского и представителей общины («добрых людей») [1, с. 192–195]. Эта норма, несмотря на лаконичную формулировку, доказывает существование местного самоуправления к моменту формирования наместничьей системы, по крайней мере на Русском Севере. На наш взгляд, именно краткость формулировок свидетельствует об отсутствии желания верховной власти вмешиваться в сам процесс осуществления местного самоуправления. В то же время указанная норма может отражать как учет возможных местных интересов, так и изначальное стремление верховной власти сохранить противовес наместнику и его аппарату.

Эти тенденции в полной мере отразились в Судебнике 1497 г. Впервые в России местное управление получило правовые основания общегосударственного уровня. Судебник закладывал основы не просто общероссийской, но еще более сложной, чем это было отражено в Белозерской уставной грамоте, системы местного управления с разделением полномочий и установкой противовесов. Статья 65 не только ограничивала размеры корма, но и допускала одновременное наличие в городе двух наместников. Статья 38 требовала участия в суде наместника как дворского, так и старосты с «лучшими людьми» [1, с. 59, 62]. Не вполне ясно, выражал дворский общегосударственные или местные интересы, но известно, что он выполнял функции хозяйственного чиновника. Староста и «лучшие люди», безусловно, представляли местную общину. Ни Судебник, ни уставные грамоты, не содержат никакой информации о характере их представительства. Остается неясным, в каком количестве участвовали «лучшие люди» в суде, избирались ли они с этой целью и насколько широко представляли местные интересы, какие функции исполняли. Вероятно, что они со старостой являлись элементом сложной системы, нацеленной, с одной стороны, на централизацию и унификацию управления, с другой – на недопущение чрезмерного усиления наместников-кормленщиков, с третьей – на определенный учет интересов местных общин.

Итак, очевидно, что наместники и волостели были не единственными значимыми фигурами местного управления даже в период своего максимального влияния. Один из дискуссионных вопросов историографии темы – роль наместничества в системе местного управления первой половины XVI в. Остановимся на некоторых оценках современных исследователей. Следуя преобладающей историографической традиции, Т. В. Пашкова считает роль кормленщиков основной, системообразующей в местном управлении. Впрочем, она признает существование иных, в том числе не связанных с наместниками органов власти (например, в сфере сбора торговых пошлин), замыкающихся непосредственно на великом князе [2, с. 72, 76, 125]. И в то же время соглашается с утверждением А. А. Зимина о том, что исполнение обязанностей наместника и волостеля было лишь эпизодом их служилой деятельности [3, с. 436].

В. А. Аракчеев полагает, что в силу своего архаизма даже в середине XVI в. государственный строй России не сумел обеспечить институциональной связи с населением. Широкие полномочия кормленщиков и призваны были компенсировать отсутствие этой связи: «Власть наместников с боярским судом в миниатюре копировала власть государя, усвоив такое ее важное качество, как синкретичность – слитность, нерасчлененность административных, судебных и фискальных полномочий» [4, с. 17]. При этом «в толщу тяглых миров» власть наместника не проникала [4, с. 17].

На наш взгляд, если при формировании системы местного управления верховная власть и не руководствовалась предварительно выстроенным, обоснованным проектом, в центре которого находилась фигура наместника, то, безусловно, отдавала себе отчет не только о возможностях, но и об издержках кормлений и продумывала функционирование сдержек и противовесов. Все перечисленные элементы (старосты, лучшие люди, городовые приказчики) должны были обеспечить работоспособность наместничества не только в интересах кормленщиков, но и государства.

Слабые места наместнического управления были ясны изначально – наместники не имели достаточно сил и средств для полноценного осуществления правоохранительных функций, их заинтересованность в справедливом суде, поддержании общественного порядка была сомнительной – скорее можно заметить заинтересованность в увеличении числа судебных тяжб и пошлин. Очевидно, слабым был институциональный контроль деятельности наместника со стороны центральной власти. И все же наместничество в большей степени, чем удельное управление, отвечало задачам объединения и централизации государства, а его пороки в определенной степени компенсировались указанными противовесами.

Однако с 30–40-х гг. XVI в. в источниках наблюдается резкое увеличение сообщений о пороках наместничества – причем пороках, влекущих крайне негативные последствия для всей страны. Наиболее драматично описывается проблема в летописях: «Многие грады и волости пусты учинили наместники и волостели, из многих лет, презрев страх Божий и государские уставы и много злокозненных дел на них учиниша; не быша им пастыри и учителя, а сотворишася им гонители и разорители. Также тех градов и волостей мужичья многие коварства содеяша и убийства их людем: и как едут с кормленей, и мужики многими иски отыскивают, и много в том кровопролития и осквернения душам содеяша, и многие наместники и волостели и старого своего стяжания избыша, животов и вотчин» [5, с. 267].

Так зарождалась обличительная тенденция в оценке наместничества, укorenившаяся впоследствии в дореволюционной и советской историографии. С 50-х гг. XVI в. флагманом подобной оценки становится сама верховная власть. Так, кормленщики становятся одной из мишеней в

вопросах царя-реформатора к Стоглавому собору. Апофеоз наступает с торжественным провозглашением в 1555–1556 г. отмены кормлений [6, с. 37–38].

В процессе формирования сословно-представительной монархии к середине XVI в. в системе центрального и местного управления происходят коренные изменения. Судебник 1550 г., земская и губная реформы 50-х гг. XVI в. отразили настолько существенное усиление сословного выборного представительства в центре и на местах, что ряд дореволюционных исследователей увидели в этих преобразованиях возврат к децентрализации, прежним, существовавшим еще до принятия Судебника 1497 г., порядкам [7, с. 525]. Фиксация существенных черт сословно-представительной монархии дает возможность утверждать не просто о преувеличении, но об ошибочности такого вывода. С одной стороны, Судебник 1550 г. не только определял обязательный характер участия представителей местной общины в осуществлении управления и суда наместником, но и прямо устанавливал выборность старост и целовальников. Оговаривались конкретные процедуры контроля местной общины над деятельностью наместника, в первую очередь, ведение делопроизводства земским дьяком [1, с. 109–113].

Но невозможно предположить, что широкое привлечение земщины в качестве самоцели предполагало децентрализацию управления и возврат к управленческим традициям удельной эпохи. Если даже принять позицию М. Ф. Владимирского-Буданова, видевшего главное назначение наместничьего управления при Иване IV в объединении мест с центром при сохранении внутреннего управления на местах в руках выборных [8, с. 194], Судебник 1550 г. и последовавшие реформы отражали не реставрацию прошлого, а, напротив, доведение до логического завершения процесса централизации в условиях формирующейся сословно-представительной монархии. В преобразованиях отразилось стремление центральной власти к формированию и использованию в своих интересах нового сословного компромисса в условиях роста влияния дворянства и городов. Что же касается системы управления, то, как отметил Н. Е. Носов, Судебник 1550 г. был призван «организовать контроль над местным управлением в общегосударственном масштабе» [9, с. 53–54.]. Преобразования Ивана Грозного были направлены не на создание новых органов самоуправления, а на расширение и формализацию финансовых, судебных и административных полномочий испокон веку самоорганизовывавшихся местных миров.

Хотя Судебник 1550 г., земская и губная реформы привели к принципиальным изменениям в системе местного управления, все же не следует преувеличивать их значения. Исследователи часто по умолчанию подразумевают, что реформы, как это официально провозглашалось самой царской властью, привели к полной ликвидации кормлений и вообще к замене системы наместников выборным

местным самоуправлением. В крайнем случае признается, что до начала XVII в. **наместники и волостели** еще сохранялись в приграничных южных и западных городах, в которых имела потребность в оперативном единоначалии [9, с. 214]. Хотя уничтожение кормлений и замена наместничьей системы местными выборными органами явно составляли цель земской и губной реформ, нет достаточных оснований утверждать о полном достижении этой цели. Как заметил В. А. Аракчеев, кормленные грамоты продолжали издаваться до конца XVI в. (последняя датирована 1589 г.) [4, с. 17]. О сохранении наместничьего управления прямо свидетельствует Сводный Судебник 1606–1607 гг. Ссылки на «пурбежные города» при этом в законопроекте отсутствуют [10, с. 188–189, 192–193]. Сохранение на практике элементов наместничьего управления в том числе в городах Центральной России подтверждают и царские грамоты начала XVII в. Так, судная грамота Устюжне Железнопольской 1614 г. подтверждала самостоятельность городской общины в судебной сфере, упоминала о наличии губных грамот и полномочиях губных старост [11, с. 73–75]. Однако уставная грамота того же времени тому же городу, также характеризуя разные стороны выборного городского самоуправления, упоминает и о суде волостеля с тиуном. Полномочия волостеля были значительно урезаны по сравнению с эпохой конца XV – первой половины XVI в., его суду подлежали только устюженские выборные и только за душегубство, разбой и татьбу с поличным [11, с. 77]. Однако примечательно само упоминание элементов уже «ликвидированной» системы кормлений. Хотя к 50-м гг. XVI в. **закат этой системы** был явным, продолжение ее существования на протяжении более чем полувека дает основания предположить, что наместничество было далеко не всегда и не везде столь дисфункциональной системой, как это обычно изображается и в источниках, и в исследовательской литературе.

О непростом и длительном утверждении выборного самоуправления по итогам реформ Ивана IV говорят Судебники 1589 и 1606–1607 гг., требовавшие введения целовальников и старост в дополнение к власти наместника (но не вместо нее!) там, где их «наперед сего» не было [10, с. 135, 193]. Такое требование, настойчиво повторяющееся и в уставных грамотах, звучит, выражаясь словами В. В. Бовыкина, как заклинание [12, с. 209]. Это, с одной стороны, свидетельствует о высоких надеждах, возлагавшихся верховной властью на органы губного и земского управления, о высоком в целом уровне доверия к местным общинам. С другой стороны, очевидно, что, несмотря на очевидные способности местных миров к самоорганизации, формализация деятельности выборных органов, установление их связи с государством были сложными задачами. Даже в Центральной России элементы наместничьей системы сохранились до времени ее трансформации в систему воеводскую.

Впервые в качестве администраторов воеводы предстают уже с 50-х гг. XVI в. в ходе освоения

Среднего и Нижнего Поволжья, южного порубежья, Сибири. Здесь воеводы были вынуждены не только выполнять чисто военные функции, но и системно осуществлять широкие обязанности административно-хозяйственного характера – начиная от основания городов и градостроительства и до вопросов их снабжения и поддержания общественного порядка. По сути дела, на вновь присоединяемых территориях воеводское управление являлось безальтернативной формой. Как справедливо отмечает И. П. Ермолаев, исследовавший становление системы управления Казанским краем, ни наместничье управление, ни тем более губное и земское самоуправление были невозможны на вновь присоединенной территории. Исторически, как уже говорилось, наместники изначально направлялись для управления покоренными землями, и первые казанские воеводы иногда также назывались наместниками. Но они не имели ключевых атрибутов наместничьей власти – прав на кормление и самостоятельное управление [13, с. 3–4, 38]. Можно сказать, что наместническое управление закончилось в Средневолжском крае, даже не начавшись. Губное и земское самоуправление на этой территории в XVI в. и **вовсе не начиналось** – верховная власть не могла его предоставить иноконфессиональному и иноэтничному населению, которое еще не смирилось с вхождением в Русское государство. Таким образом, альтернатив воеводскому управлению не было – говоря словами И. П. Ермолаева, «местное управление в Казани по существу должно было в определенной степени быть для края и центральным» [13, с. 11]. Очевидно, исследователь подразумевает создание приказа Казанского дворца, которому и были подотчетны казанские воеводы, но при этом последние должны были иметь возможность оперативно и под свою ответственность решать управленческие проблемы в сложном регионе.

Отличие от наместников воеводы стали полноценным элементом бюрократической системы с приказами на ее вершине. Наместник получал вместе с назначением право на самостоятельное кормление и таким образом, экономически оказывался независим от центральной власти. Он самостоятельно осуществлял управление, сам подбирал кадры для своего аппарата. Получавший же за свою службу государеву жалование воевода был призван стать элементом системы приказов на местах. Его возможности в формировании аппарата управления были сильно урезаны. Более формализованный характер носили статус, деятельность и подотчетность воеводы. В своей деятельности воевода обязан был следовать наказам (инструкциям), составлять сметные списки (ежегодные отчеты), а при передаче города и уезда преемнику – росписные списки (книги сдачи). Все это позволяло полнее использовать административный ресурс государства, в определенной степени рационализировать управление, но создавало новые проблемы в отношениях с местными общинами, традиционное мировосприятие которых отторгало

новый институт. По мере распространения воеводского управления с окраин в центральные районы страны – впрочем, уже в XVII в. – острота этих проблем возрастала.

Примечательно, что даже в среде верхов городских общин довольно долго не воспринималась трансформация воеводы от чрезвычайного порученца к неотъемлемому элементу формирующейся бюрократической машины. Например, жалуясь на Земском соборе 1642 г. на притеснения воевод, представители гостей, гостиных и суконных сотен вообще подвергли сомнению обоснованность его управленческих полномочий: «...при прежних государех в городех ведали губные старосты, а посадские люди судилися сами промеж себя, а воевод в городех не было; а воеводы были посыланы, по прежних государей указу, с ратными людьми только в украинные города, для береженья от тех же турских и крымских и нагайских татар, от их разоренья» [14, с. 584]. О чем это говорит, учитывая, что в реальности воеводское управление уже, по идее, должно было стать обыденностью? Безусловно, об изрядном уровне злоупотреблений со стороны воеводской власти. Также, вероятно, о стремлении верхов купечества, пожаловавшись на жизнь, избежать чрезвычайных налогов, связанных с возможностью вступления в войну с Турцией (по принципу, чтобы дали малое, проси большое). Но кое-что, пожалуй, этот факт говорит и о самом институте воеводского управления, который, несмотря на очевидные преимущества по сравнению с наместнической системой, довольно долго обретал легитимность. Хотя местные миры вынуждены были мириться с воеводской властью, она в течение десятилетий ими воспринималась как институт чрезвычайный, существующий «не по пошлине» и в этом смысле уступавший даже наместничеству. «Пошлиной», естественно, считалось губное и земское управление.

Тем не менее царские указы уже в конце XVI – начале XVII в. свидетельствуют о довольно широком спектре обязанностей и полномочий воеводы [15, с. 436–446; 16, с. 814–859]. Первоначально в наказах преобладают конкретные поручения инструментального характера, но на их основе оформилась система функций воеводского управления. Эти функции осуществлялись воеводой как самостоятельно, так и в сотрудничестве с местными мирами – в обязательном порядке, установленном сверху.

Итак, всего за одно столетие в Русском государстве существенно и неоднократно изменялась организация местного управления. С конца XV века в качестве всеобщей распространяется система кормлений и наместничьего управления. Удовлетворяя частный интерес кормленщиков, государство надеялось на то, что они, в отличие от удельных князей, смогут стать проводником централизации на местах.

Уже к середине XVI в., однако, сама верховная власть констатирует неэффективность кормлений и заявляет об их отмене. Впрочем, наместники и волостели вплоть до начала XVII в. **фигуриру-**

ют и в законодательстве, и в актовом материале. Возможно, представления об их неэффективности оказались преувеличенными, но с середины XVI в. **начинается закономерный закат наместничьего управления** как переходной и ограниченной формы, не способной в условиях централизации государства надлежащим образом выполнять свои административные и судебные функции.

Этот закат сопровождается двумя тенденциями. Во-первых, в ходе губных и земской реформ значительными и разнообразными полномочиями наделяются органы местного самоуправления. Во-вторых, по мере развития приказной системы в центре постепенно создаются условия для бюрократизации управления и на местах.

С 30-х гг. и в особенности с середины XVI в. центральная власть предпринимает ряд попыток привлечь к осуществлению управленческих функций местные общины. Созданные для решения разнообразных фискальных, судебных, административных задач губные и земские органы в некоторых случаях дополняют, а в других – вовсе заменяют власть наместников. Более того, создаются условия для конкуренции разных органов самоуправления между собой. Разнообразие форм губного и земского управления переживет опричнину и Смуту, завершение закрепощения и начало эпохи абсолютизма, сохранится на протяжении большей части XVII в., **что доказывает их достаточно высокую эффективность**, по крайней мере в условиях сословно-представительной монархии. Важно отметить, что верховная власть не столько создавала губные и земские учреждения, сколько использовала способности местных миров к саморегулированию – естественно, в фискальных и административных интересах государства.

С 50–80-х гг. XVI в. **вместе с оформлением приказной системы и включением в состав государства инородных территорий зарождается воеводское управление на местах.** Изначально как чрезвычайное управление в окраинных городах и на вновь осваиваемых территориях воеводская система, как оказалось, имела больший по сравнению с наместничьей потенциал роста. Впрочем, выяснится это уже только в следующем веке. Можно согласиться с мнением В. В. Бovyкина о синхронности централизации и формализации губного и земского управления, о своеобразном союзе государства и земли, выдержавшем суровую проверку Смутным временем [12, с. 381].

За период чуть более чем в столетие местное управление в Русском государстве проявило невиданный динамизм. И это в условиях сохранения «пошлины», «старинны» как идеологической основы государственно-правовой легитимации! Такие значительные изменения в первую очередь были связаны со стремительным территориальным ростом и возрастанием необходимости централизации государства. Верховная власть энергично искала разные способы ответов на новые управленческие вызовы. В ходе этих поисков формируются, сосуществуют и сменяют друг друга ин-

ституты наместничьего и воеводского управления, в то же время достаточно широко раскрывается потенциал губного и земского самоуправления.

Библиографический список

1. Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства: в 9 т. Т. 2 / отв. ред. А. Д. Горский; под общ. ред. О. И. Чистяковой. М.: Юрид. лит., 1985. 520 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=1345718>.

2. Пашкова Т. В. Местное управление в Русском государстве первой половины XVI в.: Наместники и волостели. М.: Древнехранилище, 2000. 214 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21334768>.

3. Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: очерки социально-экономической и политической истории России в XVI в. М.: Соцэкгиз, 1960. 511 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=215975&p=1>.

4. Аракчеев В. А. Наместники в России XVI века // Вопросы истории. 2010. № 1. С. 3–19. URL: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Arakcheev.pdf>.

5. Полное собрание русских летописей. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). М., 2000. 728 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book9142/479808>.

6. Законодательные акты русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Комментарии / АН СССР, Ин-т истории СССР, Ленингр. отд-ние; авт. коммент. Ю. Г. Алексеев [и др.]; под ред. Н. Е. Носова, В. М. Панеяха. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1987. 260 с. URL: <https://myklad.net/5/2/4/zakonodatelnye-akty-russkogo-gosudarstva-vtoroj-poloviny-xvi-pervoj-poloviny-xvii-veka-v-2-x-chastyax-nosov-n-e-otv-red-1986-1987-istoriya-pdf-djvu.html>.

7. Лекции по истории русского законодательства / [соч.] И. Д. Беляева, ординарного проф. Имп. Московского ун-та; предисл. С. Петровского. М.: Типолитограф. С. А. Петровского и Н. П. Панина, 1879. VIII. 728 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book4337/53011>.

8. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. 3-е изд. с доп. Киев: Изд. Н. Я. Оглоблина, 1900. 690 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=735507>.

9. Носов Н. Е. Становление сословно-представительных учреждений России: изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л.: Наука, Ленинградское отд-ние, 1969. 601 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=763048>.

10. Памятники российского права: учебно-научное пособие: в 35 т. / под общ. ред. Р. Л. Хачатурова. Т. III. Кн. II. М.: Юрлитинформ, 2014. 487 с. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie2287590.html>.

11. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Императорской академии наук. СПб., 1836. Т. III. 496 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3032/9538>.

12. Бовыкин В. В. Русская земля и государство в эпоху Ивана Грозного: Очерки по истории местного самоуправления в XVI в. СПб.: ДБ, 2014. 432 с. URL: <http://moscowstate.ru/bovykin-v-v-russkaya-zemlya-i-gosudarstvo-v-epohu-ivana-groznogo-ocherki-po-istorii-mestnogo-samoupravleniya-v-xvi-v>.

13. Ермолаев И. П. Среднее Поволжье во второй половине XVI – XVII вв. (Управление Казанским

краем). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1982. 224 с. URL: <http://moscowstate.ru/ermolaev-i-p-srednee-povolzhje-v-vtoroj-polovine-xvi-xvii-vv-upravlenie-kazanskim-krajem>.

14. Памятники русского права: в 8 вып. М.: Госюриздат, 1959. Вып. V. 667 с. URL: https://vk.com/wall321594268_6027.

15. Акты исторические, собранные и изданные Археографической Комиссией. СПб., 1841. Т. I. 438 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book8009/457129>.

16. Русская историческая библиотека: в 39 т. СПб., 1875. Т. II. 655 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book7652/428095>.

References

1. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva: v 9 t. T. 2. Otv. red. A. D. Gorskii. Pod obshch. red. O. I. Chistyakovoi.* [Russian legislation of the X–XX centuries: Legislation of the period of formation and strengthening of Russian centralized state: in 9 vols. Vol. 2. Responsible editor A. D. Forsky; O. I. Chistyakova (Ed.)]. M.: Yurid. lit., 1985, 520 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1345718> [in Russian].

2. Pashkova T. V. *Mestnoe upravlenie v Russkom gosudarstve pervoi poloviny XVI v.: Namestniki i volosteli* [Local government in the Russian state in the first half of the 16th century: Governors and volostels]. M.: Drevnekhranilishche, 2000, 214 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21334768> [in Russian].

3. Zimin A.A. *Reformy Ivana Groznogo: ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii v XVI v.* [Reforms of Ivan the Terrible: essays on the socio-economic and political history of Russia in the XVI century]. M.: Sotsekgiz, 1960, 511 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=215975&p=1> [in Russian].

4. Arakcheev V. A. *Namestniki v Rossii XVI veka* [Namestniks in Russia of the XVI century]. *Voprosy istorii* [Questions of History], 2010, no. 1, pp. 3–19. Available at: <http://www.reenactor.ru/ARH/PDF/Arakcheev.pdf> [in Russian].

5. *Polnoe sobranie russkikh letopisei. T. 13: Letopisnyi sbornik, imenuemyi Patriarshei ili Nikonovskoi letopis'yu (Prodolzhenie)* [Complete collection of Russian chronicles. Vol. 13: Annalistic collection, called the Patriarch or Nikon's Annals (Continued)]. M., 2000, 728 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book9142/479808> [in Russian].

6. *Zakonodatel'nye akty russkogo gosudarstva vtoroi poloviny XVI-pervoi poloviny XVII veka: Kommentarii. AN SSSR, In-t istorii SSSR, Leningr. otd-nie; Avt. komment. Yu. G. Alekseev i dr. Pod red. N. E. Nosova, V. M. Paneyakha* [Legislative acts of the Russian state of the second half of the XVI – the first half of the XVII century: Commentaries. Academy of Sciences of the USSR, Leningrad branch; Narration Yu. G. Alekseev et al.; N. E. Nosov, V. M. Paneyakh (Eds.)]. L.: Nauka: Leningr. otd-nie, 1987, 260 p. Available at: <https://myklad.net/5/2/4/zakonodatelnye-akty-russkogo-gosudarstva-vtoroj-poloviny-xvi-pervoj-poloviny-xvii-veka-v-2-x-chastyax-nosov-n-e-otv-red-1986-1987-istoriya-pdf-djvu.html> [in Russian].

7. *Lektsii po istorii russkogo zakonodatel'stva. [soch.] I. D. Belyaeva, ordinarnogo prof. Imp. Moskovskogo un-ta; predisl. S. Petrovskogo* [Lectures on the history of Russian legislation. [work] I. D. Belyaev, professor in ordinary of the Imperial Moscow University; foreword: S. Petrovsky]. M.: Tipolitogr. S. A. Petrovskogo i

N. P. Panina, 1879. VIII, 728 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book4337/53011> [in Russian].

8. Vladimirskii-Budanov M. F. *Obzor istorii russkogo prava. 3-e izd, s dop.* [Overview of the history of Russian law. 3rd edition, revised]. Kiev: Izd. N. Ya. Ogloblina, 1900, 667 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=735507> [in Russian].

9. Nosov N. E. *Stanovlenie soslovno-predstavitel'nykh uchrezhdenii Rossii: izyskaniya o zemskoi reforme Ivana Groznogo* [Formation of estate-representative institutions in Russia: survey on the Zemstvo reform of Ivan the Terrible]. L.: Nauka, Leningradskoe otd-nie, 1969, 601 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=763048> [in Russian].

10. *Pamyatniki rossiiskogo prava: uchebno-nauchnoe posobie: v 35 t.; pod obshch. red. R. L. Khachaturova. T. III. Kn. II* [Monuments of Russian law: academic and research textbook: in 35 vols. R. L. Khachaturov (Ed.). Vol. III. Book. II]. M.: Yurlitinform, 2014, 487 p. Available at: <http://lawlibrary.ru/izdanie2287590.html> [in Russian].

11. *Akty, sobrannye v bibliotekakh i arkhivakh Rossiiskoi imperii Arkheograficheskoi ekspeditsiei Imperatorskoi akademii nauk* [Acts collected in the libraries and archives of the Russian Empire by the Archaeographic Expedition of the Imperial Academy of Sciences]. SPb., 1836, Vol. III, 496 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3032/9538> [in Russian].

12. Bovykin V.V. *Russkaya zemlya i gosudarstvo v epokhu Ivana Groznogo: Ocherki po istorii mestnogo samoupravleniya v XVI v.* [Russian land and state in the era of Ivan the Terrible: Essays on the history of local government in the XVI century]. SPb.: DB, 2014, 432 p. Available at: <http://moscowstate.ru/bovykin-v-v-russkaya-zemlya-i-gosudarstvo-v-epokhu-ivana-groznogo-ocherki-po-istorii-mestnogo-samoupravleniya-v-xvi-v> [in Russian].

13. Ermolaev I. P. *Srednee Povolzh'e vo vtoroi polovine XVI – XVII vv. (Upravlenie kazanskim kraem)* [Middle Volga Region in the second half of the XVI – XVII centuries (Management of Kazan Region)]. Kazan: Izd-vo Kazan. un-ta, 1982, 224 p. Available at: <http://moscowstate.ru/ermolaev-i-p-srednee-povolzhevo-vtoroj-polovine-xvi-xvii-vv-upravlenie-kazanskim-kraem> [in Russian].

14. *Pamyatniki russkogo prava: v 8 vyp.* [Monuments of Russian law: in 8 issues.]. M.: Gosyurizdat, 1959, Issue V. 667 p. Available at: https://vk.com/wall321594268_6027 [in Russian].

15. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arkheograficheskoi Komissiei* [Historical acts collected and published by the Archaeographic Commission]. SPb., 1841, Vol. I, 438 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book8009/457129> [in Russian].

16. *Russkaya istoricheskaya biblioteka: v 39 t.* [Russian Historical Library: in 39 vols.]. SPb., 1875, Vol. II. 655 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book7652/428095> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-34-39
УДК 340

Дата поступления статьи: 13/III/2019
Дата принятия статьи: 25/IV/2019

Л. Е. Логунова

ОСОБЕННОСТИ ПОСУЛА В СИСТЕМЕ КОРРУПЦИОННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ПРАВЕ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА XV–XVI ВВ.

© **Логунова Любовь Евгеньевна** (YutyaevaLyubov@bk.ru), преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Самарский юридический институт ФСИН России, 443022, Российская Федерация, г. Самара, ул. Рыльская, 24 в.

Автор 34 научных работ. Ряд научных работ написан в соавторстве, в том числе: «Источники русского городского права XIII–XVIII вв.» (2016), «Система источников русского права X–XVIII вв.» (2014), «Памятники российского права: учебно-научное пособие. Том VI. Памятники права в период правления Екатерины II» (2014).

Область научных интересов: гуманизация наказаний, история права, история исполнения наказаний.

АННОТАЦИЯ

На основе анализа законодательных памятников права Московского государства XV–XVI вв., публично-правовых грамот и нарративных источников автор предпринимает попытку определиться с терминологией в сфере коррупционных правонарушений в российском праве рассматриваемого периода, отграничить посул как обязательную плату за проведение представителями судебной власти определенных законом процессуальных действий, независимо от исхода судебного разбирательства, от «тайного посула» и «тайных поборов», которые приобретали в то время характер коррупционных правонарушений наряду с «лихоимством» и «мздоимством». Анализируются и раскрываются основные аспекты и особенности коррупционных правонарушений, характерные для периода Московского государства. Изучаются не только такие известные памятники российского права, как судебники, но также и уставные грамоты, губные указы и иные источники права периода XV–XVI вв. Автор обращает внимание на важность, которую законодатель рассматриваемого периода придавал борьбе с чиновничьим произволом на местах.

Ключевые слова: право Московского государства, история права, коррупция, взятка, коррупционные правонарушения, судебники, посул.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 18-411-630004 «Конкретно-исторические формы коррупции в Московском государстве (XV–XVI вв.)» при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области.

Цитирование. Логунова Л. Е. Особенности посула в системе коррупционных правонарушений в праве Московского государства XV–XVI вв. // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 34–39. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-34-39>.

*L. E. Logunova***PECULIARITIES OF THE BRIBE IN THE SYSTEM OF CORRUPTION OFFENSES
IN THE LAW OF THE MOSCOW STATE OF THE XV–XVI CENTURIES**

© **Logunova Lyubov Evgenievna (YutyaevaLyubov@bk.ru)**, lecturer of the Department of Civil-Legal Disciplines, **Samara Law Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia**, 24 v, Rylskaya Street, Samara, 443022, Russian Federation.

Author of 34 scientific works. A number of scientific works written in collaboration, including: «Sources of Russian urban law of the XIII–XVIII centuries» (2016), «System of sources of Russian law of the X–XVIII centuries» (2014), «Monuments of Russian law: academic and research textbook. Volume VI. Monuments of law during the reign of Catherine II» (2014).

Research interests: humanization of punishments, history of law, history of execution of punishments.

ABSTRACT

Based on the analysis of legislative monuments of law of the Moscow state of the 15–16th centuries, public charters and narrative sources, the author attempts to define the terminology in the field of corruption in the Russian law of the period under review, distinguish and promise as a mandatory fee for the conduct of the judiciary of certain legal proceedings, regardless of the outcome of the trial, from the «secret bribe» and «secret extortions», which acquired at that time character of corruption offenses along with «extortion» and «bribery». The main aspects and features of corruption offenses typical for the period of the Moscow state are analyzed and disclosed. Not only such well-known monuments of the Russian law, like the Code of Laws, but also charters, labial mandates and other sources of law in the period of 15–16th centuries are studied. The author draws attention to the importance that the legislator of the period under review payed to the fight against local arbitrariness.

Key words: law of the Moscow state, history of law, corruption, bribe, corruption offenses, Codes of laws, bribe.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Logunova L. E. *Osobennosti posula v sisteme korrupsionnykh pravonarushenii v prave Moskovskogo gosudarstva XV–XVI vv.* [Peculiarities of the bribe in the system of corruption offenses in the law of the Moscow state of the XV–XVI centuries]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 34–39. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-34-39> [in Russian].

На современном этапе развития правовой системы России и государства в целом большое внимание уделяется противодействию коррупции. Законодательные и исполнительные органы власти, равно как и Президент, видят большую угрозу для развития страны в коррупционных правонарушениях, ставших настоящей традицией для российского чиновничества. В настоящий момент антикоррупционная политика является одним из наиболее приоритетных направлений деятельности любого уровня власти. Государственные органы, органы власти субъектов, муниципалитеты, правоохранительные органы, федеральные службы – все сегодня борются с коррупцией. Как возникло это явление и когда было положено начало этим традициям, как боролись с коррупционными проявлениями представители власти в период их зарождения и скорого расцвета, ответ на эти вопросы и стал предметом настоящего исследования

Для того чтобы изучать любое явление, необходимо сначала определиться с его определением и

значением. А. И. Кирпичников считает, что «коррупция – хроническая и неизлечимая болезнь любого государственного аппарата всех времен и всех народов. Она родилась вместе с государством и может погибнуть только вместе с ним» [1, с. 2]. Нельзя не согласиться с данным утверждением, поскольку ни одно государство мира не может «похвастаться» полным отсутствием коррупционных нарушений.

Коррупция – это общественное явление, которое может пониматься обществом по-разному. Каждый индивид вкладывает в него свой смысл в зависимости от своей нравственности, уровня правосознания, религиозных и этических взглядов. Что для одних людей однозначно является взяткой, для других может выглядеть вполне невинным подарком. Задача государства состоит в законодательном определении коррупции и коррупционного правонарушения в конкретном историческом временном отрезке.

Коррупция на сегодняшний день – это злоупотребление служебным положением, дача взятки,

получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами [2]. Но, исходя из сказанного выше, для более глубокого понимания исследуемого явления, необходимо обратиться к определениям, характерным для рассматриваемого периода истории.

Как правильно отмечает Д. Н. Альшиц, прежние историки не могли себе и представить того Монблана фактов, который высится теперь перед учеными. В результате трудов многих современных исследователей изучение начальной истории самодержавия приобрело качественно новый характер [3, с. 16]. Обратим внимание на терминологию рассматриваемого периода. В нормативных актах, действовавших в XV–XVI вв., употребляются понятия «посул», «тайный посул», «тайные поборы». Большинство исследователей истории права считают, что первоначально «посул» употреблялся в значении платы за судебное разбирательство – это так называемые иные судебные пошлины [4, с. 77], «частное вознаграждение, результат сделки между судьей и участником процесса, причем вознаграждение, размер которого не регулируется никаким законом» [5, с. 186], т. е. вознаграждение от сторон процесса не за результат рассмотрения дела, а за сам факт процесса [6, с. 173]. Нормативным подтверждением такого взгляда является, например, норма в Записи о душегубстве: «А посулять болшему наместнику, а двема третником тоже, а тиуну великого князя что посулят. А у заповеди, то у торгу кличить, наместнику болшему с двема третник по третем же, а тивуну великого князя нет ничего у заповеди. А у поля ему вяжщего треть, а пересуда треть ж, да что посулят» [7, с. 27]. В статье 6 Двинской уставной грамоты говорится о посуле в контексте вынесения неправосудного решения лицом, не имеющим на это права: «...а самосуд то: кто, изымав татя с поличным, да отпустит, а собе посул возмет, а наместники доведаются по заповеди, ино то самосуд; а опрочь того самосуда нет» [8, с. 181]. Эту норму возможно трактовать как подтверждение взгляда на посул как на допускаемое правомерное средство вознаграждения лица осуществляющего судопроизводство, по крайней мере, прямой запрет на это деяние отсутствует. Так же в рассматриваемый период существовала норма, предусматривающая, разделение посула: «А будет суд сместной, ине судят вопче, а прибытком и посулом делятся наполю» [9, с. 339], исходя из содержания которой, можно сделать выводы о легальности посулов во времена изданных нормативных актов. Однако при дальнейшем анализе нормативных источников становится понятным, что со временем

данный термин стал применяться для обозначения преступного деяния. Кроме того, исследователи коррупционных правонарушений и способов борьбы с ними на различных исторических этапах приходят к выводу, что наиболее близкое к ним смысловое значение также несут понятия «лихоимство» и «мздоимство» [10, с. 12; 11, с. 90].

К рассматриваемому здесь периоду относятся такие крупные известные памятники московского права, как Судебник Ивана III 1497 года и Судебник Ивана IV 1550 года, в которых термин «посул» несет уже иную по сравнению с рассмотренной ранее смысловую нагрузку и объявляется преступлением. Однако неверным будет исследовать коррупционные явления того времени, основываясь исключительно на анализе этих крупных памятников права. Московское право испытало значительное влияние северо-западной правовой традиции, уставные грамоты и иные правовые акты играли довольно важную роль в формировании права и нормативной регламентации деятельности государственного аппарата, судебной системы и чиновничества. Так, Псковская Судная грамота содержит статью, предусматривающую запрет на получение посулов: «...князь и посадник на вечи суду не судять, судити им у князя на сенех, взирав в правду по крестному целованию. А не вьсудят в правду, ино Бог буди им судиа... а тайных посулов не имати ни князю, ни посаднику» [12, с. 332]. Правосудность решений должна зависеть только от обстоятельств рассматриваемого чиновниками дела, а не от подарков и подношений. Судебник 1497 года начинается со статьи, прямо запрещающей совершение коррупционных правонарушений: «А посулов бояром, и околничим, и диаком от суда и от печалования не имати; також и всякому судие посула от суда не имати никому. А судом не мстити, ни дружити никому» [13, с. 54], что говорит о важности, которую законодатель придает борьбе с коррупцией во властных структурах. Статья 3 законодательно закрепляет размеры разрешенных пошлин для проведения судебного разбирательства: «А имати боярину и диаку в суде от рублеваго дела на виноватом, кто будет виноват, ища или ответчик, и боярину на виноватом два алтына, а диаку осем денег. А будет дело выше рубля или ниже, и боярину имати по тому росчету» [13, с. 55], превышение этих размеров не допускалось, поскольку могло быть воспринято уже как не легальная пошлина, а взятка за решение в пользу одной из сторон судебного разбирательства. Далее в акте законодатель распространяет запрет так же и на низших судебно-полицейских чиновников, тем самым предпринимая попытки искоренить коррупционные правонарушения абсолютно на всех этапах судебного процесса: «А недельщиком на суде на боярина, и на окольнічих, и на диаков посула не просити и не имати, а самимь от порукы посулов не имати» и «А изымав ему татя, не отпустити, ни посула не взятти; а опришних ему людей не имати» [13, с. 58]. Здесь содержится запрет не только на получение взятки, но и на ее вы-

могательство. Кроме уже перечисленных чиновников норма «без дворского, и без старосты, и без лутчих людей суда наместником и волостелем не судити; а посула им от суда не имати, и их тиуном и их людем посула от суда не имати же, ни на государя своего, ни на тиуна, и пошлинником от суда посулов не просити» [13, с. 59] запрещает брать посулы наместникам, волостелям и их тиунам. Чтобы предотвратить дачу взятки в ходе судебного разбирательства, законодатель вводит еще одну противокоррупционную норму, гласящую «по всем волостем заповедати, чтобы ищя и ответчик судиам и приставам не сулили в суду, а послухом не видеви, не послушествовати, а видевши, сказати правду» [13, с. 62].

Иван IV объявил фактически государственную программу очистки управленческого аппарата, в том числе посредством борьбы с коррупцией, Судебник 1550 года начинается с нормы, идентичной статье первой ранее проанализированного акта: «А судом не дружыти и не мстити никому, и посулу в суде не имати; також и всякому судье посулов в суде не имати» [14, с. 97], но в отличие от предыдущего судебного акта в статье 3 предусматривается наказание за вынесение неправосудного решения в результате получения взятки, а не просто запрет на совершение такого действия: «А который боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк в суде посул возмет и обвинит не по суду, а обыщется то в правду, и на том боярине, или на дворецком, или на казначей, или на дьяке взяти исцов иск, а пошлины царя и великого князя, и езд, и правда и пересуд, и хоженое, и правой десяток, и пожелезное взяти втрое, а в пене что государь укажет» [14, с. 97]. Также ответственность предусматривается за внесение дьяком ложных сведений в протокол: «А который дьяк список или дело запишет не по суду, не так, как на суде было, без боярского, или без дворецкого, или без казначеева ведома, а обыщется то в правду, что он от того посул взял, на том дьяке взятии перед боярином вполы да кинути его в тюрьму» [14, с. 97]. Таким образом, постепенно расширяется перечень коррупционных правонарушений, за которые может последовать наказание. Более тяжкое наказание предусматривается для подьячего, совершившего тот же проступок: «подьячей, которой запишет не по суду для посула без дьячего приказу, и того подьячего казнити торговою казнию, бити кнутьем» [14, с. 97], телесные наказания в то время несли в себе не только карательную функцию, но и устрашение, поскольку указанная в норме торговая казнь осуществлялась прилюдно.

Законодатель продолжает последовательную антикоррупционную политику в следующей норме: «неделщику на суде на боар и на дворецкого, и на околничих, и на казначеев, и на дьяков посулов не просити, и самому неделщику посулов не имати. А который неделщик возмет на суде на боярина, или на околничего, ли на дворецкого, или на казначея, или на дьяка посул, или себе посул возмет, и уличат его в том, и того неделщика каз-

нити торговою казнию, а посул на нем доправити втрое из недель выкинути» [14, с. 102], также неделщикам предписывалось «изымав татя или розбойника, не отпустити, ни посулов не взятии; а опричных ему людей не имати. А поноровит которой неделщик татю или розбойнику по посулом, а его отпустит, и уличат его в том, и на том неделщике исцов иск доправити, а его казнити торговою казнию да вкинути в тюрьму, а в казни что государь укажет» [14, с. 107]. За такого рода преступления так же, как и в ранее рассмотренных нормах, предусматривается тяжкое телесное наказание, но еще оно дополняется лишением должности, тюремным заключением и материальной ответственностью. Что касается такого вида коррупционного правонарушения, как дача взятки, то совершение этого преступления также запрещалось судебником: «... велети прокликати по торгом на Москве и во всех городех Московские земли, и Ноугородские земли, и Тверские земли, и по волостем, чтоб ищя или ответчик судьям и приставам посулов в суде не сулили; а послу(х)и бы, не видеви, не послушествовали» [14, с. 120]. Наказание за «посуление» посула предусмотрено не было, однако присутствие этого вида проступка в нормативном акте говорит о важности государственной борьбы с ним.

Исходя из правовой действительности, можно предположить, что и в период Московского государства нормативные акты на местах конкретизировали и дополняли нормы Судебников. Так, например, Медынский губной наказ предусматривает «посулов и поминков губным старостам и целовальником в розбойных и в татиных делех однолично ни у кого не имати некоторыми делы по государеву цареву и великого князя Ивана Васильевича всеа Руссии крестному целованью. А которой староста и целовальник учнут посулы имати в розбойных и в татиных делех, а доведут на него посул, - и тому старосте и целовальнику от царя и великого князя бытии в казни и продаже» [15, с. 222]. Судя по расширению законодательной регламентации борьбы с коррупционными правонарушениями в праве Московского государства, можно сделать вывод о понимании властями крайне отрицательного воздействия таких правонарушений на работу судов, чиновников, органов местного самоуправления, государственного аппарата и государства в целом.

Исходя из изложенного, однозначная трактовка термина «посул» в истории российского законодательства представляется невозможной в силу изменения значения его применения в правовых актах Московского государства и в течение предшествующего периода. В период централизации государства все большее значение придавалось борьбе с коррумпированностью административно-судебного аппарата, в том числе и с «посулами», которые ранее, как видно из нормативных документов, носили легальный характер. В XV столетии в большинстве своем встречаются только нормы, носящие декларативный запрет на дачу и получение взяток, законодательство же XVI века

предусматривает широкий спектр наказаний за совершение такого рода преступлений, в основном в зависимости от должностного положения наказываемого лица. Тяжущимся законодатель предписывает «посулов не сулить», не предусматривая за это деяние мер карательного воздействия, служащим же и работникам административно-судебного аппарата запрещается брать посулы, поскольку за это преступление предусматривается наказание от штрафа до казни. Жестокие телесные наказания, «торговая казнь», отбывание заключения в тюрьме – с течением времени законодатель усиливает и ужесточает ответственность за совершение коррупционных правонарушений. Исходя из широкого спектра мер ответственности, предусматриваемой за требование или получение посула, можно сделать вывод о разнообразии антикоррупционных мер, применяемых законодателем: устрашение не являлось единственной целью принятия антикоррупционных норм, они также носили и предупредительный характер.

Библиографический список

1. Кирпичников А. И. Российская коррупция. Санкт-Петербург: Юрид. центр Пресс, 2004. 437 с. URL: <https://avidreaders.ru/book/rossiyskaya-korrupciya.html>.
2. Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «О противодействии коррупции» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.09.2018) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 52. Ст. 6228. URL: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25122008-n-273-fz-o>.
3. Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л.: Наука, 1988. 244 с. URL: <http://bookre.org/reader?file=1474900>.
4. Мрочек-Дроздовский П. Н. Памятники русского права времени местных законов. М.: Унив. тип., 1901. 80 с. URL: <https://avidreaders.ru/book/pamyatniki-russkogo-prava-vremeni-mestnyh-zakonov.html>.
5. Алексеев Ю. Г. Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2001. 446 с. URL: <http://doc.histrf.ru/10-16/sudebnik-ivana-iii>.
6. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / В. В. Ермошин, Н. Н. Ефремова, И. А. Исаев, В. И. Карпец [и др.]; отв. ред.: В. С. Нерсисянц; редкол.: В. С. Нерсисянц, А. А. Преображенский, С. И. Штамм. М.: Наука, 1986. 288 с. URL: <http://lawlibrary.ru/izdanie6965.html>.
7. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1964. 689 с. URL: <http://moscowstate.ru/akty-sotsialno-ekonomicheskoy-istorii-severo-vostochnoj-rusi-kontsa-xiv-nachala-xvi-v-tom-i-iii>.
8. Двинская уставная грамота // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1985. 521 с.
9. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI вв. Т. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1958. 729 с. URL: <http://moscowstate.ru/akty-sotsialno-ekonomicheskoy-istorii-severo-vostochnoj-rusi-kontsa-xiv-nachala-xvi-v-tom-i-iii>.

10. Оспенников Ю. В. О разнообразии форм коррупционных правонарушений в Московском государстве в XVI в. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 12–15. DOI: 10.24420/KUI.2017.28.6252.

11. Сулейманов Т. М. Борьба с коррупцией в России в IX–XIX вв.: историко-правовой анализ // Государственный аудит. Право. Экономика. 2012. № 2. С. 89–93. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17909067>.

12. Псковская судная грамота // Российское законодательство X–XX вв. Т. 1. М.: Юрид. лит., 1984. 432 с. URL: <https://diletant.media/articles/38915864>.

13. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1985. 521 с. URL: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D0%BA_1497-%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0.

14. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1985. 521 с. URL: http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf.

15. Медынский губной наказ // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1984. 521 с.

References

1. Kirpichnikov A. I. *Rossiiskaya korrupciya* [Russian Corruption]. Sankt-Peterburg: Yurid. tsentr Press, 2004, 437 p. Available at: <https://avidreaders.ru/book/rossiyskaya-korrupciya.html> [in Russian].
2. *Federal'nyi zakon ot 25.12.2008 № 273-FZ (red. ot 03.08.2018) «O protivodeistvii korrupcii» (s izm. i dop., vstup. v silu s 03.09.2018)* [Federal Law as of December 25, 2008 № 273-FZ (as amended on August 3, 2018) «On Corruption Combating» (as amended and supplemented; entered force on September 3, 2018)]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2008, no. 52, Article 6228. Available at: <https://legalacts.ru/doc/federalnyi-zakon-ot-25122008-n-273-fz-o> [in Russian].
3. Al'shits D. N. *Nachalo samoderzhaviya v Rossii* [Beginning of autocracy in Russia]. L.: Nauka, 1988, 244 p. Available at: <http://bookre.org/reader?file=1474900> [in Russian].
4. Mrochek-Drozovskii P. N. *Pamyatniki russkogo prava vremeni mestnykh zakonov* [Monuments of Russian law of the time of local laws]. M.: Univ. tip., 1901, 80 p. Available at: <https://avidreaders.ru/book/pamyatniki-russkogo-prava-vremeni-mestnyh-zakonov.html> [in Russian].
5. Alekseev Yu. G. *Sudebnik Ivana III. Traditsiya i reforma* [Judgment of Ivan III. Tradition and reform]. SPb.: Izdatel'stvo «Dmitrii Bulanin», 2001, 446 p. Available at: <http://doc.histrf.ru/10-16/sudebnik-ivana-iii> [in Russian].
6. *Razvitie russkogo prava v XV – pervoi polovine XVII v. Ermoshin V. V., Efremova N. N., Isaev I. A., Karpets V. I. i dr. Otv. red.: V. S. Nersesyants; redkol.: V. S. Nersesyants, A. A. Preobrazhenskii, S. I. Shtamm* [Development of the Russian law in the XV – first half of the XVII century. V. V. Ermoshin, N. N. Efremova, I. A. Isaev, V. I. Karpets et al.; responsible editor: V. S. Nersesyants; editorial staff: V. S. Nersesyants, A. A. Preobrazhenskii, S. I. Shtamm]. M.: Nauka, 1986, 288 p. Available at: <http://lawlibrary.ru/izdanie6965.html> [in Russian].

7. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi kontsa XIV – nachala XVI vv. T. 3.* [Acts of socio-economic history of North-Eastern Russia at the end of the XIV – beginning of the XVI centuries. Vol. 3]. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1964, 689 p. Available at: <http://moscowstate.ru/akty-sotsialno-ekonomicheskoi-istorii-severo-vostochnoj-rusi-kontsa-xiv-nachala-xvi-v-tom-i-iii> [in Russian].

8. *Dvinskaya ustavnaya gramota* [Dvina charter]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 2* [Russian Legislation of the X–XX centuries. Vol. 2]. M.: Yurid. lit., 1985, 521 p. Available at: <https://scicenter.online/istoriya-gosudarstva-scicenter/dvinskaya-ustavnaya-gramota-79699.html> [in Russian].

9. *Akty sotsial'no-ekonomicheskoi istorii Severo-Vostochnoi Rusi kontsa XIV – nachala XVI vv. T. 2* [Acts of socio-economic history of North-Eastern Russia at the end of the XIV – beginning of the XVI centuries. Vol. 2]. M.: Izdatel'stvo AN SSSR, 1958, 729 p. Available at: <http://moscowstate.ru/akty-sotsialno-ekonomicheskoi-istorii-severo-vostochnoj-rusi-kontsa-xiv-nachala-xvi-v-tom-i-iii> [in Russian].

10. Ospennikov Yu. V. *O raznoobrazii form korruptsionnykh pravonarushenii v Moskovskom gosudarstve v XVI v.* [On a variety of forms of corruption offences in Moscow state of the XVI century]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia], 2017, no. 2 (28), pp. 12–15. DOI: 10.24420/KUI.2017.28.6252 [in Russian].

11. Sulejmanov T. M. *Bor'ba s korruptsiei v Rossii v IX–XIX vv.: istoriko-pravovoi analiz* [Corruption fighting in Russia in the IX–XIX centuries: historical analysis]. *Gosudarstvennyi audit. Pravo. Ekonomika* [State Audit. Law. Economics], 2012, no. 2, pp. 89–93. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17909067> [in Russian].

12. *Pskovskaya sudnaya gramota* [Pskov Judicial Charter]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 1* [Russian Legislation of the X–XX centuries. Vol. 1]. M.: Yurid. lit., 1984, 432 p. Available at: <https://diletant.media/articles/38915864> [in Russian].

13. *Sudebnik 1497 g.* [Law Code of 1497]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 2* [Russian Legislation of the X–XX centuries. Vol. 2]. M.: Yurid. lit., 1985, 521 p. Available at: https://ru.wikisource.org/wiki/%D0%A1%D1%83%D0%B4%D0%B5%D0%B1%D0%BD%D0%B8%D0%BA_1497_%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0 [in Russian].

14. *Sudebnik 1550 g.* [Law Code of 1550]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 2* [Russian Legislation of the X–XX centuries. Vol. 2]. M.: Yurid. lit., 1985, 521 p. Available at: http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf [in Russian].

15. *Medynskii gubnoi nakaz* [Medynskii labial order]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 2* [Russian Legislation of the X–XX centuries. Vol. 2]. M.: Yurid. lit., 1984, 521 p. [in Russian].

ТЕОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-40-44
УДК 340.13

Дата поступления статьи: 13/III/2019
Дата принятия статьи: 23/IV/2019

М. Ю. Спири

ФОРМАЛЬНЫЕ ИСТОЧНИКИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

© Спири Михаил Юрьевич (smy@samaradom.ru), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34; член Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права (МАТГиП).

Тема кандидатской диссертации: «Теоретические проблемы законотворческой деятельности в Российской Федерации». Автор более 75 научных и методических работ, в том числе 3 учебных пособий: «Сравнительное правоведение» (Самара, 2012 и 2016), «Общая теория права и государства» (Самара, 2016).

Область научных интересов: общая теория права, социология права, учение об истоках, источниках и формах права, сравнительное правоведение, юридическая география мира, теория международного права.

АННОТАЦИЯ

В статье определены основные нормативные уровни формальных источников права, которые с учетом достижений отечественной правовой мысли и развития законодательства, а также судебной и международной договорной практики осуществляют регулирование организационной деятельности в сфере противодействия коррупции. Также рассмотрены особенности исторического развития такого регулирования на примере анализа концептуальных положений проектов российских федеральных законов о борьбе с коррупцией и о противодействии коррупционной деятельности.

Делается вывод о взаимосвязи и взаимозависимости различных уровней нормативного регулирования противодействия коррупции как общесоциального явления и борьбы с различными видами коррупционных правонарушений в российском обществе.

Ключевые слова: коррупция, коррупционная деятельность, формальные источники права, нормативные уровни правового регулирования, законодательство о противодействии коррупционной деятельности, правовые позиции Верховного Суда РФ.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 18-411-630004 «Конкретно-исторические формы коррупции в Московском государстве (XV–XVI вв.)» при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области.

Цитирование. Спири М. Ю. Формальные источники правового регулирования противодействия коррупционной деятельности в России // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 40–44. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-40-44>.

*M. Yu. Spirin***FORMAL SOURCES OF LEGAL REGULATION OF ANTI-CORRUPTION ACTIVITIES
IN RUSSIA**

© **Spirin Mikhail Yurievich** (smy@samaradom.ru), Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation; member of the Interregional Association of Theorists of State and Law (MATGIP).

Subject of Candidate's thesis: «Theoretical problems of legislative procedure in the Russian Federation». Author of more than 75 research and methodological works, including 3 tutorial guides: «Comparative jurisprudence» (Samara, 2012 and 2016), «General theory of law and state» (Samara, 2016).

Research interests: general theory of law, sociology of law, study of law's initial sources, sources and forms, comparative jurisprudence, juridical geography of the world, theory of international law.

ABSTRACT

The article defines the main normative levels of formal sources of law, which, taking into account the achievements of domestic legal thought and the development of legislation, as well as judicial and international treaty practice, regulate organizational activities in the field of combating corruption. The features of the historical development of such regulation on the example of the analysis of the conceptual provisions of the draft of Russian Federal laws on combating corruption and on combating corruption activities are also considered.

The conclusion is made about interrelation and interdependence of various levels of normative regulation of corruption counteraction as the general social phenomenon and fight against various types of corruption offenses in the Russian society.

Key words: corruption, corruption activities, formal sources of law, regulatory levels of legal regulation, legislation on combating corruption, legal position of the Supreme Court of the Russian Federation.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Spirin M. Yu. *Formal'nye istochniki pravovogo regulirovaniya protivodeistviya korruptsionnoi deyatel'nosti v Rossii* [Formal sources of legal regulation of anti-corruption activities in Russia]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 40–44. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-40-44> [in Russian].

В современной научной литературе представлено большое количество вариантов определения коррупции (коррупционной деятельности), которые различным образом раскрывают сущность этого негативного социально-правового явления. При этом внимание уделяется как анализу коррупции в качестве единого глобального явления, так и значению коррупционной деятельности в виде системы правонарушений соответствующей направленности. В данном вопросе следует определиться, можно ли под коррупцией понимать именно систему формально определенных противоправных деяний – так она по смыслу закреплена в нормах Федерального закона «О противодействии коррупции», или же коррупция представляет собой общесоциальное негативное явление, которое внешне проявляется посредством совершения должностными лицами соответствующих противоправных деяний. В этом смысле Д. В. Мирошниченко аргументированно обосновал коррупцию как социокультурно обуслов-

ленное явление [1, с. 5]. В том же случае, если мы соглашаемся с концептуальной позицией законодателя о коррупции как длящейся системе деяний, то важно определиться с самими кругом соответствующих деяний, входящих в системное определение коррупции. Если брать за основу легальное определение коррупции, то, очевидно, в нее входят не только взяточничество и коммерческий подкуп, но и иные злоупотребления должностными полномочиями.

В настоящее время под коррупцией понимается злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц

либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

Деятельность по противодействию коррупции можно осуществлять различными способами, в том числе посредством своевременного принятия нормативных правовых актов и заключения в установленном порядке договоров нормативного содержания, закрепляющих в соответствующих нормах права перечень деяний, с которыми общество и государство считают необходимым бороться, а также надлежащего толкования содержащихся в этих нормах конкретных модусов поведения (запреты, обязывания) с целью эффективного применения соразмерных методов и средств борьбы с этими деяниями и лицами, их совершающими.

Из этого следует, что достаточно принципиальным является вопрос об уровнях действия и видах основных формальных источников российского права, которые закрепляют конкретные юридические нормы, посвященные методикам противодействия коррупционной деятельности.

На первом уровне среди этих источников необходимо в соответствии с п. 4 ст. 15 Конституции РФ и положениями ст. 5, 6 и 31 Закона РФ 1995 г. «О международных договорах» рассматривать общепризнанные принципы и нормы международного права и действующие международные договоры Российской Федерации. Среди данных нормативных по своему характеру договоров можно выделить следующие формальные источники:

1) Конвенцию Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27 января 1999 г. [2]. Так, Е. В. Марьина указывает, что в нормах этого договора под коррупцией понимается активный и пассивный подкуп государственных должностных лиц, который выражается в обещании, предложении или предоставлении каким-либо лицом, прямо или косвенно какого-либо неправомерного преимущества любому из ее государственных должностных лиц для самого этого лица или любого иного лица, с тем чтобы оно выполнило действия или воздержалось от их совершения при осуществлении своих функций, когда это сделано преднамеренно (активный подкуп); либо испрашивание или получение кем-либо из государственных должностных лиц прямо или косвенно какого-либо неправомерного преимущества для самого этого лица или любого иного лица, или же принятие предложения или обещания такого преимущества, с тем чтобы это должностное лицо совершило действия или воздержалось от их совершения при осуществлении своих функций, когда это сделано преднамеренно (пассивный подкуп) [3, с. 33–34].

Таким образом, в данной Конвенции коррупционные деяния определяются через подкуп государственных должностных лиц. О коррупционной деятельности в сфере частного права (в т. ч. о коммерческом подкупе) здесь речь не идет. При этом выгода, получаемая лицом, по смыслу может иметь не только имущественный, но и нематериальный характер;

2) Конвенцию ООН против коррупции от 31 октября 2003 г. [4]. В этом международном договоре закреплено принципиальное положение о том, что коррупция может причинить вред не только публичным отношениям, но и проявляет себя в сфере коммерческой или иной частной экономической деятельности. Перечень коррупционных деяний здесь значительно расширен, при этом разновидностью коррупционной деятельности является не только подкуп, но и любое злоупотребление своим влиянием в корыстных целях. Более того, речь идет также о незаконном обогащении, которое вызвало немало споров при обсуждении Конвенции и которое так и не было включено в качестве специального состава преступления в действующий Уголовный кодекс Российской Федерации. Основным доводом против имплементации нормы о незаконном обогащении в российское уголовное законодательство стало наличие конституционного принципа невиновности, согласно которому никто не должен доказывать свою невиновность, а значит, и доказывать законность источников получения доходов, которые по субъективной оценке превышают официальные доходы должностного лица. Однако, как справедливо указывается в научной литературе, «разумные пределы обвинения в незаконном обогащении заключаются в достаточной процессуальной доказанности несоответствия рыночной стоимости активов уровню заработной платы или иным официальным доходам» [5, с. 801]. Поэтому введение нормы о незаконном обогащении в российский уголовный закон вполне возможно, для чего необходимо проработать криминалистическую методику расследования данного вида преступления так, чтобы права лица, подвергнутого уголовному преследованию, не были бы нарушены. При этом существует и другой вариант имплементации положений статьи 20 данной Конвенции: включение ее в перечень дисциплинарных правонарушений, к ответственности за совершение которых соответствующее должностное лицо будут привлекать его вышестоящие руководители с возможностью обжалования в судебном порядке решений о подобном привлечении к дисциплинарной ответственности.

Второй уровень формальных источников противодействия коррупции в России составляют федеральные законы:

1) Уголовный кодекс Российской Федерации 1996 г.;

2) Федеральный закон «О противодействии коррупции» 2010 г.

При этом, прежде чем был принят и введен в действие закон 2010 года, законотворческая деятельность прошла множество этапов, в рамках которых было создано несколько различных законопроектов, посвященных противодействию коррупционной деятельности (борьбе с коррупцией).

Так, в 1993 году Верховным Советом Российской Федерации был принят Закон «О борьбе с коррупцией» [6], который по политическим причинам не вступил в силу. Согласно нормам перво-

го российского антикоррупционного закона, коррупция определялась как использование лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, своего положения и связанных с ним возможностей для противоправного получения материальных, любых иных благ и преимуществ физическими и юридическими лицами.

Коррупционным правонарушением признавалось получение за свою деятельность в качестве служащего органов публичной власти (государственного и муниципального служащего) любого дополнительного вознаграждения в виде денег, услуг и т. п. от других государственных органов, организаций и предприятий, в которых они не состоят на службе, а также от негосударственных организаций, общественных объединений, физических лиц; принятие подарков и иных услуг в связи со служебной деятельностью или от лиц, зависящих по службе, за исключением символических знаков внимания; внутригосударственные и зарубежные туристические и иные поездки за счет иностранных и российских физических или юридических лиц, за исключением приглашений от близких родственников; использование в личных, групповых и в иных неслужебных целях предоставляемых для осуществления государственных функций помещений, средств транспорта, связи и другого государственного имущества, если это не предусмотрено законом; использование не предусмотренных правовыми актами преимуществ в получении кредитов, ссуд, приобретение ценных бумаг, недвижимости и иного имущества; совершение иных действий с использованием служебного положения, связанных с извлечением противоправных доходов, выгод имущественного и иного характера, получением услуг.

Начиная с первого российского закона, принципиально важным становится анализ трансформации самих наименований проектов федеральных антикоррупционных законов. Так, если сначала законодатель (Верховный Совет РФ) использовал адекватный термин «борьба с коррупцией», то затем (Государственная дума ФС РФ) постепенно отошел от этого и стал применять достаточно «расплывчатый» термин «противодействие коррупционной деятельности», который, как представляется, звучит более мягко и фактически предполагает невозможность создания и реализации действенных методик по минимизации проявлений деятельности коррупционной направленности. Подобный термин, по сути, обозначает лишь своеобразную «линию фронта» по отношению к коррупции как антисоциальному системному явлению, которую обществу и государству (в лице его правоохранительных органов) необходимо «удерживать», не пытаясь даже переходить в «атаки» и «контратаки».

Проект Федерального закона «Основы законодательства об антикоррупционной политике» [7] логически отделил термины «коррупция» и «коррупционные правонарушения», сделав попытку определения коррупции как общесоциального

явления: подкуп (получение или дача взятки), любое незаконное использование лицом своего публичного положения, сопряженное с получением выгоды (имущества, услуг и льгот, в том числе неимущественного характера) как для себя, так и для своих близких вопреки законным интересам общества и государства, либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу. Коррупционное же правонарушение было определено как общественно вредное либо общественно опасное деяние, обладающее признаками коррупции, за совершение которого соответствующим нормативным правовым актом установлена гражданско-правовая, дисциплинарная, административная или уголовная ответственность.

Также было разработано достаточно большое количество проектов федеральных законов, в которых законодатель предпринимал попытки раскрыть сущность коррупции и коррупционных правонарушений, определить виды этих правонарушений, а также варианты ответственности за их совершение. Наконец, в 2010 году был принят действующий Федеральный закон «О противодействии коррупции».

Третий уровень формальных антикоррупционных источников представлен отдельными указами Президента РФ и постановлениями Правительства РФ как федеральными подзаконными нормативными правовыми актами. Среди них необходимо обратить внимание на Указ Президента РФ от 4 апреля 1992 г. № 361 «О борьбе с коррупцией в системе государственной службы» [8] как на один из первых нормативных правовых актов современной России, который обозначил наличие такой системной социальной проблемы, как коррупция, которая «нарушает конституционные права и интересы граждан, подрывает демократические устои и правопорядок, дискредитирует деятельность государственного аппарата, извращает принцип законности, препятствует проведению экономических реформ».

Четвертый уровень формальных источников в этой сфере представлен законодательством субъектов Российской Федерации, которое, впрочем, достаточно часто терминологически и концептуально идет по пути федерального законодателя. Знаковым актом в этом смысле является действующий Закон Самарской области от 10 марта 2009 г. «О противодействии коррупции в Самарской области» [9].

К пятому возможному уровню формальных источников противодействия коррупционной деятельности следует отнести судебную практику и правовые позиции Верховного Суда Российской Федерации. Все чаще в научном сообществе высказываются мнения о необходимости признания в качестве формального источника права постановлений Пленума Верховного Суда РФ о судебной практике по уголовным делам [10, с. 18].

Принципиальными в этом отношении являются положения Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 «О судебной практи-

ке по делам о взяточничестве и об иных коррупционных правонарушениях» [11]. В постановлении даются необходимые разъяснения о том, кто признается иностранным должностным лицом, должностным лицом международной публичной организации; раскрывается объективная сторона соответствующего состава преступления; рассматривается содержание попустительства по службе, общего покровительства по службе, состав вымогательства взятки etc.

Таким образом, иерархическое построение основных формальных источников противодействия коррупционной деятельности в Российской Федерации необходимо для уточнения соответствующих нормативных уровней борьбы с данным системным антисоциальным явлением, а также для определения взаимосвязи и взаимозависимости этих нормативных уровней при осуществлении комплексного правового регулирования процедур применения организационных мер и конкретных методик противодействия коррупции.

Библиографический список

1. Мирошниченко Д. В. Коррупция и уголовно-правовое воздействие на нее: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. 30 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/korrupsiya-i-ugolovno-pravovoe-vozdeistvie-na-nee/read>.
2. Собрание законодательства РФ. 2009. № 20. Ст. 2394. URL: <http://www.jurizdat.ru/editions/official/lcrf/archive/2009/20.htm>.
3. Марьина Е. В. Коррупционные преступления: отраслевое и межотраслевое согласование норм: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2010. 243 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/korrupsionnyeprestupleniya-otraslevoe-i-mezhotraslevoe-soglasovanie-norm>.
4. Собрание законодательства РФ. 2006. № 26. Ст. 2780. URL: <http://www.jurizdat.ru/editions/official/lcrf/archive/2006/26.htm>.
5. Лобач Д. В., Смирнова Е. А. Проблемы имплементации международно-правовой нормы о незаконном обогащении в российское законодательство // Всероссийский криминологический журнал. 2016. № 4. Т. 10. С. 801–811. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).801-811.
6. Российская газета. 1993. 16 апреля.
7. Проект Федерального закона № 164749-3 «Основы законодательства об антикоррупционной политике» (внесен депутатами Государственной думы Федерального Собрания РФ А. И. Александровым, А. А. Аслахановым, Н. М. Безбородовым, П. Т. Бурдуковым, В. П. Воротниковым, А. И. Гуровым, О. В. Морозовым, Н. А. Овчинниковым, Г. И. Райковым).
8. Российская газета. 1992. 7 апреля.
9. Волжская коммуна. 2009. 12 марта № 83 (26542).
10. Денисова А. В. Системность российского уголовного права: теория, закон, практика: дис. ... д-ра юрид. наук. Самара, 2018. С. 18. URL: https://ssau.ru/files/resources/dis_protection/Denisova_A_V_Systemnost_rossiiskogo_ugolovnoogo_prava.pdf.
11. Российская газета. 2013. 17 июля. № 154.

References

1. Miroshnichenko D. V. *Korrupsiya i ugolovno-pravovoe vozdeistvie na nee: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Corruption and criminal legal impact on it: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saratov, 2009, 30 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/korrupsiya-i-ugolovno-pravovoe-vozdeistvie-na-nee/read> [in Russian].
2. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2009, no. 20, Article 2394. Available at: <http://www.jurizdat.ru/editions/official/lcrf/archive/2009/20.htm> [in Russian].
3. Marina E. V. *Korrupsionnye prestupleniya: otraslevoe i mezhotraslevoe soglasovanie norm: dis. ... kand. yurid. nauk* [Corruption crimes: sectoral and inter-sectoral harmonization of norms: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Samara, 2010, 243 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/korrupsionnyeprestupleniya-otraslevoe-i-mezhotraslevoe-soglasovanie-norm> [in Russian].
4. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2006, no. 26, Article 2780. Available at: <http://www.jurizdat.ru/editions/official/lcrf/archive/2006/26.htm> [in Russian].
5. Lobach D. V., Smirnova E. A. *Problemy implementatsii mezhdunarodno-pravovoi normy o nezakonnom obogashchenii v rossiiskoe zakonodatel'stvo* [Issues of implementing the international law norm on illicit enrichment in Russian legislation]. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* [Russian Journal of Criminology], 2016, Vol. 10, no. 4, pp. 801–811. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).801-811 [in Russian].
6. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 1993, April 16 [in Russian].
7. *Proekt Federal'nogo zakona № 164749-3 «Osnovy zakonodatel'stva ob antikorrupsionnoi politike» (vnesen deputatami Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya RF A. I. Aleksandrovym, A. A. Aslakhanyovym, N. M. Bezborodovym, P. T. Burdukovym, V. P. Vоротnikovym, A. I. Gurovym, O. V. Morozovym, N. A. Ovchinnikovym, G. I. Raikovym)* [Draft of the Federal Law № 164749-3 «Fundamentals of legislation on anti-corruption policy» (introduced by deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation A. I. Alexandrov, A. A. Aslakhanyov, N. M. Bezborodov, P. T. Burdukov, V. P. Vоротnikov, A. I. Gurov, O. V. Morozov, N. A. Ovchinnikov, G. I. Raikov)]. Available at: <https://base.garant.ru/5105887> [in Russian].
8. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 1992, April 7 [in Russian].
9. *Volzhsкая kommuna*. 2009, March 12, no. 83 (26542) [in Russian].
10. Denisova A. V. *Sistemnost' rossiiskogo ugolovnoogo prava: teoriya, zakon, praktika: dis. ... d-ra yurid. nauk* [System of Russian criminal law: theory, law, practice: Doctoral of Legal Sciences thesis]. Samara, 2018, p. 18. Available at: https://ssau.ru/files/resources/dis_protection/Denisova_A_V_Systemnost_rossiiskogo_ugolovnoogo_prava.pdf [in Russian].
11. *Rossiiskaya gazeta* [Russian newspaper], 2013, July 17, no. 154 [in Russian].

*О. В. Костюнина***ПРЕДМЕТНЫЕ ФАКТОРЫ ПРАВОВОЙ И АНТИКОРРУПЦИОННОЙ ЭКСПЕРТИЗ
КАК СРЕДСТВА ВЫЯВЛЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ РИСКОВ**

© **Костюнина Ольга Владиславовна** (mayolgak@mail.ru), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права и теории права, Юридический институт, **Иркутский государственный университет**, 664082, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Улан-Баторская, 10.

Тема кандидатской диссертации: «Санкционированный обычай как источник права». Автор 13 научных работ, в том числе монографии «Правовой обычай как источник права основных правовых систем современности» (2006).

Область научных интересов: санкционированный обычай как источник права, юридическая техника, правовая экспертиза.

АННОТАЦИЯ

В статье в теоретико-прикладном плане исследуются вопросы соотношения правовой и антикоррупционной экспертиз и их значение для выявления коррупционных рисков в муниципальном правотворчестве. В качестве исследовательской задачи автором предпринята попытка оценить вывод о частичном совпадении предмета правовой и антикоррупционной экспертизы. Основываясь на практическом опыте, утверждается мнение о том, что правовые дефекты, являющиеся факторами коррупционного характера, могут быть выявлены и без проведения антикоррупционной экспертизы. В результате анализа и обобщения научно-практического материала об оспаривании норм права с учетом толкования действующих процессуальных норм обосновывается, что условиями основания для оспаривания нормативных правовых актов (норм права) может быть как результат правовой, так и антикоррупционной экспертизы. Данное утверждение дополняется также рассмотрением соотношения понятий «фактор коррупционности» и «правовая неопределенность». В статье обобщен новый материал по исследуемой теме, а также предложена новая классификация факторов коррупционности.

Ключевые слова: правовая экспертиза, нормативный правовой акт, муниципальный нормативный правовой акт, антикоррупционная экспертиза, коррупционный фактор, правовая неопределенность, коррупционный риск, оспаривание нормативного правового акта.

Цитирование. Костюнина О. В. Предметные факторы правовой и антикоррупционной экспертиз как средства выявления коррупционных рисков // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 45–50. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-45-50>.

*O. V. Kostunina***SUBSTANTIVE FACTORS OF LEGAL AND ANTI-CORRUPTION EXAMINATION
AS A MEANS TO IDENTIFY CORRUPTION RISKS**

© **Kostunina Olga Vladislavovna** (mayolgak@mail.ru), Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Constitutional Law and Theory of Law, Law Institute, **Irkutsk State University**, 10, Ulan-Batorskaya Street, Irkutsk, 664082, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Authorized custom as a source of law». Author of 13 scientific works, including monograph: «Legal custom as a source of law of the main legal systems in our time» (2006).

Research interests: authorized custom as a source of law, legal engineering, legal examination.

ABSTRACT

In the theoretical and application plan the article examines the relationship between legal and anti-corruption examination and their importance for identifying corruption risks in municipal lawmaking. As a research task, the author attempted to evaluate the findings about the overlap between the subject of legal and anti-corruption examination. Based on practical experience, it has been argued that legal defects, which are factors involving corruption, can be identified without anti-corruption examination. Taking into account the interpretation of the existing procedural law, the analysis and synthesis of scientific and practical material on challenging the rules of law showed that the grounds for challenging regulatory legal acts (rules of law) can be either the result of legal or anti-corruption examination. This allegation is also complemented by a consideration of the relationship between the concepts of the «conditions for corruption» and «lack of legal clarity». The article summarizes the new material on the studied topic, and also proposed a new classification of conditions for corruption.

Key words: legal examination, regulatory legal act, municipal regulatory legal act, anti-corruption examination, conditions for corruption, lack of legal clarity, corruption risk, challenging a regulatory legal act.

Citation. Kostunina O. V. *Predmetnye faktory pravovoi i antikorrupsionnoi ekspertiz kak sredstva vyyavleniya korrupsionnykh riskov* [Substantive factors of legal and anti-corruption examination as a means to identify corruption risks]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 45–50. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-45-50> [in Russian].

Изучение научной и практической сферы в рамках заявленной тематики выявило, что актуальность исследования вопросов антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов достаточно высока. На сегодняшний день юридическая доктрина пестрит разнообразием выявляемых проблем по вопросам: правового регулирования антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов; обеспечения научно-методической основы антикоррупционной экспертизы; механизмов реализации на практике результатов экспертных заключений субъектов, уполномоченных на ее проведение; участия в осуществлении антикоррупционной экспертизы институтов гражданского общества и еще ряда вопросов. И все эти предметы внимания касаются нормативных правовых актов (их проектов) разного уровня.

В настоящем исследовании хотелось бы осветить малоизученный аспект в научно-практическом обсуждении, возникающий при проведении правовой и антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов.

В научной литературе существует неоднозначный подход к соотношению правовой и антикоррупционной экспертизы, даже встречаются до-

вольно обтекаемые позиции, которые перемещают постановку проблемы только в практическую плоскость и связывают либо с необходимостью объединения процедур проведения правовой и антикоррупционной экспертизы, либо, поддерживая законодателя, не видят опасности в самостоятельности анализа нормативного правового акта на коррупциогенность [1, с. 83]. Многократно высказаны точки зрения в пользу одновременного проведения правовой и антикоррупционной экспертизы, акцентировано внимание на неполноценности правовой экспертизы без анализа правового акта на коррупциогенность. Вместе с тем неоднократно высказывалось мнение, что антикоррупционная экспертиза по существу является разновидностью правовой экспертизы нормативных правовых актов, что обуславливает частичное совпадение предметов антикоррупционной и собственно правовой экспертизы [2, с. 95; 10, с. 72; 11, с. 124; 12, с. 62]. Как показал анализ практики прокуратуры и юстиции, основное внимание сосредоточено именно на правовых дефектах муниципального нормативного правового акта, которые были бы выявлены и устранены без проведения экспертизы на наличие факторов коррупциогенности.

Подтверждение этого вывода находим и в актах толкования права. Несмотря на то что с принятием нового постановления Постановление Пленума ВС РФ от 29 ноября 2007 года № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» утратило силу, интерпретационный смысл его пункта 17 не претерпел существенных изменений. Так, положения пунктов 20 и 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» [3; 13] воспроизводят основной толковательный смысл текста правовых норм, данный в предыдущем постановлении. Суду надлежит выяснять порядок принятия нормативного правового акта, в частности: полномочия органа (должностного лица) на издание нормативных правовых актов и их пределы; форму (вид), в которой орган (должностное лицо) вправе принимать нормативные правовые акты. Далее, если судом будет установлено, что эти основания соблюдены, оспариваемый акт проверяется по содержанию на соответствие нормативным правовым актам, имеющим большую юридическую силу.

Основу оспаривания составляет признание недействующим нормативного правового акта как не соответствующего федеральному закону или иному нормативному правовому акту, имеющему большую юридическую силу, и в связи с этим не подлежащего применению для регулирования тех или иных общественных отношений. Специального указания на выявление и определение в содержании нормативного правового акта коррупционного фактора не имеется.

При выявлении коррупционных факторов выводы должны обосновываться преимущественно «противоречием соответствующих нормативных предписаний, требованиям вышестоящих по юридической силе нормативных правовых актов» [4, с. 63]. Высказанная выше научная гипотеза и сложившаяся юридическая практика находят прямое подтверждение в практике правоприменения.

Результаты научно-исследовательской работы В. Н. Южакова и А. А. Ефремова демонстрируют тот факт, что указание прокурора (или иного участника процесса) на наличие коррупционных факторов само по себе не является основанием для признания нормативного правового акта (в том числе и муниципального) недействующим. Наличие этого обстоятельства подтверждает, что оспаривание нормативного правового акта возможно только в рамках предмета правовой экспертизы. Это подтверждается отсутствием в ГПК РФ до принятия КАС РФ, а с принятием с 15 сентября 2015 года КАС РФ терминологического указания в текстах кодексов понятия «коррупционный фактор». Тем не менее обобщение судебной практики выявило, что признание наличия коррупционных факторов основанием для признания нормативного правового

акта недействующим является распространенным видом судебной практики. Так, ими выявлено за исследуемый период 4342 решения, в которых употребляется термин «коррупционный фактор» [4, с. 25]. Установлено, что зачастую судебные органы, вынося решения по делам об оспаривании нормативных правовых актов, не имея возможности мотивировать решение прямым указанием процессуального законодательства на имеющий место коррупционный фактор, обосновывают правовые позиции взаимосвязью между коррупционными факторами и принципом правовой определенности (недостаточной правовой урегулированности), как это указано в пункте 25 Постановления Пленума ВС РФ от 29 ноября 2007 года № 48, пункте 37 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 года № 50). При оценке недостатков муниципальных нормативных правовых актов, создающих условия для коррупционных рисков, основанных на правовой неопределенности, можно выделить такие коррупционные факторы, предусмотренные Методикой проведения антикоррупционной экспертизы, утвержденной Постановлением Правительства РФ от 26 февраля 2010 года № 96 [5] (далее – методика), как: юридико-лингвистическая неопределенность – употребление неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера (подпункт «в» пункта 4 методики); нормативные коллизии – противоречия, в том числе внутренние, между нормами, создающие для государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае (подпункт «и» пункта 3 методики); отсутствие или неполнота административных процедур – отсутствие порядка совершения государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) определенных действий либо одного из элементов такого порядка (подпункт «ж» пункта 3 методики); определение компетенции по формуле «вправе» – диспозитивное установление возможности совершения государственными органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) действий в отношении граждан и организаций (подпункт «б» пункта 3 методики); широта дискреционных полномочий – отсутствие или неопределенность сроков, условий или оснований принятия решения, наличие дублирующих полномочий государственного органа, органа местного самоуправления или организации (их должностных лиц) (подпункт «а» пункта 3 методики).

Соответственно, точка зрения о частичном совпадении предмета правовой и антикоррупционной экспертизы является наиболее предпочтительной и подтверждается возможностью совмещения вопросов предмета, которые подвергаются анализу при правовой экспертизе муниципального нормативного правового акта и оцениваются при выявлении в муниципальном нормативном правовом акте, в том числе как факторы, способствующие

проявлению коррупции. Подтверждение данным выводам можно найти и в Методике мониторинга правоприменения законодательства о противодействии коррупции, подготовленной Министерством юстиции Российской Федерации в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 20 мая 2011 года. Дискуссия, связанная с уточнением предметных границ правовой и антикоррупционной экспертизы, имеет двойственную природу. Согласно традиционному подходу к пониманию правовой экспертизы нормативных правовых актов, правовая экспертиза муниципальных нормативных правовых актов нацелена на исследование их соответствия актам высшей юридической силы и предъявляемым к ним требованиям (например: правовая оценка формы акта, предмета правового регулирования и компетенции муниципального органа, соответствия терминов и понятий, используемых в системе законодательства, соблюдение правил юридической техники). «Она служит своего рода «предварительным контролем» соблюдения верховенства закона в системе правовых актов...» [6, с. 101]. **Опираясь на положения** законодательства о правовой и антикоррупционной экспертизе, очевидное совпадение поисковых задач оценочной деятельности в рамках двух экспертиз выявляется в коррупциогенных факторах, которые одновременно выступают задачей проверки муниципальных правовых актов при правовой экспертизе. Не претендуя на бесспорность высказываемой позиции, предпримем попытку классифицировать факторы коррупциогенности на предметно-правовые и собственно-коррупциогенные. Согласно предлагаемой логике, предметно-правовые факторы проявляются при одновременном несоответствии положений муниципального нормативного правового акта требованиям законодательства и в результате порождают коррупционные риски, а собственно-коррупциогенные факторы порождают коррупционные риски при соответствии нормативных положений муниципального правового акта законодательству.

В результате системного анализа научно-практического материала по данной тематике удалось найти фрагментарно высказанные мнения как аргументы в пользу предлагаемого подхода. Так, например, подобная позиция высказывалась Ж. А. Бажуковой в следующем контексте, что «сам по себе нормативный правовой акт, содержащий коррупциогенные факторы, не противоречит федеральному законодательству, однако предоставляет субъектам правотворчества и правоприменительным органам простор для злоупотребления своими полномочиями» [7; 2, с. 95]. Принципиально значимый вывод, что «наибольшие коррупционные риски обусловлены иными, не связанными непосредственно с противоречием нормативного предписания вышестоящему по юридической силе положению факторами...», сделан С. Д. Хазановым и М. С. Байгиной в рамках научного проекта «Разработка методики оценки коррупционных рисков в деятельности органов государственной власти и

местного самоуправления и системы управления этими рисками» [7, с. 59].

Зоной повышенного внимания в муниципальном нормативном правовом акте являются положения собственно-коррупционного характера. Наиболее очевидно подобные риски выражены при обнаружении в муниципальных нормативных правовых актах следующих коррупциогенных факторов:

юридикологической неопределенности – употребления неустоявшихся, двусмысленных терминов и категорий оценочного характера (подпункт «в» пункта 4 методики);

нормативных коллизий – противоречий, в том числе внутренних, между нормами, создающих для государственных органов, органов местного самоуправления или организаций (их должностных лиц) возможность произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае (подпункт «и» пункта 3 методики);

отсутствия или неполноты административных процедур – отсутствия порядка совершения государственных органами, органами местного самоуправления или организациями (их должностными лицами) определенных действий либо одного из элементов такого порядка (подпункт «ж» пункта 3 методики).

Проиллюстрируем аргументацию с учетом экспертно-правовой практики Иркутского областного государственного казенного учреждения «Институт законодательства и правовой информации имени М. М. Сперанского». Так, юридикологическая неопределенность может проявляться и вне противоречия вышестоящим по юридической силе нормативно-правовым положениям. Использование терминологической конструкции законодательства при осуществлении муниципального нормативно-правового регулирования по вопросам противодействия коррупции в виде «как только ему станет об этом известно», предусмотренной частью 2 статьи 11 Федерального закона от 25 декабря 2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [8], довольно наглядно это подтверждает. Включение в положения муниципального правового акта данной формулировки, являющейся оценочным понятием, провоцирует возникновение коррупционных рисков (например, порождает использование другого оценочного понятия «незамедлительно»), а зачастую обнаруживает себя как прямой собственно-коррупциогенный фактор. Установить факт о своевременности сообщения о возникновении личной заинтересованности при исполнении должностных обязанностей, которая приводит или может привести к конфликту интересов, с определенной долей вероятности возможно только после проведения административной процедуры предварительного рассмотрения уведомления.

Возникновение коррупционного риска в результате возможности произвольного выбора норм, подлежащих применению в конкретном случае, например при установлении муниципаль-

но-правового регулирования административных процедур, обеспечивающих принятие решения о наличии или отсутствии конфликта интересов. Так, при установлении подобного регулирования в муниципальном нормативном правовом акте для главы муниципального образования и депутатов представительного органа в тексте было введено сокращение – «лица, замещающие муниципальные должности». Между тем процедура подачи, рассмотрения и принятия решения в отношении главы местной администрации была выделена, при этом далее в тексте акта содержалось регулирование аналогичных административных процедур в отношении лиц, замещающих муниципальные должности.

Отсутствие порядка совершения органами местного самоуправления (их должностными лицами) определенных действий либо одного из элементов такого порядка всегда будет порождать коррупциогенный фактор. Например, при установлении процедуры подачи и регистрации уведомления о возникшем конфликте интересов или о возможности его возникновения, сообщения о получении подарка. Так, неопределение конкретного структурного подразделения органа местного самоуправления (должностного лица) ответственного за административные действия в рамках вышеуказанных процедур, является коррупциогенным фактором, приводящим к возникновению коррупционного риска со стороны лица, принимающего решение в отношении должностного лица, подавшего уведомление.

Кроме указанных нами факторов с собственно-коррупциогенными свойствами в юридической литературе предлагается выделять и другие, тоже не связанные непосредственно с противоречием нормативно-правового предписания вышестоящему по юридической силе положению: широту дискреционных полномочий и предъявление завышенных требований к лицу при реализации принадлежащего ему права.

Вместе с тем все приведенные примеры дают основания полагать, что могут быть выявлены именно в ходе проведения антикоррупционной экспертизы и вряд ли могут являться положениями, противоречащими действующему законодательству. Более того, разделяя доктринальную позицию И. Н. Клюковской и Р. К. Мелекаева, «следует понимать, что наличие коррупциогенной нормы вовсе не означает обязательности ее применения уполномоченными субъектами» [9, с. 191]. Между тем любые факторы коррупциогенности повышают вероятность злоупотребления должностными полномочиями, вступления в коррупционные взаимодействия и потенциально открывают путь для проявления коррупционных рисков в праве.

Библиографический список

1. Абдиев Т. М. Правила антикоррупционной экспертизы муниципальных нормативных правовых актов и проектов муниципальных нормативных правовых актов в органах

местного самоуправления // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 5. С. 83. DOI: 10.24158/per.2017.5.21.

2. Вантеева Н. В. Виды экспертиз муниципальных правовых актов // Вестник ЯрГУ. Серия Гуманитарные науки. 2012. № 2 (20). С. 95. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17799543>.

3. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части: постановление Пленума ВС РФ от 29 нояб. 2007 г. № 48 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. № 1. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73167.

4. Южаков В. Н., Ефремов А. А. Судебная практика по вопросам антикоррупционной экспертизы нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: современные тенденции и пути совершенствования // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. № 10. С. 23–29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27032713>.

5. Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов: постановление Правительства РФ от 26 февр. 2010 г. № 96 // СЗ РФ. 2010. № 10. Ст. 1084. URL: <https://base.garant.ru/197633>.

6. Черногор Н. Н., Залоило М. В. Экспертиза в правотворчестве: проблемы правового регулирования и вопросы его совершенствования // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3. С. 101. DOI 10.24411/2078-5356-2018-10313.

7. Бажукова Ж. А., Елфимов А. А. Некоторые проблемы антикоррупционной экспертизы регионального и муниципального законодательства на примере республики Коми. URL: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/3.htm (дата обращения: 12.09.2018).

8. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 дек. 2008 г. № 273-ФЗ // СЗ РФ. 2008. № 52 (часть I). Ст. 6228. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959.

9. Клюковская И. Н., Мелекаев Р. К. Теоретико-методологическое исследование понятия «коррупциогенность законодательства» // Вестник Ставропольского государственного ун-та. 2011. № 76. С. 189–196. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/teoretiko-metodologicheskoe-issledovanie-ponyatiya-korruptsiogennost-zakonodatelstva>.

10. Игнатенко В. В. Антикоррупционная экономическая экспертиза как разновидность законотворческих экспертиз // Проблемы современного законодательства России и зарубежных стран: материалы V Междунар. науч.-практич. конф. (г. Иркутск, 16–17 сент. 2016 г.): в 2 т. Т. 1 / [отв. ред. С. И. Сулова, А. П. Ушакова]. Иркутск, 2016. С. 72. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27565587>.

11. Короткова О. А. Органы прокуратуры как субъект антикоррупционной экспертизы нормативных актов // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2014. № 7. С. 124. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21996411>.

12. Хазанов С. Д., Бахтина М. С. Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как средство снижения коррупционных рисков // Российский юридический журнал. 2016. № 3. С. 59–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26300219>.

13. О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами:

постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 № 50 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 2. Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314764.

References

1. Abliev T. M. *Pravila antikorrupsionnoi ekspertizy munitsipal'nykh normativnykh pravovykh aktov i proektov munitsipal'nykh normativnykh pravovykh aktov v organakh mestnogo samoupravleniya* [Rules of anti-corruption assessment of municipal laws and regulations and their drafts in local government]. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], 2017, no. 5, p. 83. DOI: 10.24158/pep.2017.5.21 [in Russian].
2. Vanteyeva N. V. *Vidy ekspertiz munitsipal'nykh pravovykh aktov* [Types of Validating Municipal Legal Certificates]. *Vestnik YarGU. Seriya Gumanitarnye nauki* [Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidov. Seriya Gumanitarnye nauki], 2012, no. 2 (20), pp. 93–96. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17799543> [in Russian].
3. *O praktike rassmotreniya sudami del ob osparivanii normativnykh pravovykh aktov polnost'yu ili v chasti: postanovleniya Plenuma VS RF ot 29 noyab. 2007 g. № 48* [On the practice of courts hearing cases challenging regulatory legal acts in full or in part: decisions of the Plenum of the Armed Forces of the Russian Federation from November 29, 2007 № 48]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2008, no. 1. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_73167 [in Russian].
4. Yuzhakov V. N., Efremov A. A. *Sudebnaya praktika po voprosam antikorrupsionnoi ekspertizy normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov: sovremennye tendentsii i puti sovershenstvovaniya* [Court Practice Concerning Anti-Corruption Expertise of Laws and Regulations and Drafts Thereof: Current Trends and Improvement Methods]. *Arbitrazhnyi i grazhdanskii protsess* [Arbitrazh and Civil Procedure], 2016, no. 10, pp. 23–29. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27032713> [in Russian].
5. *Ob antikorrupsionnoi ekspertize normativnykh pravovykh aktov i proektov normativnykh pravovykh aktov: postanovlenie Pravitel'stva RF ot 26 fevr. 2010 g. № 96* [On Anti-Corruption Expertise of Laws and Regulations and Drafts Thereof: Decree of the Government of the Russian Federation as of February 26, 2010 № 96]. *Sobr. zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2010, no. 10, Article 1084. Available at: <https://base.garant.ru/197633/> [in Russian].
6. Chernogor N. N., Zaloilo M. V. *Ekspertiza v pravotvorchestve: problemy pravovogo regulirovaniya i voprosy ego sovershenstvovaniya* [Expertise in lawmaking: problems of legal regulation and issues of its improvement]. *Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 3, pp. 100–108. DOI 10.24411/2078-5356-2018-10313 [in Russian].
7. Bazhukova J. A., Elfimov A.A. *Nekotorye problemy antikorrupsionnoi ekspertizy regional'nogo i munitsipal'nogo zakonodatel'stva na primere respubliki Komi* [Elektronnyi resurs] [Some problems of anti-corruption expertise of regional and municipal legislation by example of the Komi Republic]. URL: www.gramota.net/materials/3/2013/7-1/3.htm (accessed 12.09.2018) [in Russian].
8. *O protivodeistvii korruptsii: feder. zakon ot 25 dek. 2008 g. № 273-FZ* [On corruption combating: Federal Law as of December 25, 2008 № 273-FZ]. *Sobr. zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2008, no. 52 (part I), Article 6228. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82959 [in Russian].
9. Klyukovskaya I. N., Melekaev R. K. *Teoretiko-metodologicheskoe issledovanie ponyatiya «korruptsiogennost' zakonodatel'stva»* [Theoretical-methodological investigation of the «corruption susceptibility of legislation» concept]. *Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo un-ta* [Bulletin of the Stavropol State University], 2011, no. 76, pp. 189–196. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/teoretiko-metodologicheskoe-issledovanie-ponyatiya-korruptsiogennost-zakonodatelstva> [in Russian].
10. Ignatenko V. V. *Antikorrupsionnaya ekonomicheskaya ekspertiza kak raznovidnost' zakonotvorcheskikh ekspertiz* [Anti-corruption economic examination as a kind of legislative examination]. In: *Problemy sovremennogo zakonodatel'stva Rossii i zarubezhnykh stran: materialy V Mezhdunar. nauch.-praktich. konf. (g. Irkutsk, 16–17 sent. 2016 g.): v 2 t. T. 1. [otv. red. S.I. Suslova, A.P. Ushakova]* [Problems of modern legislation of Russia and foreign countries: materials of the V International research and practical conference (Irkutsk, September 16–17, 2016): in 2 vols. Vol. 1 [S. I. Suslova, A. P. Ushakov (Eds.)]. Irkutsk, 2016, p. 72. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27565587> [in Russian].
11. Korotkova O. A. *Organy prokuratury kak sub'ekt antikorrupsionnoi ekspertizy normativnykh aktov* [Prosecuting authorities as the subject of anti-corruption expertise of legal acts]. *Vestnik Tambovskogo un-ta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Tambov University Review. Series: Humanities], 2014, no. 7, p. 124. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21996411> [in Russian].
12. Khazanov S. D., Bahtina M. S. *Antikorrupsionnaya ekspertiza normativnykh pravovykh aktov kak sredstvo snizheniya korruptsiionnykh riskov* [Anti-corruption expertise of normative legal acts as a mean to reduce corruption risks]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2016, no. 3, p. 62. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26300219> [in Russian].
13. *O praktike rassmotreniya sudami del ob osparivanii normativnykh pravovykh aktov i aktov, soderzhashchikh raz'yasneniya zakonodatel'stva i obladayushchikh normativnymi svoistvami: postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF ot 25 dekabrya 2018 № 50* [On the practice of cases challenging regulatory legal acts and acts containing explanations of legislation and having normative features: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation as of December 25, 2018 № 50]. *Byulleten' Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2019, no. 2. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314764 [in Russian].

Г. Т. Чернобель

ПРАВОВАЯ ЛЕГИТИМНОСТЬ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО АКТА

© Чернобель Генрих Трофимович (theory@izak.ru), кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник отдела теории законодательства, **Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ**, 117259, Российская Федерация, г. Москва, ул. Большая Черемушkinsкая, 34.

Тема кандидатской диссертации: «К. Маркс и Ф. Энгельс о народовластии и народном представительстве». Автор и соавтор более 100 научных работ, в том числе учебников и монографий: «Идеология. Право. Закон» (2017), «Юридическая техника» (2016), «Коррупция: природа, проявления, противодействие» (2012), «Теория государства и права» (учебник для вузов, 2003), «Законодательная техника» (2000), «Законотворчество в Российской Федерации» (2000), «Закон: создание и толкование» (1998), «Язык закона» (1990), «Методологические проблемы советской юридической мысли» (1980).

Область научных интересов: общая теория права, социология права, законодательная техника, законотворчество, учение об источниках и формах права, народовластие.

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка сформулировать принципы легитимности права, поскольку этот вопрос имеет актуальное значение, но по настоящее время остается дискуссионным. До сих пор существуют источники права, в которых «право силы» превалирует над «силой права». В советском обществе, по сути, не было права, поскольку вместо правовых законов господствовали нормы, исходившие от коммунистической партии.

В числе основных принципов правовой легитимности автор выделяет принципы конституционной фундаментализации, народного представительства, выборности парламента, судебного контроля за законодательной деятельностью. Кроме того, легитимность права обеспечивается законодательным регулированием порядка осуществления законотворческой деятельности, участием населения в подготовке и обсуждении законопроектов, профессиональным и творческим использованием правил законодательной техники.

Ключевые слова: законодательство, правовое государство, легитимность права, правовой закон, конституционное закрепление основ законодательной деятельности, судебный контроль, законодательная техника, принципы легитимности права.

Цитирование. Чернобель Г. Т. Правовая легитимность законодательного акта // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 51–59. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-51-59>.

H. T. Chernobel**LEGAL LEGITIMACY OF A LEGISLATIVE ACT**

© **Chernobel Henry Trofimovich (theory@izak.ru)**, Candidate of Legal Sciences, senior researcher, leading researcher of the Department of Theory of Legislation, **The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation**, 34 b, Cheremushinskaya Street, Moscow, 117259, Russian Federation. Subject of Candidate's thesis: «K. Marx and F. Engels on democracy and popular representation». Author and coauthor of more than 100 scientific works, including textbooks and monographs: «Ideology. Right. Law» (2017), «Legal technique» (2016), «Corruption: nature, manifestations, counteraction» (2012), «Theory of state and law» (textbook for universities), 2003), «Legislative technique» (2000), «Lawmaking in the Russian Federation» (2000), «Law: creation and interpretation» (1998), «Language of law» (1990), «Methodological problems of Soviet legal thought» (1980).

Research interests: general theory of law, sociology of law, legislative technique, lawmaking, doctrine of the sources and forms of law, democracy.

ABSTRACT

The article attempts to formulate the principles of legitimacy of law since this issue is relevant but still remains debatable. Sources of law are being accepted in which «power law» prevails over «power of law». In Soviet society, there was no right at all, because instead of legal laws, the law of the Communist Party dominated.

Among the basic principles of legal legitimacy author identifies the principles of constitutional fundamentalization, popular representation, election of the parliament, judicial control over legislative activity. In addition, the legitimacy of law is ensured by legislative regulation of the legislative process, public participation in the preparation and discussion of draft laws, and professional and creative use of the rules of legislative technology.

Key words: legislation, rule of law, legitimacy of law, legal law, constitutional consolidation of the foundations of legislative activity, judicial control, legislative technique, principle of legitimacy of law.

Citation. Chernobel H. T. *Pravovaya legitimost' zakonodatel'nogo akta* [Legal legitimacy of a legislative act]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 51–59. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-51-59> [in Russian].

Проблема правовой легитимности законодательного акта является одной из сложнейших. Это и теория, и практика (реальная действительность), это проблема государственного управления, которая в контексте глобальных противоречий современной цивилизации приобрела особую актуальность. В научной литературе справедливо обращается внимание на необходимость совершенствования государственного управления посредством эффективного использования права [1, с. 18]. В ряде случаев по-прежнему доминирует т. н. «право силы», но не *сила права*. Конституционное моделирование управленческой парадигмы расходится с реальной действительностью, политические измерения общественных потребностей господствуют над правовыми. Аристотелевское (научиться создавать правильные, «добропорядочные законы») не потеряло свою управленческую актуальность.

Преимственность научных воззрений о государстве и праве нарушена. Общепринятая парадигма *правового государства* (понятие И. Канта, совершившего революционный переворот в правоведении) с развивающейся демократией еще не сложилась [2]. Правовая идеология как таковая заражена

политической конъюнктурой, которая, по словам Ф. Ницше, «лжет на всех языках». Государство, необходимость в котором как главном инструменте управления в системе общественных отношений была и будет, не всегда выступала как «власть права» (Г. Гегель) со всей ответственностью перед обществом. Основополагающие принципы взаимоотношений между государством и личностью конституционно недостаточно четко и последовательно определены или вовсе игнорируются.

Народ, образующий государство, не всегда обладает достаточной правосубъектностью или вообще лишен ее. В то же время принцип верховенства права не всегда достаточно четко закрепляется конституционно. Между тем не все, что легально в государственном управлении, является праволегитимным [3], т. е. соответствующим требованиям права. Фиктивная легитимность недопустима в правовом государстве, видимость легитимности разрушает его.

Правовую легитимность законодательного акта предопределяют самые различные факторы объективного и субъективного порядка, детерминирующие общественное развитие, его историю. Всякий законодатель является продуктом своего

времени, «его идей, его стремлений, его потребностей» [4, с. 477–478]. Известно значение национальных обычаев, традиций, нравственного фактора в становлении и развитии законодательства разных народов. Большую роль играет уровень общественного правосознания, научный фактор в определении парадигмы законодательной деятельности. Как отмечал Н. В. Шелгунов, долгое время при полном отсутствии теоретического элемента в русском юридическом представлении формирование государственного организма шло беспорядочно, ощупью, постоянно подчиняясь капризу сильного и логике неосмысленных фактов [5, с. 323]. Существенно влияние на законодательную деятельность экономического фактора, т. н. «технического прогресса», конкретного государственного устройства, правовая легитимность которого связана с реальной правосубъектностью народа. По словам Т. Моммзена, даже в Древнем Риме, прославившемся парадигмой законотворческой деятельности, многие «труднейшие вопросы» социального бытия порой решались толпой, подверженной «самым низменным» побуждениям». Согласно Плутарху, демократия – это ситуация, когда верх берет именно толпа. В революционной Франции XVIII века третье сословие характеризовалось как «чернь великая», как «сволочь святая».

Веками противопоставлялись понятия «простолюдин» и «вельможа». Простолюдин со стадным, неразвитым правосознанием, естественно, не мог обладать правосубъектностью в системе общественных отношений, обладал ею только вельможа, и обеспечивала ее полицейская сила. Вся юридическая служба была превращена в рабски угодливую служанку политики, что сказалось на развитии научной мысли: политическая сила избиралась как основа права (Макиавелли, Гоббс, Спиноза, Боден, фон Иеринг и др.). Государственное управление было приватизировано политикой, которую, наверное, поэтому Н. М. Карамзин называл чудовищем.

В течение многих столетий выработка закона, его принятие и промульгация выступали как сакральное проявление личной воли одного человека (абсолютная монархия), в руках которого была неприкасаемая верховная власть. Правительство воспринималось общественным сознанием как личная собственность монарха. Понятие законности было весьма условным, древнеримская формула о подчиненности монарха собственным законам не работала.

Исторически персонифицированное управленческое лидерство в системе государственного управления выступает и как созидательное, и как разрушительное начало. Многие персонифицированные верховные властители проявили себя не как «благодетели человечества», а как разрушители высших социальных ценностей, здорового духовного развития, народного благополучия, что, естественно, рождало чувство общественного правового протеста, самым радикальным проявлением которого выступает революция, опирающаяся

на определенную идеологическую парадигму научного или утопического характера [6; 23].

Великой правовой революцией явилась, в частности, американская революция, закрепившая в своей Декларации независимости 1776 г. основополагающие принципы правового бытия, в т. ч. право народа не подчиняться власти, вышедшей за пределы данных ей полномочий, право и обязанность народа на свержение губительной власти. Революция не была бескровной [7], но она оставила важный правовой след, показала роль и значение правосознания в эволюционном развитии общественных отношений. Высокими правовыми началами пронизана Декларация Великой французской революции 1789 года, ликвидировавшая абсолютную монархию, феодальные пережитки, закрепившая правовые принципы, определявшие статус гражданина государства.

Однако революция революции рознь. Не всякая революция приносит те или иные правовые блага, особенно если она игнорирует определенные исторические закономерности, совершается в условиях неразвитого общественного сознания, опирается на недостаточно продуманную идеологическую парадигму, как это случилось в России начала XX века, которая нуждалась в *эволюционном правовом развитии*. Началась революция с установления власти Советов, которые, по признанию В. И. Ульянова-Ленина, «народ сумел создать вполне самостоятельно» [8, с. 238]. «Помните, – обращался Ульянов-Ленин к трудящимся массам, – что вы сами теперь управляете государством... Ваши Советы – отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы» [9]. «Мы, Советское правительство, получили свои полномочия от съезда Советов» [8, с. 64], то есть этим подчеркивался факт легитимности. Постулировалось, что Советы «сосредоточивают в своих руках законодательную власть» [10, с. 481].

На VIII съезде партии (март 1919 г.) большевики закрепили в своей политической программе положение о недопустимости партийного опекуинства над Советами: «...смешивать функции партийных коллективов с функциями государственных органов, каковыми являются Советы, ни в коем случае не следует. Такое смешение дало бы губительные результаты». Сам Ульянов-Ленин подчеркивал: «...вся власть в Российской республике принадлежит Советам и советским учреждениям. Поэтому всякая попытка со стороны кого бы то ни было или какого бы то ни было учреждения присвоить себе те или иные функции государственной власти будет рассматриваться как контрреволюционное действие» [10, с. 481].

Однако с учетом марксистского положения о том, что государство как таковое «существует лишь как политическое государство, как политическая общность, все юридическое (включая законодательство) имеет политическую природу» [11, с. 357, 399, 439, 635], в реальной жизни при организации механизма государственной власти партийная (политическая) легитимация взяла верх

над правовой. Политика самоуправно присвоила себе то, что вправе делать только право. При таком понимании государства лишены смысла суждения о нем как о «правовом обществе» (Г. Аренс), «правовом институте» (Г. Еллинек), «правовой организации» (Е. Н. Трубецкой), «правовом явлении» (И. А. Ильин), о государственной власти как власти права. Как верно отмечал писатель В. А. Солоухин, «власть с самого начала принадлежала вовсе не Советам, а Политбюро и ЦК» [12, с. 23].

Царская монархия была заменена партийной монархией с идеологией «единственной правильности», признающей только партийную легитимность при создании механизма государственного управления. Была провозглашена «революционная диктатура» как власть, «не связанная никакими законами», опирающаяся на насилие. Вместо правовых законов господствовало «партийное право», выполнявшее функции партийной пропаганды, которая обеспечивала «стадный» уровень общественного сознания, «стадную» покорность. Реальностью стало, говоря словами И. А. Ильина, «вырождение демократии через партийность». Правовые идеалы общественного бытия игнорировались, оставалась лишь тень права, насилие возводилось в ранг закона, культивировалось понятие классового врага, классовой борьбы; в то время как принцип неприкосновенности чести и достоинства личности, право человека на безопасное существование были перечеркнуты.

Здравомыслящий пролетариат получил не здравомыслящую, нормальную государственную власть (за что, собственно говоря, боролся и что могло бы оправдать свершившуюся революцию), а политую его же кровью диктатуру невежества, деспотизма и террора. «Красный террор» стал основным средством утверждения государственной власти, извращавшей подлинную суть прогрессивных правовых учений. Осуждая полицейские формы властвования, В. И. Ульянов-Ленин писал: «...люди привыкли видеть только полицейскую власть и только полицейскую диктатуру. Им странным кажется, что может быть власть без всякой полиции, может быть диктатура не полицейская» [13, с. 382]. Как справедливо это звучало! И как роковым образом именно такая форма властвования возобладала впоследствии. «Лозунг “Вся власть Советам!”», – писала «Правда» 18 октября 1918 г., – должен быть заменен другим: “Вся власть Чека!”» Управлять как класс пролетариат не научился, поэтому революционные трибуналы якобинцев как орудия политических репрессий стали образцом для большевистских трибуналов.

Так называемая «революционная законность» оказалась худшим видом беззакония. Л. М. Каганович в одной из своих статей подчеркивал: «...мы отвергаем понятие правового государства даже для буржуазного государства. Наши законы определяются революционной целесообразностью в каждый данный момент» [14]. При этом были попытки даже само понятие права исключить из управленческого лексикона. К категории

«враг народа» относились все, кто не принадлежал к пролетарскому классу, кто не соглашался с «революционным правосознанием», «с революционной законностью». По классовому признаку были уничтожены многие высококвалифицированные управленческие кадры, взамен которых появились люди случайные, некомпетентные и невежественные.

Подлинная демократия, для развития которой могут потребоваться столетия, возможна лишь тогда, когда она базируется на правовом фундаменте, когда реальностью является верховенство права, а не верховенство саморегулируемой политики.

Важным фактором, предопределяющим правовую легитимность законодательного акта, выступает конституционная фундаментализация созданного революцией или эволюционным образом государственного строя. Всякая государственная власть имеет свою «конституционную физиономию» со своими принципами, отражающими природу, историю и традиции данного общества. Конституция – это официальная идеологическая модель нормативной организации государственного строя. Необходима «здоровая и прочная» конституция (Ж.-Ж. Руссо), что сделать не так просто, особенно если речь идет о создании демократической Конституции в условиях неразвитого общественного правосознания. Конституция может содержать в себе неразвитую идеологическую парадигму, легитимировать деспотию. Прошли века, прежде чем появилось понятие «конституционная монархия». Конституции могут действовать длительное время (Конституция Швеции 1809 года действовала более полутора столетий) или же произвольно отменяться единоличными властителями, как это произошло, например, на Кубе, где диктатор Ф. Батиста своим решением приостановил действие Конституции. В 1820 году в Испании вспыхнуло восстание, переросшее в революцию, восстановившую по требованию народа Конституцию 1812 года.

При определении основ государственного устройства Конституция должна отвечать на следующие вопросы: кто, в каком правовом порядке, с какой правовой целью принимает законодательный акт, что предопределяет его правовую легитимность? В системе общественных отношений, как и в природе, существуют определенные закономерности, которые обуславливают правовую детерминированность, предопределяющую институциональную детерминанту государственного управления (закон институциональной детерминанты), основополагающие принципы его иерархического осуществления. Институциональная детерминанта субстанционально пронизывает все государственное управление, предопределяет его действительную импульсивность, функциональную дифференциацию и устойчивость его органов, их компетентную «симметрию». Волонтаристские эксперименты недопустимы при институционализации системы государственного управления. Игнорирование правовой детерминанты в обще-

ственных отношениях ведет их к губительной деформации, к разрушению государственности.

Необходимым условием правовой государственности выступает институт народного представительства, обоснование принципа управленческого верховенства которого имеет длительную теоретическую и практическую историю. Парламент – перводвигатель в механизме государственного управления, в правовом государстве только ему предоставляется право законодательствовать, что закрепляется конституционно (ст. 41 Конституции Японии: «Парламент является высшим органом государственной власти и единственным законодательным органом государства»). В 1265 году родился и наиболее ярко проявил себя английский парламентаризм, регулируемый ныне специальным Актом о народном представительстве 2000 г. Законодательствуя, парламент придает движение всей конституционной системе государственного управления. Поэтому важно, насколько ясно и четко в правовом отношении принцип управленческого верховенства парламента, вытекающий из принципа народного суверенитета, закреплен в действующей Конституции.

В Основном законе должны быть определены правовые принципы выборности парламента, обеспечивающие доверие народа к нему (исключающее представительство «подтасованного рода»), законодательные функции парламента, его компетентную самостоятельность, неприкосновенность (Конституция Испании: «генеральные кортесы неприкосновенны»), а также конкретные права и обязанности депутатов, что предопределяет стратегическую значимость парламентской деятельности, ее правовое верховенство.

Парламентская деятельность как таковая должна иметь свою строгую правовую определенность, основанную на таких принципах, как профессионализм, гласность, ответственность депутатов. Квазипарламентаризм никогда не украшал и не украшает никакое государство, исключает принцип верховенства права в системе общественных отношений.

Объективно обусловленная институциональная взаимозависимость и сопряженность органов государственной власти требуют особого конституционного внимания при определении законодательных полномочий парламента во избежание андеграундного фактора в законодательной деятельности. В частности, может ли парламент делить определенные полномочия с другими государственными органами? Какое участие в законодательной деятельности может принимать персонифицированное управленческое лидерство?

После падения абсолютной монархии зародился, как известно, принцип совместного законодательства (парламент и монарх), который в царской России не прижился. Режим т. н. «думской монархии», введенный Манифестом 17 октября 1905 года, был квазиконституционной ширмой: право издавать законы нераздельно принадлежало императору, а Дума и Государственный совет вы-

полняли декоративные совещательные функции, господствовало «указное право».

В современных зарубежных конституциях правовая легитимность законодательной деятельности закрепляется по-разному, единого стандарта по этому поводу не существует. Одни конституции исключительное право законодательства оставляют только за парламентом, другие закрепляют принцип совместного законодательства (ст. 36 Конституции Бельгии: «... федеральная законодательная власть осуществляется Палатой представителей и Сенатом; ст. 26 (1) Конституции Греции: «... законодательные функции осуществляются Парламентом и Президентом Республики; ст. 2 Основного закона Финляндии: «законодательная власть осуществляется вместе с Президентом»). Допускается делегирование законодательных полномочий Правительству в определенной репрезентативной форме, по определенному кругу вопросов и на определенный срок (ст. 76 Конституции Италии, ст. 82 (1) Конституции Испании). Такое конструирование правотворчества при неуклонном верховенстве парламента как законодательного органа исключает принятие произвольных неправолегитимных нормативных решений со стороны органов исполнительной власти, обеспечивает функциональную целостность механизма государственного управления, правовую законность, стабильный правопорядок. Что касается права вето (как относительного, так и абсолютного), то оно не является атрибутом правового государства и с дальнейшим совершенствованием системы государственного управления должно исчезнуть. Как справедливо замечал В. Беджгот, если тот или иной монарх обладает правом вето, это тоже власть, стоящая наравне с парламентом [15, с. 119–120].

Важным фактором, предопределяющим правовую легитимность законодательного акта, является организация контроля за законодательной деятельностью в форме специальных судов (конституционные суды), принципы работы которых имеют конституционное определение (ст. 134–137 Конституции Италии, ст. 159–163 Конституции Испании). Тот или иной законодательный акт, объявленный решением Конституционного Суда неконституционным, то есть противоправным, не подлежит обнародованию, не может быть введен в действие. В действующей Конституции Португалии содержится заслуживающая внимания формула о *предварительном контроле* «за соответствием издаваемых актов Конституции (ст. 277). Ценностным позитивным моментом в деятельности Конституционного Суда выступает и то, что его мотивированные правовые позиции способствуют совершенствованию действующего законодательства, самой Конституции [16]. В ряде стран указанную контрольную функцию выполняют высший суд общей юрисдикции (Верховный Суд), что подчеркивает общую значимость судебной деятельности как хранилища правовых устоев общественного бытия, правовой совести. Извест-

ны случаи, когда Верховный Суд США признавал противоправными законодательные акты, действовавшие десятилетиями. Отсутствие в государстве специальных судов по отношению к законодательной деятельности (например, в Великобритании, Нидерландах) очевидно свидетельствует о благоприятном уровне государственного устройства.

Существенным моментом в законодательной деятельности, предопределяющим праволегитимность законодательного акта, является порядок разработки и издания этого акта как высшей формы права, призванной выполнять особые управленческие функции. Как верно постулировал Гегель, благодаря закону право получило не только конкретную форму своей всеобщности, но и свою определенность. Законодательствование является самостоятельным видом разумной человеческой деятельности. При этом с древних времен острой остается проблема создания объективно необходимых, правильных, совершенных законов. «Законодатель! – наставлял Пифагор. – Прежде дарования народу свободы дай оному мудрые законы».

Не всякий закон – право. Тот или иной закон может санкционировать произвол, не выражая никакого права. Известна русская поговорка: «Где закон, там и обида». Когда Ш. Л. Монтескье определял свободу как право делать все то, что дозволено законами [17, с. 289], он, конечно, говорил о правовых законах. Гегель в своей «Философии права» различал «государственные и правовые законы». *In iure* (по праву) и *ipso iure* (по закону) – это не одно и то же. Законодатель как служитель права обязан соблюдать общепризнанные принципы права, и только праволегитимный закон может «благовествовать» известные модусы поведения (разрешено, обязательно, запрещено), только такой закон приобретает юридическую силу после утверждения его компетентным органом государственной власти, и только власть такого закона позволяет говорить о правовом государстве, которое таковым должно быть, а не казаться.

В дореволюционном правоведении, как известно, существовало особое научное направление, посвященное проблеме создания «мудрых законов», – *законоведение*. Подчеркивалось, что это – не только наука теоретическая, но и практическая, создающая парадигму законодательной деятельности на основе определенных правовых принципов, разработке которых в научной литературе издавна придавалось большое значение [18]. В целом ряде зарубежных стран основополагающие принципы законодательной деятельности закреплены в действующих конституциях, что, несомненно, заслуживает внимания при совершенствовании современной Конституции РФ [19, с. 161–168].

Праволегитимность конкретного законодательного акта начинается с его *преамбулы*, выполняющей мотивационные функции. Мотив закона – это его идеологический стержень, определяющий праведность закона, его правовую целесообразность, модусную организацию, социальную необходимость, стабильное функционирование. В право-

вом государстве *принцип достаточной правовой мотивированности* должен пронизывать всю законодательную деятельность. Правовая норма действует, «если она обладает способностью влиять в качестве мотивов» (Г. Еллинек), определять мотивационную волю правового поведения. Греция – одна из немногих стран, где это положение закреплено конституционно: «...в обязательном порядке всякий законопроект или законодательное предложение должны сопровождаться изложением мотивов» (ч. 1 ст. 74).

Рациональное ядро права – мера социального блага по принципу справедливости, то есть закрепление того, что действительно благодатно, социально полезно (принцип всеобщего блага) для человеческой личности, для общества в целом в соответствии с реальными потребностями и интересами (знаменитая римская формула: благо народа есть высший закон). К сожалению, как отмечал Ш. Л. Монтескье, мы всегда сталкиваемся «со страстями и предрассудками законодателя» [17, с. 656]. Ложная мотивировка законодательствующего социального слоя, извращающего подлинные потребности и интересы, рождает «подлые законы» (Аристотель). Справедливую оценку этим законам дал К. Маркс: «...законы, не дающие объективных норм, являются террористическими законами, вроде тех, которые изобрела государственная необходимость при Робеспьере и испорченность государства при римских императорах» [11, с. 14]. Как свидетельствует история, неправолегитимный законодательный акт может выступать не просто как ошибочный акт, но и как акт государственного переворота.

Существенное значение для обеспечения правовой легитимности законодательного акта имеет то, каким образом законодательная власть как представительница и выразитель родовой, суверенной воли народа наладила различные формы и способы непосредственных связей с последним, иначе говоря, как учитывается общественное мнение (обыденное, профессиональное, научное) при разработке законопроектов, его моральные санкции (как известно, по законодательным памятникам можно получить представление о нравственном состоянии общества), как используются в законодательной деятельности данные социального прогнозирования как обязательного элемента этой деятельности, позволяющего в многоаспектном и калейдоскопическом колоритном жизненном бытии различать разумное и неразумное (ничто не является законным, что противоречит разуму), предвидеть возможное и невозможное, логически очевидное, случайное и необходимое.

Правовая легитимность законодательного акта во многом зависит от того, какое участие в его создании принимает сам народ, когда именно возникает необходимость в этом. В общественной жизни есть вопросы и проблемы, которые вправе решать только сам народ. В частности, это право может быть реализовано посредством референдума: законоутверждающего, консультативного (ст. 92/1

Конституции Испании), совещательного (ст. 53 Основного закона Финляндии). Законоутверждающий референдум породил понятия «народный закон», «народное право» [20] и, как известно, наиболее ярко проявил себя в Швейцарии. В Конституции Ирландской Республики имеется специальный раздел «Передача законопроекта на решение народа». В России же по-прежнему остается актуальным вопрос, заданный еще А. Н. Радищевым: «Что же есть право народное?» Заслуживает позитивной оценки, когда вопрос о референдуме обстоятельно определяется в действующей Конституции (ст. 73–78 Конституции Республики Беларусь).

Существуют законодательные проблемы в контексте современных глобализационных процессов [21]. Законодательный акт считается праволегитимным, если его нормы согласуются с общепризнанными принципами и нормами международного права, что закрепляется конституционно (ст. 8/1 Конституции Португалии: «...нормы и принципы общего и обычного международного права являются составной частью португальского права»). Это не означает, что при такой интерпретации праволегитимности законодательного акта умаляется роль и значение внутригосударственного права, стоящего на страже национальной самобытности в правовом развитии общественных отношений. Понятно, что нет и не может быть какой-то единой, универсальной нормативно-правовой системы для всего мира.

В репрезентативной обеспеченности праволегитимности действующего законодательства большую роль играет соблюдение правил юридической техники, призванной обеспечить конкретность права. Правовое мышление – очень конкретное мышление, поэтому принцип достаточного основания семантической конкретности требует, чтобы законы по своему содержанию были ясными, четкими и понятными (*ubi ius incertum, ibi nullum* – «если закон не определен, он не существует»). Какие-либо лингвистические хитросплетения в этом случае недопустимы. По максималистской формуле Ш. Л. Монтескьё: «...законы должны обладать совершенной непорочностью» [17, с. 654]. Хотя это в принципе недостижимо, законодатель призван стремиться именно к этому.

Правовая обеспеченность нормального общественного бытия заключается, как известно, не в количестве законов (Тацит: «...чем ближе государство к падению, тем многочисленней его законы»), а в их содержательном качестве. Прежде всего это касается понятийно-терминологического аппарата, используемого в законодательстве. Законодательный акт не может быть признан праволегитимным, если он не содержит четких, ясных понятий или содержит понятия спорные либо ложные. Всякое понятие – это идея, определяющая конкретное содержание того или иного правового норматива. Образцом понятийно-терминологической культуры было, как известно, римское право, которые сравнивали с системой математически выверенных формул [22, с. 11, 13].

С учетом изложенного представляется возможным сделать вывод, что законодательный акт является праволегитимным, если он удовлетворяет ряду принципиальных условий:

1) акт принят законодательным органом государственной власти в соответствии с компетенцией, предоставленной ему Конституцией или посредством референдума (Г. Еллинек: «...правление не есть исключительная привилегия государства»). Вместо президентского вето (пережиток монархической формы правления) следовало бы конституционно предусмотреть условия и формы непосредственного участия Президента в законотворческом процессе, как это установлено в нормах Конституции Республики Беларусь (ст. 28). Пользуясь правом вето, Президент выступает как субъект законотворческого процесса в его конечной стадии. Целесообразно предоставить Президенту более объемные права в этом процессе. Суверенный народ вправе доверить осуществление законодательных полномочий не только парламенту;

2) акт принят в надлежащей форме без каких-либо нарушений требований юридической техники и обнародован в средствах массовой информации;

3) акт достаточно верно отражает общественные потребности, интересы, направлен к общему благу, к общей пользе (Данте: «...право должно приносить пользу»), лишен каких-либо нормативных хитросплетений, политически не лоббирован. Проблема здесь заключается не в качестве правового регулирования лоббизма, а в необходимости конституционного запрещения всякого лоббизма вообще в сфере законодательной деятельности, установления юридической ответственности за лоббизм в этой сфере;

4) акт не перечеркивает нравственные ценности, в основе которых лежит справедливость как идеологическая категория высшего нравственного порядка, породившая в свое время феномен права, его созидательные функции и идеалы. Именно с позиции нравственности должен оцениваться всякий правовой норматив, касающийся прав человека, поскольку право должно отвечать не только за материальное благополучие народа, но и отражать его нравственные идеалы. Несправедливые законы – это «принудительное право» (Гегель). Ложная видимость справедливости дает внутреннее право на общественный протест, право не соблюдать законы;

5) акт содержит достаточно понятные дефиниции ключевых правовых понятий и их правильное терминологическое обозначение. Недопустимо использование в законодательном акте понятий, смысл которых расходится со смыслом понятий, закрепленных в действующей Конституции, а также иностранной терминологии, унижающей или искажающей национально-государственную самобытность общества;

6) акт достаточно сбалансирован с другими ранее принятыми и действующими законодательными актами;

7) акт согласуется с общепризнанными принципами и нормами международного права. Точка зрения, согласно которой современное международное право превратилось в условность, является необоснованной и рождает нигилистическую позицию;

8) акт гарантирован ретрибутивно без какой-либо нормативной жесткости, не имеющей ничего общего с охранительной функцией юридических санкций;

9) акт принят с учетом замечаний высшей судебной инстанции, в качестве которой может выступать не только Конституционный Суд.

Библиографический список

1. Шувалов И. И. Теория законодательства. М.: Норма, 2006. 206 с.

2. Раянов Ф. М. Теория правового государства нуждается в модернизации // Право и государство: теория и практика. 2010. № 4. С. 8–12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16857320>.

3. Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю., Дуденкова А. А. Легитимность как качественная характеристика политико-правовой организации государства и общества: понятие, источники, уровни // Юрист-правовед. 2008, № 2. С. 5–13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/legitimation-as-qualitative-characteristic-of-organization-lawful-policy-of-state-and-community-notion-sources-levels>.

4. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М.: Изд. Бр. Башмаковых, 1911. 698 с. URL: <http://en.bookfi.net/book/1511746>.

5. Шелгунов Н. В. Соч. Т. 1. СПб., 1895. 273 с. URL: <https://avidreaders.ru/book/sochineniya-tom-116.html>.

6. Mannheim K. Ideologie und Utopie. Bonn, 1930. 250 с. URL: <https://archive.org/details/ideologyutopiain00mann>.

7. Смуг К. Гражданская война в США. М.: Колибри, 2015. 127 с.

8. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35. М.: Политиздат, 1958. 599 с. URL: <http://leninvi.com/t35>.

9. Правда. 1917. 19 ноября.

10. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. URL: <http://leninvi.com/t36>.

11. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения Т. 1. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955. 698 с. URL: <https://www.informaxinc.ru/lib/marx/01.html>.

12. Солоухин В. А. Наваждение. М.: Журн. «Огонек». 1991. 45 с.

13. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 41. URL: <http://leninvi.com/t41>.

14. Каганович Л. М. Двадцать лет строительства советского государства и борьбы с оппортунизмом // Советское государство и революция права. 1930. № 1. С. 7–43. URL: <http://lawlibrary.ru/article1088631.html>.

15. Беджгот В. Государственный строй Англии / пер с англ. М.: М. и С. Сабашниковы, 1905. 359 с.

16. Волкова Н. С., Хабриева Т. Я. Правовые позиции Конституционного Суда РФ и парламент. М.: Норма, 2005. 173 с.

17. Монтескьё Ш. Л. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. 803 с. URL: <https://avidreaders.ru/book/izbrannye-proizvedeniya-o-duhezakonov.html>.

18. Бентам И. Принципы законодательства. М.: Типо-литография О. И. Лашкевич и Ко, 1896.

340 с. URL: <https://avidreaders.ru/book/principyu-zakonodatelstva.html>.

19. Власенко Н. А. Модернизация Конституции России (к итогам обсуждения в связи с 25-летием // Вестник РУДН. Серия Юридические науки. 2019. Т. 23. № 2. С. 163–183. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-163-183.

20. Качоровский К. А. Народное право. М.: Молодая Россия, 1906. 253 с.

21. Хабриева Т. Я. Основы взаимодействия международного и национального права // Материалы заседания международной школы практикума молодых ученых-юристов. М.: Юриспруденция, 2007. 485 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26216004>.

22. Крылов Н. И. Об историческом значении римского права в области наук юридических. М.: Унив. тип., 1838. 20 с. URL: <https://static.my-shop.ru/product/pdf/112/1119508.pdf>.

23. Кропоткин П. Записки революционера. Л.: СПб.: Свободная мысль, 1906. 435 с. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/kropotkin_pa/index.html.

References

1. Shuvalov I. I. *Teoriya zakonotvorchestva* [Theory of lawmaking]. M.: Norma, 2006. 206 p. [in Russian].

2. Rayanov F. M. *Teoriya pravovogo gosudarstva nuzhdaetsya v modernizatsii* [The theory of legal state is need of modernization]. [Law and State: The Theory and Practice], 2010, no. 4, pp. 8–12. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16857320> [in Russian].

3. Mordovtsev A. Yu., Mamychev A. Yu., Dudenkova A. A. [Legitimation as qualitative characteristic of organization lawful policy of state and community: notion, sources, levels]. *Yurist-pravoved* [Jurist-Pravoved], 2008, no. 2, pp. 5–13. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/legitimation-as-qualitative-characteristic-of-organization-lawful-policy-of-state-and-community-notion-sources-levels> [in Russian].

4. Shershenevich G. F. *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. M.: Ed. Br. Bashmakov, 1911. 698 p. Available at: <http://en.bookfi.net/book/1511746> [in Russian].

5. Shelgunov N. V. *Soch. T. 1* [Works. Vol. 1]. SPb., 1895, 273 p. Available at: <https://avidreaders.ru/book/sochineniya-tom-116.html> [in Russian].

6. Mannheim, K. *Ideologie und Utopie*. Bonn, 1930, 250 p. Available at: <https://archive.org/details/ideologyutopiain00mann> [in English].

7. Smuts K. *Grazhdanskaya voina v SShA* [The American Civil War]. M.: Kolibri, 2015, 127 p. [in Russian].

8. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 35* [Complete works. Vol. 35]. M.: Politizdat, 1958, 599 p. Available at: <http://leninvi.com/t35> [in Russian].

9. Pravda, 1917, November 19 [in Russian].

10. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 36* [Complete works. Vol. 36]. Available at: <http://leninvi.com/t36> [in Russian].

11. Marx K., Engels F. *Sochineniya T. 1* [Works Vol. 1]. M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury, 1955, 698 p. Available at: <https://www.informaxinc.ru/lib/marx/01.html> [in Russian].

12. Soloukhin V. A. *Navazhdenie* [Obsession]. M.: Zhurn. «Ogonek», 1991, 45 p. [in Russian].

13. Lenin V. I. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 41* [Complete works. Vol. 41]. Available at: <http://leninvi.com/t41> [in Russian].

14. Kaganovich L. M. *Dvadsat' let stroitel'stva sovetskogo gosudarstva i bor'by s opportunizmom* [Twenty years of construction of the Soviet state and struggle against opportunism]. *Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava* [Soviet state and the revolution of law], 1930, no. 1, pp. 7–43. Available at: <http://lawlibrary.ru/article1088631.html> [in Russian].
15. Bagehot W. *Gosudarstvennyi stroi Anglii. Per s angl.* [The State system of England. Translated from English]. M.: M. i S. Sabashnikovy, 1905, 359 p. [in Russian].
16. Volkova N. S., Khabrieva T. Ya. *Pravovye pozitsii Konstitutsionnogo Suda RF i parlament* [Legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the Parliament]. M.: Norma, 2005, 173 p. [in Russian].
17. Montesquieu Charles L. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. M.: Gospolitizdat, 1955, 803 p. Available at: <https://avidreaders.ru/book/izbrannye-proizvedeniya-o-duhe-zakonov.html> [in Russian].
18. Bentham I. *Printsipy zakonodatel'stva* [Principles of legislation]. M.: Tipo-litografiya O. I. Lashkevich i Ko, 1896, 340 p. Available at: <https://avidreaders.ru/book/principy-zakonodatelstva.html> [in Russian].
19. Vlasenko N. A. *Modernizatsiya Konstitutsii Rossii (k itogam obsuzhdeniya v svyazi s 25-letiem)* [Modernization of the Constitution of Russia (to the results of the discussion in connection with the 25th anniversary)]. *Vestnik RUDN. Seriya Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law], 2019, Vol. 23, no. 2, pp. 163–183. DOI: 10.22363/2313-2337-2019-23-2-163-183 [in Russian].
20. Kaczorowski K. A. *Narodnoe pravo* [People's right]. M.: Molodaya Rossiya, 1906, 253 p. [in Russian].
21. Khabrieva T. Ya. *Osnovy vzaimodeistviya mezhdunarodnogo i natsional'nogo prava* [Fundamentals of interaction between international and national law]. In: *Materialy zasedaniya mezhdunarodnoi shkoly praktikuma molodykh uchenykh-yuristov* [Proceedings of the international school of young legal scholars workshop]. M.: Yurisprudentsiya, 2007, 485 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26216004> [in Russian].
22. Krylov N. I. *Ob istoricheskom znachenii rimskogo prava v oblasti nauk yuridicheskikh* [On the historical significance of Roman law in the field of legal sciences]. M.: Univ. tip., 1838, 20 p. Available at: <https://static.my-shop.ru/product/pdf/112/1119508.pdf> [in Russian].
23. Kropotkin P. *Zapiski revolyutsionera* [Notes of a revolutionary]. L.; SPb.: Svobodnaya mysl', 1906, 435 p. Available at: http://militera.lib.ru/memo/russian/kropotkin_pa/index.html [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-60-67
УДК 34.03

Дата поступления статьи: 4/IX/2019
Дата принятия статьи: 26/IX/2019

И. А. Кузьмин

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СФЕРЕ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

© Кузьмин Игорь Александрович (grafik-87@mail.ru), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Иркутский юридический институт (филиал) Университета прокуратуры, 664035, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Шевцова, 1.

Тема кандидатской диссертации: «Теоретические проблемы понимания и реализации юридической ответственности». Автор более 100 научных и методических работ, в том числе 3 монографий: «Проблемы реализации юридической ответственности» (2015); «Системная модель юридической ответственности» (2018); «Система права и система юридической ответственности» (2018); 2 учебных пособий: «Юридическая ответственность и ее реализация» (2013); «Правоприменение и толкование права. Ч. 2» (2017).

Область научных интересов: общетеоретические и отраслевые проблемы юридической ответственности; теоретические проблемы реализации и применения права; проблемы общеправовой процессуальной теории.

АННОТАЦИЯ

В статье на примере российской правовой системы проанализированы особенности законодательной конструкции юридической ответственности в сфере инвестиционной деятельности. Сложная природа инвестиционных правоотношений и их исключительная экономическая важность для современного общества неизменно побуждают законодателя искать правовые средства для их надлежащего обеспечения и охраны. Особенно ярко подобная необходимость проявляется в условиях нестабильной экономической системы, при экономических кризисах. Используя общенаучные и частнонаучные методы исследования, опираясь на доктринальные и нормативные источники, а также материалы юридической практики, автор приходит к мнению, что у законодателя в целом отсутствует понимание ответственности в соответствующей области и юридической технологии ее закрепления. Для решения обозначенной проблемы автор предлагает комплекс конкретных юридических действий для правотворческих и правоприменительных органов, крупнейших инвесторов и формулирует основное содержание юридической технологии закрепления ответственности за правонарушения в инвестиционной сфере.

Ключевые слова: юридическая ответственность, инвестиционные отношения, инвестиционная деятельность, юридическая ответственность, институт юридической ответственности, законодательные конструкции ответственности, законодательная технология.

Цитирование. Кузьмин И. А. Проблемы и перспективы совершенствования законодательной конструкции юридической ответственности в сфере инвестиционных правоотношений // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 60–67. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-60-67>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

I. A. Kuzmin

PROBLEMS AND PROSPECTS OF IMPROVING THE LEGAL CONSTRUCTION OF LEGAL LIABILITY IN THE FIELD OF INVESTMENT LEGAL RELATIONS

© **Kuzmin Igor Aleksandrovich (grafik-87@mail.ru)**, Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law, **Irkutsk Law Institute (branch) of the University of prosecutor's office of the Russian Federation**, 1, Shevtsov Street, Irkutsk, 664035, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Theoretical problems of understanding and implementing legal liability». Author of more than 100 scientific and methodological works including 3 monographs: «Problems of realization of legal liability» (2015); «Systematic model of legal liability» (2018); «Law system and system of legal liability» (2018); 2 study guides: «Legal liability and its implementation» (2013); «Law enforcement and interpretation of law. Part 2» (2017).

Research interests: general theoretical and industry problems of legal liability; theoretical problems of the implementation and application of law; problems of general legal procedural theory.

ABSTRACT

This article on the example of the Russian legal system analyzes the features of the legislative structure of legal liability in the field of investment activity. The complex nature of investment legal relations and their exceptional economic importance for modern society invariably prompt the legislator to seek legal means for their proper provision and protection. Such a need is especially noticeable manifested in the conditions of an unstable economic system and economic crises. Using general scientific and private scientific research methods, relying on doctrinal and regulatory sources, as well as materials of legal practice, the author comes to the conclusion that the legislator as a whole lacks an understanding of liability in the relevant field and the legal technology for securing it. To solve this problem, the author proposes a set of specific legal actions for legislative and law enforcement agencies, major investors and formulates the main content of legal technology of securing liability for offenses in the investment sphere.

Key words: legal liability, investment relations, investment activity, legal liability, institute of legal liability, legislative constructions of liability, legislative technology.

Citation. Kuzmin I. A. *Problemy i perspektivy sovershentsvovaniya zakonodatel'noi konstruktsii yuridicheskoi otvetstvennosti v sfere investitsionnykh pravootnoshenii* [Problems and prospects of improving the legal construction of legal liability in the field of investment legal relations]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 60–67. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-60-67> [in Russian].

Инвестиционные отношения в современном мире занимают важное место в структуре экономических отношений, позволяя реализовывать интересы (удовлетворять потребности) не только частных, но и публичных субъектов посредством воплощения в жизнь разнообразных (в т. ч. приоритетных) инвестиционных проектов.

Функциональное определение реализуемой в рамках соответствующих отношений деятельности дается в ст. 1 Федерального закона от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» (далее – Закон об инвестициях). Данная норма-дефиниция предписывает рассматривать инвестиционную деятельность как «вложение инвестиций и осуществление практических действий в целях получения прибыли и (или) достижения иного полезного эффекта». Очевидно, что инвестиционную деятельность не следует отождествлять с понятием «деятельность в связи с инвестициями», под которой в отдельных международных источниках понимается не только

владение, но и пользование и (или) распоряжение инвестициями [1].

По данным Управления контроля иностранных инвестиций Федеральной антимонопольной службы РФ, предприятия топливно-энергетического комплекса, будучи наиболее инвестиционно привлекательными объектами (по состоянию на 2017 г.), обеспечили 40 % от удельного веса налоговых поступлений в бюджет [2]. Банк России в рамках макроэкономической финансовой статистики приводит данные о том, что в деятельности по добыче полезных ископаемых в 2017 г. было привлечено 28476 млн долларов США, что составляет порядка 20 % от общего объема привлеченных в нашу страну инвестиций [3]. Однако в 2018 г. Банком России был зафиксирован рекордный (начиная с 1990-х годов) отток зарубежных инвестиций из экономики России [4].

В условиях нестабильной экономической системы охрана законности в инвестиционных отношениях становится первостепенной задачей не только частных лиц (инвестора, инициато-

ра проекта и др.), но и публичных образований, в числе которых выступает и государство. Для подтверждения можно обратиться к содержанию доклада Генерального прокурора РФ на заседании Совета Федерации Федерального Собрания РФ 10.04.2019, в котором отмечалась активность органов прокуратуры в работе по защите экономических интересов государства и содействию созданию благоприятного инвестиционного климата в таможенной области [5].

Основным охранительным правовым институтом и средством принудительного обеспечения правопорядка в различных сферах общественной жизни является юридическая ответственность. Как верно заметил С. Н. Братусь, «пока существует государство и право, необходимо принуждение по отношению к тем, кто не подчиняется закону» [6, с. 3].

Осознание международным сообществом потребности в охране прав иностранных инвесторов привело к заключению в 1965 г. Вашингтонской Конвенции о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами [7]. В 1985 г. была принята Сеульская Конвенция об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций [8]. В рамках СНГ в 1997 г. заключается Конвенция о защите прав инвестора. Большое значение для международной инвестиционной деятельности России на сегодняшний день представляет Договор о Евразийском экономическом союзе от 2014 г. (в ред. от 2018 г.) [10], а также многочисленные двусторонние соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений и инвестиций.

Анализ указанных документов дает основание утверждать о наличии международно-правовой ответственности субъектов инвестиционной деятельности (например, в форме компенсации [11, с. 135–138]), на что обращает внимание И. В. Миронова. В свою очередь Н. Н. Литягин обоснованно рассматривает вопрос о гражданско-правовой ответственности государства за нарушение имущественных прав субъектов инвестиционной деятельности [12, с. 87–89]. Для достижения интересов Российской Федерации в рассматриваемой сфере был принят Федеральный закон «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации» от 09.07.1999 № 160-ФЗ, применение которого вызвало к жизни многочисленные коррупционные проявления [13, с. 147, 172].

В Законе об инвестициях юридической ответственности субъектов инвестиционной деятельности посвящен п. 1 ст. 17, в котором говорится о том, что «в случае нарушения требований законодательства Российской Федерации, условий договора и (или) государственного контракта субъекты инвестиционной деятельности несут ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации». Второй пункт статьи определяет порядок разрешения споров, связанных с инвестиционной деятельностью. Толкование приведенной законодательной конструкции наводит

на мысль об отсутствии у законодателя комплексного понимания юридической ответственности в соответствующей сфере, кроме как в отношении условий договоров и государственных контрактов. Явное стремление правотворца отдать на откуп правоприменителю решение всех возникающих вопросов реализации юридической ответственности мыслится сомнительным. Разрозненные санкции, содержащие меры конституционно-правовой, уголовно-правовой, административно-правовой, гражданско-правовой и иных видов юридической ответственности, нуждаются в едином восприятии и системном понимании всеми участниками инвестиционных правоотношений. При этом мы не считаем возможным выделять в качестве самостоятельного вида инвестиционно-правовую ответственность и поддерживаем мнение А. Г. Демиевой о том, что инвестиционное право не может претендовать на статус отрасли права (даже комплексной), «а является комплексной отраслью законодательства, в основе которого базируется Гражданский кодекс РФ» [14, с. 80].

Следовательно, преодоление имеющихся проблем в нормативной конструкции ответственности участников инвестиционных правоотношений подразумевает совместные усилия правотворческих и правоприменительных органов, а также крупнейших инвесторов (держателей капиталовложений), направленные на:

- адекватное определение и оценку с точки зрения социальной вредности (опасности) противоправных деяний в области инвестиционной деятельности, за которые предполагается установление мер юридической ответственности, соразмерных этим деяниям;
- систематизацию мер юридической ответственности (санкций), их адаптацию к сложившейся социально-экономической ситуации и экономическим потребностям участников инвестиционных отношений;
- дальнейшую оптимизацию правовых механизмов выявления и пресечения правонарушений в инвестиционной сфере, за совершение которых предусматриваются меры юридической ответственности, грамотное разграничение соответствующих полномочий между компетентными органами;
- совершенствование процесса реализации юридической ответственности субъектов инвестиционной деятельности.

Формирование института юридической ответственности в сфере инвестиционных правоотношений, исходя из обозначенных правотворческих направлений, предполагает наличие методики, позволяющей сделать нормы ответственности применимыми и потенциально эффективными. Так, проекты нормативно-правовых актов субъектов Российской Федерации, устанавливающие или изменяющие обязанности для субъектов предпринимательской деятельности, а также устанавливающие, изменяющие или отменяющие ответственность за нарушение законодательства

субъектов РФ, в том числе затрагивающие вопросы осуществления инвестиционной деятельности, подлежат обязательной оценке регулирующего воздействия. В силу прямого указания пп. 1 и 1.1 ст. 26.3-3 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» от 06.10.1999 № 184-ФЗ данная оценка проводится в целях выявления положений, вводящих избыточные обязанности, запреты и ограничения для субъектов инвестиционной деятельности или способствующих их введению, а также положений, способных привести к возникновению необоснованных расходов для таких субъектов. Вместе с тем для законопроектов федерального уровня такого требования не предусмотрено, что подтвердил в одном из своих актов Конституционный Суд РФ [15]. Относительно исследуемой формы ответственности подобная законодательная технология может выглядеть следующим образом.

Во-первых, установление субъектов юридической ответственности и особенностей их деятельности. С учетом высокого разнообразия и сложности инвестиционной деятельности требуется в каждой из ее разновидностей осознавать круг участников, обладающих собственными (не всегда законными) интересами. А. П. Суворова с учетом особенностей инвестиционно-строительной деятельности называет ее основными участниками инвесторов, заказчиков, подрядчиков, проектировщиков, пользователей строительной продукции. Причем в процессе ценообразования инвесторы (заказчики) и подрядчики выступают в качестве сторон с полярными интересами [16, с. 98]. Если дополнительно включить в этот перечень «неосновных» субъектов, как то: органы строительного контроля и надзора, субподрядчики, проектировщики, поставщики оборудования и другие, то необходимость выстраивания выверенной конструкции ответственности для каждого из них становится очевидной. Кроме того, нельзя выпускать из зоны внимания смежные (обеспечивающие) виды деятельности и их субъектов. Так, Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Японии о поощрении и защите капиталовложений 1998 г. [17] в ст. 1 раскрывает содержание термина «деловая деятельность в связи с капиталовложениями», которая охватывает содержание учреждений, контроль и управление бухгалтерами, наем административного персонала, адвокатов и многое другое.

Во-вторых, фиксация в законе нарушений, которые в силу своей социальной вредности нуждаются в их обеспечении мерами юридической ответственности. К примеру, рейдерские захваты предприятий в силу несовершенства законодательства и бездеятельности (безответственности, беспомощности) правоохранительных органов крайне негативно влияют на инвестиционную привлекательность соответствующего государства и конкретной административно-территориальной

единицы [18, с. 79]. Тем не менее ответственность за рейдерство как таковое в законодательстве России отсутствует, что снижает эффективность судебно-следственной и прокурорской практики, создает потребность в нахождении «тернистых путей» (механизмов) публично-правового реагирования на это явление [19, с. 175–180]. Даже в соседствующем с Россией государстве – Беларуси, где госсектор экономики превалирует над всеми остальными, рейдерские захваты предприятий учащаются и становятся самостоятельной проблемой [20, с. 290–292]. Следовательно, данное деяние всегда содержит в себе повышенную общественную вредность, как правило, переходящую в разряд опасности, что требует уголовно-правовой ответственности. В свою очередь правонарушение ст. 15.31 КоАП РФ от 30.12.2001 – незаконное использование слов «инвестиционный фонд» и образованных от них словосочетаний (способное вести в заблуждение третьих лиц) само по себе не должно рассматриваться как общественно опасное деяние, однако социальной вредностью оно обладает и нуждается в специализированной ответственности. Степень вреда (причиненного или предполагаемого) относится к базовым критериям разграничения мер ответственности. В частности, сделка с пороком воли (например, совершенная под принуждением) является недействительной и влечет гражданско-правовую ответственность для принуждающего лица согласно положениям § 2 гл. 9 Гражданского кодекса РФ (часть 1) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Если же будет доказано, что такие действия могут причинить существенный вред правам и законным интересам потерпевшего или его близких, то они могут быть квалифицированы в качестве преступления, исходя из ст. 179 Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ.

В-третьих, определение соразмерного наказания за правонарушения, отвечающего целям и принципам юридической ответственности. Основываясь на геополитических условиях и сложившейся социально-экономической ситуации в государстве, исходя из реальных потребностей государства и общества в тех или иных формах инвестиционной деятельности, следует неизменно искать баланс (грань справедливости) между наказанием и содеянным. С одной стороны, важно дать правоприменителю возможность максимально индивидуализировать санкцию, приблизив его к «инвестиционному правонарушению», а с другой – не создать позитивной санкции беззакония и условий для коррупции. В качестве первичной методологической конструкции для поиска обозначенной соразмерности представляется применимой концепция баланса интереса А. Ф. Пьянковой [21, с. 10–12].

В-четвертых, определение обстоятельств, смягчающих или отягчающих ответственность, а также оснований, исключающих ответственность и освобождающих от нее. Сложившаяся в нашем государстве правотворческая практика и подходы к установлению законности показывают, что

отягчающие и исключаяющие ответственность обстоятельства закрепляются в законодательстве императивно, и в случае их фиксации они должны быть неизбежно применены соответствующим правоприменительным органом. Следовательно, при подобных обстоятельствах следует руководствоваться нормативными положениями, отягчающими или исключаяющими определенную отраслевую форму ответственности. Вместе с тем данные положения также могут быть усовершенствованы, в том числе с акцентом на особенности инвестиционной деятельности. В порядке предложения перечень отягчающих уголовное наказание обстоятельств можно дополнить пунктом «стремление лица к наступлению гораздо более тяжелых последствий, чем наступили вследствие совершения преступления» по аналогии со ст. 2 Уголовного кодекса Швеции от 1965 г. или «стремление лица причинить существенный экономический вред рыночным отношениям в масштабах государства (или отдельной административно-территориальной единицы)». Основания освобождения от юридической ответственности и обстоятельства, смягчающие ответственность, должны быть в общем виде охарактеризованы в законе (первые – с большей степенью детализации), а их применение в значительной степени зависит от соответствующих компетентных органов и должностных лиц. Для иллюстрации имеющихся в этой области проблем можно привести материалы конкретного арбитражного дела (арбитражное дело № А32-13690/2012), в котором по результатам выездной налоговой проверки ООО было привлечено к налоговой ответственности за не полностью уплаченные налоги в размере 2,5 млн рублей. Обращение ООО в налоговую инспекцию субъекта РФ с ходатайством о смягчении ответственности, мотивированное реализацией ООО важного социально значимого проекта с привлечением инвестиций в рамках национальной программы развития агропромышленного комплекса, осталось без внимания. Ссылки ООО на значительную кредиторскую задолженность, сезонный характер деятельности, а также уплату НДФЛ до начала проверки вышестоящей налоговой инспекцией также были проигнорированы. Арбитражный суд, вопреки позиции налоговой инспекции, учел социально значимую деятельность организации при реализации инвестиционного проекта, установил, что взыскание штрафа в полном объеме может повлиять на права третьих лиц, в том числе работников ООО. Суд дополнительно указал на необходимость соблюдения баланса частного и публичного интересов, в итоге снизив сумму санкции до 100 тысяч рублей. В социально-массовом проявлении приведенный пример свидетельствует о негибком и формальном подходе административных (а иногда и судебных) органов к осуществлению своих полномочий применительно к участникам инвестиционных правоотношений и экономике в целом.

В-пятых, выстраивание механизма реализации ответственности таким образом, чтобы его

действие обеспечивало выполнение принципов, а также достижение целей и задач ответственности. Так, имущественная природа инвестиционных отношений может получить дополнительное отражение в нормах о реализации юридической ответственности. Известно, что ответственность может быть реализована в добровольной (до вынесения акта применения права, возлагающего санкцию) или в принудительной форме (после вынесения данного акта применения права). Частноправовая ответственность (гражданско-правовая, в международном частном праве) может быть реализована участниками инвестиционных правоотношений добровольно. Относительно публично-правовой ответственности реализация ответственности без акта принуждения – скорее исключение (согласно абз. 2 п. 1 ст. 104 Налогового кодекса РФ от 31.07.1998 № 146-ФЗ, налоговый орган до обращения в суд обязан предложить лицу добровольно уплатить сумму налоговой санкции). Полагаем, что у законодателя имеются реальные перспективы улучшить инвестиционный климат в государстве и наполняемость бюджета, расширив сферу использования добровольной формы ответственности административно-финансового характера (налоговой, бюджетной, валютной, банковской и т. д.) за совершенные публично-правовые нарушения инвестиционного законодательства [22, с. 133–135, 174].

В-шестых, результаты реализации перечисленных выше методических установок следует обеспечить изданием актов нормативного толкования законодательных положений о юридической ответственности и специфике ее применения. Изначально это следует сделать на уровне обзоров судебной практики Верховного Суда РФ, а в дальнейшем, после накопления правоприменительного опыта, – уже на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ. Активное развитие инвестиционных отношений на сегодняшний день демонстрирует потребность в принятии нового нормативного акта толкования права, содержащего расширенные разъяснения, превышающие область действия и уточняющие постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» [23].

Безусловно, не следует считать юридическую ответственность единственным эффективным средством реагирования на правонарушения в сфере инвестиционных правоотношений. Эффективными могут оказаться и иные принудительные меры, например меры защиты (предусмотренные в том числе действующим в редакции от 26.07.2017 Законом РСФСР от 26.06.1991 № 1488-1 «Об инвестиционной деятельности в РСФСР»). В частности, праввосстановительные меры способны защитить вложенные инвестором инвестиции (арбитражное дело № А83-10125/2016), воспрепятствовать незаконному продлению сроков окупаемости инвестиционных проектов (арбитражное

дело № А51-22438/2013), не допустить принятия инвестиционных программ, ограничивающих конкуренцию (арбитражное дело № А13-14339/2013), а также многое другое.

Таким образом, обобщая вышеизложенное, мы приходим к выводу о том, что законодательная конструкция юридической ответственности в сфере инвестиционных правоотношений и формы ее реализации составляют серьезную и чрезвычайно актуальную на сегодняшний день проблематику для теории права и юридической практики. Имеющиеся перспективы совершенствования законодательства о юридической ответственности и механизмах ее применения нуждаются в системном подходе и могут быть реализованы только при условии разработки специальной правотворческой методики, основанной на глубинном понимании государством и иными публичными субъектами сущности и значения сферы инвестиционных правоотношений.

Библиографический список

1. Соглашение о поощрении и взаимной защите инвестиций в государствах – членах Евразийского экономического сообщества (заключено в г. Москве 12.12.2008 г.) // СЗ РФ. 2016. № 14. Ст. 1913. URL: <https://legalacts.ru/doc/soglashenie-o-pooshchrenii-ivzaimnoi-zashchite-investitsii>.
2. Презентация об иностранных инвестициях в топливно-энергетический комплекс Российской Федерации // Официальный сайт ФАС РФ. URL: <https://fas.gov.ru/p/presentations/139> (дата обращения: 25.08.2019).
3. Статистика внешнего сектора Макроэкономической финансовой статистики // Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации. URL: <http://www.cbr.ru/statistics/?PrtId=svs> (дата обращения: 25.08.2019).
4. Фейнберг А. ЦБ зафиксировал рекордный отток зарубежных инвестиций из России // РосБизнесКонсалтинг – информационное агентство. URL: <https://www.rbc.ru/economics/08/04/2019/5cab58a09a7947da221f5958> (дата обращения: 25.04.2019).
5. Доклад Генерального прокурора Российской Федерации Юрия Чайки на заседании Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Официальный сайт Генеральной прокуратуры РФ. URL: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1590590/> (дата обращения: 25.04.2019).
6. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М.: Юрид. лит. 1976. 215 с. URL: <http://www.ex-jure.ru/freelaw/news.php?newsid=95>.
7. Вашингтонская Конвенция 1965 года о порядке разрешения инвестиционных споров между государствами и иностранными лицами // Вестник Арбитражного Суда Российской Федерации. 2001. № 7. URL: https://sccinstitute.com/media/69150/icsid_convention_ru.pdf.
8. Сеульская Конвенция 1985 года об учреждении Многостороннего агентства по гарантиям инвестиций // Вестник Арбитражного Суда Российской Федерации. 2001. № 7. URL: <https://www.miga.org/sites/default/files/archive/Documents/MIGA%20Convention%20February%202016.pdf>.
9. Конвенция о защите прав инвестора от 28.03.1997 // Вестник Арбитражного Суда Российской Федерации. 1997. № 8. URL: <https://legalacts.ru/doc/konventsija-o-zashchite-prav-investora-zakliuchena-v>.
10. Договор о Евразийском экономическом союзе от 29.05.2014 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855/ (дата обращения: 25.04.2019).
11. Миронова И. В. Международные договоры в области инвестиционных отношений с участием Российской Федерации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2015. Вып. 3. С. 131–139. URL: <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/9cd/Irina%20Mironova,%20131-139.pdf>.
12. Литягин Н. Н. Защита прав субъектов инвестиционной деятельности // Человек. Общество. Инклюзия. 2015. № 2. С. 85–91. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24734143>.
13. Актуальные проблемы противодействия коррупции: учебник / под ред. А. В. Юрковского. Иркутск: Иркут. юрид. ин-т (филиал) Ун-та прокуратуры РФ, 2018. 407 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37273757>.
14. Демиева А. Г. Правовая политика в сфере инвестиционной деятельности: решение ключевых задач // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 1. С. 77–81. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37108448>.
15. По запросу группы депутатов Государственной думы о проверке конституционности Федерального закона «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» и Закона города Москвы «О торговом сборе»: определение Конституционного Суда РФ от 11.10.2016 № 2152-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 3. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71422826>.
16. Суворова А. П. Особенности формирования экономических отношений среди участников осуществления инвестиционно-строительного проекта // Вестник Межрегионального открытого социального института. 2015. № 2. С. 97–102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26552491>.
17. Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Японии о поощрении и защите капиталовложений от 13.11.1998 // СЗ РФ. 2000. № 26. Ст. 2739. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901764891>.
18. Герасименко В. А. Рейдерство – преступление или преступность // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2015. Т. 1. № 3. С. 79–90. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25656034>.
19. Сагова Х. А. Механизмы привлечения к уголовной ответственности за рейдерство // Проблемы в российском законодательстве. 2012. № 3. С. 175–181. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17795491>.
20. Давыденко М. В. Рейдерство в Республике Беларусь // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы IX Международной научно-практич. конф., Минск, 19–20 мая 2016 г. в 2 т. / отв. ред. В. Н. Шимов. Минск, 2016. Т. 2. С. 290–292. URL: http://www.bseu.by:8080/bitstream/edoc/29105/1/Davydenko_M_V_290_292.pdf.
21. Пьянкова А. Ф. Баланс интересов в гражданском праве России и его обеспечение в договорных отношениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2013. 29 с.

22. Кузьмин И. А. Теоретические проблемы понимания и реализации юридической ответственности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2012. С. 204. URL: <https://www.disserscat.com/content/teoreticheskie-problemy-ponimaniya-i-realizatsii-yuridicheskoi-otvetstvennosti>.

23. О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 11 июля 2011 г. № 54 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2011. № 9. URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/37821.html.

References

1. *Soglasenie o pooshchrenii i vzaimnoi zashchite investitsii v gosudarstvakh – chlenakh Evraziiskogo ekonomicheskogo soobshchestva (zaklyucheno v g. Moskve 12.12.2008)* [Agreement on the Encouragement and Reciprocal Protection of Investments in the Member States of the Eurasian Economic Community (concluded in Moscow on 12.12.2008)]. *Sobr. Zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2016, no. 14, Article 1913. Available at: <https://legalacts.ru/doc/soglasenie-o-pooshchrenii-i-vzaimnoi-zashchite-investitsii> [in Russian].

2. *Prezentatsiya ob inostrannykh investitsiyakh v toplivno-energeticheskii kompleks Rossiiskoi Federatsii* [Presentation on foreign investment in the fuel and energy complex of the Russian Federation]. *Ofitsial'nyi sait FAS RF* [Official site of the Federal Antimonopoly Service of the Russian Federation]. Available at: <https://fas.gov.ru/p/presentations/139> (accessed 25.08.2019) [in Russian].

3. *Statistika vneshnego sektora Makroekonomicheskoi finansovoi statistiki* [External sector statistics of Macroeconomic financial statistics]. *Ofitsial'nyi sait Tsentral'nogo banka Rossiiskoi Federatsii* [Official site of the Central Bank of the Russian Federation]. URL: https://cbr.ru/statistics/macro_itm/svs (accessed 25.08.2019) [in Russian].

4. Feinberg A. *TsB zafiksiroval rekordnyi ottok zarubezhnykh investitsii iz Rossii* [Central Bank recorded a record outflow of foreign investment from Russia]. *RosBiznesKonsalting – informatsionnoe agentstvo* [RosBusinessConsulting – news agency]. Available at: <https://www.rbc.ru/economics/08/04/2019/5cab58a09a7947da221f5958> (accessed 25.04.2019) [in Russian].

5. *Doklad General'nogo prokurora Rossiiskoi Federatsii Yuriya Chaiki na zasedanii Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii* [Report of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation Yury Chaika at a meeting of the Council of Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation]. *Ofitsial'nyi sait General'noi prokuratury RF* [Official website of the Prosecutor General of the Russian Federation]. Available at: <https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc-news-1590590> (accessed 25.04.2019) [in Russian].

6. Bratus S. *Yuridicheskaya otvetstvennost' i zakonnost' (oчерк teorii)* [Legal liability and legality (essay on the theory)]. M.: Yurid. lit., 1976, 215 p. Available at: <http://www.ex-jure.ru/freelaw/news.php?newsid=95> [in Russian].

7. *Vashingtonskaya Konventsiya 1965 goda o poryadke razresheniya investitsionnykh sporov mezhdugosudarstvami i inostrannymi litsami* [The Washington Convention of 1965 on the Procedure for Resolving Investment Disputes Between States and Foreign]. *Vestnik Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii*

[Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation], 2001, no. 7. Available at: https://sccinstitute.com/media/69150/icsid_convention_ru.pdf [in Russian].

8. *Seul'skaya Konventsiya 1985 goda ob uchrezhdenii mnogostoronnego agentstva po garantiyam investitsii* [Convention establishing the multilateral investment guarantee agency]. *Vestnik Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation], 2001, no. 7. Available at: <https://www.miga.org/sites/default/files/archive/Documents/MIGA%20Convention%20February%202016.pdf> [in Russian].

9. *Konventsiya o zashchite prav investora ot 28.03.1997* [Convention relating to the protection of rights of the investor as of March 28, 1997]. *Vestnik Arbitrazhnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation], 1997, no. 8. Available at: <https://legalacts.ru/doc/konventsija-o-zashchite-prav-investora-zakliuchena-v/> [in Russian].

10. *Dogovor o Evraziiskom ekonomicheskom soyuze ot 29.05.2014* [Treaty on the Eurasian Economic Union as of 29.05.2014]. *Ofitsial'nyi internet-portal pravovoi informatsii* [Official Internet portal of legal information]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855 (accessed: 04/25/2019) [in Russian].

11. Mironova I. V. *Mezhdunarodnye dogovory v oblasti investitsionnykh otnoshenii s uchastiem Rossiiskoi Federatsii* [International investment contracts with Russian participation]. *Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [IKBFU's Vestnik. Ser. The humanities and social science], 2015, Issue 3, pp. 131–139. Available at: <https://journals.kantiana.ru/upload/iblock/9cd/Irina%20Mironova,%2020131-139.pdf> [in Russian].

12. Lityagin N. N. *Zashchita prav sub'ektov investitsionnoi deyatel'nosti* [Protection of the rights of subjects of investment activity]. *Chelovek. Obshchestvo. Inkluziya* [Human. Society. Inclusion], 2015, no. 2, pp. 85–91. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24734143> [in Russian].

13. *Actual'nye problemy protivodeistviya korruptsii: uchebnik. Pod red. A. V. Yurkovskogo* [Actual problems of combating corruption: textbook. A. V. Yurkovsky (Ed.)]. Irkutsk: Irkut. yurid. in-t (filial) Un-ta prokuratury RF, 2018, 407 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37273757> [in Russian].

14. Demieva A. G. *Pravovaya politika v sfere investitsionnoi deyatel'nosti: reshenie klyuchevykh zadach* [Policy of legal regulation of investment activity: the key problem solving]. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn'* [Legal policy and legal life], 2019, no. 1, pp. 77–81. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37108448> [in Russian].

15. *Po zaprosu gruppy deputatov Gosudarstvennoi Dumy o proverke konstitutsionnosti Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenii v chasti pervuyu i vtoruyu Nalogovogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii» i Zakona goroda Moskvy «O torgovom sbore»: opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 11.10.2016 № 2152-O* [At the request of a group of deputies of the State Duma on the verification of constitutionality of the Federal Law «On Amendments Being Made to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation» and the Law of the City of Moscow «On Sales Tax»: statement of the Constitutional Court of the Russian Federation as of October 11, 2016 № 2152-O]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF* [Vestnik of the Constitutional Court of the Russian Federation], 2017, no. 3. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71422826> [in Russian].

16. Suvorova A. P. *Osobnosti formirovaniya ekonomicheskikh otnoshenii sredi uchastnikov osushchestvleniya investitsionno-stroitel'nogo proekta* [Peculiarities of forming economic relations among the participants of accomplishment of investment and construction project]. *Vestnik Mezhtsebnogo otkrytogo sotsial'nogo instituta* [Vestnik of the Interregional Open Social Institute], 2015, no. 2, pp. 97–102. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26552491> [in Russian].
17. *Soglasenie mezhdru Pravitel'stvom Rossiiskoi Federatsii i Pravitel'stvom Yaponii o pooshchrenii i zashchite kapitalovlozhenii ot 13.11.1998* [Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of Japan on the promotion and protection of capital investments as of November 13, 1998]. *Sobr. Zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], no. 26, Article 2739. Available at: <http://docs.cntd.ru/document/901764891> [in Russian].
18. Gerasimenko V. A. *Reiderstvo – prestuplenie ili prestupnost'* [The raid – a crime or a criminality]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Yuridicheskie nauki* [Scientific notes of V. I. Vernadsky Crimean Federal University. Juridical science], 2015, Vol. 1, no. 3, pp. 79–90. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25656034> [in Russian].
19. Sagova H. A. *Mekhanizmy privilecheniya k ugolovnoi otvetstvennosti za reiderstvo* [Mechanisms of criminal liability for corporate raiding]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2012, no. 3, pp. 175–181. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17795491> [in Russian].
20. Davydenko M. V. *Reiderstvo v Respublike Belarus'* [Raid in the Republic of Belarus]. In: *Ekonomicheskii rost Respubliki Belarus': globalizatsiya, innovatsionnost', ustoichivost': materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Minsk, 19–20 maya 2016 g. v 2 t. Otv. red. V. N. Shimov* [Economic Growth of the Republic of Belarus: Globalization, Innovation, Sustainability: Proceedings of the IX International Research and Practical Conference, Minsk, May 19–20, 2016; in 2 vols. V. N. Shimov (Ed.)]. Minsk, 2016, Vol. 2, pp. 290–292. Available at: http://www.bseu.by:8080/bitstream/edoc/29105/1/Davydenko_M_V_290_292.pdf [in Russian].
21. Pyankova A. F. *Balans interesov v grazhdanskom prave Rossii i ego obespechenie v dogovornykh otnosheniyakh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Balance of interests in the Civil Law of Russia and its maintenance in contractual relations: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Yekaterinburg, 2013. 29 p.
22. Kuzmin I. A. *Teoreticheskie problemy ponimaniya i realizatsii yuridicheskoi otvetstvennosti: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01* [Theoretical problems of understanding and implementing legal liability: Candidate's of Legal Sciences thesis: 12.00.01]. SPb., 2012, 204 p. Available at: <https://www.disscat.com/content/teoreticheskie-problemy-ponimaniya-i-realizatsii-yuridicheskoi-otvetstvennosti> [in Russian].
23. *O nekotorykh voprosakh razresheniya sporov, vznikayushchikh iz dogovorov po povodu nedvizhimosti, kotoraya budet sozdana ili priobretena v budushchem: postanovlenie Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF ot 11 iyulya 2011 g. № 54* [On some issues of resolving disputes arising from contracts for real estate that will be created or acquired in the future: statement of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation as of July 11, 2011, № 54]. *Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda RF* [Herald of the Supreme Arbitrazh Court of the Russian Federation], 2011, no. 9. Available at: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/37821.html [in Russian].

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-68-73
УДК 343.22

Дата поступления статьи: 30/IV/2019
Дата принятия статьи: 31/V/2019

Т. В. Кленова, Д. Л. Мнацаканян

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОНИМАНИЯ ЭКСЦЕССА СОУЧАСТНИКА

© **Кленова Татьяна Владимировна** (klenova_tatiana@mail.ru), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, **Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева**, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема докторской диссертации: «Основы теории кодификации уголовно-правовых норм». Автор более 160 научных работ, в том числе учебников, монографий и учебных пособий: «Основы теории кодификации уголовно-правовых норм» (2001). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации» (научно-практический) (2019), «Актуальные проблемы уголовного права. Часть общая» (2019), «Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных» (2019).

Область научных интересов: кодификация уголовно-правовых норм, квалификация преступлений.

© **Мнацаканян Диана Леоновна** (diana-mn1996@mail.ru), магистрант I курса юридического факультета, **Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева**, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Автор 7 научных статей, в том числе «Акцессорная теория соучастия в уголовном праве Франции».

Область научных интересов: актуальные проблемы института соучастия в уголовном праве России.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются некоторые вопросы, связанные с пониманием эксцесса соучастников преступления и определением уголовно-правовых последствий преступлений, совершенных в соответствующих условиях. В действующем Уголовном кодексе Российской Федерации закреплена дефинитивная норма об эксцессивном поведении исполнителя преступления, но не регламентируется уголовная ответственность этого соучастника при эксцессе, а также ответственность других соучастников преступления. При этом необоснованно не учитывается эксцесс соучастников, не являющихся соисполнителями преступления. Это объясняет выбор цели исследования – определить отправные идеи понимания эксцесса не только исполнителя, но и других соучастников преступления. Задачи статьи: подтвердить возможность эксцесса соучастника, не являющегося исполнителем преступления, обозначить пределы эксцесса соучастников, разработать рекомендации по совершенствованию действующего законодательства в данной области правового регулирования, сформулировать правила квалификации преступлений в условиях эксцесса соучастников. Основные выводы авторов статьи – о понимании эксцесса соучастника без отклонения от концептуальных идей учения о соучастии, об универсальности нормы об эксцессе и необходимости дифференциации ответственности соучастников при эксцессе любого из соучастников.

Ключевые слова: соучастие в преступлении, соучастие в неоконченном преступлении, неудавшееся соучастие, эксцесс соучастника преступления, квалификация преступления, совершенного в соучастии.

Цитирование. Кленова Т. В., Мнацаканян Д. Л. Актуальные проблемы понимания эксцесса соучастника // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 68–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-68-73>.

T. V. Klenova, D. L. Mnatsakanyan

ACTUAL PROBLEMS OF UNDERSTANDING THE EXCESSIVE ACT OF AN ACCOMPLICE

© **Klenova Tatiana Vladimirovna** (klenova_tatiana@mail.ru), Doctor of Law, professor, head of the Department of Criminal Law and Criminology, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Fundamentals of the theory of codification of criminal law». Author of more than 160 scientific works, including textbooks and monographs: «Fundamentals of the theory of codification of criminal law» (2001). A number of scientific papers written in collaboration: «Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation» (research and practical) (2019), «Actual problems of criminal law. Part General» (2019), «Resocialization and real inclusion of convicts in civil society» (2019).

Research interests: Codification of criminal law, qualification of crimes.

© **Mnatsakanyan Diana Levonovna** (diana-mn1996@mail.ru), first-year Master's degree student of the Faculty of Law, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Author of 7 scientific articles, including «Accessory theory of complicity in French criminal law».

Research interests: actual problems of the Institute of complicity in the criminal law of Russia.

ABSTRACT

The article deals with some issues related to the understanding of the excesses of accomplices and the definition of the criminal – legal consequences of crimes committed in the appropriate conditions. The current Criminal Code of the Russian Federation establishes a definitive rule on the excessive behavior of the perpetrator of the crime, but does not regulate the criminal liability of this accomplice in the excesses, as well as the responsibility of other accomplices in the crime. In this case, the excess of accomplices who are not co-perpetrators of the crime is not unreasonably taken into account. This explains the choice of the purpose of the study – to determine the initial ideas of understanding the incident, not only the performer, but also other accomplices of the crime. Objectives of the article: to confirm the possibility of excesses of an accomplice who is not the perpetrator of the crime, to identify the limits of excesses of accomplices, to develop recommendations for improving the current legislation in this area of legal regulation, to formulate rules for the qualification of crimes in the conditions of excesses of accomplices. The main conclusions of the authors of the article – on the understanding of the excesses of the accomplice without deviation from the conceptual ideas of the doctrine of complicity, the universality of the rules of the excesses and the need to differentiate the responsibility of the accomplices in the excesses of any of the accomplices.

Key words: complicity in a crime, complicity in an unfinished crime, failed complicity, excessive act of an accomplice in a crime, qualification of a crime committed in complicity.

Citation. Klenova T. V., Mnatsakanyan D. L. *Aktual'nye problemy ponimaniya ekstsessa souchastnika* [Actual problems of understanding the excessive act of an accomplice]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 68–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-68-73> [in Russian].

Соучастие отличается повышенной общественной опасностью и представляет собой такую форму совершения преступления, когда на достижение преступного результата намеренно направлены усилия двух и более лиц, каждый из которых наделен свойствами субъекта преступления. При этом соучастие проявляется многовариантно, что осложняет понимание и его существенных характеристик, и содержательных особенностей.

Уязвимость накопленной научной базы института соучастия выражается прежде всего в том, что по-разному трактуются исходные понятия соучастия и группы или соисполнительства в преступлении. И нет общепринятой позиции по вопросу о пределах взаимосвязей соисполнителей преступления и взаимосвязей субъектов преступления с функциями разных соучастников (исполнитель, пособник, подстрекатель и организатор).

Верховный Суд РФ систематически дает разъяснения о том, как следует при квалификации преступлений различать соучастие с распределением ролей и в форме группового соисполнительства. При этом, ссылаясь на ст. 33 и 35 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), формулирует не общие правила, которые можно было бы применять к разным видам преступлений, а специальные правила, конкретизированные для отдельных видов преступлений [1, с. 59].

Так, в постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» Пленум Верховного Суда РФ предложил ограничительную трактовку групповых форм этого преступления. Убийство признается совершенным группой лиц, когда два или более лица, действуя совместно с умыслом, направленным на совершение убийства, непосред-

ственно участвовали в процессе лишения жизни потерпевшего, применяя к нему насилие [2, с. 4]. В соответствии с приведенным разъяснением из квалификации обычно исключается упоминание об убийстве по предварительномуговору группой лиц, если убийство было приготовлено группой по предварительномуговору, но смерть непосредственно была причинена единолично одним из членов группы, например путем удушения. И в порядке казуального толкования уголовного закона по делу Мальского и Панарина Верховный Суд РФ разъяснил, что группы по предварительномуговору нет, соответственно, нет и соучастия, как и если виновные совершают согласованные убийства, каждый – одного потерпевшего. Как было установлено, Мальский и Панарин, распределив роли, зашли на кухню, где спали потерпевшие, и Мальский задушил П., а Панарин одновременно – Г. [3, с. 14].

Напротив, в постановлении от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» Пленум Верховного Суда РФ дал расширительное толкование соисполнительства в этих преступлениях. В пункте 10 постановления разъясняется: «Исходя из смысла части второй статьи 35 УК РФ, уголовная ответственность за кражу, грабеж или разбой, совершенные группой лиц по предварительномуговору, наступает и в тех случаях, когда согласно предварительной договоренности между соучастниками непосредственное изъятие имущества осуществляет один из них. Если другие участники совершили согласованные действия, направленные на оказание непосредственного содействия исполнителю в совершении преступления (например, лицо не проникло в жилище, но участвовало во взломе дверей, запоров, решеток, по заранее состоявшейся договоренности вывозило похищенное, подстраховывало других соучастников от возможного обнаружения совершаемого преступления), содеянное ими является соисполнительством и в силу части второй статьи 34 УК РФ не требует дополнительной квалификации по статье 33 УК РФ» [4, с. 5]. Вместе с тем уже после принятия этого постановления, по делу Оболонского было опубликовано разъяснение, что действия лица, являвшегося организатором готовящегося разбойного нападения, должны квалифицироваться со ссылкой на ч. 3 ст. 33 УК РФ, то есть не по правилам соисполнительства [5, с. 10].

Чтобы обеспечить единообразное применение статей Общей части УК РФ о соучастии, видимо, необходимо усовершенствовать и дополнить эти статьи. Судебная власть должна определиться, какие сделать предложения законодательным органам об определении соучастия, группы и соисполнительства с учетом распределения ролей между соисполнителями и другими соучастниками. Кроме того, целесообразно общее решение вопроса о признании организатора группы её членом, то есть соисполнителем преступления, совершаемого соответствующей группой. В статью 35 УК РФ должны быть внесены изменения, облегчающие ее единообразное применение при квалификации преступлений разных видов, совершенных

группой лиц, группой по предварительномуговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией).

Нельзя не признать, что реализация этих рекомендаций затрудняется в связи с конфликтностью мнений о понимании соучастия. Так, в соответствии с позицией, выраженной Р. Р. Галиакбаровым, групповое преступление и соисполнительство отличаются друг от друга с формально-юридической точки зрения. По мнению этого автора, соисполнительство имеет место, когда каждый из субъектов преступления непосредственно своими усилиями выполняет хотя бы частично действия, охватываемые признаками объективной стороны состава. А групповое преступление – это совершение преступления несколькими лицами по предварительномуговору или без него, прямо предусмотренное законом при конструировании признаков конкретного состава преступления [6, с. 17].

Другая оригинальная концепция озвучена Н. Г. Ивановым. Этот автор отстаивает вывод об идентичности группы и соучастия: «Группа лиц и соучастие обладают совершенно одинаковыми признаками, как с точки зрения социальной психологии, так и с позиций юриспруденции. Для группы, как и для соучастия, характерны наличие двух или более субъектов, совместность участия в преступлении (каждый вносит свою лепту в достижение общей цели), умышленность деятельности и участие в умышленном преступлении. Значит, группа – это разнородность соучастия, и, таким образом, любое соучастие есть одновременно группа лиц» [7, с. 32]. Такая трактовка группы и соучастия предполагает вывод, что исполнителями преступления являются все соучастники.

Обе названные позиции обычно оцениваются как спорные, но находят сторонников, наверное, в значительной степени из-за несовершенства законодательного института соучастия.

Концептуальная неясность общих вопросов о соучастии и его соотношении с группой или соисполнительством в преступлении препятствует решению специальных вопросов соучастия, к которым относится эксцесс соучастника. В настоящих условиях нет возможности обеспечить единообразную практику квалификации преступлений разных видов при эксцессе соучастников разных видов.

УК РФ закрепляет единственную норму, регулирующую отступление от запланированной преступной деятельности в форме эксцесса, и только в отношении исполнителя преступления, под которым понимается не любой соучастник преступления, а только исполнитель объективной стороны преступления. Это норма об эксцессе исполнителя. В ней отражено понимание эксцесса исполнителя как неудавшегося соучастия, при этом не устанавливаются, а значит, и не соотносятся пределы уголовной ответственности исполнителя с эксцессивным поведением и других соучастников преступления, не участвующих в его эксцессе. Эксцессом исполнителя признается совершение исполнителем преступления, не охватываемого умыслом других соучастников. Также указывается, что за эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат (ст. 36 УК РФ).

Легальная дефиниция эксцесса исполнителя в полной мере отражает главенствующую в российской уголовно-правовой системе концепцию индивидуальной ответственности, исключая акцессорный характер института соучастия. Вместе с тем в законодательстве не закреплено, но в судебной практике применяется правило об изменении пределов ответственности других соучастников из-за эксцесса исполнителя. Когда с эксцессом связывается вывод о неудавшемся соучастии, то предлагается квалифицировать содеянное как неоконченное преступление для других соучастников. В связи с этим допускается вывод, что российское уголовное право «частично признает принцип акцессорности соучастия, при котором ответственность соучастников зависит от уголовно-правовой оценки действий исполнителя. Однако эта зависимость не является абсолютной» [8, с. 154].

В Модельном Уголовном кодексе, который является рекомендательным законодательным актом Содружества Независимых Государств, предложена иная трактовка эксцесса – как эксцесса соучастника (ст. 37), то есть признаются эксцессивными действия любого соучастника преступления. Такой подход способствует разрыву зависимости ответственности соучастников от ответственности исполнителя.

И в юридической литературе приводятся примеры, подтверждающие возможность эксцесса любого из соучастников преступления. Так, пособник, добывающий для исполнителя готовящегося хищения оружие, может приобрести вместо обусловленного гражданского огнестрельного гладкоствольного длинноствольного оружия, оборот которого не запрещен уголовным законом, пистолет, то есть кроме пособничества хищению совершит другое преступление – незаконное приобретение и ношение оружия [9, с. 25]. Еще примеры. Лицо обещает доставить транспортное средство для перевозки похищенного имущества и с этой целью может совершить убийство владельца автомобиля или, пообещав отвлечь внимание сторожа, может причинить ему смерть [10, с. 102]. Организатор и подстрекатель, взявшиеся поговору с другими соучастниками склонить еще одного человека к преступлению, могут в попытке принуждения к соучастию применить непредусмотренное насилие [9, с. 96]. Пособник при подготовке разбойного нападения может предоставить боевые патроны вместо холостых или отравляющее вещество вместо оговоренного снотворного [11, с. 83]. В данных примерах налицо эксцесс не исполнителя, а иных соучастников преступления.

Обратимся к современному уголовному делу, иллюстрирующему эксцесс организатора, которое было опубликовано Верховным Судом РФ [12, с. 36–37]. Гражданин Гамзатов не менее четырех раз совершил развратные действия в отношении не достигшей шестнадцатилетнего возраста дочери от первого брака его супруги Г. После этого супруга прекратила с ним брачные отношения, обещая при этом рассказать о его развратных действиях в отношении ее дочери родственникам и жителям села. Гамзатов, полагая, что супруга может огласить данную информацию о преступлении, с целью его

сокрытия решил убить Г. Для реализации своего преступного намерения Гамзатов приобрел огнестрельное оружие. После этого встретился со своим двоюродным братом М. и ввел его в заблуждение относительно своего действительного мотива запланированного преступления, сообщив о том, что его жена Г. ведет аморальный образ жизни, тайно встречается с посторонними мужчинами, позоря его честь и достоинство, и попросил М. из-за этого убить её. После полученного согласия М. на совершение преступления Гамзатов незаконно передал М. ранее приобретенное огнестрельное оружие. М., вооружившись, прибыл в указанное Гамзатовым время в квартиру Г. и произвел один выстрел в живот потерпевшей, вновь попытался произвести в нее выстрелы, однако не смог, так как пистолет дал осечку. После этого взял из кухни нож и нанес им не менее 5-6 ударов в грудь и в область сердца потерпевшей. Г. от полученных ранений скончалась.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор в отношении Гамзатова изменила и переквалифицировала его действия с ч. 3 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ («Организация убийства с целью скрыть другое преступление») на ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ («Организация “простого убийства”»). Заместитель Генерального прокурора Российской Федерации просил отменить апелляционное определение в отношении Гамзатова и передать дело на новое апелляционное рассмотрение, поскольку у Гамзатова имелся квалифицирующий мотив совершения убийства – скрыть совершение развратных действий в отношении несовершеннолетней.

Президиум Верховного Суда РФ не подверг сомнению правильность установления судом первой инстанции фактических обстоятельств дела, при этом отменил апелляционное определение Судебной коллегии, указав на существенное, фундаментальное нарушение уголовного закона (неправильное его применение).

В самом деле, решение суда апелляционной инстанции о том, что организатор преступления Гамзатов должен нести уголовную ответственность за соучастие в преступлении, квалифицированном с учетом мотива исполнителя М., представляется ошибочным. Действия Гамзатова следовало квалифицировать по ч. 3 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ как организацию убийства с целью скрыть другое преступление. Здесь ясно обнаруживается эксцесс организатора преступления ввиду отсутствия осведомленности у исполнителя о настоящей цели организатора – скрыть другое преступление. Однако при вынесении судебных решений по изложенному уголовному делу об эксцессе организатора не упомянуто, что, очевидно, связано с пробелом в уголовном законодательстве РФ, в котором нет дефиниции эксцесса организатора и других соучастников, не являвшихся соисполнителями преступления.

Приведенное судебное решение по делу Гамзатова комментируется в юридической литературе. Следует отметить позицию О. С. Капинус и К. В. Ображиева, которые, поддерживая решение Президиума Верховного Суда РФ по делу Гамзатова, заключают, что оно не противоречит

действующему уголовному законодательству: «В ст. 36 УК РФ идет речь исключительно о правилах квалификации эксцесса исполнителя, однако это не означает, что эксцесс иных соучастников преступления должен оцениваться по иным правилам» [13, с. 51]. Однако процитированный вывод означает, что эти авторы допускают применение уголовного закона по аналогии, что все же противоречит действующему уголовному законодательству, в котором применение уголовного закона по аналогии запрещается (ч. 2 ст. 3 УК РФ).

Еще одной актуальной проблемой является определение пределов ответственности соучастников при осуществлении исполнителем менее тяжкого однородного преступления. Обычно в юридической литературе эта проблема иллюстрируется примером эксцесса исполнителя, который, имея предварительную договоренность с иными соучастниками о хищении чужого имущества путем разбойного нападения, воспользовался отсутствием собственника и совершил тайное хищение этого имущества.

Возможны несколько вариантов уголовно-правовой оценки такого события.

Первый вариант. Исполнителю вменяется фактически совершенное оконченное менее тяжкое преступление, а иными соучастникам – приготовление к более тяжкому преступлению. А. А. Арутюнов следующим образом обосновывает этот вариант квалификации: «Например, соучастники договорились совершить грабеж, а исполнитель нашел возможным обойтись без открытого хищения имущества и совершил кражу. В этих случаях исполнитель должен нести ответственность только за совершение кражи, поскольку в отношении грабежа имеет место добровольный отказ. Остальные соучастники несут ответственность за грабеж по правилам, предусмотренным для неоконченного преступления. Приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления (ч. 1 ст. 30 УК РФ) признаются приготовлением к преступлению» [14, с. 192–193].

Второй вариант. Деяние исполнителя квалифицируется как оконченное менее тяжкое преступление, а деяния остальных соучастников – как соучастие в покушении на преступление. Такую версию уголовно-правовой оценки допускает, например, Л. В. Иванова [15, с. 25]. В случае разбоя, как можно понять, квалификация предлагается в виде покушения на разбой, невзирая на усеченность его состава.

Третий вариант. Исполнитель несет ответственность за фактически совершенное им оконченное преступление, а организатор, подстрекатель, пособник – за соучастие в оконченном более тяжком преступлении, которое было изначально запланировано соучастниками. Например, С. Ф. Милюков пишет: «Подстрекатель склонил исполнителя к разбою, а исполнитель совершил кражу. В этом случае первый несет ответственность за подстрекательство именно к разбою, а исполнитель – только за фактически совершенную кражу» [11, с. 32].

Четвертый вариант существенно отличается от выше приведенных, поскольку сориентирован на акцессорную теорию соучастия. Предлагается

единая квалификация для всех соучастников, основанная на деянии исполнителя – оконченной кражи. При этом объясняется, что совершение менее тяжкого посягательства на тот же основной объект, конкретизированный по признакам предмета и (или) потерпевшего, соответствует цели совместных действий соучастников (похитить конкретное имущество) и полностью охватывается умыслом иных соучастников. О. С. Капинус и К. В. Ображиев делают вывод: «Исполнитель остается в пределах совместного умысла соучастников, что исключает применение ст. 36 УК РФ. А потому в рассматриваемых ситуациях уголовно-правовая оценка действий организатора, подстрекателя и пособника должна быть основана на акцессорных началах» [13, с. 47].

На наш взгляд, квалификация преступлений может считаться правильной, если соответствует принципу дифференциации уголовной ответственности соучастников. Такой аспект трактовки правильной квалификации преступлений предполагает, что подлежит учету эксцесс, направленный как на понижение, так и на повышение общественной опасности деяния. Соответственно, если умысел исполнителя трансформировался на совершение кражи вместо разбоя, деяние исполнителя должно квалифицироваться как совершение кражи. Исходя из того, что умысел другого соучастника, например подстрекателя, направлен на совершение более тяжкого преступления – разбоя, ему должно вменяться подстрекательство к разбою. Все преступления здесь оконченные.

Итак, можно заключить, что в действующем уголовном законодательстве норма об эксцессе необоснованно ограничивается указанием на исполнителя преступления, несмотря на то что доктриной и практикой выявлены примеры эксцесса и других соучастников преступления, предполагающие дифференциацию уголовной ответственности. При этом пробелом в законодательстве является отсутствие указания на пределы ответственности соучастников при эксцессе одного или нескольких из них.

В связи с этим предлагаем:

1) Закрепить в УК РФ дефинитивную норму об эксцессе для всех видов соучастников преступления в следующей редакции:

«Статья 36. Эксцесс соучастника

Эксцессом соучастника признается совершение исполнителем, организатором, подстрекателем и пособником деяния, предусмотренного настоящим Кодексом, не охватывающегося умыслом других соучастников преступления.

За эксцесс исполнителя, организатора, подстрекателя, пособника другие соучастники ответственности не несут. Ответственность соучастников при эксцессе одного или нескольких из них наступает в соответствии с направлением умысла без ссылки на статью 30 настоящего Кодекса»;

2) Определить правила квалификации при эксцессе для разных видов соучастников в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, специально посвященном вопросам судебной практики о соучастии в преступлении.

Представляется, что предложенные новеллы соответствуют концепции индивидуальной ответственности соучастников и могут способствовать справедливому и единообразному разрешению уголовных дел о преступлениях, совершенных в соучастии, а также в целом помогут усовершенствовать уголовно-правовое воздействие на негативное социальное явление соучастия в преступлении, дестабилизирующее важнейшие сферы жизни отдельного человека и гражданского общества и во многих случаях представляющее реальную угрозу национальной безопасности государства.

Библиографический список

1. Кленова Т. В. Возможности Верховного Суда Российской Федерации в преодолении недостатков уголовного закона // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы международной научно-практич. конф. 29–30 января 2004 г. М.: МГЮА, 2004. С. 58–63.
2. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1999. № 3.
3. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 7.
4. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.
5. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 3.
6. Галиакбаров Р. Р. Борьба с групповыми преступлениями. Вопросы квалификации. Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет, 2000. 200 с. URL: https://www.studmed.ru/view/galiakbarov-rr-kvalifikaciya-grupповyh-prestupleniy_e99c35011e3.html.
7. Иванов Н. Г. Соучастие в правоприменительной практике в доктрине уголовного права // Уголовное право. 2006. № 6. С. 29–32. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12951174>.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (научно-практический) / под ред. А. И. Чучаева. М.: Проспект, 2019. 1536 с.
9. Тельнов П. Ф. Кто отвечает за соучастие в преступлении / отв. ред. А. Я. Сухарев. М.: Юрид. лит., 1981. 96 с.
10. Косарева Т. И. Пособничество совершению преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2004. 194 с. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/posobничество-soversheniju-prestuplenija.html>.
11. Милуков С. Ф. Уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб.: Знание, СПБ ИВЭСЭП, 2000. 279 с. URL: http://www.adhdportal.com/book_1721.html.
12. Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.
13. Капинус О. С., Ображиев К. В. Эксцесс исполнителя и иных соучастников преступления: проблемы квалификации // Уголовное право. 2018. № 2. С. 42–51. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34968304>.
14. Арутюнов А. А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. 408 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/2902721/bc9dcc>.
15. Иванова Л. В. Особенности квалификации действий соучастников при эксцессе исполнителя преступления // Российский следователь. 2013. № 7. С. 24–26. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19080165>.

References

1. Klenova T. V. *Vozmozhnosti Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii v preodolenii nedostatkov ugovolnogo zakona* [Possibilities of the Supreme Court of the Russian Federation in overcoming the shortcomings

of the Criminal Law]. In: *Ugolovnoe pravo: strategiya razvitiya v XXI veke: materialy mezhdunarodnoi nauchno-praktich. konf. i 29–30 yanvarya 2004 g.* [Criminal Law: development strategy in the XXI century: Proceedings of the international research and practical conference on January 29–30, 2004]. M.: MGYuA, 2004, pp. 58–63 [in Russian].

2. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 1999, no. 3 [in Russian].

3. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2003, no. 7 [in Russian].

4. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2003, no. 2 [in Russian].

5. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2003, no. 3 [in Russian].

6. Galiakbarov R. R. *Bor'ba s gruppovymi prestupleniyami. Voprosy kvalifikatsii* [Fight against group crimes. Issues of qualification]. Krasnodar: Kubanskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet, 2000, 200 p. Available at: https://www.studmed.ru/view/galiakbarov-rr-kvalifikaciya-grupповyh-prestupleniy_e99c35011e3.html [in Russian].

7. Ivanov N. G. *Souchastie v pravoprimeritel'noi praktike i v doktrine ugovolnogo prava* [Complicity in law enforcement practice and in the doctrine of criminal law]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2006, no. 6, pp. 29–32. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12951174> [in Russian].

8. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii (nauchno-prakticheskii). Pod red. A. I. Chuchaeva* [Comments to the Criminal Code of the Russian Federation (research and practical). A. I. Chuchaev (Ed.)]. M.: Prospekt, 2019, 1536 p. [in Russian].

9. Telnov P. F. *Kto otvechaet za souchastie v prestuplenii. Otv. red. A. Ya. Sukharev* [Who is responsible for complicity in the crime. A. Ya. Sukharev (Ed.)]. M.: Yurid. lit., 1981, 96 p. [in Russian].

10. Kosareva T. I. *Posobничество soversheniyu prestupleniya: dis. ... kand. yurid. nauk* [Aiding the commission of a crime: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Ryazan, 2004, 194 p. Available at: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/posobничество-soversheniju-prestuplenija.html> [in Russian].

11. Milyukov S. F. *Ugolovnoe zakonodatel'stvo: opyt kriticheskogo analiza* [Criminal law: experience of critical analysis]. SPb.: Znanie, SPB IVESEP, 2000, 279 p. Available at: http://www.adhdportal.com/book_1721.html [in Russian].

12. *Byulleten' Verkhovnogo Suda RF* [Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation], 2017, no. 8 [in Russian].

13. Kapinus O. S., Obrazhiyev K. V. *Ekstsess ispolnitelya i inykh souchastnikov prestupleniya: problemy kvalifikatsii* [An excessive act of a perpetrator and other partners in crime: problems of qualification]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2018, no. 2, pp. 42–51. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34968304> [in Russian].

14. Arutyunov A. A. *Souchastie v prestuplenii* [Criminal complicity]. M.: Statut, 2013, 408 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/2902721/bc9dcc> [in Russian].

15. Ivanova L. V. *Osobennosti kvalifikatsii deistvii souchastnikov pri ekstsesse ispolnitelya prestupleniya* [Peculiarities of qualification of actions of accomplices in case of an excessive act]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2013, no. 7, pp. 24–26. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19080165> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-74-78
УДК 343.3/7

Дата поступления статьи: 14/IX/2019
Дата принятия статьи: 6/XI/2019

Д. В. Голенко

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СТРУКТУРИРОВАНИЯ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА (НА ПРИМЕРЕ УК РСФСР 1926 ГОДА)

© Голенко Диана Викторовна (golenko.diana@bk.ru), кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Конструирование составов преступлений по моменту окончания: вопросы законодательной техники и судебной практики». Автор более 20 научных публикаций, в том числе соавтор коллективной монографии «Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных» (2019).

Область научных интересов: конструирование составов преступлений, наказание и иные меры уголовно-правового характера.

АННОТАЦИЯ

В статье исследованы истоки Уголовного кодекса Российской Федерации. Рассматривается структура советского Уголовного кодекса РСФСР, принятого после утверждения общесоюзного уголовного законодательства (УК РСФСР 1926 г.). Выявлены эволюция взглядов законодателя на отдельные составы преступлений, изменение представлений об их месте в Особенной части уголовного права. Проведен системный анализ каждой из десяти глав, входящих в Особенную часть УК РСФСР 1926 г. В работе также исследованы особенности конструирования статей, их санкций, примечаний. Определена роль примечаний к статьям. Классифицированы использованные в Особенной части УК РСФСР 1926 г. санкции статей. Вопросы структурирования Особенной части УК РСФСР 1926 г. рассмотрены в целях исторического урока и формирования современного взгляда на советское уголовное законодательство.

Ключевые слова: советский уголовный закон, Уголовный кодекс, структура Особенной части уголовного права, статья, санкция, примечание к статье.

Цитирование. Голенко Д. В. Исторический опыт структурирования Особенной части Уголовного кодекса (на примере УК РСФСР 1926 года) // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 74–78. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-74-78>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

*D. V. Golenko***HISTORICAL EXPERIENCE OF STRUCTURING OF THE SPECIAL PART OF THE CRIMINAL CODE (ON THE EXAMPLE OF THE CRIMINAL CODE OF THE RSFSR OF 1926)**

© **Golenko Diana Viktorovna** (golenko.diana@bk.ru), Candidate of Legal Sciences, assistant professor of Department of Criminal Law and Criminology, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Construction of the components of crime according to the terminal time: issues of legislative technique and judicial practice». Author of more than 20 scientific works, including multi-authored monographs: «Resocialization and real inclusion in civil society of convicts» (2019)

Research interests: construction of the components of crime; punishment and other measures of criminal-legal nature.

ABSTRACT

The article explores the origins of the Criminal Code of the Russian Federation. The structure of the Soviet Criminal Code of the RSFSR, adopted after the approval of the all-Union criminal legislation (Criminal Code of the RSFSR of 1926), is examined. The evolution of the views of the legislator on certain elements of crimes, the change in ideas about their place in the Special Part of Criminal Law is illustrated. A systematic analysis of every tenth chapter, included in the Special Part of the Criminal Code of the RSFSR of 1926 (Special Section of the Criminal Code), is carried out. The paper also studies the specific features of articles, their sanctions, and notes. The role of article notes is defined. The sanctions of articles, used in the Special Part of the Criminal Code of the RSFSR of 1926, are classified. The problems of structuring of the Special Part of the Criminal Code of the RSFSR of 1926 (Special Section of the Criminal Code) are considered for the purposes of a historical lesson and the formation of a modern view of Soviet criminal law.

Key words: Soviet criminal law, Criminal Code, structure of the Special Part of Criminal Law (structure of the Special Section of the Criminal Code), article, sanction, note to the article.

Citation. Golenko D. V. *Istoricheskii opyt strukturirovaniya Osobenoii chasti Ugolovnogo kodeksa (na primere UK RSFSR 1926 goda)* [Historical experience of structuring of the Special Part of the Criminal Code (on the example of the Criminal Code of the RSFSR of 1926)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 74–78. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-74-78> [in Russian].

Утверждение Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. стало причиной обновления и трансформации уголовного законодательства союзных республик. В РСФСР Уголовный кодекс 1926 г. (далее – УК РСФСР 1926 г.) стал первым кодифицированным уголовным законом, принятым в период действия уголовного законодательства СССР. Осмысление и изучение данного нормативного правового акта представляется необходимым не только для понимания эволюции советского уголовного законодательства, но и имеет своей целью извлечение исторического урока. Несмотря на то что прошло более 90 лет с момента принятия УК РСФСР 1926 г., многие положения, закрепленные в нем, не теряют своей актуальности и в современной России.

Первый советский кодекс – Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. (далее – УК РСФСР 1922 г.) – действовал непродолжительное время, до 1 января 1927 г., когда был введен в действие УК РСФСР редакции 1926 г. Следует отметить, что УК РСФСР 1926 г. регламентировал уголовно-правовые отношения на протяжении 34 лет. Столь долгое су-

ществование не сохранило закон в неизменном виде, неминуемо происходила его трансформация. В кодекс неоднократно вносились изменения и дополнения, обусловленные в том числе меняющейся политической обстановкой внутри государства. В настоящей статье за отправную точку взята первоначальная редакция УК РСФСР 1926 г.

УК РСФСР 1926 г. в качестве структурных компонентов включал в себя две части: Общую и Особенную. Данная структура уголовного закона была характерна для всех отечественных уголовных кодексов.

Особенная часть УК РСФСР 1926 г. состояла из глав. Их последовательность была определена значимостью для советской власти объекта уголовно-правовой охраны. В отличие от УК РСФСР 1922 г., внутри глав не содержались укрупненные сегменты, иногда называемые в литературе разделами [1, с. 379], а сразу следовали статьи, что представляется более логичным и обоснованным с точки зрения юридической техники.

По сравнению с УК РСФСР 1922 г., где глава I Особенной части была посвящена государствен-

ным преступлениям, при этом была разделена на две группы: о контрреволюционных преступлениях и преступлениях против порядка управления, в УК РСФСР 1926 г. названные компоненты стали самостоятельными главами. Государственные преступления в качестве названия главы в новом уголовном законе не упоминались.

В УК РСФСР 1926 г. в качестве первой главы Особенной части была представлена глава о контрреволюционных преступлениях. В первоначальной редакции указывалось, что статьи настоящей главы и часть статей главы II представлены в ранее действовавшей редакции до момента утверждения Положения о государственных преступлениях. Первая статья рассматриваемой главы определяла понятие контрреволюционных действий. Следует отметить, что законодатель с учетом изменений, произошедших в период действия предыдущего уголовного закона, скорректировал данное понятие и расширил его. Так, в качестве контрреволюционных стали рассматриваться и действия, представляющие собой покушение на основы политической или хозяйственных завоеваний пролетарской революции. В первой главе законодатель не прибегал к использованию материальных составов преступлений. Нередко он конструировал составы, используя деликт соучастников, который является смежным с усеченными составами преступлений. Уместна в данном случае оценка А. Г. Безверхова, данная им при анализе аналогичных конструкций в Уголовном кодексе РФ 1996 г. Этот автор отмечает, что действия соучастников трансформированы законодателем в самостоятельные преступные посягательства [2, с. 63]. Тем самым соучастники преобразованы законодателем в исполнителей. Такая логика допустима, если полагать, что в Особенной части уголовного закона содержатся нормы об ответственности исполнителей. В зависимости от роли лица в совершенном преступлении в Особенной части УК РСФСР 1926 г. были представлены различные меры социальной защиты. Деяния, названные контрреволюционными, включали в себя такие действия, как участие в различных преступных организациях, пособничество, действия, выражающиеся в пропаганде, агитации, призывах. Следует отметить, что смещение момента окончания на столь ранний этап развития преступления свидетельствует о расчете законодателя на превентивный характер норм и о репрессивности уголовного закона.

Некоторые составы преступления изменили свое местонахождение по сравнению с ранее действовавшим кодексом. Так, например, в УК РСФСР 1926 г. использование религиозных предсудков масс для свержения власти стало контрреволюционным преступлением. УК РСФСР 1922 г. включал соответствующий состав в главу, нормы которой регулировали отношения между Церковью и государством. Как и в ранее действовавшем законе, уголовно наказуемыми признавались измышления и распространение ложных слухов, которые могли бы подорвать доверие к власти,

уменьшить ее авторитет, вызвать общественную панику (ст. 58.18 УК РСФСР 1926 г.). Следует обратить внимание, что при установлении контрреволюционных целей при совершении деяния к лицу применялась единственная указанная в санкции статьи мера социальной защиты – лишение свободы. В современной России вновь актуальна проблема противодействия распространению недостоверной информации. Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.3 Федерального закона “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» предусмотрел меры, которые не носят уголовно-правовой характер, однако их появление уже повлекло дискуссии о необходимости и целесообразности регулирования данных правоотношений в том числе уголовно-правовыми нормами.

В главу II Особенной части УК РСФСР 1926 г. входили составы преступлений против порядка управления. Их количество значительно увеличилось, по сравнению с ранее действовавшим законом. Законодатель в статье 59.1 УК РСФСР 1926 г. уточнил содержание понятия преступлений против порядка управления, особо подчеркнув, что эти деяния непосредственно не направлены на свержение действующей власти, однако вызывают ослабление ее силы и авторитета. Некоторые составы изменили свое местонахождение в главе. Например, состав организации и участия в бандах (вооруженных шайках) поменялся местами с составом участия в беспорядках по сравнению с УК РСФСР 1922 г. Для современного исследователя логика расположения статей в главе II может показаться непривычной. Глава объединила в себе преступления, которые в современном уголовном праве располагаются в различных главах Особенной части уголовного закона, что свидетельствует об изменении представлений о направленности преступлений.

В период принятия УК РСФСР 1926 г. законодатель находился в поиске оптимальных моделей регулирования отношений, о чем свидетельствует перемещение составов из различных глав УК РСФСР 1922 г. в главу о преступлениях против порядка управления. Так, утратили статус хозяйственных преступлений, закрепленный в предыдущем уголовном законе, нарушения положений о монополии (ст. 59.11 УК РСФСР 1926 г.), правил о валютных операциях (ст. 59.12 УК РСФСР 1926 г.), правил взимания квартплаты с трудящихся (ст. 97 УК РСФСР 1926 г.), приготовление спиртных напитков (ст. 101 УК РСФСР 1926 г.). Составы заведомо ложного доноса (ст. 95 УК РСФСР 1926 г.) и хулиганства (ст. 74 УК РСФСР 1926 г.) ранее находились в главе, посвященной преступлениям против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности (ст. 176-179 УК РСФСР 1922 г.). Глава II наиболее ярко отражала политику власти. Происходило усиление регулирования экономических и воинских отношений. Ряд статей были посвящены нарушениям правил мобилизации. Имелась в этой главе и статья, регулирующая оборот одурманивающих веществ.

Должностным (служебным) преступлениям была посвящена глава III Особенной части УК РСФСР 1926 г. В ней содержались составы преступлений, аналогичные определенным в УК РСФСР 1922 г., с незначительными уточнениями и дополнениями. Так, например, в отдельную статью был помещен состав дачи взятки (ст. 118 УК РСФСР 1926 г.).

По-прежнему отдельная глава уголовного закона регулировала отношения между Церковью и государством. В главе IV о нарушении правил об отделении Церкви от государства статей стало на одну меньше, по сравнению с УК РСФСР 1922 г. в связи с ее перемещением в главу о преступлении против порядка управления. Новый уголовный закон, как и УК РСФСР 1922 г., запрещал преподавание религиозных вероучений малолетним и несовершеннолетним в школах и иных учебных заведениях. В настоящее время власть не возражает против религиозного просвещения несовершеннолетних. В 2019 г. предлагаются изменения школьной программы с введением в нее изучения Библии, Торы и Корана [3].

Хозяйственные и имущественные преступления располагались, как и в УК РСФСР 1922 г., в самостоятельных главах. Отдельные виды хозяйственных преступлений из УК РСФСР 1922 г. трансформировались в новом уголовном законе в преступления против порядка управления. Имущественные преступления УК РСФСР 1926 г. схожи с соответствующей группой преступлений в ранее действовавшем уголовном законе. Имелись лишь небольшие изменения. Так, например, хищение лошадей и крупного рогатого скота стало самостоятельной статьей (ст. 166 УК РСФСР 1926 г.).

Внутри главы VI о преступлениях против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности, в отличие от первого Уголовного кодекса РСФСР, статьи не объединялись в структурные подразделения.

Статья о незаконном прерывании беременности (изгнании плода) расположена между статьями об убийстве и доведении до самоубийства, что косвенно поднимает вопрос о моменте начала человеческой жизни.

В главе VI в качестве самостоятельного состава преступления обозначено понуждение к занятию проституцией, сводничеству (ст. 155 УК РСФСР 1926 г.). Глава VI, в отличие от других глав настоящего Кодекса, содержала немалое количество материальных составов преступлений.

Глава о нарушении правил, охраняющих народное здравие, общественную безопасность и порядок, являющаяся заключительной в УК РСФСР 1922 г., в УК РСФСР 1926 г. была перемещена на иную позицию. Она стала девятой из десяти глав, при этом из названия главы исключено указание на публичный порядок.

Заключительная глава УК РСФСР 1926 г. была посвящена преступлениям воинским, она также была дополнена новыми составами преступлений.

Например, устанавливалась ответственность за противозаконное использование начальником подчиненного для обслуживания личных или семейных потребностей (ст. 193.19 УК РСФСР 1926 г.).

По-прежнему, достаточно большое количество статей было посвящено ответственности соучастников преступления.

А. И. Калашникова отмечает, что при конструировании норм Особенной части использование умышленной формы вины существенно повышало репрессивность УК РСФСР 1926 г. [4, с. 10].

Как и в УК РСФСР 1922 г., в УК РСФСР 1926 г. встречались разнообразные по конструкциям статьи. Например, ст. 58.1 УК РСФСР 1926 г. содержала понятие контрреволюционных действий. В этой статье отсутствовала санкция. Лишены внутренней структуры также статьи 59.1, 193.1 УК РСФСР 1926 г. Большинство статей были разделены на части, но отсутствовала внутренняя нумерация. Это подтверждает обоснованность утверждения Т. В. Кленовой: «Если структура уголовно-правовой нормы стабильна, она всегда трехэлементна, то структура статей, основных слагаемых структуры законодательства, имеет множество вариантов» [5, с. 19–20].

Законодатель использовал различные виды санкций в статьях Особенной части УК РСФСР 1926 г. Как отмечают исследователи, при издании Уголовного кодекса РСФСР 1926 г. были снижены пределы санкций почти 50 % статей [6]. В настоящем Кодексе встречались абсолютно определенные санкции, что, безусловно, повышало репрессивность закона. В качестве примера может служить часть 2 статьи 58. Имели место относительно-определенные санкции, например ст. 58.12 УК РСФСР 1926 г.

В Особенную часть уголовного закона входили статьи со ссылочными (опосредованно-определенными) санкциями [7, с. 111]. В качестве примера может служить санкция статьи 58.3 УК РСФСР 1926 г., где содержалась ссылка на ст. 58.2 того же закона. Таким же образом сконструирована санкция части 2 статьи 58.7, статьи 58.8 УК РСФСР 1926 г.

Встречались санкции, в которых законодателем не назывались никакие меры социальной защиты, а указывалось обобщенно – «те же меры социальной защиты», причем без отсылки к какой-либо статье (ст. 58.5 УК РСФСР 1926 г.). Предполагалось, что в данном случае санкция аналогична санкции предшествующей статье.

В Особенной части УК РСФСР 1926 г. можно встретить указание на возможность назначения более мягкого наказания (меры социальной защиты) в случае наличия смягчающих обстоятельств (ст. 59.4 УК РСФСР 1926 г.).

Имелись санкции, предусматривающие назначение нескольких наказаний (мер социальной защиты), например, в ч. 2 ст. 59.8 УК РСФСР 1926 г. указывалось, что при отсутствии смягчающих обстоятельств назначается расстрел, а при их наличии – лишение свободы с конфискацией. В санкции, например,

ч. 2 ст. 79 УК РСФСР 1926 г. дополнительное наказание не было обязательным. В данном случае допускалось судебное усмотрение.

Кроме того, в уголовном законе содержались нормы, предусматривающие привлечение лица к дисциплинарной ответственности (ст. 67 УК РСФСР 1926 г.).

Допускал законодатель и отсрочку исполнения приговора с возможностью полного освобождения от назначенной меры социальной защиты (ст. 69 УК РСФСР 1926 г.).

В качестве структурного элемента уголовного законодательства следует назвать примечания к статьям. Они наделены различными функциями. Например, в примечании к ст. 58.10 УК РСФСР 1926 г. раскрывалось понятие государственной тайны. В примечании к ст. 84 УК РСФСР 1926 г. устанавливались пределы применения статьи. Появились статьи с двойными примечаниями, например ст. 109 УК РСФСР 1926 г. В примечании 1 к статье 109 УК РСФСР 1926 г. раскрывалось понятие должностного лица, а в примечании 2 к той же статье – особенности привлечения к ответственности должностных лиц профессиональных союзов. В примечании к ст. 118 УК РСФСР 1926 г. закреплялись основания освобождения от уголовной ответственности. В примечании к ст. 162 УК РСФСР 1926 г. указывались основания привлечения лица к дисциплинарной ответственности.

Новый уголовный закон не решил часть вопросов, которые обозначил УК РСФСР 1922 г. Так, по-прежнему отсутствовало единообразие в структуре статей, остались сложные конструкции санкций, многофункциональность примечаний к статьям. Перемещение составов преступления в иные главы свидетельствует о трансформации представлений об объекте уголовно-правовой охраны. Это создавало предпосылки для новых этапов кодификации уголовного закона.

Библиографический список

1. Памятники российского права: в 35 т. Т. 28. Уголовные кодексы РСФСР: учебно-научное пособие / под ред. докт. юрид. наук, проф. Р. Л. Хачатурова, докт. юрид. наук, проф. Т. В. Кленовой. М.: Юрлитинформ, 2016. 568 с.
2. Безверхов А. Г. Типология составов преступлений (некоторые проблемы законодательного конструирования) // Актуальные проблемы юридической науки. Тольятти: Волжский университет им. В. Н. Татищева, 2011. Ч. 2. С. 63–71.
3. В Госдуме предложили заменить «Архипелаг ГУЛАГ» на Библию в школьной программе. URL: <https://news.rambler.ru> (дата обращения: 30.06.2019).
4. Калашникова А. И. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года: концептуальные основы и общая характеристика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань: Издательский центр Ульяновского государственного университета, 2009. 26 с. URL: [https://www.dissercat.com/content/ugolovnyi-kodeks-](https://www.dissercat.com/content/ugolovnyi-kodeks-rsfsr-1926-goda-kontseptualnye-osnovy-i-obshchaya-kharakteristika/read)

[rsfsr-1926-goda-kontseptualnye-osnovy-i-obshchaya-kharakteristika/read](https://www.dissercat.com/content/ugolovnyi-kodeks-rsfsr-1926-goda-kontseptualnye-osnovy-i-obshchaya-kharakteristika/read).

5. Кленова Т. В. Уголовно-правовая норма: понятие, структура, виды: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, 1986. 20 с.

6. История советского уголовного права / А. А. Герцензон, Ш. С. Грингауз, Н. Д. Дурманов [и др.]. М.: Юрид. изд-во, 1948. URL: https://zinref.ru/000_uchebniki/04600_raznie_3/783_lekcii_raznie_13/469.htm.

7. Кругликов Л. Л. Сбои в конструировании санкций в уголовном законодательстве // Юридическая техника. 2008. № 2. С. 110–113. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20275061>.

References

1. *Pamyatniki rossiiskogo prava: v 35 t. T. 28. Ugolovnye kodeksy RSFSR: uchebno-nauchnoe posobie. Pod red. dokt. yurid. nauk, prof. R. L. Khachaturova, dokt. yurid. nauk, prof. T. V. Klenovoi* [Monuments of Russian law: in 35 vols. Vol. 28. Criminal Codes of the RSFSR: academic and research manual. |R. L. Khachaturov, T. V. Klenova (Eds.)]. M.: Yurлитinform, 2016, 568 p. [in Russian].
2. Bezverkhov A. G. *Tipologiya sostavov prestuplenii (nekotorye problemy zakonodatel'nogo konstruirovaniya)* [Typology of offenses (some problems of legislative design)]. In: *Aktual'nye problemy yuridicheskoi nauki* [Actual problems of legal science]. Tolyatti: Volzhskii universitet im. V. N. Tatishcheva, 2011, Part 2, pp. 63–71 [in Russian].
3. *V Gosdume predlozhili zamenit' «Arhipelag GULAG» na Bibliyu v shkol'noi programme* [The State Duma suggested replacing «The Gulag Archipelago» with the Bible in the school curriculum]. Available at: <https://news.rambler.ru> (accessed 30.06.2019) [in Russian].
4. Kalashnikova A. I. *Ugolovnyi kodeks RSFSR 1926 goda: kontseptual'nye osnovy i obshchaya kharakteristika: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal Code of the RSFSR of 1926: conceptual foundations and general characteristics: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Kazan: Publishing Center of Ulyanovsk State University, 2009. 26 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/ugolovnyi-kodeks-rsfsr-1926-goda-kontseptualnye-osnovy-i-obshchaya-kharakteristika/read> [in Russian].
5. Klenova T. V. *Ugolovno-pravovaya norma: ponyatie, struktura, vidy: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal principle of law: concept, structure, types: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. M.: Moskovskii gosudarstvennyi universitet imeni M. V. Lomonosova, 1986, 20 p. [in Russian].
6. *Istoriya sovetskogo ugolovnogo prava. A. A. Gertsenzon, Sh. S. Gringauz, N. D. Durmanov [i dr.]* [Gertsenzon A. A., Gringauz Sh. S., Durmanov N. D. [et al.]. History of Soviet criminal law]. M.: Yurid. izd-vo, 1948. Available at: https://zinref.ru/000_uchebniki/04600_raznie_3/783_lekcii_raznie_13/469.htm [in Russian].
7. Kругликов Л. Л. *Sboi v konstruirovanii sanktsii v ugolovnom zakonodatel'stve* [Failures in the construction of sanctions in criminal law]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Juridical Techniques], 2008, no. 2, pp. 110–113. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20275061> [in Russian].

— ПРАВозАЩИТНАЯ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНАЯ — ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-79-83
УДК 343.845:343.263

Дата поступления статьи: 4/IX/2019
Дата принятия статьи: 22/IX/2019

Т. Н. Долгих

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ, ВОЗНИКАЮЩИЕ ПРИ ПРИМЕНЕНИИ ПОЛОЖЕНИЙ СТ. 72 УК РФ В РЕДАКЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО ЗАКОНА ОТ 3 ИЮЛЯ 2018 ГОДА № 186-ФЗ, И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ

© Долгих Татьяна Николаевна (boldinavn@mail.ru), кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Балтийский федеральный университет имени И. Канта, 236016, Российская Федерация, г. Калининград, ул. А. Невского, 14; судья, Калининградский областной суд, 236040, Российская Федерация, г. Калининград, ул. Сергеева, 8.

Тема кандидатской диссертации: «Институт предварительного слушания в уголовном судопроизводстве России». Автор 21 научной публикации, в том числе научных статей: «Оценка судом постановления о назначении административного наказания при рассмотрении уголовного дела по статье, предусматривающей административную юрисдикцию» (2018), «Смягчение категории преступления: позиции Пленума ВС РФ, которые нужно учесть участникам процесса» (2018), «Влечет ли применение с 1 января 2017 года нового вида наказания в виде принудительных работ пересмотр приговоров в порядке ст. 10 УК РФ?» (2017).

Область научных интересов: уголовный процесс, уголовное судопроизводство, уголовное право, меры пресечения, право на защиту, исполнение наказания.

АННОТАЦИЯ

Конституция Российской Федерации устанавливает, что Российская Федерация – это правовое государство, в котором человек, его права и свободы являются высшей ценностью, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства; права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации, они определяют смысл, содержание и применение законов и обеспечиваются правосудием. Именно на суды возложена обязанность по осуществлению правосудия с целью реализации законных прав и интересов как общества, так и конкретной личности. Принцип неотвратимости наказания предполагает, что общество вправе не только наказывать личность за совершенные нарушения, но и облегчить участь лица, признанного виновным по приговору суда.

Федеральным законом от 3 июля 2018 года № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» внесены изменения, связанные с необходимостью применения льготных формул исчисления срока содержания осужденных под стражей в следственных изоляторах, подлежащего зачету в срок отбытия наказания, в зависимости от вида исправительного учреждения, назначаемого при постановлении приговора.

Ключевые слова: федеральный закон, содержание под стражей, срок содержания под стражей, приговор, лишение свободы.

Цитирование. Долгих Т. Н. Некоторые вопросы, возникающие при применении положений ст. 72 УК РФ в редакции Федерального закона от 3 июля 2018 года № 186-ФЗ, и возможные пути их решения // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 79–83. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-79-83>.

T. N. Dolgich**SOME ISSUES ARISING IN THE APPLICATION OF THE PROVISIONS OF ARTICLE 72 OF THE CRIMINAL CODE IN THE WORDING OF THE FEDERAL LAW AS OF JULY 3, 2018 № 186-FZ AND POSSIBLE SOLUTIONS**

© **Dolgich Tatiana Nikolaevna (boldinavn@mail.ru)**, Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal Law and Criminology, **Immanuel Kant Baltic Federal University**, 14 A, Nevskogo Street, Kaliningrad, 236016, Russian Federation; judge, **Kaliningrad Regional Court**, 8, Sergeeva Street, Kaliningrad, 236040, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Institute of preliminary hearing in criminal proceedings of Russia». Author of 21 scientific works, including scientific papers: «Assessment by court of the decision about appointment of administrative punishment in the criminal case under article providing for administrative jurisdiction» (2018), «Assessment by court of the decision about appointment of administrative punishment in the criminal case under article providing for administrative jurisdiction» (2018), «Does the application from 1 January 2017 a new kind of punishment of hard labour the revision of sentences in accordance with Article 10 of the Criminal Code?» (2017)

Research interests: criminal procedure, criminal proceedings, criminal law, preventive measures, right to protection, execution of punishment.

ABSTRACT

The Constitution of the Russian Federation stipulates that the Russian Federation is a state in which man, his rights and freedoms are the supreme value, and recognition, observance and protection of the rights and freedoms of man and citizen – the duty of the state; the rights and freedoms of man and citizen in the Russian Federation admit and guaranteed according to universally recognized principles and norms of international law and in accordance with the Constitution of the Russian Federation, they determine the meaning, content and application of laws and guaranteed by law. It is the responsibility of the courts to administer justice in order to realize the legitimate rights and interests of both society and the individual. The principle of inevitability of punishment assumes that society not only has the right to punish a person for violations committed, but at the same time, it has the right to alleviate the fate of a person found guilty by a court verdict.

Key words: Federal law, custody, detention, conviction, imprisonment.

Citation. Dolgich T. N. *Nekotorye voprosy, vznikayushchie pri primeneniі polozhenii st. 72 UK RF v redaktsii Federal'nogo zakona ot 3 iyulya 2018 goda № 186-FZ i vozmozhnye puti ikh resheniya* [Some issues arising in the application of the provisions of Article 72 of the Criminal Code in the wording of the Federal law as of July 3, 2018 № 186-FZ and possible solutions]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 79–83. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-79-83> [in Russian].

Вопросы, возникшие после принятия Федерального закона от 3 июля 2018 года № 186-ФЗ «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации», вызывают интерес как у ученых [1, с. 141–150; 2, с. 115–117], так и у практиков [3, с. 95–101], поскольку законодательная техника в данном случае оказалась небезупречной.

Как следует из пояснительной записки к законопроекту, он фактически направлен на компенсацию разницы между условиями содержания в СИЗО, соответствующими самым строгим, примерно таким, как в тюрьмах, и при последующем отбывании наказания в исправительных учреждениях, условия содержания в которых значительно гуманнее при отсутствии в настоящее время возможности для приведения в полном объеме условий содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений в соответствие с международными стандартами [4].

Многие из ключевых вопросов, возникших у судов в связи с вступлением в силу указанного Федерального закона, получили свое разрешение [5, с. 40–45].

На практике уже выработаны некоторые подходы к пониманию нового закона: он улучшает положение осужденных, путем применения кратности сокращает срок отбытия назначенного наказания, подлежит применению судом в порядке ст. 10 УК РФ; увеличивает период зачета времени содержания в следственном изоляторе за счет включения периода с момента постановления приговора и до его вступления в законную силу; суд не высчитывает конкретные сроки отбывания наказания и не определяет последний день этого срока, а лишь указывает на необходимость его зачета в соответствующей кратности; льготный зачет времени содержания под стражей не распространяется на ситуации, предусмотренные ч. 3², 3³ ст. 72 УК РФ; условия, указанные в ч. 3² ст. 72 УК РФ, учитыва-

ются и при назначении наказания по совокупности преступлений (ч. 2, 3, 5 ст. 69 УК РФ); положения ч. 3³ ст. 72 УК РФ применяются только в отношении осужденных к лишению свободы, приговоры в отношении которых на момент вступления в законную силу Федерального закона № 186-ФЗ – 14 июля 2018 года – вступили в законную силу, и они отбывают наказание в колониях, что подлежит отражению в резолютивной части постановления.

Другие вопросы, учитывая высокую в настоящее время, интенсивность обращения осужденных с соответствующими ходатайствами, требуют разъяснения, возможно, и путем внесения соответствующих положений в действующие постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Основная часть вопросов возникает в стадии исполнения судебных решений, производных от постановленного приговора с зачетом по старым правилам срока содержания лица под стражей.

Осужденные обращаются с ходатайствами о зачете по льготной формуле времени содержания под стражей периода нахождения в следственном изоляторе с момента вынесения постановления о замене наказания, не связанного с лишением свободы, в порядке ч. 3 ст. 49, ч. 4 ст. 50, ч. 5 ст. 53, ч. 6 ст. 53¹ УК РФ в случае злостного уклонения от его отбывания, лишением свободы и до его вступления в законную силу. При этом судами в этих постановлениях указано на необходимость взятия осужденного под стражу в зале суда и исчисления срока отбывания наказания с этого момента.

Представляется, что с учетом того, что судом при принятии решения о замене наказания не решается вопрос об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, стадия постановления приговора, в котором были применены положения ч. 2, 3 ст. 72 УК РФ, не претерпевших изменений по периоду времени, кроме содержания в дисциплинарной воинской части, уже преодолена, и с момента вынесения такого постановления исчисляется срок отбывания осужденным наказания, оснований для применения льготных положений ст. 72 УК РФ не имеется.

По этим же мотивам не подлежит зачету и период содержания осужденного под стражей в порядке п. 18 ст. 397 УПК РФ, когда осужденный заключался под стражу после постановления приговора как скрывшийся в целях уклонения от отбывания наказания, не связанного с лишением свободы, до решения вопроса о его замене в порядке п. 2 ст. 397 УПК РФ.

Усложним ситуацию. Судом был постановлен приговор с назначением наказания в виде реального лишения свободы с зачетом периода содержания под стражей из расчета 1:1 – постановлением суда в порядке ст. 80 УК РФ наказание заменено, например, на исправительные работы. Судебные решения приняты до вступления в силу Федерального закона № 186-ФЗ.

Представляется, что, рассматривая в порядке ст. 10 УК РФ ходатайство осужденного о пересмотре постановления, суд может пересмотреть

приговор, применив льготные коэффициенты зачета (при наличии таких оснований) и далее как последствия такого зачета применяя формулу, использованную судом при замене, постановить об уменьшении срока исправительных работ подлежащего отбыванию осужденным.

При этом суд, учитывая, что положения ч. 3³ ст. 72 УК РФ распространяются только на осужденных, отбывавших наказание до вступления в силу Федерального закона № 186-ФЗ, должен проверить наличие периодов исключенных из льготного пересчета и не учитывать их при принятии решения, поскольку в этом случае наказание в виде исправительных работ исполняется не исправительной колонией, а уголовно-исполнительной инспекцией.

Положения ст. 72 УК РФ применяются к периодам содержания под стражей до вступления приговора суда в законную силу и должны в силу п. 9 ч. 1 ст. 308 УПК РФ указываться в резолютивной части приговора.

Учитывая, что зачет сроков содержания лица под стражей необходим не для исчисления испытательного срока, а для конкретизации периода реального применения к лицу уголовного наказания: определения моментов начала и окончания его отбывания, установления оснований для освобождения от его отбывания (ст. 172 УИК РФ), т. е. периода его исполнения, а реальное отбывание наказания в виде лишения свободы возможно только после отмены условного осуждения в связи с противоправным поведением лица в течение испытательного срока, свидетельствующим о недостижении цели его исправления [6], судьи зачастую не указывают на необходимость зачета срока при постановлении приговора в соответствии со ст. 73 УК РФ.

Необходимость его зачета возникает в случае отмены условного осуждения и исполнении наказания, назначенного приговором суда в соответствии с ч. 2¹, 3 ст. 74 УК РФ.

В таком случае время содержания лица под стражей до вступления в силу приговора о назначении наказания с применением ст. 73 УК РФ должно быть зачтено в срок лишения свободы по льготному коэффициенту (при наличии таких оснований) при вынесении постановления об отмене такого осуждения.

Возникают у судов вопросы и при пересмотре приговоров (при соблюдении условий указанных в ч. 3¹, 3² ст. 72 УК РФ), наказание по которым назначалось с применением ст. 70 УК РФ.

Если при пересмотре приговоров, наказание по которым назначалось по ч. 5 ст. 69 УК РФ, ситуация выглядит понятной, поскольку при таком назначении в срок наказания должно быть зачтено наказание, отбытое по первому приговору [7], что не влечет необходимости снижения судом срока окончательного наказания, то при применении ст. 70 УК РФ вопрос о необходимости снижения окончательного наказания следует рассматривать в другом контексте.

Назначение наказания по ст. 70 УК РФ происходит путем присоединения не отбытой части наказания по предыдущему приговору к вновь назначенному по последнему приговору наказанию.

При применении в порядке ст. 10 УК РФ льготных коэффициентов зачета времени содержания лица под стражей по первому приговору происходит фактическое уменьшение неотбытой части наказания, которое частично или полностью было присоединено к последнему приговору.

Например, по первому приговору осужденный освобожден условно-досрочно и в этот период совершает новое преступление. Окончательное наказание назначено по правилам ст. 70 УК РФ. При пересмотре первого приговора и применении ч. 3¹ ст. 72 УК РФ будет посчитано, что осужденный освобожден бы раньше, а значит, срок условно-досрочного освобождения становится короче. В такой ситуации, учитывая, что, применяя ст. 70 УК РФ, при постановлении приговора суд исходил из большей части неотбытого срока, из которой исчислял размер необходимой к присоединению части наказания, окончательное наказание подлежит снижению. Кроме этого, при таком пересчете станет возможным и установление факта совершения преступления не в период условно-досрочного освобождения с учетом сокращения этого срока, что повлечет исключение ст. 70 УК РФ из второго приговора и снижение наказания.

Согласно п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20 декабря 2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора», в тех случаях, когда лицо, подавшее апелляционную жалобу, отзывает ее на основании ч. 3 ст. 359 УПК РФ, при отсутствии жалоб других лиц или представления прокурора решение суда первой инстанции, исходя из положений ст. 390, 391 УПК РФ, считается вступившим в законную силу по истечении 10 суток – срока его обжалования в апелляционном порядке.

Представляется, что в таком случае при пересмотре приговора зачету дополнительно подлежит только срок с момента постановления приговора и до вступления его в законную силу, при этом срок нахождения уголовного дела в суде первой или апелляционной инстанций до отзыва апелляционной жалобы, даже если он достаточно продолжительный и осужденный фактически находился в следственном изоляторе, значения с точки зрения применения повышающих коэффициентов не имеет.

Ошибка судов первой или апелляционной инстанций может повлечь благоприятные последствия для осужденного в виде льготного зачета времени содержания под стражей при изменении вида исправительного учреждения при обжаловании решения.

Приговором суда первой инстанции вид исправительного учреждения определен в виде колонии строгого режима, что подтверждено при апелляционном обжаловании приговора. Суд кассационной инстанции отменил апелляционное определение,

направив дело на новое апелляционное рассмотрение, в ходе которого был изменен вид исправительного учреждения с исправительной колонии строгого на колонию общего режима.

В такой ситуации возникнет вопрос о том, какой период содержания под стражей подлежит льготному исчислению – до момента вынесения первого апелляционного определения и вступления приговора в законную силу или второго?

Представляется, что предпочтение должно быть отдано более продолжительному сроку – с момента заключения под стражу и до даты вынесения апелляционного определения об изменении вида исправительного учреждения, поскольку правовое значение иных судебных решений, равно как и первоначальный момент вступления приговора в законную силу, было нивелировано постановлением президиума областного суда.

Согласно п. 3 ч. 10 ст. 109 УПК РФ, в срок содержания под стражей засчитывается время принудительного нахождения лица в медицинской организации, оказывающей медицинскую или психиатрическую помощь в стационарных условиях.

По смыслу ч. 3¹ ст. 72 УК РФ о зачете именно времени содержания под стражей, применение льготных коэффициентов к сроку нахождения лица в медицинской организации не будет соответствовать духу закона, направленного на компенсацию разницы содержания в условиях следственного изолятора по сравнению с колонией общего режима и колонией-поселением, за исключением лиц, в отношении которых была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Применяя положения ч. 3⁴ ст. 72 УК РФ, необходимо помнить, что они ухудшают положение осужденного. В этом случае действует общее правило об обратной силе уголовного закона, которой не имеет закон, ухудшающий положение лица. Таким образом, до 14 июля 2018 года срок нахождения лица под домашним арестом исчисляется с коэффициентом 1:1, после вступления в законную силу – два дня нахождения под домашним арестом соответствуют одному дню лишения свободы (2:1) и до вступления приговора суд в законную силу. По этим же правилам подлежит исчислению и срок домашнего ареста при применении п. 2 ч. 10 ст. 109 УПК РФ.

Библиографический список

1. Верина Г. В. Уголовно-правовая модель зачета в наказание мер пресечения: июльские (2018 года) новеллы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 6 (125). С. 141–150. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36795545>.
2. Решняк М. Г. О некоторых аспектах ст. 72 УК РФ в контексте темпорального действия уголовного закона // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 5. С. 115–117. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35787040>.
3. Быданцев Н. А. Заметки на «скорую руку» о процессуальном порядке применения статьи 72

Уголовного кодекса Российской Федерации (в редакции Федерального закона от 3 июля 2018 года № 186-ФЗ) // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 3. С. 95–101. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/zametki-na-skoruyu-rukou-protssessualnom-poryadke-primeneniya-stati-72-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-v-redaktsii-federalnogo>.

4. Пояснительная записка «К проекту Федерального закона «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

5. Зателепин К. О. Как применяется новый порядок зачета содержания под стражей в срок лишения свободы // Уголовный процесс. № 9. 2018. С. 40–45. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35648110>.

6. Определение Конституционного Суда РФ от 19 июля 2016 № 1690-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кажавой Светланы Борисовны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации и частью восьмой статьи 107 УПК Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19072016-n-1690-o>.

7. Пункт 57 Постановления Пленума Верховного Суда РФ № 58 от 22 декабря 2015 года «О практике назначения судами российской Федерации уголовного наказания». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932.

References

1. Verina G. V. *Ugolovno-pravovaya model' zacheta v nakazanie mer presecheniya: iyul'skie (2018 goda) novelty* [Criminal-legal model of precautionary measures setoff as punishment: the July (2018) novels]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Saratov State Law Academy Bulletin], 2018, no. 6 (125), pp. 141–150. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36795545> [in Russian].

2. Reshnyak M. G. *O nekotorykh aspektakh st. 72 UK RF v kontekste temporal'nogo deistviya ugolovnogo zakona* [On some aspects of Art. 72 of the criminal code in the context of temporal action of the criminal law]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2018, no. 5, pp. 115–117. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35787040> [in Russian].

3. Bydantsev N. A. *Zametki na «skoruyu ruku» o protssessual'nom poryadke primeneniya stat'i 72*

Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii (v redaktsii Federal'nogo zakona ot 3 iyulya 2018 goda № 186-FZ) [Notes «in haste» on the procedure of application of article 72 of the Criminal Code of the Russian Federation (as amended by Federal law dated July 3, 2018 No. 186-FZ)]. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyi protsess* [Judicial authority and criminal process], 2018, no. 3, pp. 95–101. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/zametki-na-skoruyu-rukou-protssessualnom-poryadke-primeneniya-stati-72-ugolovnogo-kodeksa-rossiyskoy-federatsii-v-redaktsii-federalnogo> [in Russian].

4. *Poyasnitel'naya zapiska «K projektu Federal'nogo zakona "O vnesenii izmenenii v stat'yu 72 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii"»* [Explanatory note «On the draft of the Federal Law “On amendments being made to article 72 of the criminal code of the Russian Federation”»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» [in Russian].

5. Zatelepin K. O. *Kak primenyaetsya novyi poryadok zacheta sodержaniya pod strazhei v srok lisheniya svobody* [How is the new procedure for setting off detention in terms of deprivation of liberty applied]. *Ugolovnyi protsess* [Criminal trial], 2018, no. 9, pp. 40–45. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35648110> [in Russian].

6. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 19 iyulya 2016 № 1690-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanki Kazhaevoi Svetlany Borisovny na narushenie ee konstitutsionnykh prav chast'yu tret'ei stat'i 72 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i chast'yu vos'moi stat'i 107 UPK Rossiiskoi Federatsii* [Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation from July 19, 2016 № 1690-O «About refusal in acceptance to consideration of the complaint of a citizen Kazhaeva Svetlana Borisovna on a breach of her constitutional rights by part three of article 72 of the Criminal Code of the Russian Federation and by part eight of article 107 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19072016-n-1690-o/> [in Russian].

7. *Punkt 57 Postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda RF № 58 ot 22 dekabrya 2015 goda «O praktike naznacheniya sudami rossiiskoi Federatsii ugolovnogo nakazaniya»* [Paragraph 57 of the Resolution of Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation № 58 as of December 22, 2015 «About practice of appointment by the courts of the Russian Federation of criminal punishment»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932 [in Russian].

КРИМИНОЛОГИЯ

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-84-90
УДК 343.9

Дата поступления статьи: 24/VI/2019
Дата принятия статьи: 30/VII/2019

О. П. Грибунов, С. Г. Загорьян

ТИПОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ, СОВЕРШАЮЩИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В СОСТАВЕ ОРГАНИЗОВАННЫХ ГРУПП

© **Грибунов Олег Павлович** (gribunov@mail.ru), доктор юридических наук, доцент, заместитель начальника (по научной работе), **Восточно-Сибирский институт МВД России**, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Тема докторской диссертации: «Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте». Автор более 100 научных работ, в том числе монографий и учебных пособий: «Теоретические основы и прикладные аспекты раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против собственности, совершаемых на транспорте» (2016), «Негативное влияние социальной среды на формирование преступности несовершеннолетних» (2016), «Уголовно-правовые, криминологические и криминалистические проблемы противодействия коррупции» (2016), «Особенности уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (2018), «Методика расследования хищений комплектующих деталей объектов железнодорожного транспорта» (2019).

Область научных интересов: преступления против собственности: уголовно-правовые, уголовно-процессуальные и криминалистические аспекты, раскрытие, расследование и предупреждение преступлений, совершаемых на транспорте.

© **Загорьян Сергей Георгиевич** (zagoryan_sg@mail.ru), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, **Восточно-Сибирский институт МВД России**, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Тема кандидатской диссертации: «Преступное сообщество: уголовно-правовая и криминологическая характеристика». Автор более 60 научных работ, в том числе: «Некоторые криминогенные факторы организованной преступности несовершеннолетних» (2018), «Негативное влияние социальной среды на формирование преступности несовершеннолетних» (2016), «Некоторые вопросы, возникающие при возбуждении уголовных дел, связанных с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ» (2018), «Уголовно-процессуальные проблемы производства судебных экспертиз до возбуждения уголовного дела» (2018), «Некоторые проблемные вопросы борьбы с незаконным оборотом наркотических средств» (2018).

Область научных интересов: криминологические и уголовно-правовые аспекты организованной преступности несовершеннолетних, уголовно-процессуальные проблемы борьбы с незаконным оборотом наркотических и психотропных веществ.

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена изучению типологии личности несовершеннолетних, совершающих преступления в составе организованных групп. Дана характеристика несовершеннолетних, участвующих в преступных формированиях. Рассмотрены основные причины, способствующие развитию у несовершеннолетних преступных наклонностей. Это влияние социальной среды, индивидуальные свойства личности несовершеннолетнего, общественные противоречия. Личность несовершеннолетних преступников в организованных формах ее проявления рассмотрена, исходя из характеристик, включающих в себя социально-демографические признаки, ценностно-нормативную и потребностно-мотивационную сферы сознания личности, функциональные и социально-ролевые отношения индивида. Обозначена роль лидера – члена преступной группы.

Ключевые слова: типология личности несовершеннолетних, характеристика, организованная группа, преступление, социальная среда, индивидуальные свойства личности, преступный лидер.

Цитирование. Грибунов О. П., Загорьян С. Г. Типология личности несовершеннолетних, совершающих преступления в составе организованных групп // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 84–90. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-84-90>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

*O. P. Gribunov, S. G. Zagoryan***TYOLOGY OF THE IDENTITY OF MINORS WHO COMMIT CRIMES
IN ORGANIZED GROUPS**

© **Gribunov Oleg Pavlovich (gribunov@mail.ru)**, doctor of law, associate professor, deputy head (for research), **East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia**, 110, Lermontov Street, Irkutsk, 66074, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Theoretical bases and applied aspects of disclosure, investigation and prevention of crimes against property committed on transport». Author of more than 100 scientific works, including monographs and textbooks: «Theoretical foundations and applied aspects of disclosure, investigation and prevention of crimes against property committed on transport» (2016), «Negative impact of the social environment on the formation of juvenile delinquency» (2016), «Criminal law, criminological and criminalistic problems of combating corruption» (2016), «Features of criminal proceedings at the conclusion of a pre-trial cooperation agreement» (2018), «Methods of investigation of theft of components of railway transport» (2019).

Research interests: crimes against property: criminal law, criminal procedure and criminalistic aspects, disclosure, investigation and prevention of crimes committed on transport.

© **Zagoryan Sergey Georgievich (zagoryan_sg@mail.ru)**, Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Procedure, **East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia**, 110, Lermontov Street, Irkutsk, 66074, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Criminal community: criminal law and criminological characteristics». Author of more than 60 scientific papers, including: «Some criminogenic factors of organized juvenile delinquency» (2018), «Negative influence of the social environment on the formation of juvenile delinquency» (2016), «Some issues arising during the initiation of criminal cases related to illegal traffic of narcotic and psychotropic substances» (2018), «Criminal procedure problems of the production of forensic examinations before a criminal case» (2018), «Some problematic issues in the fight against drug trafficking food industry» (2018).

Research interests: criminological and criminal law aspects of organized juvenile delinquency, criminal procedural problems of combating illicit trafficking of narcotic and psychotropic substances.

ABSTRACT

The article is devoted to the study of typology of the personality of minors who commit crimes in organized groups. The characteristic of minors involved in criminal groups is given. The main causes contributing to the development of juvenile criminal inclinations are considered. These are the influence of the social environment, individual characteristics of the personality of the minor, social contradictions. The personality of juvenile offenders in organized forms of its manifestation is considered on the basis of characteristics that include socio-demographic characteristics, value-normative and need-motivational spheres of the personality consciousness, functional and social-role relations of an individual. The role of the leader member of a criminal group is indicated.

Key words: personality typology of minors, characteristic, organized group, crime, social environment, individual personality traits, criminal leader.

Citation. Gribunov O. P., Zagoryan S. G. *Tipologiya lichnosti nesovershennoletnikh, sovershayushchikh prestupleniya v sostave organizovannykh grupp* [Typology of the identity of minors who commit crimes in organized groups]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 84–90. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-84-90> [in Russian].

Проблема изучения типологии личности преступника во все времена не теряет своей актуальности. Это объясняется прежде всего тем, что данный вопрос неразрывно связан с вопросом о причинах преступности, в том числе организованных форм его проявления, а также о путях и средствах предупреждения организованной преступности, в том числе среди несовершеннолетних. Объектом их исследований становились, в том числе, подростки, совершающие преступления в составе организованных групп. Но при всем многообразии подходов и предлагаемых решений

данная проблема до настоящего времени изучена не в полном объеме. Ее решение поможет выявить причины, порождающие антиобщественное поведение подростков, спланировать алгоритм позитивного воздействия на данную категорию лиц, а также наметить пути предупреждения совершаемых ими преступлений. Ведь именно несовершеннолетние лица являются основным резервом тех лиц, которые совершают преступления во взрослом возрасте [1, с. 115].

Личность человека, в особенности еще не сформировавшегося, понятие неоднозначное. Данная

личность представляет собой совокупность интегрированных в ней социально значимых свойств, образовавшихся в процессе многообразных и систематических взаимодействий с другими людьми. Личность необходимо рассматривать с нескольких сторон – как члена общества, члена социальных групп или иных общностей, а также как носителя социально типичных черт.

При этом криминологические исследования не обошли стороной также изучение отдельных институтов уголовного права, например, таких как соучастие в преступлении, поскольку и организованная группа, и группа лиц по предварительному сговору являются разновидностями одной формы соучастия – соучастия с предварительным сговором [2, с.103]. Изучение личности лиц, совершивших преступление в соучастии, занимает важное место в процессе установления причин группового преступного поведения, что позволяет исследовать его природу, раскрыть механизм воздействия членов группы друг на друга.

Таким образом, взаимоотношения между людьми зависят как от внешних обстоятельств, так и от внутренних особенностей, что особенно необходимо учитывать при рассмотрении личности несовершеннолетнего преступника. В крайнем своем проявлении отклоняющееся поведение становится причиной криминальной активности личности.

Влияние окружающей среды человек начинает испытывать на себе уже в раннем возрасте, поскольку он становится объектом воспитательного воздействия не только со стороны родителей, но и других институтов воспитания, где одновременно он формируется как личность.

Формирование противоправного поведения у несовершеннолетних обусловлено воздействием на него ряда факторов, которые условно можно разделить на три группы: первая – влияние социальной среды; вторая – индивидуальные свойства личности несовершеннолетнего; третья – общественные противоречия.

Рассматривая данный вопрос, необходимо уяснить, что криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего, совершающего преступления в составе организованной группы, как и любого преступника, представляет собой комплекс как отрицательных, так и положительных качеств индивида, которые в своей совокупности характеризуют лицо, совершившее то или иное преступление.

Изучение личности несовершеннолетних преступников в организованных формах ее проявления необходимо строить, исходя из характеристик, включающих в себя социально-демографические признаки, ценностно-нормативную и потребностно-мотивационную сферы сознания личности; функциональные и социально-ролевые отношения индивида.

К социально-демографическим признакам общепринято относят: социальное происхождение, наличие семьи, образование, профессиональную и должностную принадлежность, национальность, условия и место проживания, пол, возраст и т. д.

К ценностно-нормативным и потребностно-мотивационным сферам, думается, можно отнести: социально-нравственные и правовые качества, ценностные ориентиры, культурный уровень, круг интересов, привычки и склонности, уровень потребностей, запросов и т. п.

К функциональным и социально-ролевым – знания, умения и навыки, место и роль индивида, его социальную и нравственно-правовую деятельность в обществе, психологические особенности.

Таким образом, традиционно характеристику личности преступника начинают рассматривать с социально-демографических признаков. Они включают в себя, как уже говорилось выше, пол, возраст, образование, семейное положение, социальное положение и род занятий, материальное обеспечение, жилищные условия и т. д.

Анализ социально-демографических признаков, основанный на результатах криминологических исследований, показывает, что несовершеннолетние, привлеченные к уголовной ответственности, в большинстве своем лица мужского пола.

Второе – это возраст несовершеннолетних преступников. Возраст важен при оценке личности, поскольку он соответствует физиологическим и психическим изменениям, происходящим в человеке. Возраст рассматривается с точки зрения этапов становления человека как личности, которые на протяжении его жизни, особенно в раннем возрасте, способствуют приобретению определенного опыта, навыков, умений, наделяют конкретными социальными функциями, что позволяет обрести подросткам свою социальную нишу в обществе в настоящем и будущем. В возрасте 14–15 лет привлекается к уголовной ответственности порядка 30 %, в возрасте 16–17 лет – примерно 70 %. Таким образом, по нашим данным, 16–17 лет есть возраст наибольшей криминальной активности подростков. По всей видимости, на данный возраст и необходимо в первую очередь обращать внимание и направлять профилактические мероприятия.

Далее при исследовании личности несовершеннолетнего преступника обнаруживается определенная связь между криминализацией и уровнем образования. Образовательный уровень участников преступных групп несовершеннолетних немногим отличается от уровня образования других преступников в целом. Среди опрошенных подростков около 20 % имели лишь начальное образование, 65 % – неполное среднее и среднее образование.

Несформировавшуюся личность необходимо ограждать от факторов, негативно влияющих на ее интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие [3, с. 70]. Однако это не так просто, как кажется на первый взгляд. Во многом причины преступности кроются внутри семьи, семейном неблагополучии, отсутствии должного воспитания. Оградить ребенка от негативного влияния семьи в данной ситуации очень сложно, так как ненадлежащее исполнение родителями обя-

занностей по воспитанию детей характеризуется как действием, так и бездействием [4, с. 65], и вне повлиять на это достаточно сложно. Воспитание в некоторых семьях можно рассматривать как воспитание крайностей. В одних семьях усматривается чрезмерная, порой ненужная гиперусиленная опека, запрещение всего, тотальный контроль жизни подростка и т. д. В других – полное отсутствие контроля и вседозволенность, отсутствие интереса к успехам и проблемам ребенка. В неблагополучных семьях, как правило, налицо полное отсутствие воспитания и только негативное влияние, грубость и побои, что чревато серьезной деформацией физического и психического здоровья ребенка [5, с. 11].

Таким образом, указанные варианты воспитания в семье способствуют приобщению несовершеннолетних к уличной подростковой жизни, к участию в организованных преступных формированиях.

Рассматривая социальное положение и род занятий лидеров подростковых преступных формирований, следует отметить, что среди них наибольший удельный вес составляют лица, не имеющие стабильного источника дохода, их удельный вес составляет примерно 58 %. Сложившееся положение отчасти объясняется безработицей в условиях рыночной экономики. Незанятость молодежи как одна из форм изолированности от общества выполняет для определенной части несовершеннолетних мотивы объединяющего начала.

Рассматривая характеристику личности несовершеннолетнего преступника, необходимо обратить внимание и на ценностную характеристику сознания личности, отношение к праву и закону. Участие в совершении преступления обуславливается наличием у лица антисоциальной установки. Она выражается в отрицательном отношении к людям и обществу. У лица появляется внутренняя готовность к совершению преступления, обдуманности отрицательного поведения, неуважению общепризнанных норм и правил поведения, нежеланию трудиться и т. д.

Для несовершеннолетних, совершивших преступление, свойственно заниженное во всем требование к себе, при этом завышенное требование к другим. Более того, у большинства участников преступных формирований прослеживается оправдательное отношение к своему преступному поведению.

Таким образом, подростки, совершившее преступление в группе, искусственно создают предлог, объясняющий или оправдывающий их поведение при совершении преступления. Обстоятельства, играющие роль предлога, не существуют реально, они создаются самим виновным и сознательно им используются для совершения преступления или для оправдания своих действий. Получить представление о глубине и устойчивости ценностно-нормативной мотивации, связанной с антисоциальной направленностью личности несовершеннолетних, можно на основе знаний о том, допускалось ли виновным ранее противоправное

поведение, а также о характере и длительности преступного поведения.

Так, из числа изученных участников преступных формирований несовершеннолетних многие ранее задерживались за различные правонарушения, состояли на учете в специальных государственных органах, ранее освобождались от уголовной ответственности либо были ранее судимые (с неснятой или непогашенной судимостью). Такое положение свидетельствует о наличии у большинства подростков данной категории стойкой антиобщественной установки, характеризующейся пренебрежительным отношением к общественным интересам и ценностям и проявляющейся в систематическом совершении преступлений определенного рода.

При изучении личности несовершеннолетнего необходимо учитывать его отношение к праву, к закону. Проведенное исследование показало, что большинство подростков, склонных к совершению преступлений, обладают серьезными дефектами правосознания. В их понимании, законы рассматриваются как антисоциальные, неприемлимые, ограничивающие их действия. У подростка возникают внутреннее отторжение, неприязнь к законам и, как следствие, противодействие и враждебность к правоохранительной системе.

У участников организованных преступных групп тем более отсутствует уважительное отношение к праву и не сформирована потребность следовать его предписаниям. Однако в то же время нельзя сказать, что они совсем или плохо знают законы.

На отсутствие правосознания указывают и результаты социального опроса несовершеннолетних преступников: 53 % подростков уверовали в свою безнаказанность, остальные просто боялись ответственности за свои деяния, но, однако, преступления совершали.

Негативному влиянию способствуют нередко и средства массовой информации, зачастую создавая извращенный образ современного преуспевающего человека. При этом конституционные нормы, задающие ценностные ориентации для молодежи, остаются в прошлом, во времена эфирного телевидения и печатной прессы [6, с. 16]. Неоспоримый факт, что в подростковой среде очень развито подражание, причем не столько своим сверстникам, сколько представителям старших поколений. Очевидно, это и служит оправданием для большинства несовершеннолетних правонарушителей.

Развивая рассмотренные выше вопросы, необходимо остановиться на потребностно-мотивационных признаках. Стимулом человеческой деятельности является мотив, под которым понимают побудительный повод к совершению чего-либо. Следовательно, мотивация преступного поведения основана на потребностно-мотивационных интересах личности, которая должна рассматриваться в определенной системе. Потребности побуждают несовершеннолетних к активному поиску путей их удовлетворения и в большинстве своем становятся внутренними побудителями его деятельно-

сти. Зачастую интерес заставляет несовершеннолетних действовать в определенном направлении, выступает в качестве мотива деятельности. Причем одни и те же потребности и интересы могут побуждать человека к различным вариантам их удовлетворения. Мотивационная сфера всех преступников и несовершеннолетних имеет свои особенности: антисоциальные мотивы; главенство материального блага над духовным; преобладание низменных побуждений и личностных интересов.

Таким образом, в подростковой среде вместо законного способа зарабатывания денег отдается предпочтение наиболее доступному и простому способу обогащения – совершению преступления.

В подростковой среде сильны представления о «легких» деньгах, получить которые якобы можно без особых усилий. И наиболее простой способ их получения они видят в совершении преступлений. Приведенные данные свидетельствуют, что большинство подростков испытывали трудности в материальном плане, что, соответственно, являлось причинным комплексом их криминального поведения.

Одним из факторов групповой преступности несовершеннолетних является степень воздействия устоявшихся в конкретном асоциальном объединении взглядов, традиций, образцов поведения. Стимулирующим фактором выступает одобрение членами группы соответствующей криминальной ориентации подростка. Характерными примерами являются совершение актов вандализма группами подростков. Пример. Подростки, бравидуя друг перед другом, на железнодорожной станции г. Н-ска на вагоны поезда нанесли рисунки, оскорбляющие человеческую нравственность и надписи непристойного содержания. И таких примеров, когда под одобрительные возгласы друг друга несовершеннолетние в группах совершают преступления, можно привести великое множество.

Степень организованности преступлений находится в прямой зависимости от их общественной опасности: чем сложнее и опаснее преступления, тем чаще они совершаются в организованном порядке. В немалой степени на данную закономерность влияют лидеры – члены преступных групп, организующих, планирующих и управляющих деятельностью неблагополучных подростков. Лидер неформальной группировки при наличии низкого нравственного уровня и правового воспитания имеет физическую силу и спортивную тренировку, а также обладает силой воли и жестким, бескомпромиссным характером. Для подростково-молодежных группировок характерен коллективный лидер, то есть лидерство здесь представлено не одним лицом, а несколькими. Каждый из них вносит свою лепту в формирование взглядов изучаемой группы. Но, как нам представляется, среди подростков, входящих в так называемую «группу лидеров», есть свой лидер, который в свою очередь играет доминирующую роль, навязывая свое понимание корпоративных норм. Лидеры контролируют и направляют неустойчивых подростков, подверженных негативному влиянию наиболее сильных личностей.

Разумеется, не все перечисленные черты и свойства присущи любому лидеру подростковых преступных формирований, однако в своей совокупности они создают портрет одного из наиболее опасных участников организованных преступных групп, «кумиров», образцов для подражания. Тем не менее это позволяет представить себе его социальный облик, столь необходимый в организации и проведении профилактических мероприятий, а также при назначении и индивидуализации наказания.

Характеристика несовершеннолетних, участвующих в преступных формированиях, была бы неполной без учета предполагаемых психических отклонений у исследуемых подростков.

Очевидно, в зависимости от отрицательной или положительной направленности социальных условий эти отклонения могут привести либо к противоправной деятельности, либо к более или менее приемлемой форме поведения психически неустойчивой личности.

По наблюдениям некоторых криминологов, причиной большинства преступлений, совершаемых несовершеннолетними с психическими отклонениями, является их раннее пристрастие к алкоголю, наркотикам, психотропным веществам.

По данным проведенного исследования, 26 % несовершеннолетних осужденных использовали средства, добытые в результате хищений, на приобретение спиртных напитков, наркотиков и психотропных веществ, а 44 % опрошенных признали основным организующим фактором их объединения совместное распитие спиртного и употребление наркотиков.

Бесспорно, что в большинстве случаев процесс вовлечения в противоправную деятельность и в последующем в криминальную начинается в подростковом возрасте, т. е. тогда, когда наиболее часто возникает потребность в неформальном общении, в групповом времяпрепровождении. Именно в этот период своего развития подростки испытывают дефицит внимания к себе со стороны большинства социализации, и соответственно, они реализуют потребность собственного признания и желание самоутвердиться в кругу сверстников.

Здесь повышается вероятность втягивания несовершеннолетних в употребление наркотиков, алкоголя и т. д. Со временем их употребление из любопытства перерастает в болезненную потребность, алкогольную или наркотическую зависимость. Подросток в поиске средств на приобретение алкоголя или наркотиков решает на совершение преступления.

Криминологическое изучение личности участников организованных групп позволяет создать их социальный портрет, выявить причины и условия совершения конкретных преступлений, выявить механизмы влияния их друг на друга. Решение данной задачи осуществляется в целях наиболее успешного осуществления профилактических мероприятий и выяснения причин преступного поведения.

В криминологической литературе представлено множество различных классификаций и типо-

логий преступников. Следует отметить, что при всей своей схожести эти понятия не являются идентичными. Классификация представляет собой устойчивую группу исследуемых объектов по их отдельным признакам и строится на конкретных критериях их деятельности. Классификация преступников может быть построена по различным основаниям, среди которых следует выделить две большие группы признаков. Первая построена на основе социально-демографических признаков (пол, возраст, уровень образования, социальное и семейное положение и др.). Вторая – на основе правовых (характер и степень тяжести совершенного преступления, совершение преступления впервые или повторно и др.).

Другие ученые предлагают взять за основу типологии генезис становления личности и различают случайные, ситуационные, неустойчивые, злостные и особо опасные типы преступников. Третьи выделяют типологию по характеру антисоциальной направленности.

По характеру антисоциальной направленности среди участников подростково-молодежных преступных формирований преобладают лица корыстно-насильственного типа и лица, характеризующиеся негативно-пренебрежительным отношением к человеческой личности и ее важнейшим благам.

В свете изучения личности несовершеннолетнего, участвующего в организованных преступных формированиях, представляется необходимым остановиться на типологии, основанной на глубине и стойкости криминогенной деформации личности, связанной с социальным генезисом личности.

В структуре преступлений несовершеннолетних преобладают имущественные преступления. Основное количество преступлений совершается по территориальному признаку, на основе криминогенных неформальных объединений подростков по месту их жительства в результате внезапно возникшего умысла. Результаты исследований показывают, что совершаемые такими несовершеннолетними преступления являются лишь отдельными эпизодами в их жизни и не могут рассматриваться в качестве основной характеристики.

Помимо имущественных преступлений, совершенных подростками этой группы, появляется значительное количество насильственных преступлений. Большинство преступлений совершается стихийно под влиянием провоцирующей ситуации. При рассмотрении этого вопроса было установлено, что несовершеннолетние объединяются в традиционные преступные группы не столько ради совершения противоправных действий, сколько для совместного времяпрепровождения. Представляется, что низкий уровень организации в данных группах обусловлен тем, что у них еще не сложились организационные структуры: отсутствие организаторов (лидеров), равное положение подростков в группах, отсутствие функционального распределения ролей среди подростков. Проявление у некоторых

участников инициативы совершить преступление чаще всего выражалась просто в высказывании его совершить.

В деятельности подростков, участвующих в неформальных группировках, появляется элемент криминальной специализации. Преступная деятельность в таких группировках занимает значительное место в образе жизни подростков, становится их неотъемлемым элементом и является одной из важнейших социально-правовых проблем российского общества [7, с. 67].

Стабильно высокий уровень групповой преступности несовершеннолетних свидетельствует о глубокой и стойкой социальной деформации участников групповых преступлений, о наличии у них стойкой антиобщественной установки и, следовательно, их повышенной общественной опасности. На сегодняшний день проблема современной уголовной политики состоит в том, что ею не сформирован эффективный механизм обеспечения правомерного поведения несовершеннолетних правонарушителей [8, с. 9], а меры уголовно-правового воздействия не приносят желаемого результата.

Таким образом, учитывая изложенное, можно прийти к следующим выводам.

1. Представляется, что данный перечень характеристик в целом позволит создать общий портрет личности несовершеннолетнего, совершающего преступления в организованных формах преступного поведения, и в какой-то мере может оказать помощь при планировании профилактических мероприятий с целью дальнейшего позитивного влияния на несовершеннолетних правонарушителей.

2. Исследование позволяет создать их социальный портрет, выявить причины и условия совершения конкретных преступлений, выяснить механизмы влияния конкретной личности на других соучастников.

3. Противоправное поведение несовершеннолетнего, объединение в неформальные организованные группы является результатом негативного воздействия на него различных факторов: воспитания неблагополучной семьи; воздействия средств массовой информации; влияния социальной среды; индивидуальных свойств личности несовершеннолетнего и др.

4. Наибольшей криминальной активности подростки достигают в возрасте 15–17 лет. Поэтому возраст как один из демографических признаков очень важен при оценке личности несовершеннолетнего преступника. Это связано с тем, что возраст соответствует физиологическим и психическим изменениям, происходящим в индивидууме. Происходящие изменения обозначают этапы становления подростка, в течение которого он занимает свою социальную (иногда преступную) нишу в обществе. Своевременное индивидуально-профилактическое воздействие в данный период способно оказать существенное влияние на становление нравственно-психологических характеристик личности, оградить подростка от ошибочного шага [9, с. 100].

5. Криминологическое изучение личности несовершеннолетних, совершающих преступления в составе организованных групп, позволяет сказать, что им присущи все личностные признаки, которые можно применить к участникам общеуголовных организованных групп. Использование указанных данных в целях предупреждения преступности в целом и профилактики конкретных преступлений со стороны несовершеннолетних лиц в частности может существенно повысить их эффективность.

Перед нами не было задачи поставить точку в рассмотрении всего комплекса социально-демографических, нравственно-психологических и правовых характеристик личности несовершеннолетних преступников. Была лишь изучена небольшая часть, отражающая в наибольшей степени некоторые особенности групповой преступности несовершеннолетних.

Библиографический список

1. Брянская Е. В. Вопросы предмета доказывания по уголовным делам несовершеннолетних // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2018. № 3 (86). С. 115–116. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-predmeta-dokazyvaniya-po-ugolovnym-delam-nesovershennoletnih>.

2. Шеслер А., Беларева О. Вандализм, совершенный группой лиц // Уголовное право. 2017. № 5. С. 98–104. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32522617>.

3. Федорова А. А. Допрос несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля: зачем нужна видеозапись // Уголовный процесс. 2019. № 5. С. 70–73. URL: <https://e.ugpr.ru/723848>.

4. Берченева В. Б., Буинцева Н. О. Неисполнение обязанностей по воспитанию: новая трактовка нормы УК на практике // Уголовный процесс. 2018. № 12. С. 64–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36514037>.

5. Загорьян С. Г., Егорова Ю. В., Круглова А. А., Мисник И. В. Практика возбуждения уголовных дел в отношении родителей и иных законных представителей несовершеннолетних, не исполняющих обязанности по воспитанию и жестоко обращающихся с детьми: учебное пособие. Иркутск: ФГОУ ВПО ВСИ МВД России, 2013. С. 94. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25101063>.

6. Волков В. Э. Конституционные ценности в информационном обществе: пространство и время // Юридический вестник Самарского университета. 2018. Т. 4. № 4. С. 13–17. DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-4-13-17.

7. Николук В. В., Пупышева Л. А. Обязательные работы для несовершеннолетних: проблемы исполнения // Уголовный процесс. 2018. № 4. С. 67–75. URL: <https://e.ugpr.ru/629134>.

8. Андрухин Н. Проблемные аспекты реализации уголовной политики в отношении несовершеннолетних // Уголовное право. 2017. № 4. С. 9–12. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32309227>.

9. Безручко Е. В. Оперативно-профилактические операции как средство предупреждения групповой насильственной преступности несовершеннолетних // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2018. № 4. С. 99–102. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36635874>.

References

1. Bryanskaya E. V. *Voprosy predmeta dokazyvaniya po ugolovnym delam nesovershennoletnikh* [Questions of the project of proof on criminal cases of minors]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 3 (86), pp. 115–116. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/voprosy-predmeta-dokazyvaniya-po-ugolovnym-delam-nesovershennoletnih> [in Russian].

2. Shesler A., Belaryova O. *Vandalizm, sovershennyi gruppoy lits* [Vandalism committed by a group of persons]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2017, no. 5, pp. 98–104. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32522617> [in Russian].

3. Fyodorova A. A. *Dopros nesovershennoletnego poterpevshego i svidetelya: zachem nuzhna videozapis* [Interrogation of a minor victim and a witness: why do we need video recording]. *Ugolovnyi protsess* [Criminal Procedure], 2019, no. 5, pp. 70–73. Available at: <https://e.ugpr.ru/723848> [in Russian].

4. Bercheneva V. B., Buintseva N. O. *Neispolnenie obyazannostei po vospitaniyu: novaya traktovka normy UK na praktike* [Failure to perform duties on education: a new interpretation of the criminal code in practice]. *Ugolovnyi protsess* [Criminal Procedure], 2018, no. 12, pp. 64–67. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36514037> [in Russian].

5. Zagoryan S. G., Egorova Yu. V., Kругlova A. A., Misnik I. V. *Praktika vzbuzhdeniya ugolovnykh del v otnoshenii roditelei i inykh zakonnykh predstavitelei nesovershennoletnikh, ne ispolnyayushchikh obyazannosti po vospitaniyu i zhestoko obrashchayushchikhsya s det'mi: uchebnoe posobie* [The practice of initiating criminal proceedings against parents and other legal representatives of minors who do not fulfill the duties of upbringing and who are abusive of children: study guide]. Irkutsk: FGOU VPO VSI MVD Rossii, 2013, p. 94. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25101063> [in Russian].

6. Volkov V. E. *Konstitutsionnye tsennosti v informatsionnom obshchestve: prostranstvo i vremya* [Constitutional values in the information society: space and time]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2018, Vol. 4, no 4, pp. 13–17. DOI: 10.18287/2542-047X-2018-4-4-13-17 [in Russian].

7. Nikoluk V. V., Pupyshva L. A. *Obyazatel'nye raboty dlya nesovershennoletnikh: problemy ispolneniya* [Mandatory work for minors: performance problems]. *Ugolovnyi protsess* [Criminal Procedure], 2018, no. 4, pp. 67–75. Available at: <https://e.ugpr.ru/629134> [in Russian].

8. Andryukhin N. *Problemyne aspekty realizatsii ugolovnoi politiki v otnoshenii nesovershennoletnikh* [Problem aspects of realization of criminal policy for minors]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2017, no. 4, pp. 9–12. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32309227> [in Russian].

9. Bezruchko E. V. *Operativno-profilakticheskie operatsii kak sredstvo preduprezhdeniya gruppovoi nasil'stvennoi prestupnosti nesovershennoletnikh* [Preventive operation as a means of warning a group of violent juvenile crimes]. *Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of the Russian Federation], 2018, no. 4, pp. 99–102. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36635874> [in Russian].

А. К. Теохаров

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПОПРОШАЙНИЧЕСТВУ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

© **Теохаров Александр Константинович** (teo_oma@mail.ru), кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры криминологии, психологии и педагогики, **Омская академия МВД России**, 644092, Российская Федерация, г. Омск, пр. Комарова, 7.

Тема кандидатской диссертации: «Противодействие заражению инфекционными заболеваниями: уголовно-правовой и криминологический аспекты». Автор более 40 научных работ, в т. ч. научных статей: «Понятие и признаки попрошайничества», «Виды попрошайничества», «В поисках эффективных мер борьбы с попрошайничеством».

Область научных интересов: преступления против общественной нравственности, криминологическое обеспечение инфекционной безопасности, проблемы исполнения наказания в виде лишения свободы.

АННОТАЦИЯ

В данной статье исследуется история борьбы с попрошайничеством в России, которая в разные периоды регулировалась как мерами уголовно-правового, так и административно-правового характера. Необходимость ретроспективного анализа вызвана тем, что попрошайничество из занятия, характерного для нищих и обездоленных, превратилось в незаконный бизнес, привлекая к себе внимание мошенников и организованных преступных групп. Помимо этого, в современном российском законодательстве отсутствует система правовых мер противодействия попрошайничеству. Приводится авторская периодизация отечественного законодательства, направленного на борьбу с попрошайничеством. Делается вывод, что на каждом историческом этапе реализация законодательных мер была осложнена благосклонным отношением граждан к попрошайничеству и такими объективными факторами, как войны, неурожай, эпидемии; историческим периодом, в котором было достигнуто равновесие между репрессивными и социальными мерами, является конец XIX в. В заключение автор приходит к выводу, что государственные меры по борьбе с попрошайничеством должны быть направлены на социальное обеспечение лиц, действительно нуждающихся в помощи, и противодействие профессиональному попрошайничеству.

Ключевые слова: попрошайничество, нищенство, асоциальное поведение, социальный паразитизм, благотворительность, государственное призрение нищих.

Цитирование. Теохаров А. К. Противодействие попрошайничеству в России: исторический аспект // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 91–100. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-91-100>.

A. K. Teokharov

COUNTERACTION TO BEGGING IN RUSSIA: HISTORICAL ASPECT

© Teokharov Alexander Konstantinovich (teo_oma@mail.ru), Candidate of Legal Sciences, senior lecturer of the Department of Criminology, Psychology and Pedagogy, Omsk Academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation, 7, Komarova Avenue, Omsk, 644092, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Combating infection with infectious diseases: criminal law and criminological aspects». Author of more than 40 scientific works, including scientific articles: «The concept and signs of begging», «Types of begging», «In search of effective measures to combat begging».

Research interests: crimes against public morality, criminological provision of infectious security, problems of execution of punishment in the form of imprisonment.

ABSTRACT

This article examines the history of struggle against begging in Russia, which in different periods was regulated by both criminal and administrative measures. The need for retrospective analysis is due to the fact that begging from the occupation characteristic of the poor and disadvantaged, turned into an illegal business, which attracted the attention of fraudsters and organized criminal groups. In addition, in modern Russian legislation there is no system of legal measures to counteract begging. The author's periodization of domestic legislation aimed at combating begging is given. The author concludes that at each historical stage the implementation of legislative measures was complicated by the favorable attitude of citizens to begging and such objective factors as wars, crop failures, epidemics. The author believes that the historical period in which the balance between repressive and social measures was achieved is the end of the XIX century. In conclusion, the author comes to the conclusion that state measures to combat begging should be aimed at social security of people who really need help, and combating professional begging.

Key words: begging, mendicancy, antisocial behaviour, social parasitism, charity, public charity for the poor.

Citation. Teokharov A. K. *Protivodeistvie poproshainichestvu v Rossii: istoricheskii aspekt* [Counteraction to begging in Russia: historical aspect]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 91–100. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-91-100> [in Russian].

5 декабря 1991 г. статья 209 УК РСФСР, предусматривающая ответственность за систематическое занятие бродяжничеством или попрошайничеством, была упразднена. Нет соответствующего состава преступления и в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). На сегодняшний день на федеральном уровне также отсутствует административная ответственность за занятие попрошайничеством. В совокупности с негативными последствиями политических и социально-экономических преобразований, произошедших в нашей стране в 1990-х годах, это способствовало увеличению количества лиц, занимающихся попрошайничеством.

Современное законодательство в сфере противодействия попрошайничеству нельзя признать единообразным и систематизированным. В законодательных актах не наблюдается единой нормотворческой линии, которая определяла бы как государственную политику, так и основные понятия (например, «попрошайничество», «навязчивая форма», «организация занятия попрошайничеством»), необходимые для установления границ законодательного регулирования изучаемой сферы. Нормы, которые направлены на борьбу

с попрошайничеством, закреплены в различных по значению и направленности нормативных правовых актах, которые между собой не согласуются и имеют ряд недостатков.

Анализ истории отечественного правового регулирования занятия попрошайничеством позволяет выделить несколько этапов, которые прошло Российское государство по отношению к попрошайничеству.

Первый этап (X в. – середина XVI в.) характеризуется государственным почитанием попрошайничества. В указанный период щедрость в отношении нуждающихся становится народным обычаем и наряду с возведением храмов относится к основной роскоши русского благочестия. Иллюстрацией этого является высказывание киевского князя Владимира Великого, приказавшего «всякому нищему и убогому приходите на двор княжеский и получать там всякую потребу, питье и яства и от скотниц кунами, а для больных – развозить пищу и одежду по улицам и домам» [1, с. 27].

Следует отметить, что до 988 г. нищество представляло собой совершенно иное явление, а к нищим относились святые люди, которые отрекались

от мирских богатств. Представители духовенства и монашества являлись нищими, так как были истинными проповедниками древнего благочестия. Об этом свидетельствует следующее изречение из рукописи № 437 Румянцевского музея: «О некоем милостивом человеке, како продаде себе Христа ради и в милостыню отдаде» [2]. Позднее к нищим стали причислять калек, неспособных работать, а нищета была приравнена к слепоте.

Именно в этот период возникает попрошайничество как социальное явление, а основой этому послужило христианство, которое прививало любовь к ближнему и необходимость проявления ее на деле, в частности посредством милостыни. Общество не видело в этом ничего непристойного, наоборот, постепенно милостыня стала возводиться до церковной заповеди (например, «Подавайте лучше милостыню из того, что у вас есть, тогда все будет у вас чисто» (Лк. 11:41)). Практически в каждом храме имелось помещение для нищих, после чего их стали называть церковными нищими.

Духовные пастыри княжеского периода российской истории посредством своих поучений активно способствовали развитию благотворительности в обществе, проповедуя мысли о спасительности подаяния и почитании нищих. Также была распространена тюремная милостыня: заключенных в оковах заставляли просить подаяния, а полученные средства шли на содержание мест заключения. Тюремная милостыня приобрела широкую практику при царствовании Алексея Михайловича, при этом зачастую царь вместе с царицей посещал места заключения и раздавал милостыню [3, с. 18].

Подаяние относилось к богоугодному делу, что привело к появлению в народе поговорок и известных изречений (например, «просит убогий, а подаешь Богу»). Истинной целью такой благотворительности являлось воздаяние за щедрость и доброту в небесном царстве, милосердие было не помощью нуждающимся, а способом личного духовно-нравственного оздоровления. В традицию вошло угощать странников и нуждающихся, поэтому в праздничные дни царские покои были наполнены нищими, для которых выделялись отдельные столы. Помимо этого, следовало не только угощать гостей, но и вести с ними беседы на богоугодные темы. Позднее столы для нищих устраивали только во время церковных праздников и поминальных дней, данный обычай сохранялся вплоть до XIX в. Особой щедростью в отношении нищих отличались царевны и царицы. Так, после смерти царя Федора Алексеевича (27 апреля 1682 г.) молодая вдова царица Марфа Матвеевна устроила столы для 300 неимущих, которые кормились в царских покоях пять дней [4, с. 129].

Дающего милостыню не интересовало то, действительно ли перед ним несчастный и обездоленный человек, которому требуется поддержка. Пожертвование носило неразборчивый характер, отсутствовала какая-либо дифференциация нищих. Сложившаяся практика милосердия под-

креплялась проповедями церковнослужителей, которые запрещали устанавливать истинность бедственного положения просящего и расспрашивать его об этом. Щедрое и легкодоступное подаяние искушало многих людей оставить трудовую деятельность и превращало их в попрошайек. Именно влияние христианской церкви, которая воспринимала нищих как своеобразную часть церковной иерархии, способствовало резкому увеличению количества попрошайек. Рост попрошайничества не вызывал беспокойства у государственной власти, по мнению которой нищие не представляли угрозы общественному порядку.

Таким образом, в обществе укоренилось представление о благотворительности и подаянии как о богоугодном действии, а попрошайки выступали ходатаями Бога. Правители и духовенство не предпринимали каких-либо мер по уменьшению количества нищих, так как не видели в этом необходимости. Личность просящего не имела значения, а бедственность его положения не подвергалась сомнению. Слепая практика подаяния существовала до XVIII в. и подкреплялась суждением «не судите, да не судимы будете» (Матф. 7:1).

Второй этап (середина XVI в. – конец XVII в.) ознаменован осознанием необходимости принятия законодательных мер, направленных на уменьшение количества попрошайек.

Попрошайничество, возникнув на благоприятной почве неконтролируемого подаяния каждому просящему, привело к криминализации общества, среди нищих увеличилось количество совершаемых грабежей и разбоев. В данный период милостыня уже превратилась в формальность, лицемерие и притворство, которые основывались на проповедях церковных учителей. Это способствовало вытеснению из общественного сознания иных форм и способов благотворительности.

По словам историка Н. И. Костомарова, «вера, что подача нищему есть достойное христианское дело и ведет к спасению, порождала толпы нищенствующих на Руси. Не одни калеки и старицы, но люди здоровые прикидывались калеками. Прося милостыни, нищие возбуждали сострадание унижительными причитаниями, например: “Дайте мне и побейте меня. Дайте мне и убейте меня!” Другие читали нараспев духовные стихи жалобным голосом» [5, с. 208–209]. Патриарх Иоасаф выступал с резкой критикой поведения нищих: «...во время же святого пения ходят по церквам шпыни, с бесстрашием, человек по десятку и больше, от них в церквах великая смута и мятеж, то они бранятся, то дерутся; другие, положив на блюда пелены и свечи, собирают на церковное строение; иные притворяются малоумными, а потом их видят целоумными; иные во время святого пения в церквах ползают, писк творят» [6, с. 315].

Иван Грозный был первым правителем, который ввел дифференциацию нищих и поставил вопрос о принятии мер в отношении лженищих. Согласно ст. 91 Судебника 1550 г., разрешалось «на монастырех жыти нищим, которые питаются от церкви

божией милостынею» [7, с. 119]. В Стоглаве 1551 г., в числе авторов которого был сам государь, отмечено: «О чернех и о черницах иже безчинствуют. По миру скитаются черницы и черницы, попы и миряне, жонки и строи со святыми иконами и на сооружеие собирают и на окуп и называются проданные и милостыни просят по торгу и по улицам, и по селом и по двором с образы ходят. И о сем соборовати, как впредь тому быти и есть ли о том писание и не поругательно ли то святым образом. Иноземцы ся тому дивят» [7, с. 271].

Такая позиция шла вразрез с традиционным отношением к нищенству. Авторы Стоглава пришли к осознанию того, что сложившаяся практика помощи нуждающимся должна быть пересмотрена и осуществляться под контролем государства. Однако в Стоглаве отсутствовали репрессивные меры в отношении трудоспособных лиц, промысляющих попрошайничеством. Таким образом, Стоглав стал первым памятником церковного права, в котором прозвучало государственное признание нищих и официальное закрепление благотворительности.

Пересмотру устоявшейся практики благотворительности отчасти способствовал голод 1601–1603 гг., который охватил русское государство в период царствования Бориса Годунова. Суровый климат, феодальная система земледелия, спекуляции хлебом дворян и монахов являлись главными причинами всеобщего голодания, которое существенно приумножило количество нищих. Следует отметить, что наряду с крестьянами в нищенство обращались дворяне, которые стыдились трудовой деятельности: «Я дворянин, работать не привык; пусть за меня другие работают! Ради Христа, Пресвятыя Девы и святого Николая Чудотворца и всех святых подайте милостыню бедному дворянину!» [5, с. 209].

В XVII в. продолжающийся рост числа псевдо-нищих спровоцировал конкуренцию за прибыль, чтобы добыть пожертвования, теперь недостаточно просто сидеть и молиться, необходимо было прибегать к разным ухищрениям. В стремлении заработать псевдониище даже похищали малолетних детей, после чего уродовали их, как правило, калечили конечности или выкалывали глаза. В случае гибели тела укрывали в погребках, а если жертвы выжили, то зарабатывали на их убогости, то есть нищие применяли способы привлечения пожертвований, которые характерны для современного попрошайничества. Таким образом, можно утверждать, что в первой половине XVII в. возникает профессиональное попрошайничество.

Церковь по-прежнему оказывала основную помощь нищим, а церковнослужители осуществляли надзор за обитателями богаделен. Позднее стала развиваться приказная система, и функции надзора за богадельнями были переданы отдельным государственным учреждениям (в 1649 г. – в ведение Монастырского приказа, а в 1677 г. – Приказа Большого Дворца).

В 1682 г. царь Федор Алексеевич издал указ, в котором впервые говорилось о том, что обще-

ственное призрение нищих должно быть государственным делом. По примеру европейских стран приказывалось осуществить разбор нищих, трудоспособных лиц обеспечить работой и построить две богадельни. Стрельцам предписывалось забирать нищих с улиц и доставлять в Аптекарский приказ [8, с. 273]. Несмотря на свою значимость, указ оказался малоэффективным в борьбе с лже-нищими, а в обществе, как и прежде, милостыня подавалась каждому просящему, что способствовало дальнейшему укоренению данного социального недуга.

Таким образом, в рассматриваемый период государство воспринимает массовое нищенство как угрозу общественному порядку. Попрошайничество из богоугодного действия превращается в социальное зло, приобретает признаки общественной опасности, становится криминализованным. Принимаются первые законодательные акты, направленные на борьбу с нищенством и организацию государственного призрения. Однако до конца XVII в. в отечественном законодательстве отсутствовали нормы, устанавливающие запрет на занятие попрошайничеством, и, соответственно, не было мер юридической ответственности.

Третий этап (конец XVII в. – середина XIX в.) характеризуется применением репрессивных мер в отношении попрошаек и формированием институтов государственного призрения. Среди основных причин установления законодательных запретов были: рост преступности; обеспечение безопасности аристократии и купечества; увеличение количества беглых крепостных крестьян, солдат и матросов; государственное вмешательство в частную жизнь.

Привнося в российское общество европейские ценности, Петр I одновременно предпринимает попытку изменить отношение соотечественников к попрошайкам. Основная цель – вывести попрошайничество из категории сострадания и религиозности, заменив такими соотношениями, как общественная безопасность – общественный порядок и правонарушение – преступление. Государь борется с недифференцированным милосердием и благотворительностью, желает искоренить сформировавшуюся традицию чуткого отношения общества к нищим и убогим, пытается создать организованное призрение.

Курс на борьбу с попрошайничеством положил Указ от 30 ноября 1691 г. № 1424 «О забираии нищих, притворяющихся увечными, о пересылке оных на прежние жительства, и о наказании их, когда пойманы будут в нищенстве во второй раз» [9, с. 119]. В соответствии с данным указом были предприняты следующие меры: 1) вводился запрет на подачу милостыни и учреждались благотворительные общества; 2) разрешалось расспрашивать нищих, подозреваемых в «притворном лукавстве», относительно их постоянного места проживания; 3) изблеченные в лженищенстве посадские люди в принудительном порядке отправлялись обратно

в свои города, а беглые крестьяне – к их владельцам; 4) в случае повторного задержания за лженишество предусматривались избивание кнутом и ссылка в Сибирь.

Следует отметить, что, предусматривая достаточно жесткие меры в отношении попрошаек, данный указ действовал только на территории Москвы и не уточнял, на какой государственный орган возлагаются обязанности по отлову лженишних, поэтому его результативность была несущественна.

В соответствии с Указом от 14 марта 1694 г. № 1489 к нищим относятся беспоместные монахи, монахини, попы и дьяконы. Действие указа распространялось только на территорию Москвы, розыском нищих занимался Стрелецкий приказ, а высылка из города поручалась Патриаршему приказу [9, с. 176].

В декабре 1705 г. глава Монастырского приказа И. А. Мусин-Пушкин издал распоряжение, согласно которому «нищих, которые являются на Москве, и ходят по рядам и по улицам, и сидят по перекресткам, просят милостыню пришлые из городов и из богаделен, ловить и деньги, сколько у них сыщется, брать поимщиком себе, а их приводить в Монастырский приказ, и чинить им наказание, и всякого чина людям заказывать, чтоб тем бродящим нищим милостыни никто не давал, а кто хочет милостыню подавать, пусть дает в богадельни; а кто не послушается и будет подавать милостыню бродящим нищим, таких хватать, приводить в Монастырский приказ и брать с них пеню по указу; из этих пенных денег половина идет в Монастырский приказ, а другая – тому подьячему, который станет таких людей приводить в приказ, и для того послать из Монастырского приказа подьячих с солдатами и приставами по улицам» [10, с. 78].

В начале XVIII в. Петр I издал серию указов (от 21 января 1712 г. № 2470 [11, с. 782], от 25 февраля 1718 г. № 3172 [12, с. 782], от 25 мая 1718 г. № 3203 [12, с. 569], от 20 июня 1718 г. № 3213 [12, с. 578]), направленных на усиление борьбы с попрошайничеством в Москве и Санкт-Петербурге. Устанавливался запрет на занятие попрошайничеством, попрошаек, арестованных впервые, били батогами, а в случае повторного нарушения их направляли на каторжные работы (позднее попрошаек без разбора объявляли государственными крепостными и направляли на полотняные заводы, обеспечивающие нужды военного флота). Подаяние подлежало конфискации и делилось между государством и поимщиком, для престарелых и инвалидов создавались богадельни и госпитали. Функции по розыску и задержанию попрошаек были переданы поимщикам, которых назначали из Монастырского приказа и Московского гарнизона (Указом от 25 мая 1718 г. данные функции были переданы генерал-полицмейстеру Санкт-Петербурга). Впервые устанавливалось наказание в виде штрафа в размере 5 рублей для лиц, дающих милостыню (за повторное нарушение предусматривался штраф в размере 10 рублей).

Петр I пренебрежительно относился к попрошайкам, что продемонстрировано в Регламенте или Уставе Духовной Коллегии от 25 января 1721 г., где сказано: «...многим бездельникам, в совершенном здравии, из-за лени своей пускаются на прошение подаяния и не стыдятся этого»; «...нахальством и лукавым смирением чуждые труды поядают»; «...хватать бы таковых всюды и к делам общим приставлять» [13, с. 314].

Таким образом, Петр I положил начало государственному призрению нищих и издал около 20 указов, направленных на борьбу с попрошайничеством, основной целью которых был запрет занятия попрошайничеством и личной благотворительности, а также искоренение из общественного сознания сочувственного отношения к нищим. Однако репрессивные меры не дали желаемых результатов, и уровень рецидива попрошайничества неизменно был высоким. Определенный эффект имели штрафы, которые были введены для владельцев беглых крестьян. Также положительной оценкой заслуживает практика привлечения арестованных к обязательным государственным работам. Деятельность Монастырского приказа по надзору за нищими была провалена, поэтому указанные полномочия были переданы в ведение полицмейстерских контор. В то же время основная проблема сохранялась, и заключалась она в мировоззрении населения, которое снисходительно относилось к попрошайничеству.

Последующие правители продолжили бороться с попрошайничеством преимущественно репрессивными мерами, которые по-прежнему были малоэффективными. В подтверждение этого был Указ Анны Иоанновны от 28 августа 1736 г. № 7041 «О прекращении нищенства», в котором констатировалось, что «прежние опубликованные о нищих и прочих пришлых бродящих людях, Наши указы, без всякого действия оставлены, и ныне, как при Санкт-Петербурге, так и в других во всех городах нищих весьма умножилось и от часу умножается, видя то, что им никакого запрещения нет» [14, с. 907]. Следует отметить, что с 1729 по 1762 г. разные правители издали девятнадцать указов, направленных на борьбу с попрошайничеством и предусматривающих довольно суровые меры (трудоспособных лиц наказывали каторжными работами сроком на 5 лет), однако в указанный период количество попрошаек только прирастало.

Екатерина II также пыталась минимизировать уровень социального недуга, но в отличие от своих предшественников предпочитала решать указанную проблему более гуманными методами и без полицейского вмешательства, в частности при помощи трудоустройства попрошаек. Так, в соответствии с Указом Сената от 26 октября 1771 г. № 13688 трудоспособные лица выполняли общественные работы за ежедневное вознаграждение (мужчины получали 15 копеек, а женщины – 10 копеек) [15, с. 356].

Указом от 12 августа 1775 г. № 14358 создаются специальные работные дома для «молодых ле-

нивцев, приобывших лучше праздно шататься, прося бесстыдно милостыню», которых использовали «для пиления дикого камня на казенные и партикулярные строения за подлежащую плату». Работные дома, являясь по сути карательно-исправительными учреждениями, первоначально появились в Москве, позднее в Красноярске и Иркутске. Работные дома функционировали до 1853 г. и за это время характер их деятельности поменялся с карательного воздействия на нищих на их социальное обеспечение. Также для нетрудоспособных попрошаек учреждается Екатерининская больница и богадельня. Впервые в отечественном законодательстве устанавливался дифференцированный подход в применении мер воздействия с учетом мотива занятия попрошайничеством [16, с. 199].

Указ от 7 ноября 1775 г. № 14392 предусматривал одно из наиболее плодотворных нововведений Екатерины II – учреждение Приказов общественного призрения [16, с. 229]. Последняя редакция данного указа принадлежала самой Екатерине II. В письме к Вольтеру она писала: «Это плод пяти-месячной работы, исполненный мною одной» [17, с. 70]. Приказная система управляла народными школами, медицинскими учреждениями, богадельнями и работными домами.

Приказы общественного призрения стали первыми в истории Российского государства органами, имеющими социальные функции (к концу XVIII в. они были открыты в сорока губерниях). По мере того как в губерниях учреждались Приказы, стали проявляться их структурные и организационные проблемы: непостоянная деятельность, мелочная опека и формализм в работе и др. В отдельных губерниях их деятельность была весьма эффективной и полностью удовлетворяла потребности населения. Приказы общественного призрения просуществовали более 80 лет и были ликвидированы в 60–70-х гг. XIX в.

Все последующие меры, принимаемые Екатериной II, были направлены на развитие государственного призрения и преследовали две основные задачи: предоставление работы трудоспособным лицам и социальное обеспечение больных и престарелых. Следует отметить, что государство оказывало помощь лишь действительно нуждающимся в этом, а в отношении лженищих применялись принудительные работы. В период правления Екатерины II надзор за попрошаиками возлагался на местные власти, а открытие Приказов общественного призрения поручалось общей полиции. Также отличительной чертой принимаемых мер являлось то, что их действие распространялось на всю территорию Российского государства.

В XIX в. предупреждение попрошайничества было возложено на полицию и в основном сводилось к задержанию и аресту. Лицо, впервые задержанное за попрошайничество и имевшее паспорт, освобождали под расписку об ответственности в случае повторного задержания. Если у попрошаики не было паспорта, а также в случае повторного задержания его выслали на постоянное место

жительства или привлекали к принудительным работам. Однако полицейские относились к борьбе с попрошайничеством формально и считали, что в их службе есть дела более важные.

В период правления Николая I Комитет Министров утвердил Положение от 6 июля 1837 г. № 10425 «Об искоренении нищенства в здешней столице» [18, с. 620], ставшее значимым шагом в борьбе с профессиональным попрошайничеством. В соответствии с указанным документом 2 ноября 1837 г. в Санкт-Петербурге учрежден Комитет для разбора и призрения нищих, который находился в подчинении Общества Попечительного о тюрьмах, а его члены назначались министром внутренних дел.

На тот период создание комитета стало наиболее эффективной формой организации работы с нищими. Его основной задачей являлся разбор попрошаек, которых задерживали полицейские или инспекторы комитета. Осуществлялся учет численности попрошаек, которых подразделяли на мошенников (их передавали полиции, как и тех, кто находился в розыске) и действительно нуждающихся в поддержке лиц. Впервые задержанных престарелых и больных отправляли в больницы и богадельни, трудоспособным предоставляли работу, а детей передавали в училища. Лиц, задержанных в состоянии опьянения, по решению земского суда отсылали в работные дома сроком на один месяц или назначали им общественные работы. На задержанного оформлялся разборный лист, где указывались его персональные данные, вероисповедание, профессиональные навыки, а самое главное – причины, которые побудили к занятию попрошайничеством.

В 1838 г. Комитет для разбора и призрения нищих был открыт в Москве. Позднее деятельность комитетов в большей степени приобрела благотворительное назначение: задержанных лиц отмывали в бане, осуществляли медицинский осмотр и предоставляли одежду. Принципиально новым в деятельности комитетов являлось привлечение общественности, которая оказывала поддержку истинным нищим в виде добровольных пожертвований.

Несмотря на прогрессивность организации комитетов, их деятельность в борьбе с профессиональным попрошайничеством оказалась малоэффективной. Дело в том, что благотворительных финансовых средств было недостаточно, и зачастую комитеты состояли на самообеспечении. К тому же в николаевскую эпоху имелись и объективные причины распространения попрошайничества, к которым относились эпидемия холеры в 1830–1831 гг. и массовые неурожаи. Представляется, что в случае отсутствия вышеуказанных обстоятельств деятельность комитетов могла быть более результативной.

Подводя итог анализируемому периоду, следует отметить, что с Петра I законодательные акты, направленные на борьбу с попрошайничеством, существенно усилили предупредительные меры как в отношении попрошаек, так и подающих милостыню.

Государство использовало разнообразные способы воздействия – от законодательного запрета занятия попрошайничеством до применения репрессивных мер. Последующие правители продолжили политику ужесточения борьбы с попрошайничеством. Однако с учетом сложившейся русской традиции законодательные решения в большинстве случаев либо полностью не исполнялись, либо осуществлялись с бюрократическими задержками. В конце XVIII в. репрессивные меры борьбы с попрошайничеством сменились на гуманные, которые преимущественно характеризовались социальной поддержкой нищих. Гуманный подход, привитый Екатериной II, распространился на законодательные акты последующих правителей.

В рассматриваемый период были изданы разнообразные законодательные акты, направленные на борьбу с попрошайничеством. С одной стороны, это свидетельствовало о постоянном внимании государства к социальному недугу и стремлении его минимизировать, с другой – подтверждало отсутствие единой выстроенной системы государственного и общественного призрения нищих.

Четвертый этап (середина XIX в. – конец XX в.) – криминализация занятия попрошайничеством.

В Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. попрошайничество впервые причисляется к преступным деяниям, при этом выделяются простое попрошайничество и его квалифицированные виды. В соответствии со ст. 1219 прошение милостыни не в связи с бедностью или несчастьем, а «по лени, привычке к праздности или даже в виде ремесла» наказывалось арестом или работами при полиции сроком от семи дней до трех недель. За повторное прошение милостыни без необходимости или совершенное «с вхождением в чей-либо дом без дозволения хозяина» назначалось наказание в виде ареста от трех недель до трех месяцев (ст. 1220). «Нищие, которые просят милостыни с дерзостью или грубостями, или же в случае отказа дозволяют себе бранные слова или проклятия, а равно и те, у коих будут найдены поддельные раны или увечья, и те, которые для возбуждения сострадания носят или водят за собой чужих детей», наказывались тюремным заключением сроком от трех до шести месяцев (ст. 1221).

В соответствии со ст. 1222 арестом от трех до семи дней наказывались «родители или опекуны, допускающие своих или вверенных им детей к прошению милостыни, если не докажут, что были вынуждены к сему особенною и крайнею необходимостью». «Если у просящего милостыни найдено будет оружие или поддельные ключи, отмычки и другие тому подобные орудия», то назначалось наказание в виде ссылки в одну из отдаленных губерний, кроме сибирских, с заключением от трех до шести месяцев или отправки в рабочий дом от шести месяцев до одного года (ст. 1223). Помимо этого, в ст. 1224 устанавливалась ответственность для обществ или помещиков, которые дважды отпускали для прошения милостыни престарелых и нетрудоспособных крестьян в целях прокормления.

За совершение указанного преступления назначался штраф в размере 5 рублей с каждого человека [19, с. 504–506].

Таким образом, вышеуказанные нормы были направлены исключительно на борьбу с профессиональным попрошайничеством, совершаемое в связи с бедственным положением, не считалось уголовно наказуемым. Репрессивный подход в борьбе с профессиональным попрошайничеством был характерен и для уголовного законодательства стран Западной Европы. Однако в европейских странах функционировала разветвленная система общественных и государственных благотворительных организаций, которые были ориентированы на поддержку тех, кто в ней поистине нуждался. К сожалению, Российское государство не могло похвастаться подобным. Сеть благотворительных организаций была разрозненной и держалась только на энтузиазме филантропов. Кроме того, законопроект об использовании принудительного труда так и не был принят, отсутствовали исправительные учреждения, государство не оказывало поддержки земской благотворительности, а в массовом сознании по-прежнему отсутствовало порицание попрошаек. Совокупность указанных обстоятельств не позволяла получить желаемый результат в борьбе с попрошайничеством. В итоге доля осужденных за занятие попрошайничеством относительно общего числа выявленных лиц была крайне низкой и составляла 0,3 % [20, с. 20].

Д. В. Зинченко справедливо утверждает, что «проблема улучшения государственной благотворительности могла быть решена путем создания Государственного фонда помощи бедным и усиления роли земств в системе государственной благотворительности, но Николай II отклонил данные предложения, опасаясь усиления роли земств» [21, с. 19].

С приходом к власти большевиков происходили существенные преобразования в целях ускоренного строительства социализма всеми доступными средствами. Законодательство требовало неукоснительного соблюдения гражданами их обязанностей перед государством и обществом, стремилось укрепить трудовую дисциплину. Так, в Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа отмечалось, что «в целях уничтожения паразитических слоев общества и организации хозяйства вводится всеобщая трудовая повинность» [22, с. 322].

Любая благотворительность отвергалась советской властью и считалась элементом буржуазного общества. К началу 1920-х годов в России насчитывалось более 2 млн бездомных и 4,5 млн беспризорников, которые в целях пропитания были вынуждены заниматься попрошайничеством. Подобное положение дел вредило репутации советской власти, и принимается решение о возвращении к репрессивным мерам. Поэтому попрошайничество признавалось формой социального паразитизма, за уклонение от занятия обществен-

но полезным трудом предусматривалась уголовная ответственность.

В соответствии с Декретом СНК РСФСР от 29 января 1920 г. «О порядке всеобщей трудовой повинности» учреждены комитеты по всеобщей трудовой повинности, которые должны были осуществлять «повсеместное и постоянное привлечение к общественно полезному труду лиц, таковым не занимающихся». Комитеты по всеобщей трудовой повинности имели «право немедленно принимать в отношении виновных необходимые меры пресечения, а в случаях менее важных нарушений трудовой дисциплины подвергать виновных наказанию в административном порядке, вплоть до передачи в штрафные трудовые части и ареста на срок до одной недели по постановлению Уездных Комитетов и двух недель по постановлению Губернских» [23].

Именно в этот период на смену общеупотребительному понятию нищенства приходит понятие попрошайничества, которое представляло собой форму социального паразитизма, проявляющегося в уклонении гражданина от занятия общественно полезным трудом. Для советской власти общественная опасность попрошайничества заключалась в том, что гражданин потребляет материальные ценности, но не принимает участия в их производстве.

В 30-е гг. XX в. лиц, которые не были заняты общественно полезным трудом, тройки НКВД без суда и следствия подвергали наказанию в виде лишения свободы. Уголовное наказание лицам, признанным «социально опасным элементом», определяли, исходя из доклада сотрудника милиции.

После Великой Победы 1945 г. домой вернулись около 10 млн человек с разными формами инвалидности. Для инвалидов I и II группы рядового, сержантского и старшинского состава предоставлялась пенсия в размере 300 руб., что равнялось половине оклада неквалифицированного рабочего. Государство считало, что основная забота об инвалидах должна лечь на плечи их родственников, поэтому инвалиды, имевшие родственников, не состояли на социальном обеспечении. В стране отсутствовал систематизированный учет нищих. Указанные обстоятельства в совокупности с алкоголизмом привели к пополнению числа лиц, занимающихся попрошайничеством.

В 1951 г. государство решает радикальным образом изменить ситуацию и поручает инвалидов войны, занимавшихся попрошайничеством, в добровольно-принудительном порядке помещать в интернаты закрытого типа. Согласно Постановлению Совета министров СССР от 19 июля 1951 г. № 2590-1264-с «О борьбе с нищенством и антиобщественными паразитическими элементами», на милицию возлагается ведение учета задержанных попрошаек. В 1951 г. за попрошайничество было задержано 107766 человек, свыше 70 % из которых являлись инвалидами войны [24].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 г. «О мерах борьбы с анти-

общественными паразитическими элементами» [25, с. 67] впервые устанавливалась административная ответственность за занятие попрошайничеством. В качестве наказания предусматривалась ссылка в отдаленные регионы страны с обязательным привлечением к общественно полезному труду. Именно после издания данного Указа в народе появился неофициальный термин «за сто первый километр».

Позднее занятие попрошайничеством в глазах государства приобрело признаки общественной опасности. Поэтому в УК РСФСР 1960 г. была введена уголовная ответственность за систематическое занятие попрошайничеством, продолжаемое после предупреждения, сделанного административными органами (ст. 209). В качестве наказания предусматривались лишение свободы на срок до двух лет или исправительные работы на срок от шести месяцев до одного года. Противодействие попрошайничеству посредством уголовно-правового запрета осуществлялось до принятия Закона РФ от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации». 5 декабря 1991 г. уголовная и административная ответственность за занятие попрошайничеством были отменены.

Таким образом, исторический анализ позволяет сделать вывод, что отношение государства к занятию попрошайничеством сменилось с повсеместного почитания на восприятие его как общественно опасного деяния. Осознав, что попрошайничество является социальным недугом, который способствует криминализации общества, государство применяло различные меры: от запрета попрошайничества в определенных местах, принудительного трудоустройства попрошаек до уголовного наказания в виде лишения свободы. На каждом историческом этапе борьба с попрошайничеством была осложнена объективными факторами – это войны, неурожай, эпидемии, смена государственной власти и др.

Историческим периодом, в котором было достигнуто равновесие между репрессивными и социальными мерами, следует считать конец XIX в. Именно в этот временной отрезок борьба с попрошайничеством приобрела системный характер и осуществлялась в двух основных направлениях: 1) уголовно-правовом противодействии профессиональному попрошайничеству; 2) социальном обеспечении лиц, действительно нуждающихся в помощи. Представляется, что подобный баланс предпринимаемых мер позволит добиться положительных результатов в противодействии современному попрошайничеству.

Библиографический список

1. Незабывтая старина: Древнерусские повести / сост. Т. Г. Тетенькина. Калининград: Янтар. сказ, 1996. 80 с.
2. Сборник старообрядческий № 59. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/fond-212/59> (дата обращения: 16.01.2019).

3. Галай Ю. Г., Черных К. В. Нищенство и бродяжничество в дореволюционной России: законодательные и практические проблемы: монография. Н. Новгород: Нижегородская правовая академия, 2012. 152 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/2981382/1ef3b3>.

4. Прыжов И. Г. История нищенства, кабачества и кликушества на Руси. М.: Изд. центр «Терра»: Кн. лавка-РТР, 1997. 233 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/3198437/278d7e>.

5. Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов Великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб.: Тип. Карла Вульфа, 1860. 218 с. URL: http://dugward.ru/library/kostomarov/kostomarov_ocherk_domashney_jizni.html.

6. Скрынников Р. Г. Михаил Романов. М.: Ермак, 2005. 334 с. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=236245&p=1>.

7. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1985. 520 с. URL: <http://en.bookfi.net/book/1345718>.

8. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. 800 с. URL: <http://dugward.ru/library/gosipravo/vladimirskiy-budanov.html>.

9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 3: 1689–1699 гг. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. 693 с. URL: <https://runivers.ru/bookreader/book9811/#page/1/mode/1up>.

10. Соловьев С. М. Сочинения: в 18 кн. Кн. 8. История России с древнейших времен. Т. 15–16 / отв. ред.: И. Д. Ковальченко, С. С. Дмитриев. М.: Мысль, 1993. 639 с. URL: <http://militera.lib.ru/common/solovyev1/index.html>.

11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 4: 1700–1712 гг. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. 890 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3130/9812>.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 5: 1713–1719 гг. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. 782 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3130/9813>.

13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 6: 1720–1722 гг. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. 817 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3130/9814>.

14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 9: 1733–1736 гг. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. 1016 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3130/9817>.

15. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 19: 1770–1774 гг. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. 1083 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3130/9827>.

16. Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. Т. 20: 1775–1780 гг. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1830. 1041 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3130/9828>.

17. Цимбаев Н. И. История России XIX – начала XX вв. / под ред. Л. В. Милова. М.: Слово, 2010. 218 с. URL: <https://www.e-reading.life/book.php?book=1004900>.

18. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 12: 1837 г. Отделение 1: 1837 г. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1838. 823 с. URL: <https://runivers.ru/lib/book3136/9881>.

19. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния

Собств. Е. И. В. Канцелярии, 1845. 898 с. URL: <http://xn--e1aaejmeposqx.xn--p1ai/node/13654>.

20. Черных К. В. Государственно-правовые меры по предупреждению и пресечению нищенства и бродяжничества в Российском государстве: X – начало XX столетия: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2008. 26 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvenno-pravovye-meru-po-preduprezhdeniyu-i-presecheniyu-nishchenstva-i-brodyazhniche/read>.

21. Зинченко Д. В. Государственная политика по борьбе с профессиональным нищенством в России: 1837–1903 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2010. 22 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-politika-po-borbe-s-professionalnym-nishchenstvom-v-rossii/read>.

22. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа от 3 (16) января 1918 г. // Декреты Советской власти. Т. 1. М., 1957. 626 с. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/declarat.htm>.

23. Декрет СНК РСФСР от 29 января 1920 г. «О порядке всеобщей трудовой повинности» // Собрание узаконений РСФСР. 1920. № 8. Ст. 49.

24. «Самовары» Сталина. Как советские города «чистили» от героев-инвалидов. URL: https://life.ru/t/geroi/1113810/samovary_stalina_kak_sovietskiie_ghoroda_chistili_ot_ghierioiev-invalidov (дата обращения: 10.02.2019).

25. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 23 июля 1951 г. «О мерах борьбы с антиобщественными паразитическими элементами» // Сборник основных нормативных актов органов государственной власти и управления об уголовной ответственности за преступления и освобождения от наказания. М., 1968. 172 с.

References

1. *Nezabytaya starina: Drevnerusskie povesti. Sost. T. G. Teten'kina* [Remembered the old days: Old Russian novels. Compiler T. G. Teterkina]. Kaliningrad: Yantar. skaz, 1996, 80 p. [in Russian].

2. *Sbornik staroobryadcheskii № 59* [Collection of the Old Believers № 59]. Available at: <http://old.stsl.ru/manuscripts/fond-212/59> (accessed 16.01.2019) [in Russian].

3. Galai Y. G., Chernykh K. V. *Nishchenstvo i brodyazhnichestvo v dorevol'yutsionnoi Rossii: zakonodatel'nye i prakticheskie problemy: monografiya* [Begging and vagrancy in pre-revolutionary Russia: legislative and practical problems: monograph]. N. Novgorod: Nizhegorodskaya pravovaya akademiya, 2012, 152 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/2981382/1ef3b3> [in Russian].

4. Pryzhov I. G. *Istoriya nishchenstva, kabachestva i klikushestva na Rusi* [History of begging, taverns proliferation and hysterics in Russia]. M.: Izd. tsentr «Terra»: Kn. lavka-RTTR, 1997, 233 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/3198437/278d7e> [in Russian].

5. Kostomarov N. I. *Ocherk domashnei zhizni i npravov Velikorusskogo naroda v XVI i XVII stoletiyakh* [Essay of home life and customs of the great Russian people in the XVI and XVII centuries]. SPb.: Tip. Karla Vul'fa, 1860, 218 p. Available at: http://dugward.ru/library/kostomarov/kostomarov_ocherk_domashney_jizni.html [in Russian].

6. Skrynnikov R. G. *Mikhail Romanov* [Mikhail Romanov]. M.: Ermak, 2005, 334 p. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=236245&p=1> [in Russian].

7. Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: v 9 t. T. 2: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva. Pod obshch. red. O. I. Chistyakova [Russian legislation of the X–XX centuries: in 9 Vols. Vol. 2: Legislation of the period of formation and strengthening of the centralized Russian state. O. I. Chistyakov (Ed.)]. M.: Yurid. lit., 1985, 520 p. Available at: <http://en.bookfi.net/book/1345718> [in Russian].
8. Vladimir-Budanov M. F. *Obzor istorii russkogo prava* [Review of the history of Russian law]. M.: Izdatel'skii dom «Territoriya budushchego», 2005, 800 p. Available at: <http://dugward.ru/library/gosipravo/vladimirskiy-budanov.html> [in Russian].
9. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. 3: 1689-1699 gg.* [Full collection of laws of the Russian Empire. Collection number one. Vol. 3: 1689–1699]. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1830. 693 p. Available at: <https://runivers.ru/bookreader/book9811/#page/1/mode/1up> [in Russian].
10. Solovyov S. M. *Sochineniya: v 18 kn. Kn. 8. Istoriya Rossii s drevneishikh vremen. T. 15–16. Otv. red.: I. D. Kovalchenko, S. S. Dmitriev* [Writings: in 18 books. Book 8. History of Russia since ancient times. Vol. 15–16. I. D. Kovalchenko, S. S. Dmitriev (Eds.)]. M.: Mysl', 1993, 639 p. Available at: <http://militera.lib.ru/common/solovyev1/index.html> [in Russian].
11. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. 4: 1700–1712 gg.* [Full collection of laws of the Russian Empire. Collection number one. Vol. 4: 1700–1712]. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1830, 890 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3130/9812> [in Russian].
12. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. 5: 1713–1719 gg.* [Full collection of laws of the Russian Empire. Collection number one. Vol. 5: 1713–1719]. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1830, 782 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3130/9813/> [in Russian].
13. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. 6: 1720–1722 gg.* [Full collection of laws of the Russian Empire. Collection number one. Vol. 6: 1720–1722]. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1830, 817 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3130/9814/> [in Russian].
14. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. 9: 1733–1736 gg.* [Full collection of laws of the Russian Empire. Collection number one. Vol. 9: 1733–1736]. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1830, 1016 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3130/9817/> [in Russian].
15. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. 19: 1770–1774 gg.* [Full collection of laws of the Russian Empire. Collection number one. Vol. 19: 1770–1774]. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1830, 1083 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3130/9827> [in Russian].
16. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie pervoe. T. 20: 1775–1780 gg.* [Full collection of laws of the Russian Empire. Collection number one. Vol. 20: 1775–1780]. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1830, 1041 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3130/9828/> [in Russian].
17. Tsimbaev N. I. *Istoriya Rossii XIX – nachala XX vv. Pod red. L. V. Milova* [Russian history of the XIX – early XX century. L. V. Milov (Ed.)]. M.: Slovo, 2010, 218 p. Available at: <https://www.e-reading.life/book.php?book=1004900> [in Russian].
18. *Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie vtoroe. T. 12: 1837 g. Otdelenie 1: 1837 g.* [Full collection of laws of the Russian Empire. Collection number two. Vol. 12: 1837. Department 1: 1837]. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1838, 823 p. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3136/9881/> [in Russian].
19. *Ulozhenie o nakazaniyakh ugovolnykh i ispravitel'nykh 1845 g.* [Code on criminal and correctional punishments of 1845]. SPb.: Tip. 2-go Otd-niya Sobstv. E. I. V. Kantselyarii, 1845, 898 p. Available at: <http://xn--elaejmenocxq.xn--plai/node/13654> [in Russian].
20. Chernykh K. V. *Gosudarstvenno-pravovye mery po preduprezhdeniyu i presecheniyu nishchenstva i brodyazhnichestva v Rossiiskom gosudarstve: X – nachalo XX stoletiya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [State-legal measures to prevent and suppress begging and vagrancy in the Russian state: X – beginning of the XX century: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. N. Novgorod, 2008, 26 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvenno-pravovye-mery-po-preduprezhdeniyu-i-presecheniyu-nishchenstva-i-brodyazhniche/read> [in Russian].
21. Zinchenko D. V. *Gosudarstvennaya politika po bor'be s professional'nym nishchenstvom v Rossii: 1837–1903 gg.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [State policy to combat professional poverty in Russia: 1837–1903: author's abstract of Candidate's of Historical Sciences thesis]. SPb., 2010, 22 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/gosudarstvennaya-politika-po-borbe-s-professionalnym-nishchenstvom-v-rossii/read> [in Russian].
22. *Deklaratsiya prav trudyashchegosya i ekspluatiruemogo naroda ot 3 (16) yanvarya 1918 g.* [Declaration of rights of the working and exploited people as of January 3 (16), 1918]. In: *Dekrety Sovetskoi vlasti. T. 1* [Decrees of the Soviet power. Vol. 1]. M., 1957, 626 p. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/declarat.htm> [in Russian].
23. *Dekret SNK RSFSR ot 29 yanvarya 1920 g. «O poryadke vseobshchei trudovoi povinnosti»* [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR dd. January 29, 1920 «On the order of universal labor duty»]. *Sobranie uzakononii RSFSR* [Code of Justice of the RSFSR], 1920, no. 8, Article 49 [in Russian].
24. «Samovary» Stalina. *Kak sovetskie goroda «chistili» ot geroev-invalidov* [«Basket cases» of Stalin. How Soviet cities were «cleaned» from the characters with disabilities]. Available at: <https://life.ru/t/%D0%B3%D0%B5%D1%80%D0%BE%D0%B8/1113810/samovary-stalina-kak-sovietskie-ghoroda-chistili-ot-ghieroev-invalidov> (accessed 16.01.2019) [in Russian].
25. *Ukaz Prezidiuma Verkhovnogo Soveta SSSR ot 23iyulya 1951 g. «Omerakhbor' bysantiobshchestvennymi paraziticheskimi elementami»* [Decree of the Supreme Soviet of the USSR dd. July 23, 1951 «On measures against anti-social parasitic elements»]. In: *Sbornik osnovnykh normativnykh aktov organov gosudarstvennoi vlasti i upravleniya ob ugovolnoi otvetstvennosti za prestupleniya i osvobozhdeniya ot nakazaniya* [Collection of basic normative acts of bodies of state power and administration about criminal liability for crimes and release from punishment]. M., 1968, 172 p. [in Russian]. a minor with a victim in the criminal law of Russia and Germany: Candidate's of Legal Sciences thesis: 12.00.08]. Krasnoyarsk, 2012, 237 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/primirenienie-nesovershennoletnego-s-poterpevshim-v-ugolovnom-prave-rossii-i-germanii> [in Russian].

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-101-107
УДК 343.14Дата поступления статьи: 13/II/2019
Дата принятия статьи: 25/III/2019*В. А. Лазарева, М. С. Демкина*

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПЕДАГОГА (ПСИХОЛОГА) В СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

© Лазарева Валентина Александровна (v.a.lazareva@mail.ru), доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34. Тема докторской диссертации: «Судебная защита в уголовном процессе РФ: проблемы теории и практики». Автор более 200 научных работ, в том числе учебников, монографий и учебных пособий: «Участие прокурора в уголовном процессе. Научно-практическое пособие» (2017), «Доказывание в уголовном процессе» (2016), «Теория и практика судебной защиты в уголовном процессе» (2000), «Судебная власть и ее реализация в уголовном процессе» (1999). Ряд научных трудов написан в соавторстве: «Защита прав личности в уголовном процессе России» (2017), «Уголовное судопроизводство» (2017), «Уголовный процесс» (2017), «Памятники российского права» (2016).

Область научных интересов: проблемы защиты прав и свобод участников уголовного процесса.

© Демкина Мария Сергеевна (mahonya1982@yandex.ru), кандидат юридических наук, специалист по учебно-методической работе, Самарский государственный экономический университет, 443090, Российская Федерация, г. Самара, ул. Советской Армии, 141.

Тема кандидатской диссертации: «Педагог (психолог) как участник уголовного судопроизводства: досудебный этап». Автор 10 научных статей, в том числе «Педагог и психолог в системе участников процесса» (2011), «О дальнейшем реформировании уголовного судопроизводства Российской Федерации в направлении гарантированности прав несовершеннолетних участников» (2017).

Область научных интересов: уголовный процесс, следственные действия, педагогические и психологические знания в уголовном процессе, ювенальная юстиция.

АННОТАЦИЯ

Недостатки правовой регламентации участия педагога (психолога) в следственных действиях хорошо известны. УПК РФ не содержит нормы, определяющей общее процессуальное положение этого участника судопроизводства, ограничиваясь регулированием участия педагога (психолога) в следственных действиях, не разграничивает статус педагога и психолога. Обусловленная этим неоднозначность трактовки положений закона затрудняет соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних субъектов уголовного судопроизводства, порождает разноречивость в практике. В этих условиях определить статус педагога и психолога в уголовном процессе, понять его роль (функцию) в процессуальных действиях и обозначить объем прав, обеспечивающих эффективность этой деятельности, представляется важным.

В статье излагается содержание проведенного авторами исследования теоретических и практических проблем участия педагога и психолога в предварительном расследовании уголовных дел, в ходе которого несовершеннолетние свидетели, потерпевшие, подозреваемые, обвиняемые участвуют в производстве допроса, очной ставки, проверки показаний на месте и других следственных действий, сопровождающихся необходимостью ответа на вопросы следователя или дознавателя. Подвергаясь психологическому воздействию, несовершеннолетние испытывают потребность в защите их интересов со стороны взрослого лица, не имеющего отношения к уголовному процессу, не заинтересованного в его результатах, имеющего опыт работы с детьми и подростками, способного успокоить несовершеннолетнего, объяснить суть следственного действия, помочь установить взаимопонимание со следователем и тем самым значительно снизить риск получения несовершеннолетним психологической травмы. Обосновывается самостоятельный статус педагога, психолога как участника уголовного процесса, формулируются предложения, направленные на совершенствование его процессуального статуса.

Ключевые слова: педагог, психолог, несовершеннолетние участники уголовного процесса, процессуальный статус, специалист, допрос, следственные действия.

Цитирование. Лазарева В. А., Демкина М. С. Проблемы развития правовой регламентации деятельности педагога (психолога) в следственных действиях // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 101–107. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-101-107>.

*V. A. Lazareva, M. S. Demkina***DEVELOPMENT PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF THE TEACHER'S (PSYCHOLOGIST) ACTIVITIES IN INVESTIGATIVE ACTIONS**

© **Lazareva Valentina Aleksandrovna (v.a.lazareva@mail.ru)**, Doctor of Legal Sciences, professor, professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Judicial protection in criminal proceedings of the Russian Federation: problems of theory and practice». Author of more than 200 scientific works, including textbooks and monographs: «Participation of the prosecutor in criminal proceedings. Research and practical guide» (2017), «Proof in criminal proceedings» (2016), «Theory and practice of judicial protection in criminal proceedings» (2000), «Judicial power and its implementation in criminal proceedings» (1999). A number of scientific papers written in collaboration: «Protection of individual rights in the criminal process of Russia» (2017), «Criminal proceedings» (2017), «Criminal procedure» (2017), «Monuments of Russian law» (2016).

Research interests: problems of protection of rights and freedoms of participants in criminal proceedings.

© **Demkina Marya Sergeevna (mahonya1982@yandex.ru)**, Candidate of Legal Sciences, specialist in educational and methodical work, **Samara State University of Economics**, 141, Sovetskoi Armii Street, Samara, 443090, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Teacher (psychologist) as a participant in criminal proceedings: pre-trial stage». Author of 10 scientific articles, including «Teacher and psychologist in the system of participants in the process» (2011), «On further reform of criminal proceedings of the Russian Federation in the direction of guaranteeing the rights of juvenile participants» (2017).

Research interests: criminal proceedings, investigative actions, pedagogical and psychological knowledge in criminal proceedings, juvenile justice.

ABSTRACT

Disadvantages of legal regulation of the teacher's (psychologist) participation in the investigative actions are well known. They consist both in the absence of norms determining the general procedural position of this participant in the proceedings and in contradictory legal structures that regulate the involvement of a teacher (psychologist) to conduct investigations with the participation of minors. The possibility of ambiguous interpretation of legal provisions can have serious consequences both in the form of violation of the rights and legitimate interests of minor subjects of criminal proceedings, as well as in the form of loss of a minor's evidence of admissible evidence. In this regard, it is necessary to determine the status of the teacher and the psychologist in the criminal process, understand his role (function) in the proceedings and designate the scope of rights that ensures the effectiveness of this activity.

The article describes the contents of the study conducted by the authors of the theoretical and practical problems of the teacher and psychologist's participation in the preliminary investigation of criminal cases during which minor witnesses, victims, suspects, defendants are engaged in the interrogation, confrontation, verification of evidence on the spot and other investigative actions accompanied by the need to respond to the questions of the investigator or the interrogator.

Being subjected to psychological pressure, minors face the need in protecting their interests from the adult, unrelated to the criminal proceedings, not interested in its results and having an experience in working with children and adolescents, capable to reassure a minor, explain the essence of the investigative action, help to establish mutual understanding with the investigator and thereby significantly reduce the risk of minor's psychological injury. The concept of a teacher, psychologist is justified as an independent participation in criminal proceedings, formulates proposals aimed at improving its procedural status.

Key words: teacher, psychologist, minor participants in criminal proceedings, procedural status, specialist, investigative actions.

Citation. Lazareva V. A., Demkina M. S. *Problemy razvitiya pravovoi reglamentatsii deyatel'nosti pedagoga (psikhologa) v sledstvennykh deistviyakh* [Development problems of legal regulation of the teacher's (psychologist) activities in investigative actions]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 101–107. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-101-107> [in Russian].

Введение

Развитие уголовно-процессуального законодательства происходит в русле гуманизации и акцентирования внимания на защите прав участников уголовного судопроизводства, в том числе особен-

но несовершеннолетних. Все большее распространение получают идеи ювенальной юстиции [1; 2], предполагающей бережное отношение и индивидуальный подход к несовершеннолетнему правонарушителю с целью нивелирования психотравмиру-

ющего воздействия на него жесткой процессуальной формы. Этим обусловлено расширение сферы применения педагогических и психологических знаний при производстве по уголовному делу. Наряду с назначением экспертизы и допросом эксперта как традиционными формами использования специальных, в том числе психологических, знаний [3–5], все большее распространение получают заключения и показания психолога в качестве специалиста [6]. Если ранее закон предусматривал участие педагога (психолога) только в допросе [7; 8], то сегодня его участие стало возможным также в ходе очной ставки, опознания и проверки показаний на месте, как давно предлагалось в научной литературе [9, с. 80; 10, с. 150].

Сказанное позволяет рассматривать участие педагога и психолога в следственных действиях как развивающуюся форму использования педагогических и психологических знаний в уголовном процессе.

Между тем многие вопросы участия в уголовном процессе педагога и психолога как носителей специальных знаний имеют дискуссионный характер. Дело в том, что процессуальный статус педагога и психолога не имеет четкого обозначения в законе, теоретические же представления о роли педагога (психолога) в уголовном процессе различаются. Вследствие этого практика привлечения педагога и психолога к участию в следственных действиях несовершенна и неэффективна. Сказанное обуславливает актуальность исследования, основная цель которого состоит в обосновании научной концепции, представляющей педагога (психолога), участвующего в следственном действии, самостоятельным участником уголовного процесса.

Исследовательская часть

Одна из основных проблем заключается в неясности процессуального статуса педагога (психолога), участвующего в следственном действии. Достаточно указать на то, что в УПК РФ нет статьи, посвященной этому участнику уголовного процесса, о его участии в следственных действиях, главным образом в допросе, упоминается лишь в нормах, регулирующих порядок их производства. Фактически это только статьи 191 («Особенности производства допроса, очной ставки, опознания, проверки показаний на месте с участием несовершеннолетнего»), которая касается исключительно свидетелей и потерпевших; 280 («Особенности допроса несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля»), которая включена в главу, регулиующую порядок судебного следствия; и 425 («Допрос несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого»), которая распространяется и на допрос подсудимого.

Вследствие этого в теории и на практике происходит вынужденное отождествление педагога (психолога), участвующего в следственном действии, со специалистом, процессуальный статус которого регламентирован статьей 58 УПК РФ [11, с. 16; 12, с. 29; 13, с. 12–14]. Способствуют такому отождествлению, как представляется, также многозначность понятия «специалист» и многообразие форм использования специальных знаний в

уголовном процессе. Трудно и бессмысленно отрицать, что педагог и психолог являются носителями специальных знаний, то есть специалистами в широком, неюридическом значении этого слова, однако сравнительный анализ задач специалиста и педагога (психолога) в уголовном процессе, сущности их деятельности и используемых ими приемов и средств позволяет сделать вывод о неотждественности процессуальных функций этих участников следственных действий.

Косвенным образом об этом свидетельствует и тот факт, что участие специалиста в производстве следственных действий регулируется отдельно, например, в ч. 5 ст. 164 и ст. 168 УПК РФ есть указание на разъяснение специалисту его прав, разъяснение обязанностей, предупреждение об уголовной ответственности. Никакого упоминания о связи этих правил с педагогом (психологом) или допросом эти нормы, как и ст. 58, не содержат, хотя в ряде норм, регулирующих порядок производства отдельных следственных действий (ч. 2 ст. 164.1; ч. 7 ст. 186), участие специалиста оговорено специально.

В отличие от специалиста, привлекаемого к производству следственного действия в целях получения от него помощи в применении технических средств для выявления, изъятия и закрепления следов преступления (ч. 1 ст. 58 УПК), педагог (психолог) при производстве следственных действий необходим для того, чтобы создать такие условия его производства, которые, хотя и способствуют достижению следователем соответствующего познавательного результата, имеющего доказательственное значение, но в первую очередь обеспечивают защиту интересов несовершеннолетнего.

Основываясь на анализе норм УПК РФ, предусматривающих участие педагога (психолога) в следственных действиях, и на характеристике его специальных знаний, можно утверждать, что смысл деятельности педагога (психолога) состоит в предотвращении или уменьшении психотравмирующего воздействия процедуры следственного действия на несовершеннолетнего путем создания спокойной доброжелательной обстановки, обеспечивающей эффективное взаимодействие следователя и несовершеннолетнего; пресечения и коррекции применяемых следователем тактических приемов, угрожающих психическому здоровью ребенка или подростка. Мы обозначили бы эту функцию педагога (психолога) как психологическое сопровождение несовершеннолетнего. Выполнение этой функции незаинтересованным в результатах уголовного процесса лицом можно рассматривать как важную дополнительную гарантию прав несовершеннолетних участников уголовного процесса.

Наличие у педагога (психолога), привлекаемого к производству следственных действий, собственной процессуальной функции, отнюдь не тождественной функции специалиста, которую можно считать техническим сопровождением, позволяет считать его самостоятельным субъектом уголовно-процессуальной деятельности. Являясь представителями разных отраслей науки, педагог и психолог, в сущности, играют в уголовном процессе общую роль, поэтому можно считать, что в

соответствующих нормам уголовно-процессуального права речь идет не о двух участниках, а об одном. Выбор одного из них в конкретной жизненной ситуации зависит от возраста и развития несовершеннолетнего участника процесса, его процессуального статуса, индивидуальных особенностей и пр. При наличии некоторых обстоятельств этот выбор предопределен законом, в других – зависит от усмотрения следователя, желания самого несовершеннолетнего и его законных представителей. Таким образом, мы не разделяем педагога и психолога как участников уголовного процесса и исходим из того, что обладающие различными специальными знаниями педагог и психолог имеют единый процессуальный статус лица, обеспечивающего несовершеннолетнему комфортные условия общения с органами следствия и судом.

Признание педагога (психолога) самостоятельным участником уголовного процесса требует более четкого, чем сегодня, правового регулирования, устранения противоречий в нормах права, расширения объема прав, необходимых для эффективного выполнения его функции.

В первую очередь обращает на себя внимание наличие ничем не обусловленных расхождений в правовом регулировании оснований участия педагога (психолога) в следственных и судебных действиях. Так, статья 191 УПК РФ в числе следственных действий, к производству которых должен привлекаться педагог или психолог, называет допрос, очную ставку, предъявление для опознания и проверку показаний на месте. Однако применительно к судебному разбирательству УПК РФ (ст. 280) говорит об участии педагога только в допросе, хотя в ходе судебного следствия могут быть произведены и другие действия следственного характера, направленные на получение от несовершеннолетнего вербальной информации, например предъявление на опознание (ст. 289 УПК), не говоря уж об очной ставке.

Согласно ст. 191 УПК участие педагога или психолога в следственном действии, проводимом в отношении несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, не достигшего 16-летнего возраста, обязательно, однако в ст. 280 УПК РФ возраст несовершеннолетнего, которого нельзя допросить в отсутствие педагога, снижен до 14 лет. Кроме того, ст. 280 УПК не упоминает психолога как участника судебного разбирательства и применительно к делам о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних, хотя в статье 191 УПК говорится об обязательном привлечении по этой категории дел именно психолога. Педагог, а не психолог, судя по ст. 280, должен быть привлечен судом к допросу несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, даже если он имеет психические недостатки.

Круг следственных действий, требующих привлечения педагога или психолога, в ст. 425 УПК РФ также ограничен только допросом несовершеннолетнего обвиняемого, который, таким образом, ставится в худшее положение, чем свидетель и потерпевший того же возраста, при участии в очной ставке, опознании, проверке показаний на

месте. При этом, однако, требование об обязательном участии педагога или психолога в допросе обвиняемого, не достигшего 16 лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическими недостатками или отстающего в психическом развитии, предусмотренное ст. 425 УПК РФ, в силу отсутствия иных указаний распространяется и на судебное разбирательство. Наконец, ст. 280 говорит только о психических недостатках свидетеля и потерпевшего, а ст. 425 – также и об отставании подозреваемого, обвиняемого в психическом развитии. Читая буквально, получаем: для допроса в суде 14-летнего потерпевшего или свидетеля, не имеющего психических недостатков, но отстающего в развитии, не только психолог, но и педагог, в отличие от допроса такого же по возрасту и психическому развитию обвиняемого, не требуется, хотя на предварительном расследовании в допросе такого потерпевшего, свидетеля в обязательном порядке должен участвовать психолог. Если отставание в психическом развитии охватывается, по мысли законодателя, понятием «психические недостатки», почему тогда в ст. 191 и 425 эти особенности личности указываются перечислением?

Расхождениям в регулировании однотипных отношений трудно найти разумное оправдание. Частично объяснения этим противоречиям, как представляется, следует искать в истории уголовного процесса – УПК РСФСР говорил о возможности участия только педагога и только в допросе несовершеннолетнего; об участии педагога в производстве других следственных действий, а тем более об участии психолога, хотя бы и в допросе, в законе не упоминалось.

Снижение до 14 лет возраста, с достижением которого участие педагога (психолога) в судебном допросе свидетеля и потерпевшего становится обязательным, как и другие дефекты правового регулирования, скорее всего, объясняется исключительно недостатками юридической техники. Хотя обстановка судебного разбирательства отличается, в том числе и психологической характеристикой, от атмосферы следственного действия, ее вряд ли можно считать более комфортной. Поэтому ст. 280 УПК РФ следует привести в соответствие с правилами, установленными ст. 191, ибо она предусматривает более комфортные условия для участия несовершеннолетних в официальных процессуальных действиях. Во-первых, необходимо установить обязательность участия педагога или психолога при допросе в суде несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего, не достигшего шестнадцатилетнего возраста. Во-вторых, ст. 280 УПК РФ необходимо дополнить положением об обязательности участия психолога в допросе несовершеннолетнего свидетеля и потерпевшего при рассмотрении дел о преступлениях против половой неприкосновенности, а также лица, имеющего психические недостатки или отставание в развитии. Правила допроса несовершеннолетних необходимо распространить на другие проводимые с их участием следственные действия, которые возможны в судебном заседании. То же касается текста ст. 425 УПК РФ.

При решении вопроса об участии педагога или психолога в следственном действии, проводимом в отношении лица в возрасте от 16 до 18 лет, который закон оставляет на усмотрение следователя, суда необходимо учитывать уровень психического развития допрашиваемого, наличие психического расстройства и другие особенности личности. При этом наличие психического расстройства и отставания в психическом развитии делают участие в следственном действии психолога обязательным. Это значит, что следователь и суд должны располагать соответствующей информацией, то есть предварительно выяснять наличие у подлежащего допросу подростка психического расстройства или отставания в развитии. Однако такой обязанности закон ни на следователя, ни на суд не возлагает, если эта информация будет выяснена уже в ходе допроса, предотвратить негативные последствия можно не успеть.

Конечно, на уровне тактических рекомендаций можно вменить следователю и суду в обязанность изучение личности допрашиваемого, однако, скорее всего, такая рекомендация по понятным причинам воспринята не будет. Более эффективным средством обеспечения прав несовершеннолетнего представляется наделение законного представителя несовершеннолетнего правом заявлять ходатайство о привлечении к участию в следственном действии педагога или психолога вне зависимости от того, является ли его участие по закону обязательным. Хотя закон подобного правила не предусматривает, оно представляется ему не противоречащим, а функции и статусу законного представителя и интересам несовершеннолетнего – соответствующим. В конечном итоге именно интересы несовершеннолетнего лежат в основании постулата о пользе педагогических и психологических знаний в общении с несовершеннолетними. Для следователя с учетом осуществляемой им функции уголовного преследования приоритетной задачей является получение информации от несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля), реализация идеи о необходимости бережного отношения к психике подростка может рассматриваться им только как средство решения этой задачи. Рассчитывать в этой связи на то, что следователь (дознатель) в каждом случае будет собирать информацию о личности подлежащего допросу несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля) и глубоко вникать в вопрос о необходимости привлечения педагога (психолога), не приходится. Для законного же представителя приоритетными являются именно интересы ребенка. Кто, как не законный представитель, располагает информацией о таких особенностях несовершеннолетнего, которые обуславливают потребность в привлечении к общению с ним педагога или психолога.

В качестве дополнительного аргумента в пользу вносимого предложения можно сослаться на новое законодательство Казахстана и Украины, уголовно-процессуальные кодексы которых предусматривают право на заявление такого ходатайства не только законного представителя несовершеннолетнего, но и его защитника. Кстати сказать, о праве защитника ходатайствовать об участии в допросе несовершеннолетнего педагога упомина-

ет и ст. 425 (ч. 4) УПК РФ, что свидетельствует об обоснованности нашего предложения. Полагаем, что такое ходатайство законного представителя для следователя и суда должно быть обязательным, что превращает его еще в одно основание обязательного участия педагога (психолога) в производстве следственного действия.

Придав ходатайству законного представителя обязательный для следователя характер, отказ в его удовлетворении правомерно рассматривать как основание признания недопустимыми результатов следственного действия, проведенного в отсутствие педагога или психолога.

Как видим, уголовно-процессуальный закон в части регламентации фактических и юридических оснований и порядка привлечения педагога (психолога) к следственному действию, проводимому с участием несовершеннолетнего, далеко не совершенен и нуждается в корректировании.

То же касается регламентации прав педагога и психолога, участвующих в следственных действиях. Сегодня их перечень недостаточен для эффективного решения задач, стоящих перед педагогом (психологом). К тому же нормы, регулирующие права этого участника уголовного процесса, между собой не согласованы.

В частности, педагог, психолог, участвующий в допросе несовершеннолетнего свидетеля или потерпевшего в ходе предварительного расследования, бесправен – в ст. 191 УПК РФ о каких-либо правах этого участника уголовного процесса не упоминается. Значит, смысл его участия в допросе сводится к присутствию, что само по себе немало, но и недостаточно. Возможность задавать вопросы несовершеннолетнему свидетелю и потерпевшему педагог имеет только в судебном заседании. Однако несовершеннолетнему обвиняемому педагог имеет право задавать вопросы не только в суде, но и в ходе предварительного расследования, а по окончании допроса он может знакомиться с протоколом и делать замечания о правильности и полноте сделанных в нем записей. Такое правовое регулирование, очевидно, является нелогичным и непоследовательным, а значит, нормы уголовно-процессуально-го права должны быть скорректированы.

Как представляется, механизм правового регулирования деятельности педагога (психолога) в уголовном процессе должен не просто обеспечивать присутствие его как незаинтересованного взрослого при проведении следственного действия с участием несовершеннолетнего, но и возможность активного участия в нем. Для этого важно регламентировать права педагога (психолога) не только в ходе следственного действия, но и до его начала. Предварительная подготовка педагога (психолога) к следственному действию должна включать в себя как ознакомление с материалами уголовного дела, содержащими сведения о личности несовершеннолетнего, его процессуальном статусе и иных имеющих значение обстоятельствах, так и беседу с несовершеннолетним, а возможно, и с его законным представителем. Такая предварительная работа позволит подготовить и самого несовершеннолетнего к участию в следственном действии. В противном

случае педагог (психолог) сообщит следователю о неготовности несовершеннолетнего к участию в следственном действии, выскажет рекомендацию о его отложении или о необходимости назначения судебно-психологической экспертизы, в том числе для решения вопроса о способности несовершеннолетнего к свидетельствованию.

Не противоречит закону и предоставление педагогу (психологу) права высказывать сомнения в целесообразности участия в следственном действии законного представителя, если в процессе общения с ним или ребенком он придет к выводу, что участие законного представителя противоречит интересам несовершеннолетнего.

Одним из важнейших правовых средств осуществления педагогом (психологом) его функции является право задавать вопросы участникам допроса, которое предусмотрено ст. 280 и 425 УПК РФ, но почему-то отсутствует в ст. 191, и очной ставки, что не предусмотрено вовсе. Функции педагога (психолога) соответствует право возражать против формулировки вопросов, поставленных перед несовершеннолетним, против ненадлежащего тона допроса, применения некорректных тактических приемов, а также возможности контролировать продолжительность следственного действия, предусмотренную ч. 1 ст. 191 УПК РФ.

Как и другие участники следственного действия, педагог (психолог) должен иметь право знакомиться с протоколом этого действия, в котором он участвовал, делать заявления и замечания, которые подлежат занесению в протокол; а также приносить жалобы на действия (бездействие) и решения дознавателя, следователя, прокурора и суда, ограничивающие его права и права несовершеннолетнего.

Разъяснение этих прав педагогу (психологу) в начале следственного действия, для участия в котором он приглашен, позволит педагогу (психологу) не только уяснить свою задачу, но и использовать необходимые способы и формы для эффективного ее решения. Отсутствие должной и детальной процессуальной регламентации участия педагога (психолога) в следственных действиях и, как следствие, незначительный объем процессуальных средств, которыми располагает педагог (психолог), недостаточная разработанность способов и форм их использования существенно ограничивают фактические возможности этих участников.

Таким образом, необходима унификация и регламентация прав и обязанностей педагога (психолога), участвующего в следственных действиях. Педагог (психолог) должен получить статус самостоятельного участника уголовного процесса, не зависящий от вида следственного действия, стадии уголовного процесса и статуса несовершеннолетнего субъекта. Вкрапление отдельных положений об участии педагога (психолога) в правила производства некоторых следственных и судебных действий этой цели не обеспечивает. Необходима отдельная статья «Педагог (психолог)», место которой в разделе об участниках уголовного процесса, а точнее – в главе 8 УПК РФ. В ней должно быть указано, что педагог (психолог) – лицо, обладающее специальными педагогическими

(психологическими) знаниями, привлекается к допросу и другим следственным действиям, связанным с получением вербальной информации от несовершеннолетних свидетелей, потерпевших, подозреваемых и обвиняемых; перечислены его права и обязанности (являться по вызову, не разглашать полученные сведения).

Признав педагога (психолога) самостоятельным участником уголовного процесса, целесообразно также предусмотреть определенные требования, которым он должен соответствовать, а значит, и основания для его отвода. С учетом специфики выполняемой педагогом (психологом) функции для эффективного выполнения задач по защите законных интересов несовершеннолетнего в качестве педагога (психолога) не должны привлекаться лица, чья компетентность, незаинтересованность и объективность могут быть поставлены под сомнение. Поэтому кроме общих оснований отвода, предусмотренных ст. 61 УПК РФ, педагог (психолог) может быть отстранен от участия в производстве по уголовному делу, если он не имеет соответствующего образования или опыта работы с несовершеннолетними, а также если несовершеннолетний свидетель, потерпевший, подозреваемый, обвиняемый, законные представители несовершеннолетнего выразят ему недоверие.

Круг лиц, которые правомочны заявлять отвод данному участнику уголовного судопроизводства, на наш взгляд, включает самого несовершеннолетнего свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, его законного представителя, защитника подозреваемого (обвиняемого), адвоката несовершеннолетнего потерпевшего (свидетеля).

К сказанному добавим, что значительная часть как следователей, так и судей, как показал их опрос, не понимает смысла участия педагога (психолога) в следственных действиях. Как результат, мы имеем поверхностное разъяснение педагогу (психологу) его задачи и процессуальных возможностей, что снижает активность педагога (психолога), участвующего в следственном действии. В то же время результаты опроса осужденных несовершеннолетних подтверждают наличие потребности в психологическом сопровождении и положительную оценку ими тех случаев, когда педагог (психолог) проявлял должную активность.

Вывод: практика производства по уголовным делам с участием несовершеннолетних диктует необходимость расширения тех возможностей, которые обеспечивает участие в процессуальных действиях педагога и психолога, функция которых в настоящее время недооценена, а статус не урегулирован. Признание педагога (психолога) самостоятельным участником уголовного процесса требует более четкого, чем сегодня, правового регулирования, устранения противоречий в нормах права, расширения объема прав, необходимых для эффективного выполнения его функции.

Библиографический список

1. Мельникова Э. Б., Карнозова, Л. М. Ювенальная юстиция – охранительная и восстановительная. М.: Проспект, 2002. 144 с.

2. Шестакова Л. А. Реализация концепции ювенальной юстиции в производстве по делам несовершеннолетних в Российской Федерации. М.: Юрлитинформ, 2016. 280 с.

3. Эйсман А. А. Заключение эксперта. Структура и научные обоснования. М.: Юрид. лит., 1967. 152 с. URL: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=65>.

4. Сафуанов Ф. С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: научно-практическое пособие. М.: Гардарики, 1998. 192 с. URL: <http://drlev.ru/work/safuanov.pdf>.

5. Нор В. Т., Костицкий М. В. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе. Киев: Вища шк., 1985. 54 с.

6. Лившиц Ю. Д., Кудрявцева А. В. Вопросы использования специальных познаний в уголовном процессе. Челябинск: НТЦ-НИИОГР, 2001. 95 с.

7. Сафин С. Ш. Допрос несовершеннолетнего подозреваемого в советском уголовном судопроизводстве (процессуальный и криминалистический аспекты проблемы) / науч. ред. В. П. Малков. Казань, 1990. 160 с. URL: <https://pl.b-ok.cc/book/3254117/7d4eb5>.

8. Ревтова С. Ю. Организация и тактика допроса несовершеннолетней потерпевшей по делам об изнасиловании. Минск: Право и экономика, 2011. 127 с.

9. Шейфер С. А., Лазарева В. А. Участие потерпевшего и его представителя на предварительном следствии: учебное пособие. Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1979. 92 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27303761>.

10. Лазарева В. А. Охрана прав и законных интересов несовершеннолетних потерпевших в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. М., 1980. 213 с. URL: <http://repo.ssau.ru/handle/Avtoreferaty/Ohrana-prav-i-zakonnyh-interesov-nesovershennoletnihpoterpevshih-v-sovetskom-ugolovnom-processe-Elektronnyi-resurs-dis-kand-urid-nauk-64775?mode=full>.

11. Новиков А. А. Институт специалиста в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Калининград, 2007. 26 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/institut-spetsialista-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii/read>.

12. Гецманова И. В. Использование специальных психологических знаний в уголовном процессе: учебное пособие. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЭК», 2006. 205 с.

13. Матвеев С. В. Актуальные проблемы правового статуса психолога и педагога в уголовном судопроизводстве по делам несовершеннолетних // Российский судья. М.: Юрист, 2002. № 3. С. 12–14. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21797790>.

References

1. Mel'nikova E. B., Kurnosova L. M. *Juvenal'naya yustitsiya – okhranitel'naya i vosstanovitel'naya* [Juvenile justice – protective and restorative]. М.: Prospekt, 2002, 144 p. [in Russian].

2. Shestakova L. A. *Realizatsiya kontseptsii yuvenal'noi yustitsii v proizvodstve po delam nesovershennoletnikh v Rossiiskoi Federatsii* [Implementation of the concept of juvenile justice in juvenile process in the Russian Federation]. М.: Yurлитinform, 2016, 280 p. [in Russian].

3. Eisman A. A. *Zaklyuchenie eksperta. Struktura i nauchnye obosnovaniya* [Conclusion of an expert. Structure and scientific justification]. М.: Yurid. lit., 1967, 152 p. Available at: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=65> [in Russian].

4. Safuanov F. S. *Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v ugolovnom protsesse: nauchno-prakticheskoe posobie* [Forensic psychological examination in criminal proceedings: research and practice manual]. М.: Gardarika, 1998, 192 p. Available at: <http://drlev.ru/work/safuanov.pdf> [in Russian].

5. Nor, V. T., Kostitsky, M. V. *Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v ugolovnom protsesse* [Forensic psychological examination in criminal proceedings]. Kiev: Vishcha shk., 1985, 54 p. [in Russian].

6. Livshits Yu. D., Kudryavtseva A. V. *Voprosy ispol'zovaniya spetsial'nykh poznanii v ugolovnom protsesse* [The use of special knowledge in criminal proceedings]. Chelyabinsk: NTTs-НИИОГР, 2001, 95 p. [in Russian].

7. Safin S. Sh. [Interrogation of a minor suspect in the Soviet criminal proceedings (procedural and criminalistic aspects of the problem). Science editor V. P. Malkov]. Kazan, 1990, 160 p. Available at: <https://pl.b-ok.cc/book/3254117/7d4eb5> [in Russian].

8. Revtova S. Yu. *Organizatsiya i taktika doprosa nesovershennoletnei poterpevshei po delam ob iznasilovanii* [Organization and tactics of interrogation of the minor victim on cases of rape]. Minsk: Pravo i ekonomika, 2011, 127 p. [in Russian].

9. Sheifer S. A., Lazareva V. A. *Uchastie poterpevshego i ego predstavatelya na predvaritel'nom sledstvii: Uchebnoe posobie* [Participation of the victim and his / her representative in the preliminary investigation: training manual]. Kuibyshev: Kuibyshevskii gosudarstvennyi universitet, 1979, 92 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27303761> [in Russian].

10. Lazareva V. A. *Okhrana prav i zakonnykh interesov nesovershennoletnikh poterpevshikh v sovetskom ugolovnom protsesse: dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.09* [Protection of the rights and legitimate interests of juvenile victims in the Soviet criminal process: Candidate's of Legal sciences thesis: 12.00.09]. М., 1980, 213 p. Available at: <http://repo.ssau.ru/handle/Avtoreferaty/Ohrana-prav-i-zakonnyh-interesov-nesovershennoletnihpoterpevshih-v-sovetskom-ugolovnom-processe-Elektronnyi-resurs-dis-kand-urid-nauk-64775?mode=full> [in Russian].

11. Novikov A. A. *Institut spetsialista v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Institute of an expert in criminal proceedings of Russia: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Kaliningrad, 2007, 26 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/institut-spetsialista-v-ugolovnom-sudoproizvodstve-rossii/read> [in Russian].

12. Getsmanova I. V. *Ispol'zovanie spetsial'nykh psikhologicheskikh znaniy v ugolovnom protsesse: Uchebnoe posobie* [Use of special psychological knowledge in criminal process: textbook]. М.: Изд-во Московского психолого-социального института; Воронеж: Изд-во НПО «МОДЕК», 2006, 205 p. [in Russian].

13. Matveev S. V. *Aktual'nye problemy pravovogo statusa psikhologa i pedagoga v ugolovnom sudoproizvodstve po delam nesovershennoletnikh* [Actual problems of the legal status of psychologist and teacher in criminal proceedings in juvenile cases]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian Judge], 2002, no. 3, pp. 12–14. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21797790> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-108-113
УДК 343.13

Дата поступления статьи: 24/VI/2019
Дата принятия статьи: 27/VII/2019

В. Г. Степанова

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА И ПИСЬМЕННОСТЬ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ ПРИНЦИП ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

© Степанова Вероника Георгиевна (step_veronika@mail.ru), кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса, Восточно-Сибирский институт МВД России, 664074, Российская Федерация, г. Иркутск, ул. Лермонтова, 110.

Тема кандидатской диссертации: «Уголовное судопроизводство по делам частного обвинения». Автор и соавтор более 30 научных работ, в том числе коллективной монографии «Лекции по истории уголовного процесса России» (2010), учебно-практического пособия «Обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства» (2017), учебного пособия «Обеспечение уголовного судопроизводства при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве» (2018).

Область научных интересов: принципы уголовного судопроизводства, досудебное соглашение о сотрудничестве, институт частного обвинения в уголовном процессе.

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассматривается вопрос о соотношении устоявшейся уголовно-процессуальной формы, предусматривающей письменность досудебного производства как неизменный атрибут, позволяющий обеспечить достижение назначения уголовного судопроизводства, и наблюдающихся мировых тенденций по цифровизации уголовного судопроизводства. Неизменное «наступление» проявлений научно-технического прогресса, в большинстве случаев рассматриваемое как положительное явление, действующее во благо общества, в уголовном судопроизводстве вступает в конфронтацию с достижениями уголовно-процессуальной науки. Если ранее письменность уголовного судопроизводства позволяла обеспечить процессуальную «чистоту» материалов, используемых в процессе доказывания по уголовному делу, то в настоящее время цифровизация уголовно-процессуальных отношений ставит под угрозу складывающиеся десятилетиями традиции доказательственного права. В статье ставится вопрос о необходимости формирования иного подхода к понятию уголовно-процессуальной формы.

Ключевые слова: письменность уголовного судопроизводства, уголовно-процессуальная форма, цифровизация, электронное уголовное дело, документирование, усложнение процессуальной формы, электронный документооборот.

Цитирование. Степанова В. Г. Уголовно-процессуальная форма и письменность уголовного процесса как институциональный принцип предварительного расследования // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 108–113. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-108-113>.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

V. G. Stepanova

CRIMINAL PROCEDURE FORM AND WRITING OF THE CRIMINAL PROCEEDING AS AN INSTITUTIONAL PRINCIPLE OF PRELIMINARY INVESTIGATION

© Stepanova Veronika Georgievna (step_veronika@mail.ru), Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Procedure, **East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia**, 110, Lermontov Street, Irkutsk, 66074, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Criminal proceedings in cases of private prosecution». Author and coauthor of more than 30 scientific works, including the collective monograph: «Lectures on the history of the criminal process of Russia» (2010), textbooks «Security of participants in criminal proceedings» (2017), «Ensuring criminal proceedings at the conclusion of a pre-trial cooperation agreement» (2018).

Research interests: principles of criminal procedure, pre-trial cooperation agreement, Institute of private prosecution in criminal proceedings.

ABSTRACT

This article examines the relationship between the established criminal procedure form, which provides for writing the pre-trial proceedings as a permanent attribute to ensure the achievement of the purpose of criminal proceedings, and the observed global trends in the digitization of criminal proceedings. Constant «offensive» manifestations of scientific and technological progress, in most cases regarded as a positive phenomenon, acting for the good of society, in criminal proceedings enter into confrontation with the achievements of criminal procedural science. If earlier the writing of criminal proceedings allowed to ensure the procedural «purity» of materials used in the process of evidence in a criminal case, then at present digitalization of criminal procedure relations threatens the traditions of evidentiary law that have been forming for decades. The article raises the question of the need to form a different approach to the concept of the criminal procedure form.

Key words: writing of criminal proceedings, procedural form, digitalization of criminal proceedings, electronic criminal case, documentation, complication of procedural form, electronic document circulation.

Citation. Stepanova V. G. *Ugolovno-protsessual'naya forma i pis'mennost' ugovnogo protsesssa kak institutsional'nyi printsip predvaritel'nogo rassledovaniya* [Criminal procedure form and writing of the criminal proceeding as an institutional principle of preliminary investigation]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 108–113. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-108-113> [in Russian].

Поднимаемая все чаще в последнее время тема об уголовно-процессуальной форме в контексте современных тенденций технологизации, в том числе в области уголовного судопроизводства, не может быть в полной мере освещена без обсуждения вопроса о значении письменности в уголовном судопроизводстве России. Следует сразу же оговориться, что обозначение письменности уголовного судопроизводства применительно к предварительному расследованию в качестве институционального принципа не находит четкого нормативного закрепления в УПК РФ, несмотря на это, сущность его не меняется.

Смешанный тип уголовного процесса, присущий отечественному судопроизводству, определил наделение досудебного производства чертами розыскного процесса, а судебного производства – чертами состязательного процесса [1, с. 13]. Как отмечал ведущий российский процессуалист Иван Яковлевич Фойницкий, в области судебного разбирательства Уставом уголовного судопроизводства 1864 года был введен «смешанный порядок

французского типа, с разделением уголовного разбирательства на предварительное и окончательное, причем первое негласно, письменно, не знает сторон и равноправности их, второе же, напротив, широко принимает порядки гласности, устности и состязательности...» [2, с. 39]

Несмотря на попытки стандартизировать нормы уголовного процесса, привести их в соответствие с формой, характерной для состязательного уголовного судопроизводства, розыскные черты предварительного расследования остаются и по сей день неизменными. К их числу, безусловно, следует отнести письменность досудебного производства.

Письменность предварительного расследования накладывает обязательства по неуклонному соблюдению всех установленных законом требований по оформлению принимаемых в ходе предварительного расследования процессуальных решений и производимых процессуальных действий. Процессуальные акты предварительного расследования являются отражением качества его

производства. При этом надлежащее качество составления процессуальных актов напрямую служит достижению назначения уголовного судопроизводства.

Можно утверждать, что письменность досудебного производства позволяет оценить его качество, соответствие производства в целом и отдельных его частей требованиям закона. Отмечая значимость письменности уголовного судопроизводства как для участников процесса, так и для всего общества в целом, И. Я. Фойницкий указывал на целесообразность письменного оформления процессуальных решений, что, по его мнению, гарантирует образование прочных следов, «делающих его (процесс. – В. С.) бесспорным» [2, с. 82]. И безусловно, публично-правовой характер уголовного судопроизводства, розыскной характер предварительного расследования обуславливают необходимость осуществления правоприменительной деятельности в указанной области посредством письменного производства.

Однако письменность как основная и неотъемлемая в существующих реалиях форма фиксации результатов процессуальных действий, принятых решений может тормозить уголовное судопроизводство. Как показывает анализ следственной практики, зачастую доказательства признаются недопустимыми в связи с недостатками оформления процессуальных документов как по форме, так и по их содержанию. Опять же профессор И. Я. Фойницкий отмечал, что «письменность как способ производства представляет огромные недостатки при разбирательстве дела по существу, где письменность ставит суд, постановляющий решение, в зависимость от составителя актов [2, с. 85]. Как можно видеть, проблема качества составления процессуальных документов была актуальна как для дореволюционного судопроизводства, таковой она остается и до настоящего времени. Вернемся к этому вопросу немного позже.

Устойчивость процессуальной формы, определяющей письменность досудебного производства, с одной стороны, является гарантом соблюдения законности и иных принципов уголовного судопроизводства, обеспечивает соблюдение прав граждан, вовлеченных в орбиту уголовного процесса, а с другой – может тормозить ее совершенствование. С развитием научно-технического прогресса, неизбежно проникающего во все сферы жизнедеятельности человека, в последние десятилетия неоднократно вставал вопрос о внедрении достижений науки в уголовное судопроизводство. Хочется отметить, что наука уголовного процесса не остается в стороне от происходящих изменений в среде цифровых технологий, о чем может свидетельствовать, например, очень представительный VI Московский юридический форум «Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции», прошедший на площадке Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, где активно обсуждались проблемы цифровизации судопро-

изводства. Очень интересны в рассматриваемом контексте проекты (как разрабатываемые, так и реализуемые) по осуществлению уголовного судопроизводства в электронном виде.

Так, еще в 2017 году в Республике Казахстан Комитетом по правовой статистике и специальных учетов Генеральной прокуратуры Республики Казахстан был разработан проект электронного уголовного дела, в настоящее время этот проект уже реализован в экспериментальном порядке. В России также активно разрабатывается технология блокчейна, обеспечивающая возможность внедрения цифровых технологий в уголовное судопроизводство (технология блокчейна гарантирует прозрачность совершаемых операций с невозможностью их изменения лицами, не имеющими к ней санкционированного доступа, что позволяет применять ее не только в сфере государственного управления, но и для формирования уголовных дел) [3, с. 226–229; 4, с. 95–101; 5, с. 180–183].

В отдельных государствах законодатель, регламентируя условия и порядок применения научно-технических средств (далее по тексту – НТС) в уголовном судопроизводстве, допустил фиксацию процессуальных действий с помощью НТС не только наряду с составлением документа в письменном виде, но и вместо него. Так, в ч. 2 ст. 104 УПК Украины закреплено: «Если с помощью технических средств фиксируется допрос, текст показаний может не заноситься в соответствующий протокол при условии, что ни один из участников процессуального действия не настаивает на этом. В таком случае в протоколе указывается, что показания зафиксированы на носителе информации, прилагаемом к нему». Как указывают И. А. Попова и И. А. Зинченко, особая целесообразность в письменном документировании получения процессуально значимой информации может отсутствовать при фиксации вербальной и визуальной информации [6, с. 182]. Совершенно очевидно, что данное революционное положение входит в острое противоречие с тезисом о письменности уголовного судопроизводства как институциональным принципом предварительного расследования исторически определенного смешанного типа российского уголовного судопроизводства.

De facto изменения в сфере нормативной регламентации в области технологизации уголовного судопроизводства происходят, но достаточно медленно. Из числа последних таких российских новелл следует указать правовое урегулирование порядка работы с электронными носителями информации [7]. В то же время письменность уголовного производства в целом и предварительного расследования в частности порождает множество проблем, связанных с определением процессуального статуса различных объектов, появившихся в уголовном деле в связи с применением научно-технических средств.

Таким образом, можно смело утверждать, что дискуссия относительно письменности досудебного производства не может считаться закрытой,

и неизбежность идеи о письменности процесса вкупе с установленными требованиями об устности судебного производства может быть подвергнута трансформации в свете неизменного развития уголовно-процессуальных институтов доказывания, развития институциональных основ и принципов.

Развивая идею о цифровизации уголовного судопроизводства, следует остановиться на вопросе о сочетании установленных требований к уголовно-процессуальным документам, вырабатываемых и закрепляемых на практике на протяжении многих десятилетий, и новой формы таких документов. Можно с уверенностью утверждать, что, безусловно, развитие науки и техники, технологичность преступной сферы деятельности определяют неизбежность постановки на «новые рельсы» и уголовного судопроизводства. Однако такой переход должен предусмотреть сочетание всех достижений науки, теории и практики публично-правовой деятельности, обеспечивающей реализацию норм уголовного права.

Процессы документирования уголовного судопроизводства, как и любой иной юрисдикционной деятельности, обусловлены действием ряда четких норм, обеспечивающих доказательственное значение таких документов. Как уже отмечалось ранее, нормами уголовно-процессуального законодательства предъявляются строгие требования к форме и содержанию процессуальных документов. Обсуждение вопроса о соответствии документов требованиям относимости, допустимости и достоверности и до настоящего момента сопровождается острыми дискуссиями о возможности расширения (сужения) круга документов, допускаемых в качестве доказательств по уголовному делу [8, с. 202–214]. Внедрение же новых компьютерных технологий, предполагающих усложнение процессуальной формы, выводит эту дискуссию на новый уровень и в первую очередь требует теоретического осмысления этой проблемы.

Каким образом соотносятся письменность уголовного судопроизводства и его цифровизация? С самого начала основной целью цифровизации уголовного процесса, безусловно, видится обеспечение процессуальной экономии сил и средств, облегчение работы участников уголовного судопроизводства без ущерба правам и интересам всех заинтересованных сторон. При этом, как представляется, письменность как необходимый атрибут, как институциональный принцип предварительного расследования вовсе не утрачивает своего значения, а просто облекается в новую форму электронного письменного документа. Целесообразность цифровизации уголовного судопроизводства диктуется высокими темпами жизни, социально-экономическими условиями, в отдельных случаях – и географической удаленностью взаимодействующих участников процесса. Так, при оформлении материалов уголовного дела в электронном формате фактически исключается необходимость личного взаимодействия дознава-

теля, возбуждающего ходатайство о производстве выемки с целью изъятия предметов, документов, содержащих информацию о государственной или иной охраняемой законом тайне, с прокурором и в дальнейшем – с судом, рассматривающим такое ходатайство.

В контексте намечающихся тенденций цифровизации уголовного судопроизводства процесс документирования материалов уголовного дела в электронной форме требует, как представляется, распределения всех материалов на две большие группы.

К первой группе следует отнести процессуальные документы, оформляемые участниками уголовного судопроизводства (исполняющими свои должностные обязанности в качестве судьи, следователя, дознавателя, прокурора и другими) и фиксирующие принимаемые указанными лицами процессуальные решения. Оформление постановлений, призванных задокументировать принимаемое процессуальное решение, обычно происходит в условиях, позволяющих его зафиксировать в рамках системы электронного делопроизводства: в рабочем кабинете, за компьютером. Технология блокчейна в полной мере, как заявляется компетентными в этой области лицами, позволяет обеспечить конфиденциальность таких электронных документов, гарантирует возможность доступа к ним только уполномоченных лиц. Не углубляясь в технологию данного процесса, вполне можно представить, что, используя предоставленные возможности автоматизированного рабочего места, только уполномоченное должностное лицо может получить санкционированный доступ к такому процессуальному документу (изготавливаемому лично, требующему согласования либо подлежащему рассмотрению). Эта группа процессуальных документов может быть представлена документами, составляемыми на рабочем месте, в электронном виде с возможностью обращения к электронной системе документооборота. Данную группу можно проиллюстрировать любыми постановлениями, определениями, иными документами, фиксирующими решение соответствующего должностного лица, например постановлением о возбуждении перед судом ходатайства о производстве обыска в жилище, постановлением о назначении судебной экспертизы, обвинительным актом. К данной группе не представляется возможным отнести протоколы, фиксирующие факт производства процессуального действия, поскольку в большинстве случаев их производство требует привлечения иных лиц. Следовательно, к данной категории процессуальных документов следует отнести те документы, которые изначально изготавливаются в электронном формате, могут быть наделены силой законного решения посредством соблюдения установленной процессуальной формы (в частности, к примеру, посредством заверки электронной цифровой подписью, имеющейся у компетентных должностных лиц). Эти документы не требуют какого-либо дополнительного преобразования.

К процессуальным документам второй группы следует отнести все остальные документы, которые изготавливаются в стандартном, «бумажном»

виде. Неоспорим тот факт, что в большинстве случаев составление протокола на месте производства процессуального действия вне рабочего места является невозможным. Даже в случае изготовления такого протокола на ноутбуке у соответствующего должностного лица при современном уровне материально-технического оснащения зачастую отсутствует возможность распечатать его на принтере для предъявления участвующим лицам для ознакомления. При сохранении общих требований к содержанию такого документа при вовлечении в сферу электронного документооборота процессуальная его форма неизбежно усложняется, поскольку потребуются его преобразование в электронный формат документа.

Если создание оригинального документа в виде постановления следователя, дознавателя, судьи и т. д. в электронной форме не предполагает особых проблем с установлением его законности, обоснованности и мотивированности, то с документами второй группы возникают определенные сложности. Они требуют совершения дополнительного ряда действий в целях обеспечения надления этих документов доказательственным значением по уголовному делу. И это положение в совокупности с видимыми целями цифровизации уголовного судопроизводства не согласуется с потенциально предполагаемым снижением нагрузки на участников процесса. Наоборот, такие действия будут способствовать ее усилению как предполагающие совершение ряда дополнительных манипуляций в рамках новой уголовно-процессуальной формы. Так, к примеру, следователю, изготавливающему протокол осмотра места происшествия, придется отсканировать данный документ и в таком виде загрузить его в базу, при этом следует иметь в виду возрастающие возможности фальсификации документов.

Поскольку изготовление подобных документов, требующих привлечения значительного количества лиц, не являющихся должностными лицами, требует как минимум изготовления цифровых электронных подписей для каждого из привлекаемых к производству процессуального действия участников, в настоящее время следует признать невозможным факт изготовления таких письменных электронных документов.

Ряд сложностей будет составлять и вовлечение в сферу доказывания в рамках создания электронных уголовных дел любых объектов материального мира, признаваемых вещественными доказательствами, и иных предметов, сформированных за пределами уголовного судопроизводства.

Изменение уголовно-процессуальной формы, позволяющей не осуществлять письменное документирование показаний при применении технических средств фиксации (как это уже произведено в Украине), также идет вразрез с доктриной российского уголовного процесса и нивелирует действие и значение принципа письменности рассматриваемой публично-правовой отрасли. Кроме того, фиксация показаний исключительно лишь

с помощью НТС не позволяет освободить «зерна от плевел», так как механическая фиксация показаний исключает возможность ее смысловой информационной зачистки, как это происходит в случае письменной фиксации допрашиваемым лицом. Как указывает в своей работе А. Г. Маркелов, «в устной речи количество избыточной информации составляет 70 % по сравнению с письменной речью», а допрос лица «требует огромного труда органов предварительного расследования, состоящего в обработке текста как технически, так и творчески, в сохранении в письменных показаниях его содержания и занесении его в соответствующий протокол» [9, с. 473].

Представляется, что в настоящее время переход на электронную форму производства, позволяющий гарантировать в не меньшей степени права и свободы участников процесса, чем они предусмотрены сейчас, все-таки невозможен. Следует констатировать, что действующая уголовно-процессуальная форма как «специфическая правовая форма государственной деятельности, урегулированная законом в целях правового порядка производства по уголовным делам» [10, с. 11], требует дальнейшей серьезной проработки для того, чтобы продолжать выполнять свою задачу – обеспечение назначения уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Гуськова А. П. К вопросу о процессуальной форме уголовного судопроизводства России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 83. С. 11–17. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11160472>.
2. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 1. СПб.: Изд-во «Альфа», 1996. 552 с. URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/foinitsky/t-1>.
3. Бертовский Л. В. Технология блокчейна в уголовном процессе как элемент цифрового судопроизводства // Проблемы экономики и юридической практики. 2017. № 6. С. 226–230. URL: <http://urvak.ru/articles/probl-vypusk-6-tehnologiya-blokcheyna-v-ugolovnom>.
4. Качалова О. В., Цветков Ю. А. Электронное уголовное дело – инструмент модернизации уголовного судопроизводства // Российское правосудие. 2015. № 2. С. 95–101. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23765975>.
5. Бертовский Л. В. Цифровое судопроизводство: проблемы становления // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: сб. материалов международной научно-практич. конф. Симферополь, 2018. С. 173–178. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35012508>.
6. Попова И. А., Зинченко И. А. Научно-технический прогресс и проблемы совершенствования уголовно-процессуального законодательства // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 2. С. 178–183. URL: <http://urvak.ru/articles/probe-vypusk-2-nauchno-tekhnichek-ye-progress-i-pr>.
7. Федеральный закон «О внесении изменений в статьи 76.1 и 145.1 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 27.12.2018 № 533-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314650.

8. Борисевич Г. Я. Документы как доказательства в российском уголовном процессе // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2010. Вып. 1 (7). С. 202–215. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/dokumenty-kak-dokazatelstva-v-rossiyskom-ugolovnom-protssesse>.

9. Маркелов А. Г. К вопросу о применении юридических конструкций при составлении процессуальных документов по уголовному делу // Юридическая техника. 2013. № 7 (ч. 2). С. 470–473. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20275182>.

10. Гуськова А. П. К вопросу о процессуальной форме уголовного судопроизводства России // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 83. С. 11.

References

1. Guskova A. P. *K voprosu o protsessual'noi forme ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii* [On the issue of the procedural form of criminal proceedings in Russia]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of the Orenburg State University], 2008, no. 83, pp. 11–17. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11160472> [in Russian].

2. Foinitsky I. Ya. *Kurs ugolovnogo sudoproizvodstva. Tom 1* [Course of criminal proceedings. Vol. 1]. SPb.: Izd-vo «Al'fa», 1996, 552 p. Available at: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/foinitsky/t-1> [in Russian].

3. Bertovsky L. V. *Tekhnologiya blokcheyna v ugolovnom protsesse kak element tsifrovogo sudoproizvodstva* [Technology blockchain in the criminal process as part of the digital proceedings]. *Problemy ekonomiki i yuridicheskoi praktiki* [Economic problems and legal practice], 2017, no. 6, pp. 226–230. Available at: <http://urvak.ru/articles/probl-vypusk-6-tehnologiya-blokcheyna-v-ugolovnom> [in Russian].

4. Kachalova O. V., Tsvetkov Yu. A. *Elektronnoe ugolovnoe delo – instrument modernizatsii ugolovnogo sudoproizvodstva* [Electronic Criminal Case as a Tool for Development of Criminal Proceedings]. *Rossiiskoe pravosudie* [Russian Justice], 2015, no. 2, pp. 95–101. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23765975> [in Russian].

5. Bertovsky L. V. *Tsifrovoe sudoproizvodstvo: problemy stanovleniya* [Digital litigation: problems of

formation]. In: *Problemy primeneniya ugolovnogo i ugolovno-protssessual'nogo zakonodatel'stva: Sbornik materialov mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of application of criminal and criminal procedure legislation: Collection of materials of the international research and practical conference]. Simferopol, 2018, pp. 173–178. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=35012508> [in Russian].

6. Popova I. A., Zinchenko I. A. *Nauchno-tehnicheskii progress i problemy sovershenstvovaniya ugolovno-protssessual'nogo zakonodatel'stva* [Scientific and technological progress and the problems of improving criminal procedural legislation]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian legislation], 2013, no. 2, pp. 178–183. Available at: <http://urvak.ru/articles/probe-vypusk-2-nauchno-tehnicheskii-progress-i-pr> [in Russian].

7. *Federal'nyi zakon «O vnesenii izmenenii v stat'i 76.1 i 145.1 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii i Ugolovno-protssessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii» ot 27.12.2018 № 533-FZ* [Federal Law «On Amendments to Articles 76.1 and 145.1 of the Criminal Code of the Russian Federation and the Criminal Procedure Code of the Russian Federation» dd. 27.12.2018 № 533-FZ]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_314650 [in Russian].

8. Borisevich G. Y. *Dokumenty kak dokazatel'stva v rossiiskom ugolovnom protsesse* [Documents as proofs in the Russian criminal procedure]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki* [Perm University Herald. Juridical Sciences], 2010, Issue 1 (7), pp. 202–215. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/v/dokumenty-kak-dokazatelstva-v-rossiyskom-ugolovnom-protssesse> [in Russian].

9. Markelov A. G. *K voprosu o primeneni yuridicheskikh konstruktii pri sostavlenii protsessual'nykh dokumentov po ugolovnomu delu* [On the issue of the use of legal structures in the preparation of procedural documents in a criminal case]. *Yuridicheskaya tekhnika* [Juridical Techniques], 2013, no. 7 (Part 2), pp. 470–473. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20275182> [in Russian].

10. Guskova A. P. *K voprosu o protsessual'noi forme ugolovnogo sudoproizvodstva Rossii* [On the issue of the procedural form of criminal proceedings in Russia].

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-114-119
УДК 343.1

Дата поступления статьи: 13/VI/2019
Дата принятия статьи: 26/VII/2019

Н. А. Развейкина, Е. А. Дьячкова

ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕНЕНИЯ ОСОБОГО ПОРЯДКА СУДЕБНОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

© Развейкина Надежда Андреевна (razveykina@ssau.ru), кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой социальных систем и права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Тема кандидатской диссертации: «Злоупотребление правом как способ неправомерного воздействия председательствующего на присяжных заседателей и средства защиты от него». Автор более 30 научных работ, в том числе монографии «Неправомерное воздействие председательствующего на присяжных заседателей как следствие злоупотребления правом» (2011). Ряд учебников и учебных пособий написан в соавторстве: «Уголовно-процессуальное право: актуальные проблемы теории и практики» (2012, 2016), «Уголовный процесс. Практикум» (2016), «Уголовный процесс» (2015)

Область научных интересов: суд присяжных, эффективность правосудия, юридическая психология, юридическая этика, управление знаниями

© Дьячкова Екатерина Алексеевна (djchkvkatja@rambler.ru), младший лейтенант юстиции, следователь отдела по расследованию преступлений, совершенных на территории Кировского района, Следственное Управление МВД России по г. Самаре, 433035, Российская Федерация, г. Самара, пр. Кирова, 223; магистрант первого года обучения, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Область научных интересов: современная уголовно-процессуальная политика, судебное производство.

АННОТАЦИЯ

В данной статье рассматриваются теоретические и практические проблемы уголовно-процессуального института особого порядка судебного разбирательства. Дается краткая характеристика идеи упрощения судебного разбирательства посредством усечения этапа доказывания. Целью статьи стало выявление некоторых недостатков нормативно-правового регулирования и формулирование предложений дальнейших уголовно-процессуальных исследований, а также направлений совершенствования законодательства. Авторы прослеживают законодательные изменения, регламентирующие особый порядок, высказывают обоснованные сомнения в соответствии особого порядка судебного разбирательства основным уголовно-процессуальным принципам. Проводится сравнение правовой природы приговора, вынесенного в общем и в особом порядке, и обосновывается мысль о двойственности приговора как судебного акта, чему дается критическая оценка. Особое внимание уделено установленной законодателем зависимости особого порядка судопроизводства от согласия потерпевшего, а также критике порядка обжалования постановления следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении соглашения о сотрудничестве.

Ключевые слова: уголовно-процессуальный кодекс РФ, уголовный процесс, судебное разбирательство, особый порядок производства по уголовным делам, согласие обвиняемого с предъявленным обвинением, досудебное соглашение о сотрудничестве, «сделка с правосудием», процессуальная экономия, правовая природа приговора, вынесенного в судебном порядке.

Цитирование. Развейкина Н. А., Дьячкова Е. А. Проблемы применения особого порядка судебного разбирательства по уголовным делам // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 114–119. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-114-119>.

N. A. Razveykina, E. A. Dyachkova

PROBLEMS OF APPLICATION OF A SPECIAL PROCEDURE FOR THE TRIAL ON CRIMINAL CASES

© **Razveykina Nadezda Andreevna (razveykina@ssau.ru)**, Candidate of Legal Sciences, associate professor, head of Department of Social Systems and Law, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Abuse of right as a method of undue influence of the presiding judge on the jury and a means of protection against it». Author of more than 30 scientific works, including the monograph «Undue influence of the presiding judge on jurors as a consequence of abuse of law» (2011). A number of textbooks written in collaboration: «Criminal procedure law: actual problems of theory and practice» (2012, 2016), «Criminal procedure. Workshop» (2016), «Criminal procedure» (2015).

Research interests: jury trial, effectiveness of justice, law psychology, law ethics.

© **Dyachkova Ekaterina Alekseevna (djchkvkatja@rambler.ru)**, Junior Lieutenant of Justice, criminal investigator of the Department for the Investigation of Crimes, committed in the Kirov District, **Office of Criminal Investigations of the Ministry of Internal Affairs in the Samara Region**, 223, Kirova Avenue, Samara, 43035, Russian Federation. Master's Degree Student of the first year of study, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Research interests: modern criminal procedural policy, judicial proceedings.

ABSTRACT

This article discusses theoretical and practical problems of a special procedure for criminal justice. A brief description of the idea of simplifying the trial by truncating the stage of proof is given. The purpose of the article is to identify some shortcomings of the regulatory framework and formulate proposals for further research, as well as ways to improve the legislation. The authors trace the legislative changes about the special proceeding, and express reasonable doubts regarding the compliance of the special proceeding of the trial with the basic criminal procedural principles. There is a comparison of the legal nature of the sentence in general and special order. The idea of the duality of the sentence is criticized. Special attention is paid to the dependence of the special proceeding on the consent of the victim, as well as to criticism of the procedure for appealing against the investigator's decision to refuse the petition for concluding a cooperation agreement.

Key words: criminal procedural code of Russian Federation, criminal procedure, criminal justice, special proceeding in criminal justice, consent of charged with an accusation, pretrial cooperation agreement, plea bargain, procedural economy, and legal nature of judgement under special procedure.

Citation. Razveykina N. A., Dyachkova E. A. *Problemy primeneniya osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva po ugovolnym delam* [Problems of application of a special procedure for the trial on criminal cases]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 114–119. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-114-119> [in Russian].

В настоящее время законодательство, определяющее порядок ведения уголовного судопроизводства, предусматривает общий порядок рассмотрения уголовных дел, выступающий ключевым элементом уголовно-процессуальной деятельности в целом, и особый, предусмотренный в гл. 40 и гл. 40.1 Уголовно-процессуального кодекса РФ (далее по тексту – УПК РФ) [1].

Ключевым существенным признаком особого порядка, как отмечается в литературе, прежде всего выступает усечение доказывания обстоятельств, лежащих в основе уголовного дела, которое вызвано отсутствием как такового судебного разбирательства в узком понимании данного термина [2, с. 32]. При внедрении в правовую систему данного института законодатель преследовал вполне очевидные и логичные цели – упростить судопро-

изводство по очевидным, бесспорным и малозначительным уголовным делам, тем самым снизив нагрузку на органы расследования по уголовным делам как на досудебной, так и непосредственно на судебной стадии.

Официальная статистика свидетельствует о том, что почти 70 % всех дел судов общей юрисдикции рассматриваются по правилам главы 40 УПК РФ. Согласно данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2018 году в особом порядке при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением зафиксировано 553 990 уголовных дел в отношении 579 820 лиц. Из них обвиняемые в преступлениях небольшой тяжести составляют 58,9 % лиц, осужденных в особом порядке; обвиняемые в преступлениях средней тяжести –

23,7 %; обвиняемые в тяжких преступлениях – 17,4 %. Таким образом, в прошедшем году в особом порядке рассмотрены уголовные дела о тяжких преступлениях в отношении 84 тыс. лиц – это 58 % от общего числа обвиняемых в тяжких преступлениях [3].

Внедрение упрощенного порядка рассмотрения уголовных дел не является принципиально новым явлением для мировой практики. Соответствующие правовые институты предусмотрены в значительном ряде зарубежных стран, хотя в Германии не существует реального эквивалента американской «сделки с правосудием» (plea bargain) [4]. В то же время в Китае, например, этот институт введен в качестве пилотного проекта лишь в 2016 году [5]. В российскую правовую систему, как отмечается исследователями, была заимствована американская модель [6], то есть рецепция норм права произошла за пределами сформировавшихся правовых семей [7, с. 170].

Несмотря на то что положения закона, регламентирующие особый порядок производства по уголовным делам, были введены в действие еще в 2002 году, исследуемый правовой институт и по сей день является предметом непрекращающихся дискуссий. Значительную часть обсуждений можно условно подразделить на две группы по критерию предмета обсуждения. Одна из них связана с тем, что у «сделки с правосудием» в своей идейной сущности в юридическом сообществе есть как противники, так и сторонники. Другая обусловлена более прикладными аспектами – определением сущности судебного решения по делам, рассматриваемым судом в особом порядке, и иными проблемными аспектами, непосредственно вытекающими из практики применения норм права. Указанным вопросам и посвящена данная статья.

Основной проблемой применения норм об особом порядке производства по уголовным делам, как представляется, является усечение доказывания в рамках судопроизводства. В соответствии с ч. 5 ст. 316 УПК РФ исследование доказательств в рамках особого порядка рассмотрения уголовных дел не проводится. Отсутствие у суда такой возможности, вызванной стремлением законодателя к процессуальной экономии, вступает в противоречие с базовыми принципами судопроизводства, поскольку у судьи, рассматривающего дело, отсутствует непосредственность как ключевая категория его деятельности, выражающаяся в том, что судья не может оценить и учесть все обстоятельства дела. В результате получается, что судья осуществляет формальные функции, заключающиеся едва ли не в механическом вынесении приговоров, что в конечном счете в корне противоречит самой идее правосудия. Как представляется, требования законности и обоснованности к приговору по уголовному делу означают установление всех обстоятельств, имеющих значение для определения степени вины и тяжести преступления, чего не может быть в условиях, когда доказательственная состав-

ляющая уголовного процесса в особом порядке практически исключена согласно букве закона.

Вероятно, осознавая данные проблемы и работая в направлении совершенствования уголовного судопроизводства, в апреле 2019 года Верховный Суд России внес в Государственную думу законопроект об отмене рассмотрения уголовных дел по тяжким преступлениям в особом порядке [8]. Авторы законопроекта обращают внимание, что в первоначальной редакции статья 314 УПК РФ предусматривала применение особого порядка судебного разбирательства по правилам главы 40 УПК РФ только по делам о преступлениях небольшой и средней тяжести. Последующее изменение закона позволило выносить приговоры без проведения судебного разбирательства в общем порядке также при согласии обвиняемого с обвинением в тяжком преступлении, за которое предусмотрено наказание до 10 лет лишения свободы. Вместе с тем дела о преступлениях, отнесенных законом к категории тяжких ввиду их повышенной общественной опасности, как правило, являются особо сложными, затрагивают интересы значительного числа потерпевших, вызывают большой общественный резонанс и освещаются в средствах массовой информации, что требует установления на законодательном уровне высокой степени процессуальных гарантий справедливого правосудия. Обеспечить такие гарантии, как полагают авторы законопроекта, возможно только при рассмотрении дела в общем порядке судебного разбирательства в условиях действия принципа непосредственности и устности исследования доказательств в судебном заседании.

Аналогичная критика высказывается в отношении согласия обвиняемого с предъявленным обвинением (ст. 314 УПК РФ), выступающего основанием применения особого порядка производства по уголовному делу. Как отмечается в литературе, такое согласие в своей сущности имеет не доказательственное, а процедурное значение, являющееся формальным поводом для перехода к особому порядку судебного разбирательства. Фактически обвиняемому необходимо только подтвердить согласие с обвинением, что происходит в отсутствие допроса об обстоятельствах дела судом, имеющим важнейшее значение для достижения целей уголовного судопроизводства. Опрос судье в рамках ч. 4 ст. 316 УПК РФ, когда он устанавливает, понятно ли предъявленное обвинение подсудимому, осознает ли подсудимый последствия своего согласия с обвинением в рамках заявленного ходатайства, не обладает таким значением, поскольку не связан с выяснением самих обстоятельств, при которых было совершено преступление. В связи с этим в основе особого порядка судебного разбирательства лежит формальное согласие обвиняемого, не связанное с процессом доказывания и не имеющее доказательственного значения, и такая правовая конструкция очевидно не соответствует общей концепции уголовного судопроизводства в целом. Это подтверждается и положениями ст. 240 и ст. 316 УПК РФ, ис-

ходя из смысла которых в рамках особого порядка судебного разбирательства: во-первых, исследованы могут быть лишь обстоятельства, характеризующие личность подсудимого, и обстоятельства, влияющие на смягчение либо ужесточение наказания; во-вторых, анализ и оценка доказательств судьей не являются обязательной составляющей приговора; в-третьих, исключается возможность обжалования такого приговора по причине несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам дела.

В связи с этим в теории уголовного судопроизводства справедливо отмечается двойственность приговора как судебного акта, поскольку под одним и тем же наименованием в рамках закона определены два совершенно разных по своей правовой природе документа, являющихся материальным и процессуальным выражением правосудия [9, с. 55].

В 2015 году в ст. 90 УПК РФ были внесены изменения, де-факто связанные с исключением преюдициальной силы приговора, вынесенного в особом порядке [10]. Как представляется, данный факт является подтверждением того, что и на законодательном уровне была признана неодинаковая природа приговора, вынесенного в общем порядке, и приговора, вынесенного в особом порядке судебного разбирательства. При этом законодателем не было произведено дифференциации указанных судебных актов, и это существенный недостаток, поскольку для приговора в общем порядке определен ряд требований, вытекающих из провозглашенных принципов уголовного судопроизводства и выступающих обязательным условием признания его актом правосудия, которым при этом, как уже было отмечено, во многом не соответствует приговор, вынесенный в особом порядке. Кроме того, правовая модель такого приговора (вынесенного в особом порядке) выступает спорной по отношению к статусу судьи как лица, уполномоченного на вынесение соответствующего судебного акта, поскольку предполагается высокая степень ответственности судьи как отправителя правосудия, что предполагает необходимость выяснения им всех обстоятельств и деталей, которые могут повлиять на определение им степени вины и назначение справедливого наказания за совершенное преступное деяние.

Существуют и сугубо практические в своей сути проблемные аспекты, вытекающие из применения норм об особом порядке разбирательства по уголовным делам. Законодатель предусматривает, что давший согласие на рассмотрение дела в особом порядке потерпевший может изменить свою позицию в ходе рассмотрения уголовного дела, что выступит основанием для вынесения судьей по данному делу постановления о назначении его рассмотрения в общем порядке (ч. 6 ст. 316 УПК РФ). Отсутствие в законе положения, определяющего необратимость действий, связанных с выражением такого согласия, и возможность отменять его в диспозитивном порядке потерпевшим создает явное противоречие целям внедрения особого порядка

судебного разбирательства, поскольку такое положение может повлечь за собой дезорганизацию судопроизводства по конкретному делу и затягивание его рассмотрения, что в корне противоречит стремлению к процессуальной экономии. И некоторыми авторами вполне справедливо ставится вопрос об обоснованности введения законодательной зависимости о рассмотрении дела в особом порядке от согласия потерпевшего и государственного обвинителя и, по сути, необязательность для судьи мнения защитника по этому вопросу [11, с. 60].

Еще один часто обсуждаемый в юридической литературе вопрос – об обжаловании постановления следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о заключении соглашения о сотрудничестве, являющегося основанием для рассмотрения дела в особом порядке [12, с. 20]. Положения ч. 4 ст. 317.1 УПК РФ сформулированы таким образом, что обжалование указанного постановления может быть осуществлено только посредством обращения к руководителю следственного органа и не может быть осуществлено в суде, в том числе на стадии обжалования судебных решений [13]. Одни авторы предполагают, что такая конструкция вполне соответствует самой сущности досудебного соглашения, поскольку его сторонами являются следователь и обвиняемый и суд фактически не может их принуждать к заключению такого соглашения. Другие авторы обращают внимание на то, что такая формулировка противоречит праву участника уголовного дела на обжалование решения в суд по правилам ст. 125 УПК РФ, выступающему неотъемлемым элементом правового статуса подозреваемого, обвиняемого и его защитника. В целом же единообразия в данном вопросе в литературе не достигнуто.

Таким образом, существование в уголовном процессе института особого порядка судебного разбирательства – явление исключительное, поскольку само по себе наличие такой правовой конструкции влечет трансформацию, а может быть, даже и деформацию сложившейся на протяжении значительного периода модели уголовного процесса в России. Вполне очевидно, что требуется существенная доработка законодательства об особом порядке, направленная прежде всего на его гармонизацию с общими принципами и положениями осуществления правосудия по уголовным делам в Российской Федерации. Так, представляется необходимым произвести в тексте закона отграничение приговора, вынесенного в особом порядке, от приговора, вынесенного в общем порядке, – по причинам и основаниям, изложенным выше.

Помимо этого, нуждается в осмыслении вопрос о том, насколько возможно в рамках особого порядка определить для суда полномочие по исследованию всех доказательств по делу, поскольку, с одной стороны, это соответствует общему духу уголовного процесса, а с другой – противоречит самой идее особого порядка, являющегося упрощенным и усеченным во многих аспектах по отношению к общему порядку судебного разбирательства.

Также нуждаются в доработке и ряд процедурных положений, связанных с обжалованием постановления следователя об отказе в удовлетворении ходатайства о досудебном соглашении; возможность потерпевшего отзывать в ходе рассмотрения дела свое согласие на применение особого порядка; ряд иных сугубо практических положений, напрямую влияющих на положение участников уголовного судопроизводства.

Библиографический список

1. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019, с изм. от 17.04.2019) (с изм. и доп., вступ. в силу с 12.04.2019). Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481.

2. Пилюк А. В. Некоторые проблемы особого порядка разрешения уголовных дел // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2016. № 2 (10). С. 29–37. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-osobogo-poryadka-razresheniya-ugolovnykh-del>.

3. Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 2018 год. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 22.04.2019).

4. Herrmann Joachim. Bargaining Justice – A Bargain for German Criminal Justice. University of Pittsburgh Law Review, 1991–1992, 53: 755. URL: <https://heinonline.org/HOL/LandingPage?collection=journals&handle=hein.journals/upitt53&div=26&id=&page=> (дата обращения: 01.06.2019).

5. Harney Alexandra. China passes pilot program for plea bargains // Reuters. 3 September 2016. URL: <https://www.reuters.com/article/us-china-courts-plea-bargains/china-passes-pilot-program-for-plea-bargains-idUSKCN11904W?il=0> (дата обращения: 22.04.2019).

6. Federal Rules of Criminal Procedure, Rule 11. Pleas. Legal Information Institute. Cornell Law School. 2011-11-30. URL: https://www.law.cornell.edu/rules/frcrmp/rule_11 (дата обращения: 10.06.2019).

7. Писаревский И. И. Особый порядок как институт, не имеющий аналогов в истории российского уголовного процесса // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 169–173. DOI: 10.17223/15617793/404/27.

8. Проект федерального закона «О внесении изменений в статьи 314 и 316 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/690652-7> (дата обращения: 22.04.2019).

9. Беляев М. В. Судебные решения, выносимые в особом порядке судебного разбирательства: механизм принятия и особенности содержания // Судья. 2018. № 10. С. 54–60. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36535316>.

10. Федеральный закон от 29.06.2015 № 191-ФЗ «О внесении изменения в статью 90 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181863.

11. Желтобрюхов С. П. Нужно ли согласие государственного обвинителя и потерпевшего при постановлении приговора в особом порядке судебного разбирательства? // Российская юстиция.

2017. № 12. С. 60–62. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32292196>.

12. Пилюк А. В. Институт особого порядка рассмотрения уголовных дел судом нуждается в совершенствовании // Российская юстиция. 2017. № 6. С. 20–23. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29312613>.

13. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17.05.2011 № 60-О11-4 «В силу положений действующего законодательства оценка значения сотрудничества обвиняемого со следствием отнесена исключительно к компетенции органов предварительного следствия и прокурора, обсуждению на стадии кассационного обжалования судебного решения, вынесенного по итогам судебного разбирательства, не подлежит». Доступ из СПС «КонсультантПлюс», 2019. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_81/93ffecb42f259484eb339f9ed8d7679d954e7bba.

References

1. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 01.04.2019, s izm. ot 17.04.2019) (s izm. i dop., vstup. v silu s 12.04.2019)* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation as of 18.12.2001 № 174-FZ (revised 01.04.2019, as amended on 17.04.2019) (as amended effective of 12.04.2019)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus», 2019. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 [in Russian].

2. Pilyuk A. V. *Nekotorye problemy osobogo poryadka razresheniya ugolovnykh del* [Some problems of special trial order of the examination criminal cases]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings], 2016, Issue 2 (10), pp. 29–37. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-problemy-osobogo-poryadka-razresheniya-ugolovnykh-del> [in Russian].

3. *Otchet o rabote sudov obshchei yurisdiksiii po rassmotreniyu ugolovnykh del po pervoi instantsii za 2018 god* [Report on the work of the courts of general jurisdiction for the consideration of criminal cases in the first instance for 2018]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (accessed 22.04.2019) [in Russian].

4. *Herrmann Joachim. Bargaining Justice – A Bargain for German Criminal Justice. University of Pittsburgh Law Review, 1991–1992, 53: 755. Available at: https://heinonline.org/HOL/LandingPage?collection=journals&handle=hein.journals/upitt53&div=26&id=&page=* (accessed 01.06.19) [in English].

5. Harney Alexandra. *China passes pilot program for plea bargains. Reuters. 3 September 2016.* Available at: <https://www.reuters.com/article/us-china-courts-plea-bargains/china-passes-pilot-program-for-plea-bargains-idUSKCN11904W?il=0> (accessed 22.04.2019) [in English].

6. *Federal Rules of Criminal Procedure, Rule 11. Pleas. Legal Information Institute. Cornell Law School. 2011-11-30.* Available at: https://www.law.cornell.edu/rules/frcrmp/rule_11 (accessed 10.06.2019) [in English].

7. Pisarevskiy I. I. *Osobyi poryadok kak institut, ne imeyushchii analogov v istorii rossiiskogo ugolovnogo protsesssa* [Special procedure as an institution with no background in the history of Russian criminal procedure]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo*

universiteta [Tomsk State University Journal], 2016, no. 404, pp. 169–173. DOI: 10.17223/15617793/404/27 [in Russian].

8. *Proekt Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenii v stat'i 314 i 316 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii»* [Draft of the Federal Law «On Amendments to Articles 314 and 316 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation»]. Available at: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/690652-7> (accessed 22.04.2019) [in Russian].

9. Belyaev M. V. *Sudebnye resheniya, vynosimye v osobom poryadke sudebnogo razbiratel'stva: mekhanizm prinyatiya i osobennosti sodержaniya* [Judicial decisions rendered in a special court order: mechanism of adoption and peculiarities of the content]. *Sud'ya* [Judge], 2018, no. 10, pp. 54–59. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36535316> [in Russian].

10. *Federal'nyi zakon ot 29.06.2015 № 191-FZ «O vnesenii izmeneniya v stat'yu 90 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law as of June 29, 2015 № 191-FZ «On Amending Article 90 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus», 2019. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_181863/ [in Russian].

11. Zheltobryukhov S. P. *Nuzhno li soglasie gosudarstvennogo obvinitelya i poterpevshego pri postanovlenii prigovora v osobom poryadke sudebnogo razbiratel'stva?* [Is the consent of the public prosecutor

and the victim, when the sentence in special judicial proceedings?]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justitia], 2017, no. 12, pp. 60–62. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32292196> [in Russian].

12. Piyuk A. V. *Institut osobogo poryadka rassmotreniya ugolovnykh del sudom nuzhdaetsya v sovershenstvovanii* [Institute a special procedure for the examination of criminal cases, the court needs to be improved]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justitia], 2017, no. 6, pp. 20–23. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29312613> [in Russian].

13. *Kassatsionnoe opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 17.05.2011 № 60-O11-4 «V silu polozhenii deistvuyushchego zakonodatel'stva otsenka znacheniya sotrudnichestva obvinyaemogo so sledstviem otnesena isklyuchitel'no k kompetentsii organov predvaritel'nogo sledstviya i prokurora, obsuzhdeniyu na stadii kassatsionnogo obzhalovaniya sudebnogo resheniya, vnesennogo po itogam sudebnogo razbiratel'stva, ne podlezhit»* [Cassation definition of the Supreme Court of the Russian Federation as of 17.05.2011 № 60-O11-4 «By virtue of the provisions of the current legislation, the assessment of the value of the cooperation of the accused with the investigation is attributed solely to the competence of the bodies of the preliminary investigation and the prosecutor, which is not subject to discussion at the stage of cassation appeal of the court decision on the results of the trial»]. Available at legal reference system «ConsultantPlus», 2019. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/93ffecb42f259484eb339f9ed8d7679d954e7bba [in Russian].

ФИНАНСОВОЕ И БЮДЖЕТНОЕ ПРАВО

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-120-125
УДК 347.73

Дата поступления статьи: 2/IX/2019
Дата принятия статьи: 27/IX/2019

П. М. Курдюк, В. А. Очаковский

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНЫХ ПОЛНОМОЧИЙ ЦЕНТРАЛЬНЫМ БАНКОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© **Курдюк Петр Михайлович** (pkurdyuk@list.ru), доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой административного и финансового права, **Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина**, 350000, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.

Тема докторской диссертации: «Местное самоуправление как правовая форма выражения и реализации интересов гражданского общества в странах Запада: сравнительно-правовое исследование». Автор и соавтор более 50 научных работ, в том числе монографий: «Правовое регулирование взаимодействия органов государственного и муниципального управления» (2019), «Развитие естественного и позитивного права в контексте их взаимодействия» (2015), «Теоретические и историко-правовые основы местного самоуправления в России и зарубежных странах» (2013); учебного пособия «Государственная (публичная) служба» (2016).

Область научных интересов: общая теория права, теория муниципального права, история государственной службы, особенная часть финансового права.

© **Очаковский Виктор Александрович** (viktor.ochakovsky@list.ru), кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права, **Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина**, 350000, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.

Тема кандидатской диссертации: «Становление и развитие института юридической ответственности государственных служащих в дореволюционной России (начало XVIII – конец XIX века)». Автор и соавтор более 60 научных работ, в том числе монографии «Правовое регулирование взаимодействия органов государственного и муниципального управления» (2019).

Область научных интересов: общетеоретические вопросы муниципального права, история государственной службы, особенная часть финансового права, налоговое право.

АННОТАЦИЯ

Развитие отечественной банковской системы на современном этапе переживает очередной виток реформирования. Ключевым сегментом, который подвергается изменениям, является Банк России, который с 2013 года претерпел ряд преобразований в правовом регулировании своего статуса, в том числе в сфере банковского контроля и надзора. В статье предпринята попытка исследовать некоторые особенности реализации контрольных полномочий Банком России. Особое внимание в работе авторы акцентируют на анализе нового полномочия Банка России – проведения контрольного мероприятия. В данной статье предпринята попытка раскрыть основные причины введения данной новеллы. Обращается внимание на то, что процедура проведения контрольного мероприятия Банком России регламентируется не только Федеральным законом «О Центральном банке РФ (Банке России)», но и Инструкцией Банка России от 18 декабря 2018 года № 195-И «О порядке организации и проведения Банком России контрольного мероприятия в отношении кредитных организаций и некредитных финансовых организаций, порядке направления копии акта о проведении контрольного мероприятия в кредитную организацию, некредитную финансовую организацию, в отношении которых проводилось контрольное мероприятие».

Ключевые слова: финансовое право, банк, Центральный банк, Банк России, контроль, мегарегулятор, банковское регулирование, кредитная организация, банковский надзор.

Цитирование. Курдюк П. М., Очаковский В. А. Некоторые особенности реализации контрольных полномочий Центральным банком Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 120–125. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-120-125>.

*P. M. Kurdyuk, V. A. Ochakovskii***SOME FEATURES OF IMPLEMENTATION OF CONTROL POWERS BY THE CENTRAL BANK OF THE RUSSIAN FEDERATION**

© **Kurdyuk Petr Michailovich (pkurdyuk@list.ru)**, Doctor of Laws, professor, head of the Department of Administration and Finance Law, **Kuban State Agrarian University**, 13, Kalinina Street, Krasnodar, 350044, Russian Federation.

Subject of Doctoral thesis: «Local self-government as a legal form of expression and realization of civil society interests in Western countries: comparative legal study». Author and coauthor of more than 50 scientific works, including monographs: «Legal regulation of interaction between state and municipal authorities» (2019), «Development of natural and positive law in the context of their interaction» (2015), «Theoretical and historical-legal foundations of local self-government in Russia and foreign countries» (2013); textbook «State (public) service» (2016).

Research interests: general theory of law, theory of municipal law, history of public service, special part of financial law.

© **Ochakovskii Victor Aleksandrovitch (viktor.ochakovsky@list.ru)**, Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Administrative and Financial Law, **Kuban State Agrarian University**, 13, Kalinina Street, 350044, Krasnodar, Russian Federation.

Subject of Candidate's thesis: «Formation and development of the Institute of legal responsibility of civil servants in pre-revolutionary Russia (beginning of XVIII – end of XIX century)». Author and coauthor of more than 60 scientific works, including monograph: «Legal regulation of interaction between state and municipal authorities» (2019)

Research interests: general theoretical issues of municipal law, history of public service, special part of financial law, tax law.

ABSTRACT

The development of domestic banking system at the present stage is undergoing another round of reform. The key segment that is undergoing changes is the Bank of Russia, which since 2013 has undergone a number of changes in the legal regulation of its status, including in the field of banking control and supervision. The article attempts to investigate some features of implementation of control powers by the Bank of Russia. The author pays special attention to the analysis of the new mandate of the Bank of Russia – the control event. This article attempts to reveal the main reasons for the introduction of this novel. Attention is drawn to the fact that the procedure of carrying out control measures by the Bank of Russia is governed not only by the Federal Law «On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)», but also the Instruction of the Bank of Russia as of December 18, 2018 № 195-I «On the procedure of organization and carrying out by the Bank of Russia of supervisory measures against credit institutions and noncredit financial organizations, the procedure for sending copies of the report on conducting of control measures to the credit institution non-Bank financial institution with respect to which was conducted a test event».

Key words: financial law, bank, Central Bank, Bank of Russia, control, megaregulation, banking regulation, credit institution, banking supervision.

Citation. Kurdyuk P. M., Ochakovskii V. A. *Nekotorye osobennosti realizatsii kontrol'nykh polnomochii Tsentral'nyim bankom Rossiiskoi Federatsii* [Some features of implementation of control powers by the Central Bank of the Russian Federation]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 120–125. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-120-125> [in Russian].

Несомненным спутником успешного развития экономики любого государства является наличие эффективной банковской системы. В свою очередь, построение эффективно действующей банковской системы невозможно без применения контрольно-надзорных механизмов со стороны центральных регуляторов. В России подобным мегарегулятором выступает Центральный банк Российской Федерации (Банк России) (далее – Банк России).

На протяжении последних нескольких лет правовое регулирование деятельности кредитных ор-

ганизаций значительно претерпело изменения, что вызвано рядом объективных факторов [1–3]. Банк России стал мегарегулятором, сконцентрировав на себе полномочия по контролю за деятельностью страховщиков и кредитных организаций.

Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 26.07.2019) определяет кредитную организацию как юридическое лицо, которое для извлечения прибыли как основной цели своей деятельности на основании специального разрешения (лицензии) Центрального банка Российской Федерации

имеет право осуществлять банковские операции, предусмотренные настоящим Федеральным законом. Кредитная организация образуется на основе любой формы собственности как хозяйственное общество [4].

Обратим внимание на то, что на 1 октября 2019 года в Российской Федерации действуют **454** кредитные организации. Из них банков – 414 (с базовой лицензией – 141, с универсальной лицензией – 273), небанковских кредитных организаций – 40 [5]. Для сравнения, на 1 января 2019 года число кредитных организаций составляло **484** (банков – 440, небанковских кредитных организаций – 44). Таким образом, многолетняя тенденция по сокращению числа кредитных организаций сохраняется.

С июня 2017 года изменился подход к лицензированию банковской деятельности. Теперь Банк России выдает лицензии банкам двух видов: базовую и универсальную. Данная реформа лицензионной деятельности вызывает неоднозначные мнения в литературе [6, с. 13–18]. При этом, как справедливо отмечает Н. В. Неверова, необходимость реформирования лицензионной деятельности в банковском сегменте объяснима сложностью внедряемых международных стандартов банковской деятельности, а первоосновой нового подхода выступает минимальный размер собственных средств банка [1, с. 216].

Так, банк с универсальной лицензией – это кредитная организация, минимальный размер уставного капитала которой на день подачи ходатайства о государственной регистрации и выдаче лицензии на осуществление банковских операций составляет 1 миллиард рублей, а также она вправе осуществлять банковские операции и сделки, указанные в Федеральном законе от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (ред. от 26.07.2019) [7].

Банк с базовой лицензией – это кредитная организация, минимальный размер уставного капитала которой на день подачи ходатайства о государственной регистрации и выдаче лицензии на осуществление банковских операций составляет 300 миллионов рублей, а также она вправе осуществлять банковские операции и сделки, но за определенными исключениями, установленными статьей 5.1 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности».

При рассмотрении контрольных полномочий Банка России важно обратить внимание на новые подходы в части порядка выдачи кредитным организациям универсальной лицензии на осуществление банковских операций. Так, например, согласно Приложению 28 к Инструкции от 2 апреля 2010 г. № 135-И (в ред. от 5 октября 2018 г.) «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций» [8] банку может быть выдана универсальная лицензия на осуществление

банковских операций со средствами в рублях (без права привлечения денежных средств физических лиц и осуществления банковских операций с драгоценными металлами), а именно:

- привлечение денежных средств юридических лиц во вклады (до востребования и на определенный срок);
- размещение привлеченных во вклады (до востребования и на определенный срок) денежных средств юридических лиц от своего имени и за свой счет;
- открытие и ведение банковских счетов юридических лиц;
- осуществление расчетов по поручению юридических лиц, в том числе банков корреспондентов, по их банковским счетам; инкассация денежных средств, векселей, платежных и расчетных документов и кассовое обслуживание физических и юридических лиц; выдача банковских гарантий;
- осуществление переводов денежных средств по поручению физических лиц без открытия банковских счетов (за исключением почтовых переводов).

Также следует отметить, что аналогичные положения об универсальных лицензиях установлены в приложениях 29–47 к Инструкции от 2 апреля 2010 г. № 135-И (в ред. от 5 октября 2018 г.) «О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций». Ранее действовавшие правила главы 8 Инструкции от 2 апреля 2010 г. № 135-И и приложений к ней 6–8, 10, 16–18 отменены с 14 ноября 2017 года.

Далее рассмотрим некоторые особенности полномочий Банка России в области банковского надзора.

Председатель Банка России Э. С. Набиуллина приказом от 24 июля 2017 года № ОД-2087 передала в центральный аппарат Банка России полномочия территориальных учреждений Банка России по государственной регистрации кредитных организаций и лицензированию банковской деятельности, определив в качестве структурного подразделения Банка России, уполномоченного на рассмотрение комплектов документов, Департамент допуска и прекращения деятельности финансовых организаций. Данное решение являлось очередным этапом в централизации банковского надзора, основными целями которого выступают оптимизация управления банковскими процессами и усиление надзорной работы, в том числе по определению и минимизации кредитных рисков, возникающих у финансовых организаций. Результаты данного надзорного маневра говорят сами за себя. К примеру, только за октябрь 2018 года лицензии были отозваны у 9 банков, а общее число отозванных лицензий за 2018 год составило 57 [9].

С мая 2017 года нормы Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» также были дополнены новыми

основаниями отзыва лицензий на осуществление банковских операций [10, с. 72]. Перечень случаев, предусмотренных статьей 20 указанного выше Федерального закона, дополнен такими основаниями, как:

1) неисполнение банком с универсальной лицензией на 1 января 2018 года требования о размере собственных средств (капитала), и такой банк не получил до 1 января 2019 года в установленном Банком России порядке статус банка с базовой лицензией, или не изменил свой статус на статус небанковской кредитной организации, или не получил статус микрофинансовой компании с одновременным прекращением статуса кредитной организации и аннулированием лицензии на осуществление банковских операций;

2) неисполнение банком с универсальной лицензией после 1 января 2019 года требования в течение четырех месяцев подряд о снижении размера собственных средств (капитала) ниже минимального размера собственных средств (капитала) и в течение шести месяцев с даты истечения указанного периода не получил в установленном Банком России порядке статус банка с базовой лицензией, или не изменил свой статус на статус небанковской кредитной организации, или не получил статус микрофинансовой компании с одновременным прекращением статуса кредитной организации и аннулированием лицензии на осуществление банковских операций;

3) неисполнение банком с базовой лицензией после 1 января 2018 года требования в течение четырех месяцев подряд о снижении размера собственных средств (капитала) ниже минимального размера собственных средств (капитала), и в течение шести месяцев с даты истечения указанного периода не изменил в установленном Банком России порядке свой статус на статус небанковской кредитной организации или не получил статус микрофинансовой компании с одновременным прекращением статуса кредитной организации и аннулированием лицензии на осуществление банковских операций.

С 1 января 2019 года вступил в силу ФЗ от 29 июля 2018 г. № 263-ФЗ [11], который ввел в оборот новую правовую категорию «контрольное мероприятие», имеющее свои процессуально-правовые особенности реализации. Полагаем, что одной из базовых характеристик контрольного мероприятия Банка России является его внезапность для подконтрольного лица. Контрольное мероприятие проводится без предварительного уведомления. В связи с этим в научной литературе высказывается обеспокоенность в части обеспечения гарантированности прав и законных интересов кредитных организаций. С этим доводом можно согласиться частично, поскольку контрольное мероприятие Банка России вправе инициировать лишь два субъекта права: председатель Банка России или его заместитель. Думается, что возможность возникновения нарушения права проверяемого лица

в данном случае практически минимальна. Более того, детально процедура организации и проведения контрольного мероприятия Банка России регламентирована в Инструкции Банка России от 18 декабря 2018 года № 195-И «О порядке организации и проведения Банком России контрольного мероприятия в отношении кредитных организаций и некредитных финансовых организаций, порядке направления копии акта о проведении контрольного мероприятия в кредитную организацию, некредитную финансовую организацию, в отношении которых проводилось контрольное мероприятие» [11].

Также к ряду положений Инструкции Банка России от 18 декабря 2018 года № 195-И есть определенные замечания. Рассмотрим некоторые из них.

Проектом предусмотрено проведение контрольного мероприятия группой сотрудников территориального учреждения Банка России (в частности, в составе 2–4 человек). В то же время в ряде случаев это невозможно. Например:

– для проведения операций с наличными денежными средствами в отдельно огороженные зоны касс приглашаются клиенты по отдельности. Присутствие третьих лиц не предусмотрено;

– посещение депозитарных ячеек возможно только непосредственно клиентом банка без участия третьих лиц;

– при подтверждении операций по банковским картам путем введения пароля клиент обязан соблюдать меры безопасности, чтобы конфиденциальная информация не стала известна третьим лицам (которыми могут являться посторонние физические лица, привлеченные к контрольному мероприятию в качестве свидетелей).

Пункт 2.5 главы 2 Инструкции Банка России от 18 декабря 2018 года № 195-И устанавливает: «Уполномоченные представители (служащие) Банка России должны проводить контрольное мероприятие (за исключением дистанционного контрольного мероприятия) с применением видеозаписи или фото- и киносъемки или с привлечением к проведению контрольного мероприятия двух свидетелей». Думается, что запись на видео или фотосъемка объектов, содержащих банковскую тайну, должны быть запрещены. Применение видеозаписи или фото- и киносъемки будет являться грубым нарушением банковской тайны.

Пункт 2.1 главы 2 Инструкции Банка России от 18 декабря 2018 года № 195-И гласит: «Контрольное мероприятие в отношении поднадзорной организации проводится по решению о проведении контрольного мероприятия, которое принимается председателем Банка России или заместителем председателя Банка России». Однако представление поднадзорной организации копии такого решения Банка России не предусматривается Инструкцией. Полагаем, что к копии акта о проведении контрольного мероприятия, направляемого в поднадзорную организацию, предлагается на-

правлять копию решения о проведении контрольного мероприятия. Кредитная организация вправе получать полную информацию о проведении контрольного мероприятия, в том числе копию решения Банка России о проведении контрольного мероприятия. Схожие правила действуют при проведении выездных налоговых проверок [12]. Ведь решение о проведении проверки – ключевой процессуальный документ на основании которого можно в последующем, при наличии тех или иных доводов и оснований, оспорить результаты подобного контрольного мероприятия.

Также мы не согласны с правовой позицией Банка России о том, что в п. 2.7. Инструкции Банка России от 18 декабря 2018 года № 195-И не указана обязанность сотрудника Банка России сообщить о том, что проводилось контрольное мероприятие и нарушений не выявлено. В пункте 2.8. Проекта Инструкции Банка России была прописана обязанность поднадзорной организации после получения акта о проведении контрольного мероприятия расторгнуть сделку, заключенную в рамках контрольного мероприятия, и вернуть денежные средства. Соответственно в Проекте Инструкции Банка России было предусмотрено подобное положение. Однако в дальнейшем этот пункт не нашел своей интерпретации в официальной редакции рассматриваемой нами Инструкции Банка России.

Реформа института банковского надзора продиктована международными стандартами и подходами в области финансов и экономики [13, с. 111]. С 2016 года банковское регулирование в Российской Федерации соответствует стандартам Базеля II, Базеля III. В Российской Федерации стандарты ведения банковского надзора соответствуют 25 из 29 базовых начал деятельности Базельского комитета по банковскому надзору [1, с. 219].

Подводя итог вышесказанному, отметим, что в настоящее время осуществление контрольно-надзорных полномочий Банком России находится на качественно новом этапе своего развития. Будем надеяться, что реформа банковского законодательства, нормативное совершенствование контрольной деятельности Банка России положительно скажутся на экономическом самочувствии страны и позволят добиться новых результатов в создании благоприятных условий в минимизации последствий экономического кризиса.

Библиографический список

1. Неверова Н. В. О некоторых новеллах правового регулирования функционирования банковской системы Российской Федерации // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2018. № 1 (120). С. 213–220. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32615472>.
2. Соловьева А. В., Бородин В. А., Очаковский В. А. Финансовое мегарегулирование в Российской Федерации // Политематический

сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета (Научный журнал КубГАУ). 2014. № 01(095). IDA [article ID]: 0951401015. URL: <http://ej.kubagro.ru/2014/01/pdf/15.pdf>.

3. Архиреева А. С., Приходько Е. Г. Правовой статус Центрального банка Российской Федерации // Эпомен. 2019. № 25. С. 22–29. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37298887>.
4. СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492.
5. Информация Банка России о банковской системе РФ за 2019 год на 1 октября 2019 г. URL: <https://cbr.ru/statistics/pdco/lic> (дата обращения: 15.08.2019).
6. Ефимова Е. Г. К обсуждению концепции законопроекта о пропорциональном регулировании (или о создании многоуровневой системы) // Банковское право. 2017. № 3. С. 13–18. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29429086>.
7. О банках и банковской деятельности: Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 // СЗ РФ. 1996. № 6. Ст. 492. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842.
8. Вестник Банка России. 2010. № 23 (1192). 30 апреля. URL: <https://cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/48340?fileId=-1&scope=1192>.
9. URL: <https://bankinform.ru/news/singlenews.aspx?newsid=96732> (дата обращения: 15.08.2019).
10. Очаковский В. А., Папоян А. А., Салова К. О. Об отзыве лицензий Центральным банком России // Эпомен. 2018. № 11. С. 70–77. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32687842>.
11. Вестник Банка России. 2019. № 10. 13 февраля. URL: https://cbr.ru/publ/vesnik/ves190213_010.pdf.
12. Агабабян В. Э., Очаковский В. А. Налоговый контроль как элемент налогового администрирования в Российской Федерации // Полиматис. 2018. № 9. С. 13–18. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32383483>.
13. Рождественская Т. Э. Правовой механизм реализации базельских принципов банковского надзора в Российской Федерации. М.: ЮРКОМПАНИ, 2011. 204 с.

References

1. Neverova N. V. *O nekotorykh novellakh pravovogo regulirovaniya funktsionirovaniya bankovskoi sistemy Rossiiskoi Federatsii* [On some novelties in the legal regulation functioning of the Russian Federation banking system]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii* [Vestnik of Saratov State Law Academy], 2018, no. 1 (120), pp. 213–220. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32615472> [in Russian].
2. Solovyova A. V., Borodina V. A., Ochakovskiy V. A. *Finansovoe megaregulirovanie v Rossiiskoi Federatsii* [Financial mega-regulation in the Russian Federation]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta (Nauchnyi zhurnal KubGAU)* [Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University], 2014, no. 01 (095). IDA [article ID]: 0951401015. Access mode: <http://ej.kubagro.ru/2014/01/pdf/15.pdf> [in Russian].
3. Arkhireyeva A. S., Prikhodko E. G. *Pravovoi status Tsentral'nogo banka Rossiiskoi Federatsii* [The Legal Status of the Central Bank of the Russian Federation]. *Epomen*, 2019, no. 25, pp. 22–29. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37298887> [in Russian].

4. *SZ RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 6, Article 492 [in Russian].

5. *Informatsiya Banka Rossii o bankovskoi sisteme RF za 2019 god na 1 oktyabrya 2019 g.* [Information of the Bank of Russia on the banking system of the Russian Federation for 2019 as of October 1, 2019]. Available at: <https://cbr.ru/statistics/pdco/lic> (accessed 15.08.2019) [in Russian].

6. Efimova E. G. *K obsuzhdeniyu kontseptsii zakonoproekta o proporsional'nom regulirovanii (ili o sozdanii mnogourovnevoi sistemy)* [For discussion of proportional regulation (or multi-level system creation) bill concept]. *Bankovskoe pravo* [Banking Law], 2017, no. 3, pp. 13–18. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29429086> [in Russian].

7. *O bankakh i bankovskoi deyatel'nosti: Federal'nyi zakon ot 02.12.1990 № 395-1* [About banks and banking activity: Federal Law of 02.12.1990 № 395-1]. *SZ RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 6, Article 492. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842 [in Russian].

8. *Vestnik Banka Rossii* [Bank Of Russia Bulletin], 2010, no. 23(1192), April 30. Available at: <https://cbr.ru/Queries/XsltBlock/File/48340?fileId=-1&scope=1192> [in Russian].

9. Available at: <https://bankinform.ru/news/singlenews.aspx?newsid=96732> (accessed 15.08.2019) [in Russian].

10. Ochakovskiy V. A., Papoyan A. A., Salova K. O. *Ob otzyve litsenzii Tsentral'nym bankom Rossii* [On Cancellation of Licenses by the Central Bank of Russia]. *Epomen*, 2018, no. 11, pp. 70–77. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32687842> [in Russian].

11. *Vestnik Banka Rossii* [Bank Of Russia Bulletin], 2019, no. 10, February 13. Available at: https://cbr.ru/publ/vestnik/ves190213_010.pdf [in Russian].

12. Agababyan V. E., Ochakovskiy V. A. *Nalogovyi kontrol' kak element nalogovogo administrirovaniya v Rossiiskoi Federatsii* [Tax Control as an Element of Tax Administration in the Russian Federation]. *Nauchnyi zhurnal «Polimatis»* [Polymathis Scientific Journal], 2018, no. 9, pp. 13–18. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32383483> [in Russian].

13. Rozhdestvenskaya T. E. *Pravovoi mekhanizm realizatsii bazel'skikh printsiptov bankovskogo nadzora v Rossiiskoi Federatsii* [Legal mechanism of implementation of Basel principles of banking supervision in the Russian Federation]. M.: YuRKOMPANI, 2011, 204 p. [in Russian].

Трибуна Молодого Ученого

DOI: 10.18287/2542-047X-2019-5-3-126-133
УДК 346.52Дата поступления статьи: 17/VIII/2019
Дата принятия статьи: 3/IX/2019*Д. Д. Филякина***КОМИТЕТЫ СОВЕТА ДИРЕКТОРОВ В АКЦИОНЕРНЫХ ОБЩЕСТВАХ
С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ: К ВОПРОСУ О СОВЕРШЕНСТВОВАНИИ
КОРПОРАТИВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

© Филякина Дарья Дмитриевна (darya@filyakina.ru), аспирант кафедры гражданского права, Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина, 350044, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Калинина, 13.

Тема планируемой кандидатской диссертации: «Защита прав публично-правовых образований как акционеров при реорганизации корпораций». Автор 3 научных публикаций, в том числе научной статьи «К вопросу о понятии и формах реорганизации корпораций» (2018).

Область научных интересов: гражданское право, предпринимательское право, корпоративное право.

АННОТАЦИЯ

В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с деятельностью комитетов при совете директоров (наблюдательном совете) акционерных обществ, акции которых принадлежат Российской Федерации. Проводится краткий обзор корпоративного управления шести акционерных обществ с государственным участием. Исследование основано на анализе внутренних локальных корпоративных актов рассматриваемых обществ, актуального законодательства, российской и зарубежной правовой доктрины. Автор приходит к выводу, что чаще всего в акционерных обществах с государственным участием при совете директоров (наблюдательном совете) создаются комитеты по аудиту, комитеты по стратегии, а также по кадрам и вознаграждениям. Деятельность комитета по аудиту в свете изменений акционерного законодательства подвергнута более подробному анализу. В результате исследования формулируются авторские выводы о положительной динамике в области совершенствования российского корпоративного управления и о перспективах развития инструментов такого управления, обозначается место комитетов при совете директоров в иерархии органов хозяйственных обществ.

Ключевые слова: публичное акционерное общество; корпоративное управление; совет директоров; комитет при совете директоров (наблюдательном совете); комитет по аудиту; орган юридического лица.

Цитирование. Филякина Д. Д. Комитеты совета директоров в акционерных обществах с государственным участием: к вопросу о совершенствовании корпоративного законодательства // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 126–133. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-126-133>.

D. D. Filyakina

COMMITTEES OF THE BOARD OF DIRECTORS IN JOINT-STOCK COMPANIES WITH STATE PARTICIPATION: ON THE ISSUE OF IMPROVING CORPORATE LEGISLATION

© Filyakina Darya Dmitrievna (darya@filyakina.ru), postgraduate student, Department of Civil Law, **Kuban State Agrarian University**, 13, Kalinina Street, Krasnodar, 350044, Russian Federation.

Subject of planned Candidate's thesis: «Protection of the rights of public law entities as shareholders during the reorganization of corporations». Author of 3 scientific works, including scientific paper «On the Concept and Forms of Reorganization of Corporations» (2018).

Research interests: civil law, business law, corporate law.

ABSTRACT

This article discusses issues related to the activities of committees under the board of directors (supervisory board) of joint stock companies whose shares are owned by the Russian Federation. A brief review of the corporate governance of six joint-stock companies with state participation is under way. The study is based on the analysis of the internal regulatory acts of the societies under consideration, current legislation, and Russian and foreign legal doctrine. The author comes to the conclusion that most often in joint stock companies with state participation, audit committees, strategy committees, as well as personnel and remuneration committees are created under the board of directors (supervisory board). The activities of the audit committee in the light of changes in shareholder legislation are analyzed in more detail. As a result of the research, author's conclusions are formulated on the positive dynamics in the area of improving Russian corporate governance and on the development prospects of such management tools, the place of the committees of the board of directors in the hierarchy of business company's bodies is indicated.

Key words: public joint stock company; corporate governance; board of directors; committee under the board of directors (supervisory board); audit committee; body of a legal entity.

Citation. Filyakina D. D. *Komitety soveta direktorov v aktsionernykh obshchestvakh s gosudarstvennym uchastiem: k voprosu o sovershenstvovanii korporativnogo zakonodatel'stva* [Committees of the board of directors in joint-stock companies with state participation: on the issue of improving corporate legislation]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 126–133. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-126-133> [in Russian].

Вопросы развития института комитетов совета директоров в акционерных обществах с государственным участием занимают особое место среди актуальных задач совершенствования корпоративного управления в России. Важным инструментом повышения эффективности деятельности советов директоров и качества системы корпоративного управления является создание узконаправленных комитетов при советах директоров (наблюдательных советах).

Для обеспечения интересов государства в акционерных обществах, акции которых полностью или частично принадлежат Российской Федерации, создания эффективных инструментов внешнего и внутреннего аудита, а также организации единого подхода в данной области в настоящее время существует ряд документов, имеющих чисто рекомендательный характер (отнесем к ним Кодекс корпоративного управления [1] и методические рекомендации Росимущества [2]).

В ходе исследования нами была проанализирована ситуация в области корпоративного управления в следующих акционерных обществах с участием Российской Федерации: ПАО «Газпром», ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Феде-

ральная гидрогенерирующая компания – РусГидро», ПАО «Сбербанк России», Банк ВТБ (ПАО), ОАО «РЖД».

Исследование показало, что наиболее популярными в российской корпоративной практике являются: комитеты по аудиту, тем более что с 1 июля 2020 года на публичные акционерные общества (далее – ПАО) возлагается обязанность проводить внутренний аудит, организовывать систему управления рисками и внутреннего контроля [3]; по стратегии (стратегическому планированию); по кадрам, в том числе назначениям, и вознаграждениям. Функции каждого конкретного комитета даже с идентичными названиями в различных акционерных обществах будут отличаться в зависимости от сферы деятельности компании, в которой комитет создан.

Комитеты действуют на основе положений, утверждаемых советами директоров. На наш взгляд, в целях упорядочивания полномочий и ответственности каждого члена конкретного комитета совета директоров общества, а также для лучшего раскрытия потенциала самого комитета обязательно наличие положения о нем. Данные положения относятся к внутренним документам юри-

дического лица или, как более точно было указано Лесковой Ю. Г. и Диденко А. А. [4, с. 20], к корпоративным актам ненормативного характера.

Значение указанных документов не следует занижать и принимать их советы «шаблонно», не концентрируя внимания на детальной разработке их положений. Здесь логично обратиться к судебной практике, показывающей нам должную важность работы комитетов при совете директоров (наблюдательном совете) и их членов, полномочия которых должны быть легитимны. В апелляционном определении Московского городского суда указано, что доводы представителя истца о фактическом исполнении трудовых обязанностей истца в качестве члена Комитета по аудиту при Совете ЗАО «Банк ВТБ (Армения)» признаны судом первой инстанции обоснованно несостоятельными, в связи с тем что предметом исковых требований установлено факта трудовых отношений после расторжения с истцом трудового договора 23.12.2016 не было, доказательств продолжения трудовых отношений после увольнения истцом не представлено, а само ее участие в заседаниях Комитета по аудиту при совете ЗАО «Банк ВТБ (Армения)» не свидетельствует о наличии таких отношений между истцом и ответчиком [5]. Здесь имеется в виду отсутствие оснований для участия лица в заседаниях комитета, и, соответственно, появляется возможность ставить под сомнение решения такого комитета.

Рассмотрим более подробно, каким комитетам в настоящее время отдается предпочтение крупнейшими российскими акционерными обществами. Начнем разбирать данный вопрос с глобальной энергетической компании страны – ПАО «Газпром». Здесь при совете директоров создан комитет по аудиту; комитет по назначениям и вознаграждениям; а также комиссия по вопросам укрепления платежной дисциплины при поставках природного газа на внутреннем рынке Российской Федерации [6], которая по своим функциональным характеристикам соответствует работе комитета. Наличие всего трех консультативных органов для совета директоров в одной из ведущих компаний мира в секторе энергетики никоим образом не сказывается на эффективности их управления. Комитет совета директоров по аудиту в ПАО является одним из субъектов четко выстроенной системы внутреннего контроля организации в части ее финансово-хозяйственной деятельности, а также реализует тесное взаимодействие с внешними аудиторами общества.

В ПАО «НК «Роснефть»» на данный момент функционируют три постоянно действующих комитета совета директоров: по аудиту; по кадрам и вознаграждениям; по стратегическому планированию [7]. Указанные органы формируются из членов совета директоров, которые не являются исполнительными директорами, а возглавляются независимыми директорами. Главенствующая функция комитетов – предварительное рассмотрение наиболее важных вопросов и подготовка

рекомендаций совету директоров для принятия окончательных решений по этим вопросам, таким образом, комитеты выступают в обществе как консультативно-совещательные органы.

В крупнейшем российском энергетическом холдинге ПАО «Федеральная гидрогенерирующая компания – РусГидро» образовано шесть комитетов при совете директоров: по вопросам развития энергетики Дальнего Востока; по стратегии; по аудиту; по кадрам и вознаграждениям (номинациям); по инвестициям; по надежности, энергоэффективности и инновациям [8]. Здесь мы также наблюдаем рекомендательный характер решений комитетов. Приоритетными функциями комитета по аудиту выступает в первую очередь функция контроля за финансовой отчетностью общества, системой внутреннего контроля, управления рисками и корпоративного управления, а также обеспечение независимости и объективности внутреннего и внешнего аудита.

В банковской сфере, на наш взгляд, руководство действует более прогрессивно в сфере приоритетов управления. В ПАО «Сбербанк России» создано 5 комитетов: по аудиту; по кадрам и вознаграждениям; по информационным технологиям; по стратегическому планированию и по управлению рисками [9]. Последний комитет создан в 2018 году с выделением полномочий разработки квалифицированных рекомендаций наблюдательному совету, что позволяет организации выработать верную практику в налаживании системы управления рисками и функционирования в современных экономических реалиях. В банке, в отличие от ранее рассмотренных компаний, разделены аудиторские полномочия и полномочия по управлению рисками и капитала Группы ПАО «Сбербанк».

Банк ВТБ (ПАО) имеет при наблюдательном совете 3 комитета: по аудиту (наделенный достаточно широким кругом полномочий); кадрам и вознаграждениям; стратегии и корпоративному управлению [10]. Здесь стоит обратить внимание на последний комитет, являющийся признанием корпоративного управления необходимым элементом для эффективной работы всей организации. К основным задачам данного комитета относятся установление стратегии приоритетов в развитии банка с поддержкой и совершенствованием системы корпоративного управления и управления собственным капиталом банка. Это подтверждает, что устойчивое развитие организации возможно при тесном взаимодействии системы корпоративного управления и долгосрочных стратегических элементов ее деятельности.

В ОАО «РЖД» функционирует три комитета при совете директоров: по стратегическому планированию; по аудиту и рискам; по кадрам и вознаграждениям [11]. Исследователи практики организации управления в данном акционерном обществе связывают повышение уровня корпоративного управления и эффективность внутреннего контроля финансово-хозяйственной деятельности

в компании с налаженной системой организации работы комитета по аудиту и рискам совета директоров, который обеспечивает своевременную и качественную подготовку материалов для него, тем самым противодействуя мошенничествам и коррупции внутри корпорации [12, с. 65].

Комитеты, назначаемые советом, занимаются конкретными вопросами и принимают обоснованные решения в рамках делегированных полномочий, а также выносят конкретные рекомендации совету по вопросам каждый в своей области или сфере компетенции. Все решения комитетов представляются совету для информации или утверждения.

Чтобы обеспечить более сфокусированное внимание на делах корпорации, совет директоров делегирует определенные полномочия комитетам совета, созданным для этой цели, которые подробно изучают вопросы, прежде чем они будут переданы на рассмотрение совета. Таким образом, комитеты вносят ощутимый вклад для гармоничного функционирования компании, подготавливая основу для принятия высокоэффективных решений советом директоров.

Комитеты позволяют совету директоров: решать значительное количество задач с большей эффективностью, заставляя экспертов сосредоточиться на конкретных областях; развивать предметную экспертизу в таких вопросах, как корпоративное управление, управление рисками, финансовая отчетность; повышать объективность и независимость решений совета.

Большая специализация и тонкости современной работы совета директоров являются одной из причин более широкого использования комитетов. Причины здесь можно выделить следующие:

- разделение обязанностей у различных комитетов;
- больше участников становятся вовлеченными в число названных комитетов;
- специальные навыки членов комитетов могут быть использованы для лучшего преимущества в решении текущих проблем;
- неопытные члены обретают уверенность, а рассмотрение вопросов может стать более детализированным.

Залогом успешной деятельности корпораций с участием РФ является такой инструмент корпоративного управления, как комитет по аудиту. 19 июля 2018 года был принят Федеральный закон № 209-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об акционерных обществах”». В нем установлена обязанность по формированию комитета по аудиту в публичных акционерных обществах.

Согласно информационному сообщению Минфина России от 07.08.2018 № ИС-аудит-24 «О новом законодательстве в области аудиторской деятельности» [13], целью формирования комитета по аудиту является предварительное внутреннее рассмотрение вопросов контроля финансово-хозяйственной деятельности ПАО. Указывается, что одним из основных направлений функцио-

нирования комитета выступает взаимодействие с внешним аудитором компании и систематическое наблюдение за его работой. Данная деятельность комитета призвана обеспечить доверие акционеров ПАО в отношении независимости и качества аудита компании; всестороннее рассмотрение проблем и рисков деятельности компании, выявленных внешним аудитором, неформальное, эффективное взаимодействие совета директоров (наблюдательного совета) с внешним аудитором.

Первые комитеты по аудиту появились в 1939 году в США, но в большинстве компаний так и не были востребованы до 1977 года. В начале 2000-х годов произошли серьезные корпоративные потрясения с банкротством крупнейших американских компаний, которые показали отсутствие эффективности в абсолютном саморегулировании контроля финансовой и хозяйственно-экономической деятельности хозяйствующих субъектов как метода обеспечения качества аудита компаний. И как следствие – в 2002 году в США был принят закон Сорбайнс-Оксли (SOX), который усилил ответственность менеджмента компании и роль комитетов по аудиту при советах директоров [14, с. 205]. Настало время, чтобы комитет по аудиту утвердил свою уникальную роль в качестве профессионального консультанта перед советом директоров по всем вопросам управления рисками и вынесения решений по финансовой отчетности, а также для укрепления доверия между корпоративными группами, особенно акционерами.

Финансовые неудачи в Соединенных Штатах обратили на себя пристальное внимание мирового сообщества, но подобные ситуации повторялись не только в США. В британской компании Allied Carpets были выявлены существенные финансовые нарушения. Цена акций упала до предела, руководители были уволены, в 2008 году в отношении компании была начата процедура банкротства [15]. В период с 2005 по 2007 год было подано более 3000 пересмотренных отчетов о прибылях и убытках, что является убедительным доказательством необходимости уделять больше внимания надежности в процессе аудита.

Комитет по аудиту, выполняя ряд поставленных перед ним задач, подходит для оценки риска, стоимости и результатов реорганизации и реструктуризации акционерных обществ, а также для обеспечения согласованности стратегических целей в финансовой деятельности компании.

При создании комитет по аудиту становится полностью независим от исполнительных органов акционерного общества, что гарантирует защиту интересов акционеров в отношении контроля за финансовой отчетностью компании. Для достижения данной цели комитет по аудиту обязан регулярно предоставлять совету директоров отчеты об осуществлении контроля полноты и достоверности финансовой деятельности общества.

В доктрине отсутствует единый подход к формированию состава комитета по аудиту. С одной стороны, существует позиция, что все директора,

входящие в состав комитета по аудиту, должны быть независимы [16, с. 19]. Другими исследователями высказывается мнение о том, что комитет по аудиту должен состоять из членов совета директоров, а председателем обязательно должен выступать независимый директор [12, с. 56]. Кодексом корпоративного управления рекомендовано формировать комитет по аудиту только из независимых директоров, причем по крайней мере один из независимых директоров – членов данного комитета должен обладать опытом и знаниями в области подготовки, анализа, оценки и аудита бухгалтерской (финансовой) отчетности [1].

Не стоит забывать, что члены комитета по аудиту относятся к лицам, отвечающим в том числе за эффективное корпоративное управление в обществе. В связи с этим неизмеримо важно скрупулезно и ответственно подходить к выбору и назначению членов в данный комитет, ведь профессионализм и эффективность их работы будет сказываться на финансово-хозяйственной деятельности всей корпорации.

Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (в ред. 15.04.2019) «Об акционерных обществах» [17], в статье 66 регулирует вопросы избрания совета директоров акционерного общества, но каких-либо требований, касающихся квалификации и/или профессионального опыта кандидатов, претендующих на избрание в состав комитетов, не содержит. Однако Банк России в целях совершенствования корпоративного управления и внедрения его лучших практик на российском финансовом рынке рекомендует к применению публичными акционерными обществами типовые положения о совете директоров и о комитетах совета директоров публичного акционерного общества [18]. В данных положениях уже усматриваются некоторые требования, предъявляемые к кандидатам в члены совета директоров (наблюдательного совета) акционерных обществ.

В зарубежных странах создана обширная база для совершенствования практики правления в секторе акционерных обществ с участием государства. Такие акционерные общества именуются State-Owned Enterprises (SOE).

В различных зарубежных законодательствах установлены минимальные квалификационные критерии для отбора и назначения членов советов директоров акционерных обществ. Данные критерии чаще всего связаны с образованием, профессиональным опытом и компетентностью кандидатов и разработаны для того, чтобы способствовать более сбалансированному составу совета директоров (в том числе комитетов при них) и оптимизировать процесс оценивания их деятельности. Однако в некоторых случаях пробел между законом и практикой образуется из-за отчасти слабой ответственности в вопросах управления государственной собственностью.

К примеру, в Китае, согласно Положению о государственных активах предприятий, директора должны иметь профессиональные знания и ком-

петентность, наличие «хорошего характера» также является одной из обязательных квалификаций [19, с. 14]. В Индии квалификационные критерии разрабатываются отраслевым министерством, контролирующим определенное предприятие, совместно с рекомендациями соответствующего предприятия, и они обычно варьируются в зависимости от функциональной роли заинтересованного директора [19, с. 14]. В Марокко проект закона о государственном управлении и финансовом контроле государственных предприятий и учреждений (Établissements et Entreprises Publics: EEPs) требует создания прозрачного и институционализированного механизма назначения членов совета директоров на основе заранее определенных критериев отбора [19, с. 15]. В Малайзии Малайзийской академии директоров (MINDA) поручено разработать и создать Реестр директоров, из которого комитетам по назначениям предлагается выбирать потенциальных членов совета директоров. Лидерские качества, национальный и региональный опыт включены в критерии. В настоящее время большинство членов совета директоров SOE являются отставными специалистами или государственными служащими из министерства финансов или соответствующих отраслевых министерств. Кандидаты идентифицируются в основном по рекомендациям и знакомствам, как говорится, «из уст в уста» [19, с. 15].

Такое разнообразие отражает институциональные механизмы в практике управления SOE. Различные законодательные правила о корпоративном управлении, уровень участия государства в акционерных обществах и в некоторой степени установление квалификационных и профессиональных требований к членам советов директоров определяют преобладающую практику в общем корпоративном секторе на международном уровне. Процессы, применяемые правительствами для назначения членов совета директоров SOE, зависят от степени, в которой государство централизовало и профессионализировало свою функцию владения компанией, размера доли участия государства в SOE и баланса между коммерческими и некоммерческими приоритетами. Обеспечение сильной автономной роли советов директоров SOE является проблемой, с которой сталкивается большинство стран, и предстоит еще многое сделать для повышения работоспособности и эффективности деятельности совета директоров путем внедрения желательных стандартов управления и подотчетности, установленных в Руководящих принципах OECD (Organisation for Economic Co-operation and Development) по корпоративному управлению.

Бесспорно, в современной корпоративной практике комитеты при совете директоров (наблюдательном совете) можно смело отнести к органам юридического лица, ведь такие определяющие признаки органа, как порядок образования, состав, организационная структура, собственная узкая компетенция и определенные локальным актом полномочия, легко просматриваются и в от-

ношении комитетов. Каково тогда же их место в иерархии органов хозяйственного общества?

Здесь нам стоит обратиться к лаконичной дифференцированной классификации органов юридического лица по выполняемым функциям, предложенной С. Д. Могилевским. Помимо общих и специальных, он выделяет категорию вспомогательных органов, характеризуя их как органы, существующие как бы внутри органов юридического лица и обеспечивающие их деятельность [20, с. 137–138]. В этой связи представляет интерес решение Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону, в котором было указано, что в акционерном обществе существует специализированный комитет при совете директоров по вознаграждениям и компенсациям, полномочия которого достаточно широки в части назначения вознаграждений и компенсаций председателю правления банка и обоснования такого назначения/не назначения [21]. Указанные полномочия реализуются комитетом в виде предоставления рекомендаций совету директоров.

Изучив положения о различных комитетах вышерассмотренных акционерных обществ, можно выделить одну прослеживаемую в них функцию – консультативно-совещательную, посредством которой комитеты помогают (содействуют) совету директоров (наблюдательному совету) квалифицированными рекомендациями реализовывать грамотное и эффективное управление обществом. Таким образом, проанализированное выше определение вспомогательных органов юридического лица непосредственно отражает суть рассматриваемых комитетов.

Комитеты за свою деятельность несут ответственность перед советом директоров (наблюдательным советом), в то время как члены совета директоров всегда несут ответственность за работу своих комитетов перед обществом или акционерами (абз. 2 ч. 2 ст. 71 Федерального закона от 26 декабря 1995 года № 208-ФЗ (ред. от 15.04.2019) «Об акционерных обществах»), позволяя последним сосредоточиться на углубленном исследовании вопросов, входящих в их компетенцию. Тем не менее комитеты способны дестабилизировать систему управления до такой степени, что они могут скрыть прямую ответственность совета директоров перед акционерами общества и ослабить целостность совета. Следовательно, важно понимать ясность делегированных полномочий и обеспечивать для комитетов невозможность фактического исполнения ими роли совета директоров посредством предоставления комитетам официально установленных в положениях о них выполняемых функций, одновременно предоставляя им возможность оценивать эффективность рекомендаций, используя свои собственные критерии.

Проведенное исследование позволяет нам заключить, что приоритетное лидирующее место среди комитетов при совете директоров (наблюдательном совете) в акционерных обществах с участием Российской Федерации, несомненно, за-

нимает комитет по аудиту, функции которого уже вовсю реализуются с позиций взаимодействия внутреннего контроля, управления рисками, корпоративного управления и проведения внутреннего и внешнего аудита с учетом противодействия нарушениям финансового и корпоративного законодательства, а также прав и законных интересов акционеров обществ, в том числе РФ.

Внутренний аудит как инструмент защиты прав акционеров и повышения эффективности деятельности развивается в российских акционерных обществах с начала 2000-х годов, о внутреннем аудите сказано в Кодексе корпоративного управления, с 2005 года – в правилах по аудиту листинговых компаний для фондовых бирж, внутренний аудит регулируется специальным законодательством в отдельных сферах деятельности, но на уровне акционерного законодательства это понятие введено только в 2018 году.

В связи с данными выводами следует предположить, что создание комитета по аудиту в ПАО позволит акционерам публичного акционерного общества быть уверенными в том, что качество исследования соответствует современным актуальным стандартам, аудит корпорации отражает реальное состояние дел, а степень независимости внутреннего аудита от менеджмента компаний достигнет более прогрессивного уровня.

Библиографический список

1. Письмо Банка России от 10.04.2014 № 06-52/2463 «О Кодексе корпоративного управления» // Вестник Банка России. № 40. 18.04.2014. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70540276>.
2. Приказ Росимущества от 20 марта 2014 № 86 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации работы Комитетов по аудиту Совета директоров в акционерном обществе с участием Российской Федерации»; приказ Росимущества от 04 июля 2014 № 249 «Об утверждении Методических рекомендаций по организации работы внутреннего аудита в акционерных обществах с участием Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.07.2019). URL: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosimushchestva-ot-04072014-n-249-ob>.
3. Федеральный закон от 19.07.2018 (последняя редакция) № 209-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об акционерных обществах”» // СЗ РФ. № 30. Ст. 4544. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_302836.
4. Лескова Ю. Г., Диденко А. А. Корпоративные акты как источники корпоративного права // Журнал предпринимательского и корпоративного права. 2016. № 4. С. 15–20. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27508001>.
5. Московский городской суд. Апелляционное определение от 22.09.2017 по делу № 33-33633/2017. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=952887#001830525133052019> (дата обращения: 21.07.2019).
6. Структура корпоративного управления ПАО «Газпром». URL: <http://www.gazprom.ru/investors/corporate-governance> (дата обращения: 21.07.2019).

7. Комитеты Совета директоров. URL: <https://www.rosneft.ru/governance/corpboard/corpcommittees> (дата обращения: 21.07.2019).

8. Комитеты при Совете директоров. URL: <http://www.rushydro.ru/corporate/committees> (дата обращения: 21.07.2019).

9. Комитеты Наблюдательного совета. URL: <https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/corporate-governance/supervisory-board-committee> (дата обращения: 21.07.2019).

10. Наблюдательный совет. URL: <https://www.vtb.ru/akcionery-i-investory/korporativnoe-upravlenie/nablyudatelnyj-sovet> (дата обращения: 21.07.2019).

11. Структура ОАО «РЖД». Совет директоров ОАО «РЖД». URL: http://www.rzd.ru/ent/public/ru?STRUCTURE_ID=5185&layer_id=5554&id=5408#6059 (дата обращения: 21.07.2019).

12. Иванов О. Б., Степашин С. В. Система организации работы комитета по аудиту совета директоров крупной компании холдингового типа (практика ОАО «Российские Железные Дороги») // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2015. № 2. С. 55–66. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23770611>.

13. Информационное сообщение Минфина России от 07.08.2018 № ИС-аудит-24 «Новое в аудиторском законодательстве: факты и комментарии». URL: https://www.minfin.ru/document/?group_type=&q_4=%D0%98%D0%A1-%D0%B0%D1%83%D0%B4%D0%B8%D1%82-24&DOCUMENT_NUMER_4=&M_DATE_from_4=&M_DATE_to_4=&P_DATE_from_4=&P_DATE_to_4=&t_4=353643281&order_4=P_DATE&dir_4=DESC (дата обращения: 21.07.2019).

14. Carol Padgett. Corporate Governance. Theory and practice. – Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2012. 240 p.

15. Sherman H. David, Carey Dennis, Brust Robert. The Audit Committee's New Agenda // Harvard Business Review, the June 2009 issue. URL: <https://hbr.org/2009/06/the-audit-committees-new-agenda>.

16. Филатов А., Кузнецов М., Севастьянова О., Джураев Э. Организация работы совета директоров: практические рекомендации. М.: Альпина Паблишер, 2014. 172 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27903590>.

17. Федеральный закон от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ (в ред. 15.04.2019 г.) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_docLAW_8743.

18. Письмо Банка России от 15.09.2016 № ИН-015-52/66 «О положениях о совете директоров и о комитетах совета директоров публичного акционерного общества». Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 02.07.2019). URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71393158>.

19. Professionalising Boards of Directors of State-Owned Enterprises: Stocktaking of National Practices. OECD, 2018. 33 p. URL: <https://www.oecd.org/corporate/Professionalising-boards-of-directors-of-SOEs.pdf> (дата обращения: 24.07.2019).

20. Могилевский С. Д. Органы управления хозяйственными обществами: правовой аспект: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03. М., 2001. 375 с. URL: <https://www.lawbook.org.ua/aa/12.00.03/2016/02/01/030522038.doc.html>.

21. Решение Кировского районного суда г. Ростова-на-Дону от 15 января 2016 года по делу № 2-197/2016. URL: [https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70540276](https://sudact.ru/regular/doc/ViW1eNF74JVg/?regular-txt=%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82+%D0%BF%D0%BE+%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%BC®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-doc_type=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_pos=3558#snippet) (дата обращения: 21.07.2019).

doc/ViW1eNF74JVg/?regular-txt=%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82+%D0%BF%D0%BE+%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%BC®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-doc_type=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_pos=3558#snippet (дата обращения: 21.07.2019).

References

1. Pis'mo Banka Rossii ot 10.04.2014 № 06-52/2463 «O Kodekse korporativnogo upravleniya» [Letter of the Bank of Russia dated 10.04.2014 № 06-52/2463 «On the Corporate Governance Code»]. «Vestnik Banka Rossii» [Bank of Russia Bulletin], no. 40, 18.04.2014. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70540276> [in Russian].

2. Prikaz Rosimushchestva ot 20 marta 2014 № 86 «Ob utverzhdenii Metodicheskikh rekomendatsii po organizatsii raboty Komitetov po auditu Soveta direktorov v aktsionernom obshchestve s uchastiem Rossiiskoi Federatsii»; prikaz Rosimushchestva ot 04 iyulya 2014 № 249 «Ob utverzhdenii Metodicheskikh rekomendatsii po organizatsii raboty vnutrennego audita v aktsionernykh obshchestvakh s uchastiem Rossiiskoi Federatsii» [Order of the Federal Property Management Agency dated March 20, 2014 № 86 «On approval of the Methodological recommendations on the organization of work of the Audit Committees of the Board of Directors in a joint stock company with the participation of the Russian Federation»; Order of the Federal Property Management Agency dated July 4, 2014 № 249 «On approval of Methodological recommendations for organizing the work of internal audit in joint-stock companies with the participation of the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 02.07.2019). Available at: <https://legalacts.ru/doc/prikaz-rosimushchestva-ot-04072014-n-249-ob> [in Russian].

3. Federal'nyi zakon ot 19.07.2018 (poslednyaya redaktsiya) № 209-FZ «O vnesenii izmenenii v Federal'nyi zakon «Ob aktsionernykh obshchestvakh» [Federal Law as of 19.07.2018 (last revision) № 209-FZ «On amendments being made to the Federal Law On Joint-Stock Companies»]. SZ RF [Collected Legislation of the Russian Federation], no. 30, Article 4544. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_docLAW_302836 [in Russian].

4. Leskova Yu. G., Didenko A. A. Korporativnye akty kak istochniki korporativnogo prava [Corporate acts as a source of corporate law]. Zhurnal predprinimatel'skogo i korporativnogo prava [Journal of entrepreneurship and corporate law], 2016, no. 4, pp. 15–20. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27508001> [in Russian].

5. Moskovskii gorodskoi sud. Apellyatsionnoe opredelenie ot 22.09.2017 po delu № 33-33633/2017 [Moscow City Court. Appellate decision as of 22.09.2017 with regard to case № 33-33633/2017]. Retrieved from legal reference system ConsultantPlus. Available at: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SOCN&n=952887#001830525133052019> (appeal date 21.07.2019) [in Russian].

6. Struktura korporativnogo upravleniya PAO «Gazprom» [Corporate governance structure of PJSC «Gazprom»]. Available at: <http://www.gazprom.ru>

investors/corporate-governance (accessed 21.07.2019) [in Russian].

7. *Komitety Soveta direktorov* [Board of directors' committees]. Available at: <https://www.rosneft.ru/governance/corpboard/corpccommittees> (accessed 21.07.2019) [in Russian].

8. *Komitety pri Sovete direktorov* [Committees at the board of directors']. Available at: <http://www.rushydro.ru/corporate/committees> (accessed 21.07.2019) [in Russian].

9. *Komitety Nablyudatel'nogo soveta* [Committees of the Supervisory Board]. Available at: <https://www.sberbank.com/ru/investor-relations/corporate-governance/supervisory-board-committee> (accessed 21.07.2019) [in Russian].

10. *Nablyudatel'nyi sovet* [Supervisory Board]. Available at: <https://www.vtb.ru/akcionery-i-investory/korporativnoe-upravlenie/nablyudatelnyj-sovet> (accessed 21.07.2019) [in Russian].

11. *Struktura OAO «RZhD». Sovet direktorov OAO «RZhD»* [Structure of PJSC «Russian Railways». Board of Directors of PJSC «Russian Railways»]. Available at: http://www.rzd.ru/ent/public/ru?STRUCTURE_ID=5185&layer_id=5554&id=5408#6059 (accessed 21.07.2019) [in Russian].

12. Ivanov O. B., Stepashin C. V. *Sistema organizatsii raboty komiteta po auditu soveta direktorov krupnoy kompanii kholdingovogo tipa (praktika OAO «Rossiyskiye Zheleznyye Dorogi»)* [Russian Railways Experience in Organizing Activities of the Audit Committee of the Board of Directors of a Large Holding Company]. *ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika* [ETAP: Economic Theory, Analysis, and Practice], 2015, no. 2, pp. 55–66. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23770611> [in Russian].

13. *Informatsionnoe soobshchenie Minfina Rossii ot 07.08.2018 № IS-audit-24 «Novoe v auditorskom zakonodatel'stve: fakty i kommentarii»* [Informational announcement of the Ministry of Finance of Russia dated 07.08.2018 № IS-audit-24 «New in the auditing legislation: facts and comments»]. Available at: https://www.minfin.ru/ru/document/?group_type=&q_4=%D0%98%D0%A1-%D0%B0%D1%83%D0%B4%D0%B8%D1%82-24&DOCUMENT_NUMER_4=&M_DATE_from_4=&M_DATE_to_4=&P_DATE_from_4=&P_DATE_to_4=&t_4=353643281&order_4=P_DATE&dir_4=DESC (accessed 21.07.2019) [in Russian].

14. Carol Padgett. *Corporate Governance. Theory and practice*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2012, 240 p. [in English].

15. Sherman H. David, Carey Dennis, Brust Robert. *The Audit Committee's New Agenda*. *Harvard Business Review* from the June 2009 issue. Available at: <https://>

hbr.org/2009/06/the-audit-committees-new-agenda [in English].

16. Filatov A., Kuznetsov M., Sevast'yanova O., Dzhurayev E. *Organizatsiya raboty soveta direktorov. Prakticheskie rekomendatsii* [Organization of the work of the board of directors. Practical recommendations]. M.: Al'pina Publisher, 2014, 172 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27903590> [in Russian].

17. *Federal'nyi zakon ot 26 dekabrya 1995 g. № 208-FZ (v red. 15.04.2019 g.) «Ob aktsionernykh obshchestvakh»* [Federal Law as of December 26, 1995 № 208-FZ (as amended by 15.04.2019) «On joint-stock companies»]. *SZ RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1996, no. 1, Article 1. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8743/ [in Russian].

18. *Pis'mo Banka Rossii ot 15.09.2016 № IN-015-52/66 «O polozheniyakh o sovete direktorov i o komitetakh soveta direktorov publichnogo aktsionernogo obshchestva»* [Letter of the Bank of Russia dated 15.09.2016 № IN-015-52/66 «On Regulations on the Board of Directors and on Committees of the Board of Directors of a Public Joint-Stock Company»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus» (accessed 02.07.2019). Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71393158/> [in Russian].

19. Professionalising Boards of Directors of State-Owned Enterprises: Stocktaking of National Practices. *OECD*, 2018, 33 p. Available at: <https://www.oecd.org/corporate/Professionalising-boards-of-directors-of-SOEs.pdf> (accessed 24.07.2019) [in English].

20. Mogilevskiy S.D. *Organy upravleniya khozyaistvennymi obshchestvami: pravovoi aspekt: dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.03* [Management bodies of economic societies: legal aspect: Doctoral of Laws thesis: 12.00.03]. M., 2001, 375 p. Available at: <https://www.lawbook.org.ua/aa/12.00.03/2016/02/01/030522038.doc.html> [in Russian].

21. *Reshenie Kirovskogo raionnogo suda g. Rostova-na-Donu ot 15 yanvarya 2016 goda po delu № 2-197/2016* [Decision of the Kirovsky District Court of Rostov-on-Don dated January 15, 2016 with regard to case № 2-197/2016]. Available at: https://sudact.ru/regular/doc/ViW1eNF74JVg/?regular-tx_t=%D0%BA%D0%BE%D0%BC%D0%B8%D1%82%D0%B5%D1%82+%D0%BF%D0%BE+%D0%B2%D0%BE%D0%B7%D0%BD%D0%B0%D0%B3%D1%80%D0%B0%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F%D0%BC®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=®ular-doc_type=®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1563658212162&snippet_pos=3558#snippet (accessed 21.07.2019) [in Russian].

*И. А. Смирнов***ТРУДОВАЯ АДАПТАЦИЯ КАК ОСНОВНОЙ ФАКТОР РЕСОЦИАЛИЗАЦИИ
ОСУЖДЕННЫХ: ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ**

© Смирнов Иван Андреевич (vanosmirnovivan@rambler.ru), адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических кадров, Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний (Академия ФСИН России), 390000. Российская Федерация, г. Рязань, ул. Сенная, 1.

Тема планируемой кандидатской диссертации: «Правовое регулирование ресоциализации положительно характеризующихся осужденных к лишению свободы». Автор 13 научных публикаций, в том числе: «Тенденции гуманизации уголовно-исполнительного законодательства, учитывающие поведение осужденных к лишению свободы» (2019), «Положительно характеризующиеся осужденные в прогрессивной системе ресоциализации» (2018).

Область научных интересов: ресоциализация осужденных.

АННОТАЦИЯ

В настоящее время трудоустройство осужденных к лишению свободы и освобожденных от него является проблемным вопросом в силу ряда различных обстоятельств. Действующее уголовно-исполнительное законодательство не предусматривает комплекс мероприятий, непосредственно связанных с содействием трудоустройству осужденных в постпенитенциарный период. Хотя решение социальных проблем, возникающих у осужденных после освобождения, в том числе поиск работы, необходимо решать на заключительном этапе лишения свободы. В научной литературе имеется ряд предложений для решения обозначенных проблем, однако их реализация не подкреплена специализированным правовым фундаментом, имеющим системный и стратегический характер. В связи с этим представляется целесообразным принять соответствующую целевую программу на федеральном уровне. С позитивной стороны следует отметить предпосылки развития государственно-частного партнерства в уголовно-исполнительной системе, а также определенный потенциал его развития. Имеет место быть заимствование положительного опыта некоторых зарубежных стран с учетом специфики российского законодательства. Особый интерес вызывают практика организации ярмарок вакансий и реализация различных моделей коммуникации с потенциальными работодателями.

Ключевые слова: ресоциализация, трудовая адаптация, федеральная программа, ярмарки вакансий, собеседование, зарубежный опыт.

Цитирование. Смирнов И. А. Трудовая адаптация как основной фактор ресоциализации осужденных: проблемные аспекты и пути их решения // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 134–140. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-134-140>.

I. A. Smirnov

LABOR ADAPTATION AS THE MAIN FACTOR OF RESOCIALIZATION OF CONVICTS: PROBLEMATIC ASPECTS AND WAYS OF THEIR SOLUTION

© Smirnov Ivan Andreevich (vanosmirnovivan@rambler.ru), adjunct of faculty of training of research and educational personnel, The Academy of Law Management of the Federal Penitentiary Service of Russia, 1, Sennaya Street, Ryazan, 390000, Russian Federation.

Subject of planned Candidate's thesis: «Legal regulation of resocialization of positively characterized convicts to imprisonment». Author of 13 scientific works, including research articles «Trends of humanization of the penal enforcement legislation, taking into consideration the behavior of sentenced to deprivation of freedom» (2019), «Positively characterized convicts in a progressive system of resocialization» (2018).

Research interests: resocialization of convicts.

ABSTRACT

Currently, the employment of persons sentenced to deprivation of liberty and released from it is a problematic issue due to a number of different circumstances. Existing penal enforcement legislation does not provide for a range of measures directly related to promote the employment of convicts in the post-penitentiary period. Although the decision of social problems arising in convicts after their release, including the search for work, need to be addressed at the final stage of deprivation of liberty. In the scientific literature there are a number of proposals for solving the above problems, but their implementation is not supported by a specialized legal foundation that has a systemic and strategic character. In this context, it seems appropriate to adopt an appropriate targeted programme at the federal level. On the positive side, be pointed out the prerequisites for the development of public-private partnerships in the penal correctional system, as well as a certain potential for its development. It is necessary to borrow the positive experience from some foreign countries, taking into account the specificities of the Russian legislation. The practice of organizing job fairs and the implementation of various models of communication with potential employers are of particular interest.

Key words: resocialization, labor adaptation, federal programme, job fair, job interview, foreign experience.

Citation. Smirnov I. A. *Trudovaya adaptatsiya kak osnovnoi faktor resotsializatsii osuzhdennykh: problemnye aspekty i puti ikh resheniya* [Labor adaptation, as the main factor of resocialization of convicts: problematic aspects and ways of their solution]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 134–140. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-134-140> [in Russian].

В сложившихся реалиях объективной действительности у лиц, освобожденных из мест лишения свободы, все так же возникают трудности с устройством на работу, социальной поддержкой и другие вопросы, что подтверждают ряд научных исследований [1, с. 274–282; 2, с. 177–200; 3, с. 17; 4, с. 203–205]. К сожалению, в России до сих пор отсутствует единая организованная поддержка бывших осужденных, которая бы помогала решить элементарные социально-бытовые вопросы. С целью получения комплексного экспертного мнения, было проведено анкетирование 606 сотрудников, непосредственно осуществляющих работу с осужденными (воспитательных отделов, психологических лабораторий, оперативных отделов, отделов специального учета, тыловых подразделений) уголовно-исполнительной системы (далее – УИС) в семи федеральных округах посредством метода простой случайной выборки, которое показало, что большинство из них подтверждают необходимость сопровождения осужденных после освобождения (58,1 %). Респонденты отмечают на-

личие трудностей адаптации после освобождения из мест лишения свободы, которые осужденные не могут преодолеть самостоятельно. На текущий момент такого сопровождения не предусмотрено. Поэтому ни для кого не секрет, что социальная проблема жизнеустройства, в том числе трудовая адаптация осужденного после освобождения, остается нерешенной.

Представляется, что вопрос трудоустройства осужденных к лишению свободы необходимо рассматривать не после освобождения (в связи с отсутствием службы пробации), а на заключительном этапе лишения свободы, что уже позволит решить многие социально-бытовые проблемы, возникающие в постпенитенциарный период.

Действующий Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ) не предусматривает комплекса мер, направленных на решение вопросов трудового устройства осужденного после освобождения. Одним из немногих подспорьев по данному поводу могла бы выступить ст. 182 УИК РФ, в соответствии с которой осуж-

денные, освобождаемые из мест лишения свободы, имеют право на бытовое и трудовое устройство, а также на иные виды социальной помощи. Но в данном случае есть ряд проблемных аспектов.

Во-первых, терминологическое значение понятия «освобождаемые» по своему смыслу предполагает временной промежуток, который берет свое начало не позднее чем за шесть месяцев до окончания срока лишения свободы, что указано в пункте четвертом Приказа Минюста России от 13.01.2006 № 2 «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы» (далее – Приказ Минюста РФ от 13.01.2006 № 2) [5]. После освобождения такое лицо можно считать освобожденным, но никак не освобождаемым. Таким образом, постпенитенциарный период, по логике указанной нормы, не затронут. Во-вторых, уголовно-исполнительное законодательство констатирует лишь объективное существование общегражданских прав (трудовое, бытовое устройство, социальную помощь), но не учитывает специфики правового статуса лиц, освобожденных из мест лишения свободы: не предусматривает особых мер реализации их прав. Осуществление прав такой категории лиц, как правило, затруднено, в связи с ограничением возможностей выбора [2, с. 131]. Причем соответствующая норма помещена в главе «Помощь осужденным, освобождаемым от отбывания наказания...», где помощи как таковой не оказывается. В-третьих, отсылочный и декларативный характер обозначенной нормы не дает ясного понимания реализации указанных прав осужденных.

Соответствующие подзаконные нормативно-правовые акты также не позволяют представить целостной картины постпенитенциарной помощи в трудоустройстве лицам, освободившимся из мест лишения свободы. Помощь субъектов, осуществляющих участие в трудовом и бытовом устройстве осужденных, сводится к консультационной, разъяснительной и беседочной работе, отправке соответствующих запросов с целью получения информации и доведения ее до осужденного [5; 6]. В связи с этим совокупность обозначенных недостатков не позволяют утверждать о налаженной постпенитенциарной помощи осужденным в их трудоустройстве.

В рамках проведенного анкетирования осужденным было предложено оценить в зависимости от значимости по пятибалльной шкале наиболее важные для них вопросы, которые могут вызвать беспокойство после освобождения. Были предложены следующие варианты: жилье, работа, денежные средства, семья, последствия судимости. Также был предложен открытый вопрос, подразумевающий свой вариант ответа, в случае необходимости определенных дополнений. В итоге средняя оценка каждого обозначенного варианта выразилась в следующих значениях: наиболее зна-

чимым оказался вопрос трудоустройства (2,64); наименее значимым – вопрос о наличии жилой площади (1,763). Остальные три показателя имеют приблизительно равную среднюю оценку: семья (2,459), денежные средства (2,452), последствия судимости (2,417). Дополнительно респонденты отмечали следующие проблемные вопросы: адаптацию к новым изменившимся реалиям социума; ограничения, связанные с установлением административного надзора; ухудшенное состояние здоровья; предвзятое отношение общества.

Вопрос трудоустройства осужденных является одним из самых значимых, но и в то же время затруднительных в отношении лиц, освобожденных из мест лишения свободы, в современных рыночных отношениях. Значимость трудоустройства проявляется в самообеспечении и самозанятости, также дополнительно выполняет продуцирующую функцию: получение соответствующего профессионального образования. Основными препятствиями трудоустройства осужденных являются следующие аспекты: стигма лиц, освободившихся из мест лишения свободы со стороны гражданского общества; отсутствие востребованного профессионального образования в связи с реализацией потребностей самих исправительных учреждений (далее – ИУ); дефицит рабочих мест, общая экономическая обстановка в стране [7, с. 197–198]. Поэтому необходимо компромиссное решение обозначенных проблем.

В научной литературе по данному поводу выдвигаются различные предложения, в частности, предлагается ввести квотирование рабочих мест для осужденных, тем самым создавая льготное трудоустройство такой категории лиц [8, с. 102]; интересны предложения по развитию программы государственно-частного партнерства в УИС [9, с. 54], о необходимости разработки федеральной программы по трудоустройству осужденных [7, с. 199].

Предлагаемые в научной литературе варианты решения проблем трудоустройства осужденных действительно могут быть реализованы, но характер таких предложений является несистемным и декларативным. Поэтому целесообразно согласиться с мнением А. П. Некрасова о необходимости федеральной программы по трудоустройству осужденных. В связи с тем что труд осужденных является частью процесса их ресоциализации, а система ресоциализации осужденных законодателем признается недостаточно эффективно функционирующей [10], в том числе это подтверждает стабильный уровень рецидива [11], целесообразно выработать программу на государственном уровне по ресоциализации осужденных, предписывающую соответствующий комплекс мер, а в качестве одной из возможных подпрограмм предусмотреть вопрос трудоустройства осужденных, определив перспективные стратегические направления такого развития. Тем более следует отметить, что разработка подобной программы предполагает проект «Дорожной карты ресоциализации и реаль-

ного включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021)» [1, с. 396]. Все это позволит систематизировать предложения о совершенствовании трудовой деятельности осужденных, создаст правовой и материальный фундамент.

Приоритетными направлениями подпрограммы совершенствования трудовой адаптации осужденных к лишению свободы и освобожденных из ИУ должны стать увеличение мероприятий, связанных с трудовой адаптацией осужденных в период лишения свободы (проведение ярмарок вакансий – на примере опыта США (смотри далее)); обучение профессиям, востребованным на рынке труда; стимулирование осужденных к трудовой деятельности и правопослушному поведению посредством заключения компромиссов на добровольной основе, квотирование рабочих мест. В рамках программ ресоциализации следует разрабатывать расширенные мероприятия трудовой адаптации осужденных к лишению свободы с привлечением профильных специалистов. Для эффективной реализации обозначенных положений целесообразно привлечение публично-правовых образований с обязанностью содействия ИУ в трудовой адаптации осужденных с проработкой ответственности за несоблюдения таких соглашений; развитие норм, стимулирующих привлечение к трудоустройству осужденных других организаций (льготное налогообложение, возмещение первоначальных расходов в связи с трудоустройством осужденных, преимущества в закупках и другое). Особое внимание следует уделить расширению трудоустройства осужденных к лишению свободы и освобожденных от него путем развития в УИС государственно-частного партнерства.

Следует отметить, что отдельные элементы государственно-частного партнерства можно проследить в законопроекте № 413712-7, внесенным в Государственную думу Российской Федерации в марте 2018 года [12]. Указанный законопроект предполагает элементы государственно-частного партнерства, которые проявляются в следующем: с позиции государства – в предоставлении соответствующих кадров (подбор кандидатов, доставка до места производства осужденных); со стороны частных компаний – в предоставлении места работы и проживания. В обозримом будущем считаем необходимым расширение трудоустройства осужденных к лишению свободы, отбывающих наказание в исправительных колониях других видов, путем дальнейшего заключения соответствующих соглашений о государственно-частном партнерстве. Тем более возможные ресурсы и потенциальные работники для этого имеются. Справедливо по данному поводу отмечает Е. Э. Попова: «...учреждения открыты к диалогу с представителями бизнес-сообщества». Автор отмечает наличие необходимых ресурсов в УИС [4, с. 206–207].

Заслуживает внимания практика трудовой адаптации осужденных, которая уже давно реализуется в пенитенциарных учреждениях Вели-

кобритании. Работодатели, осуществляющие трудоустройство осужденных, могут действовать по следующим схемам:

- поднаем и профессиональная подготовка отбывающих наказание осужденных в местах лишения свободы;
- трудоустройство заключенных в день освобождения;
- наем заключенных после освобождения [13].

Примечательно, что работодатели имеют право в тюрьмах создавать и оборудовать учебные и производственные помещения, получать рабочую силу непосредственно из числа осужденных.

Особого внимания заслуживает схема найма положительно характеризующихся заключенных с возможностью покинуть ИУ в рамках «освобождения по временной лицензии» (**Release on temporary licence**). Такая схема позволяет работодателю определить навыки осужденного и, исходя уже из имеющегося опыта работы, делать соответствующие выводы о трудоустройстве, а осужденным – получить опыт работы и обеспечить гарантию их трудоустройства. Практика предварительной подготовки в тюрьмах будущих специалистов, потенциальных рабочих кадров с позиции частных организаций позволяет сэкономить денежные средства и иные ресурсы, а с точки зрения осужденных – трудоустроиться, тем самым повысить эффективность их социальной адаптации. В Великобритании указанным способом работают более 300 предприятий.

Для эффективной реализации соответствующих положений Министерство юстиции Великобритании разработало руководство по трудоустройству лиц, отбывающих уголовное наказание в виде лишения свободы и освобожденных от него (**Guidance Employing prisoners and ex-offenders**). Данное руководство дает рекомендации по процедуре набора и зачислению в штат лиц, отбывающих наказание в тюрьмах, с указанием реальных примеров трудоустройства осужденных различными организациями.

Например, фирма **Redemption Roasters**, производящая кофейные зерна, имеет часть кофейного бизнеса в английской тюрьме Эйлсбери. Администрация тюрьмы предоставила фирме помещение, а также выделила персонал с целью обеспечения соответствующего надзора. Дополнительно (кроме обжарки кофейных зерен) заключенные приобретают навыки бариста, обслуживания клиентов.

Статистика показывает, что в течение года только 17 % осужденным после освобождения удается получить работу, 75 % работодателей в Великобритании не нанимают на работу кандидата в связи с имеющейся судимостью. Но с помощью продуманных программ по трудоустройству осужденных более 11 000 отбывающих наказание заключенных трудоустроены более чем в 300 различных организациях [14]. Таким образом, следует обратить внимание на положительный опыт трудовой занятости осужденных в Великобритании, интерпретировав нужные элементы организации трудоустройства.

Приобретению навыков поиска и устройства на работу более всего способствует проведение ярмарок вакансий, практика которых успешна в США. В период отбывания наказания администрацией американских тюрем проводятся ряд ресоциализирующих мероприятий, направленных на приобретение навыков трудоустройства заключенных. Одним из таких ярких мероприятий выступает «фиктивная ярмарка вакансий» (*mock job fairs*), которая проводится один-два раза в год. Основными задачами мероприятия являются предоставление заключенным возможности приобретения навыков собеседования и поиска работы посредством встречи с конкретными работодателями, получения информации о востребованных специальностях, а также контактов самих работодателей. Подобного рода мероприятия повышают доверие в отношении заключенных, а заключенные в свою очередь видят, что сотрудники компаний воспринимают их серьезно и рассматривают как потенциальные рабочие кадры.

Существует три модели проведения подобных ярмарок: модель собеседования, информационная модель и сочетание двух перечисленных моделей. Собеседование включает в себя тридцатиминутный разговор работодателей с заключенными, двадцать минут из которых осуществляется непосредственное собеседование, пять минут уделяется на замечания и пятиминутный перерыв. Заключенным, как правило, рекомендуется пройти не менее трех таких собеседований. Информационная модель подразумевает под собой получение определенной информации от работодателей на местах, касающейся образования, социальных служб и связанных с ними учреждений по вопросам трудовой адаптации (присутствуют представители так называемых «домов на полпути» (реабилитационных центров), руководители социальных и общественных служб, органы государственной службы занятости, Служба пробации США и другие). Смешанная модель сочетает в себе элементы получения справочных данных и навыков собеседования.

В целях эффективного проведения таких мероприятий по результатам собеседования каждый заключенный оценивается по определенным критериям в соответствии с разработанным Федеральным бюро тюрем Министерства юстиции США Руководством по фиктивной ярмарке вакансий (*The Mock Job Fair Handbook*). Оценка осуществляется по следующим критериям: разборчивости составления заявления о приеме на работу, его полноты; устном участии собеседника, будет ли этот человек иметь возможность для найма в реальном собеседовании; учитываются и психологические моменты: зрительный контакт, правильность осанки. В итоге подобного рода мероприятие формирует навыки, необходимые для трудоустройства: сбор необходимых документов, заполнение бланков заявлений о приеме на работу, получение информации о видах деятельности компаний и их продуктов [15].

США интерпретирует труд осужденных как обширную коррекционную программу, которая берет свое начало с попадания лица в ИУ. Несомненно, это является полезным практическим ориентиром для России в плане организации трудоустройства осужденных. Позитивным аспектом для внедрения в российскую пенитенциарную систему является проведение среди лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, действий, направленных на привитие практических навыков трудоустройства посредством проведения «фиктивных ярмарок вакансий». Проведение подобных мероприятий помогает преодолевать проблемы психологического барьера осужденных в части страха коммуникации с работодателями, придает уверенности в их социальной адаптации. Все это будет только способствовать положительной динамике процесса исправления.

Считаем, что такие мероприятия должны проводиться в обязательном порядке на заключительном этапе лишения свободы. В связи с этим целесообразно внести соответствующий дополнительный абзац в пункт четвертый Приказа Минюста РФ от 13.01.2006 № 2 в следующей редакции: *«проведение ярмарки вакансий посредством заключения типового соглашения с работодателем в зависимости от территориального месторасположения»*. И. Н. Соловьев указывает, что «механизм ресоциализации должен быть понятен осужденному. Ему должны предложить конкретную должность на конкретном производстве...» [16, с. 288]. Действительно, такая определенность сыграет свою положительную роль в ресоциализации осужденных.

В качестве подведения итога необходимо отметить, что УИС располагает потенциальными ресурсами трудоустройства осужденных за счет его расширения. Несмотря на это, требуется разработка организационно-правового механизма реализации указанных выше положений, также существует потребность в интенсификации общественного воздействия и увеличении мероприятий трудовой адаптации осужденных. Кроме этого, проведенные социологические исследования указывают на необходимость налаживания системы сопровождения осужденных после освобождения. Поэтому присутствует необходимость принятия соответствующей федеральной программы, комплексно рассматривающей все направления ресоциализации осужденных.

Полагаем, что структура федеральной программы «Ресоциализация осужденных» могла быть следующей. Ответственным исполнителем должно выступить Министерство юстиции Российской Федерации, соисполнителем – Федеральная служба исполнения наказания. Участники программы: Министерство труда и социальной защиты Российской Федерации, Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации, Министерство сельского хозяйства Российской Федерации, Федеральная служба государственной статистики, Пенсионный фонд Российской Феде-

рации, Фонд социального страхования Российской Федерации и др. Такая программа должна включать в себя несколько подпрограмм. Первая из них должна предусматривать трудовую адаптацию осужденных (период лишения свободы и после освобождения), вторая – вопросы сопровождения осужденных после освобождения, решения насущных социально-бытовых вопросов. И наконец, третья подпрограмма – усиленное вовлечение общественных организаций, публично-правовых образований, а также волонтеров в деятельность по ресоциализации осужденных как в период лишения свободы, так и после освобождения. Цель – обеспечение эффективной ресоциализации осужденных путем создания правовых и экономических условий, задачи для достижения поставленной цели сводятся к развитию полусвободного режима отбывания наказания, формирование механизмов взаимодействия исправительных учреждений с публичными образованиями, институтами гражданского общества, модернизация исправительных учреждений, исполняющих наказания, и последующая разработка общей стратегии развития. Полагаем, что срок реализации указанной программы должен быть ограничен до 2030 года. Стоит заметить, что предложенная программа не является окончательной и подлежит возможной корректировке в зависимости от складывающихся обстоятельств. Принятие и следование этапам указанной программы позволит совершенствовать уголовно-исполнительное законодательство, в том числе наладить систему трудового устройства, снизить рецидивную преступность, а самое главное – создать эффективный механизм по ресоциализации осужденных к лишению свободы.

Библиографический список

1. Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных: монография / под ред. Т. В. Кленовой. М.: Юрлитинформ, 2019. 432 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36725933>.
2. Ресоциализация осужденных мусульман в условиях мегаполиса: монография / И. В. Лескова, С. Ю. Язын. М.: Изд-во АНО НПЦ «Аль-Васатыя – умеренность», 2018. 336 с.
3. Темаев Т. В. Концептуализация социально-экономических и демографических оснований реализации пенитенциарного ресоциализационного потенциала: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. Саратов, 2017. 39 с.
4. Попова Е. Э. Общественное воздействие как основное средство исправления осужденных: теория, законодательство, практика: монография. М.: Юрлитинформ, 2019. 264 с.
5. Приказ Минюста России от 13.01.2006 № 2 (ред. от 08.09.2006) «Об утверждении Инструкции об оказании содействия в трудовом и бытовом устройстве, а также оказании помощи осужденным, освобождаемым от отбывания наказания в исправительных учреждениях уголовно-исполнительной системы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://base.garant.ru/12144685>.
6. Приказ Минюста России от 30.12.2005 № 262 (ред. от 21.07.2016) «Об утверждении Положения о группе социальной защиты осужденных исправительного учреждения уголовно-исполнительной системы». Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
7. Некрасов А. П. К проблеме трудоустройства бывших осужденных // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы международной научно-практической конференции. 11–12 октября 2018 г. (г. Самара). Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2018. 321 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36240939>.
8. Латышева Л. А. Проблемы ресоциализации осужденных к лишению свободы: уголовно-исполнительный и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. 269 с. URL: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/problemy-resocializacii-osuzhdennyh-k-lisheniju-svobody-ugolovno-ispolnitelnyj-i.html>.
9. Голодов П. В. Трудоустройство осужденных к наказаниям без изоляции от общества и лиц, освободившихся из мест лишения свободы: организационно-правовые аспекты // Вестник Кузбасского института. 2018. № 4 (37). С. 50–55. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36634923>.
10. Постановление СФ ФС РФ от 25.07.2017 № 343-СФ «Об особенностях отбывания наказания осужденными женщинами, несовершеннолетними и инвалидами в исправительных учреждениях на территории Российской Федерации». Доступ из СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://duma.consultant.ru/documents/3719478>.
11. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации: офиц. сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 15.04.2019).
12. Законопроект № 413712-7 О внесении изменений в Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (по вопросу расширения возможностей привлечения к труду и создания необходимых условий для организации труда лиц, осужденных к принудительным работам, а также осужденных, отбывающих лишение свободы в колониях-поселениях) // Система обеспечения законодательной деятельности: офиц. сайт. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/413712-7> (дата обращения: 17.04.2019).
13. Unlock Opportunity. URL: <https://offenderemploymentcampaign.gov.uk> (дата обращения: 12.04.2019).
14. Employing prisoners and ex-offenders // URL: <https://www.gov.uk/government/publications/unlock-opportunity-employer-information-pack-and-case-studies/employing-prisoners-and-ex-offenders> (дата обращения: 12.04.2019).
15. The Mock Job Fair Handbook // URL: https://www.unicor.gov/publications/fpi/mock_job_fair_c.pdf (дата обращения: 12.04.2019).
16. Соловьев И. Н. О некоторых вопросах ресоциализации осужденных, освобождающихся из исправительных учреждений уголовно-исполнительной системы // Юридическая науки и практика: Вестник Нижегородской Академии МВД России. 2018. № 4 (44). С. 285–288. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10446.

References

1. *Resotsializatsiya i real'noe vklyuchenie v grazhdanskoe obshchestvo osuzhdennykh: monografiya.*

Pod red. T. V. Klenovoi [Resocialization and real inclusion of convicts in civil society: monograph. Klenova T. V. (Ed.). M.: Yurлитinform, 2019, 432 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36725933> [in Russian].

2. Leskova I. V., Zyazin S. Yu. *Resotsializatsiya osuzhdennykh musul'man v usloviyakh megapolisa: monografiya* [Resocialization of convicted Muslims in the megapolis: monograph] M.: Izd-vo ANO NPTs «AI'-Vasatyia – umerennost'», 2018, 336 p. [in Russian].

3. Temaev T. V. *Kontseptualizatsiya sotsial'no-ekonomicheskikh i demograficheskikh osnovanii realizatsii penitentsiarnogo resotsializatsionnogo potentsiala: avtoref. dis. ... d-ra sotsiol. nauk* [Conceptualization of socio-economic and demographic bases of implementation of the penitentiary resocialization potential: author's abstract of Doctor of Sociological Sciences' thesis]. Saratov, 2017, 39 p. [in Russian].

4. Popova E. E. *Obshchestvennoe vozdeistvie kak osnovnoe sredstvo ispravleniya osuzhdennykh: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika: monografiya* [Public impact as the main means of correction of convicts: theory, legislation, practice: monograph]. M.: Yurлитinform, 2019, 264 p. [in Russian].

5. *Prikaz Minyusta Rossii ot 13.01.2006 № 2 (red. ot 08.09.2006) «Ob utverzhenii Instruktsii ob okazanii sodeistviya v trudovom i bytovom ustroistve, a takzhe okazanii pomoshchi osuzhdennym, osvobozhdaemym ot otbyvaniya nakazaniya ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh ugovolno-ispolnitel'noi sistemy»* [Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation as of 13.01.2006 № 2 (revised 08.09.2006) «About the approval of the Instruction on rendering assistance in the labor and household device, and also rendering assistance to the convicts released from serving of punishment in correctional institutions of penal system»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://base.garant.ru/12144685> [in Russian].

6. *Prikaz Minyusta Rossii ot 30.12.2005 № 262 (red. ot 21.07.2016) «Ob utverzhenii Polozheniya o gruppe sotsial'noi zashchity osuzhdennykh ispravitel'nogo uchrezhdeniya ugovolno-ispolnitel'noi sistemy»* [Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation as of 30.12.2005 № 262 (revised 21.07.2016) «On approval of the Regulations on the social protection team of convicts in correctional institutions of the penal system»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://rulaws.ru/acts/Prikaz-Minyusta-Rossii-ot-30.12.2005-N-262> [in Russian].

7. Nekrasov A. P. *K probleme trudoustroistva byvshikh osuzhdennykh* [On the problem of employment of ex-convicts]. In: *Penitentsiarnaya bezopasnost': natsional'nye traditsii i zarubezhnyi opyt: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. 11–12 oktyabrya 2018 g. (g. Samara)* [Penitentiary security: national traditions and foreign experience: proceedings of the international research and practical conference on October 11–12, 2018 (Samara)]. Samara: Samarskii yuridicheskii institut FSIN Rossii, 2018, 321 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36240939> [in Russian].

8. Latysheva L. A. *Problemy resotsializatsii osuzhdennykh k lisheniyu svobody: ugovolno-ispolnitel'nyi i kriminologicheskii aspekty: dis. ... kand. yurid. nauk* [Problems of resocialization of convicts to imprisonment: criminal-executive and criminological aspects: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Ekaterinburg, 2015, 269 p. Available at: <http://www.dslib.net/kriminal-pravo/problemy-resotsializatsii-osuzhdennykh-k-lisheniyu-svobody-ugovolno--ispolnitelnyj-i.html> [in Russian].

9. Golodov P. V. *Trudoustroistvo osuzhdennykh k nakazaniyam bez izolyatsii ot obshchestva i lits, osvobodivshikhsya iz mest lisheniya svobody: organizatsionno-pravovye aspekty* [Employment of convicts sentenced without isolation from society and persons released from places of detention: organizational and legal aspects]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta* [Bulletin of the Kuzbass Institute], 2018, no. 4 (37), pp. 50–55. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36634923> [in Russian].

10. *Postanovlenie SF FS RF ot 25.07.2017 № 343-SF «Ob osobennostyakh otbyvaniya nakazaniya osuzhdennymi zhenshchinami, nesovershennoletnimi i invalidami v ispravitel'nykh uchrezhdeniyakh na territorii Rossiiskoi Federatsii»* [Decree of the Council of the Federation of the Federal Assembly of the Russian Federation as of 25.07.2017 № 343-SF «About features of serving of punishment by the condemned women, minors and people with disabilities in correctional institutions on the territory of the Russian Federation»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://duma.consultant.ru/documents/3719478> [in Russian].

11. *Dannye sudebnoi statistiki* [The data of judicial statistics]. *Sudebnyi departament pri Verkhovnom sude Rossiiskoi Federatsii: ofits. sait* [Official website of the Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation]. Available at: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (accessed 15.04.2019) [in Russian].

12. *Zakonoproekt № 413712-7 O vnosenii izmenenii v Ugolovno-ispolnitel'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (po voprosu rasshireniya vozmozhnostei privilecheniya k trudu i sozdaniya neobkhodimykh uslovii dlya organizatsii truda lits, osuzhdennykh k prinuditel'nyim rabotam, a takzhe osuzhdennykh, otbyvayushchikh lishenie svobody v koloniyakh-poseleniyakh)* [Draft law № 413712-7 On amendments being made to the Criminal Executive Code of the Russian Federation (on the issue of expanding possibilities of attracting to work and creating the necessary conditions for the organization of work of persons sentenced to forced labor, as well as convicts serving imprisonment in the settlement colony)]. *Sistema obespecheniya zakonodatel'noi deyatelnosti: ofits. sait* [Official website of the System for ensuring of legislative activity]. Available at: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/413712-7> (accessed 17.04.2019) [in Russian].

13. *Unlock Opportunity*. Available at: <https://offenderemployment.campaign.gov.uk> (accessed 12.04.2019) [in English].

14. *Employing prisoners and ex-offenders*. Available at: <https://www.gov.uk/government/publications/unlock-opportunity-employer-information-pack-and-case-studies/employing-prisoners-and-ex-offenders> (accessed 12.04.2019) [in English].

15. *The Mock Job Fair Handbook*. Available at: https://www.unicor.gov/publications/fpi/mock_job_fair_c.pdf (accessed: 12.04.2019) [in English].

16. Soloviev I. N. *O nekotorykh voprosakh resotsializatsii osuzhdennykh, osvobozhdayushchikhsya iz ispravitel'nykh uchrezhdenii ugovolno-ispolnitel'noi sistemy* [On some issues of the resocialization of convicts released from correctional institutions of the penitentiary system]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi Akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2018, no. 4 (44), pp. 285–288. DOI: 10.24411/2078-5356-2018-10446.

Г. Р. Григорян

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КРИМИНАЛИЗАЦИИ МОШЕННИЧЕСТВА В СФЕРЕ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

© Григорян Гарик Рафикович (garik00063@yandex.ru), аспирант, кафедра уголовного права и криминологии юридического факультета, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Автор 4 научных публикаций, в том числе научных статей: «Особенности способов совершения преступлений, предусмотренных статьей 159.6 УК РФ», «Мошенничество в сфере компьютерной информации в системе преступлений в сфере собственности».

Область научных интересов: мошенничество в сфере компьютерной информации

АННОТАЦИЯ

В статье проводится анализ социально-экономических и информационно-технологических оснований криминализации мошенничества в сфере компьютерной информации. Показано, что фактор социально-экономической обусловленности и уголовно-правовой охраны информационной и экономической безопасности предопределен становлением и развитием в современном мире цифровой экономики. Что касается информационно-технологических факторов обусловленности уголовно-правовой охраны экономических отношений, они связаны с процессами формирования информационного общества. Как утверждается, в условиях действия новых объективных закономерностей следует смена парадигм уголовно-правовой охраны отношений собственности, и акцент смещается в сторону защиты имущественных и иных экономических отношений в сфере использования информационных и коммуникационных технологий от различного рода неправомерных вмешательств и нарушений. Делается вывод, что механизм уголовно-правового регулирования информационных имущественных отношений нуждается в конструировании новых составов преступлений, смежных с нормами о традиционном мошенничестве, совершаемом с использованием обмана или злоупотребления доверием в отношении исключительно чужих вещей как объектов физического мира или права на имущество.

Ключевые слова: уголовно-правовая охрана информационного общества и цифровой экономики, преступления в сфере экономики, преступления против собственности, мошенничество, мошенничество в сфере компьютерной информации, преступления в сфере компьютерной информации.

Цитирование. Григорян Г. Р. Социально-экономические и информационно-технологические основания криминализации мошенничества в сфере компьютерной информации // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 141–146. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-141-146>.

G. R. Grigoryan**SOCIO-ECONOMIC AND INFORMATION TECHNOLOGY BASES
OF CRIMINALIZATION OF FRAUD IN COMPUTER INFORMATION**

© **Grigoryan Garik Rafikovich** (grigoryangarik@yandex.ru), postgraduate student, Department of Criminal Law and Criminology, Faculty of Law, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Author of 4 scientific works, including scientific articles: «Features of methods of committing crimes under Article 159.6 of the Criminal Code», «Fraud in the field of computer information in the system of crimes in the field of property».

Research interests: computer information fraud.

ABSTRACT

The article analyzes socio-economic and information technology bases of criminalization of fraud in the field of computer information. It is shown that the socio-economic factor of conditionality of the criminal law protection of information and economic security is predetermined by the emergence and development in the modern world of the digital economy. As for information technology factors of conditionality of the criminal law protection of economic relations, they are associated with the processes of formation of the information society. According to the author, under the conditions of action of new objective laws, paradigms of criminal law protection of property relations change, and the focus shifts towards protecting property and other economic relations in the use of information and communication technologies from various unlawful interventions and violations. It is concluded that the mechanism of criminal law regulation of information property relations requires the construction of new offenses related to the rules on traditional fraud committed using deception or abuse of trust in relation to exclusively alien things as objects of the physical world or right to property.

Key words: criminal law protection of information society and digital economy, economic crimes, crimes against property, fraud, fraud in the field of computer information, crimes in the field of computer information.

Citation. Grigoryan G. R. *Sotsial'no-ekonomicheskie i informatsionno-tekhnologicheskie osnovaniya kriminalizatsii moshennichestva v sfere komp'yuternoï informatsii* [Socio-economic and information technology bases of criminalization of fraud in computer information]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 141–146. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-141-146> [in Russian].

Законодатель при выборе объекта уголовно-правовой охраны и установления уголовно-правового запрета должен учитывать прежде всего социальную обусловленность определенных общественных отношений, их значение и роль для всей системы общественных отношений [1, с. 171]. Норма уголовного права является эффективной, если она социально обусловлена. Детерминированность новых уголовно-правовых предписаний о мошенничестве в сфере компьютерной информации также следует считать основой их эффективного действия.

Облечение в новые реалии, информационно-технологические формы на основе социально-экономических предпосылок и уголовно-правовой охраны имущественных отношений вызвано прежде всего тем, что в России протекает процесс перехода на постиндустриальную стадию развития – информационное общество и цифровую экономику. Заметим, что «мошенничества в сфере компьютерной информации» характерны для ин-

формационного общества и будут расти количественно и изменяться качественно, модифицируясь и усложняясь в такого рода социуме. Отсюда как в России, так в мире с приоритетным направлением развития экономики в цифровом формате усиливается и ответственность государств за безопасность данных социально-экономических и информационно-технологических процессов.

В 2017 году количество преступлений, которые совершены в форме мошенничества (ст. 159–159⁶ УК РФ), по сравнению с аналогичным периодом 2016 года, увеличилось на 6,6 % и составило 222 772. Количество преступлений в форме мошенничества, предварительно расследованных преступлений увеличилось на 2,6 % и составило 56 178, из них по 45 078 преступлениям уголовные дела направлены в суд. В 2018 году количество преступлений, совершенных в форме мошенничества (ст. 159–159⁶), по сравнению с аналогичным периодом 2017 года, снизилось на 3,5 % и составило 215 036. С января по март 2019 года количество

преступлений, совершенных в форме мошенничества (ст. 159–159⁶), по сравнению с аналогичным периодом 2018 года, увеличилось на 10,9 % и составило 62 257. На 10 % увеличилось число предварительно расследованных преступлений в форме мошенничества, составив 16 926 деяний, из которых по 14 378 (+4,8 %) уголовные дела направлены в суд [2]. При этом следует принимать во внимание гиперлатентность мошенничества и его специальных видов, а также смежных с ним преступлений в сфере экономики.

Обратимся к анализу социально-экономических и информационно-технологических оснований криминализации мошенничества в сфере компьютерной информации.

Американский экономист Ф. Машлуп, который исследовал информационный сектор экономики на примере США, практически одновременно с профессором Токийского технологического института Ю. Хаяши ввели термин «информационное общество». Исследователи в своих трудах информационное общество определяли как социум, в котором компьютерные технологии смогут обеспечить людям доступ к надежным источникам информации и высокий уровень автоматизации производственных процессов. В информационном социуме растет число людей, которые заняты в сфере компьютерных технологий, коммуникациями и производством информационных услуг и высокотехнологических продуктов. В таком социуме углубляются процессы информатизации, связанные с использованием телефонии, радио, телевидения, сети Интернет, традиционных и электронных СМИ, электронной демократии, электронного государства, единой инфраструктуры электронного правительства, цифровых рынков, электронных социальных и хозяйствующих сетей, национальных технологических платформ онлайн-образования, онлайн-медицины, Национальной электронной библиотеки, получением финансовых, государственных, муниципальных и иных услуг в электронной форме.

В современном мире экономическое развитие государства все больше попадает в зависимость от информационных технологий. «Высокие» технологии влияют и на развитие рыночной экономики. Сырьевая экономика преобразовывается в экономику цифровую. Потребности населения постепенно переориентируются на быстрый поиск и получение достоверной информации и возможность оперативного обмена ею [3, с. 103]. Тому свидетельство – использование сети Интернет для приобретения или продажи товаров и услуг, денежные переводы, различного рода оплаты, получение государственных и муниципальных услуг.

Цифровая экономика представляет собой такой тип хозяйственной деятельности, который, оказывая существенное влияние на темпы роста ВВП Российской Федерации, прямо связан с активным развитием цифровых информационно-коммуникационных технологий, сервисов по предоставлению различных онлайн-услуг, электронных

платежей, интернет площадки для торговли, краудфандинга. Этот тип экономики предполагает использование данных в цифровой форме, которые являются ключевым фактором производства во всех социально-экономических сферах, а также наукоемких технологий (нейротехнологии и искусственный интеллект; квантовые технологии; системы распределенного реестра; новые производственные технологии; компоненты робототехники и сенсорики; промышленный Интернет; технологии беспроводной связи; технологии виртуальной и дополненной реальностей), которые позволяют ускорять процесс производства, обрабатывать большой объем информации за короткий промежуток времени.

Проводя заседание Совета по стратегическому развитию, В. В. Путин, отметил, что цифровая экономика – это не отдельная отрасль, по сути это уклад жизни, новая основа для развития системы государственного управления, экономики, национальной безопасности и т. д. [4].

Международные принципы по информатизации общества и подходы к его созданию определены Окинавской хартией глобального информационного общества 2000 г., Декларацией принципов «Построение информационного общества – глобальная задача в новом тысячелетии» 2003 г., Планом действий Тунисского обязательства 2005 г. В целях получения максимума выгоды экономической и социальной для информационного общества рекомендуются следующие принципы и подходы. Во-первых, это поддержка в развитии конкуренции и открытия рынков для информационной технологии и телекоммуникационной продукции и услуг, включая недопущение ущемления и основанного на затратах подключения к основным телекоммуникациям. Во-вторых, это защита прав интеллектуальной собственности на информационные технологии, развитие конкуренции на рынке «высоких» технологий и широкое внедрение новых технологий. В-третьих, обязательное использование лицензионной продукции государственными органами. В-четвертых, это освобождение электронных переводов от таможенных пошлин. В-пятых, упорядоченные подходы к налогообложению электронной торговли, основанные на обычных принципах, включая недискриминацию, равноправие, упрощенность и прочие ключевые элементы, согласованные в контексте работы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). В-шестых, рост доверия потребителя к электронным рынкам в соответствии с руководящими принципами ОЭСР, в том числе с помощью действенных саморегулирующих инициатив, таких как кодексы поведения, маркировка, иные программы подтверждения надежности, и исследование вариантов исключения сложностей, которые испытывают потребители в ходе трансграничных споров, включая применение альтернативных механизмов разрешения споров. В-седьмых, развитие и высокоэффективное применение электронной идентификации, электрон-

ной подписи, криптографии и других средств обеспечения надежности и достоверности операций. Наконец, работа по созданию надежного и свободного от преступности интернет-пространства, как указано в Руководящих принципах по безопасности информационных систем ОЭСР в борьбе с преступностью в компьютерной сфере [5].

Начиная с 2009 г. Международным союзом электросвязи ежегодно публикуется отчет *The Measuring the Information Society Report* [6] (англ. – Отчет об измерении информационного общества). В отчете представлен рейтинг стран, который основывается на индексе развития информационных технологий.

Россия в этом рейтинге стран по индексу развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) в 2012 г. заняла 41-е место, 2016 г. – 43-е, 2017 г. – 45-е [7]. Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 место в рейтинге стран по индексу развития информационно-коммуникационных технологий входит в Стратегию развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы и Государственную программу Российской Федерации «Информационное общество», утвержденную постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 313 [8].

В этой связи следует согласиться с М. А. Ефремовой, по мнению которой социально-экономический фактор обусловленности уголовно-правовой охраны информационной безопасности, куда входят уголовно-правовые нормы об ответственности за мошенничество в сфере компьютерной информации, связан с развитием в нашей стране нового типа общества, в котором во главе угла стоят информация и информационные технологии [9, с. 103]. При этом государство, следуя приоритетному сценарию развития информационного общества в России, должно обеспечивать благоприятные условия для применения, поддержки и развития информационных и коммуникационных технологий. Одна из немаловажных задач в этой связи заключается в совершенствовании законодательства Российской Федерации и приведении его в соответствие с новыми экономическими и информационно-технологическими условиями. В пункте 31 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203, особо подчеркивается необходимость совершенствования нормативно-правового регулирования в сфере обеспечения безопасной обработки информации (включая ее поиск, сбор, анализ, использование, сохранение и распространение) и применения новых технологий.

Данное обстоятельство в полной мере относится и к уголовному законодательству в сфере экономики. Очевидно, что становление информационного общества и цифровой экономики требует переосмысления парадигмы уголовно-правовой охраны традиционных отношений собственности [2, с. 52].

Как известно, мошенничество в сфере компьютерной информации – новый вид имущественного преступления в сфере компьютерной информации, который имеет ряд особенностей, отличающих его от традиционного мошенничества.

Во-первых, это многообъектный характер мошенничества в сфере компьютерной информации, где непосредственным объектом являются конкретные имущественные отношения, а в роли дополнительного обязательного объекта выступает общественная безопасность.

Во-вторых, касаясь способов традиционного мошенничества и иных имущественных преступлений («обман», «злоупотребление доверием», «тайность», «открытость»), подчеркнем, что при совершении мошенничества в сфере компьютерной информации данные методы «оттесняются» способами, основанными на современных информационных технологиях передачи, получения, обработки электронных данных, сообщений с помощью ЭВМ, системы ЭВМ или их сети. Эти криминальные приемы могут быть, с одной стороны, специальными разновидностями обмана и злоупотребления доверием, с другой – смежными с обманом и злоупотреблением доверием способами преступного посягательства либо даже не имеющими ничего общего с ними. В самом деле, неправомерные уловки корыстного характера с использованием ЭВМ, системы ЭВМ или их сети можно признать как преступное деяние даже при отсутствии их обязательных признаков обмана или злоупотребления доверием. Например, это вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей путем целенаправленного воздействия программных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры, смартфоны и пр.) или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу неправомерно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него.

В статье 159⁶ УК РФ, предусматривающей ответственность за мошенничество в сфере компьютерной информации, способами совершения преступления являются: ввод, удаление, блокирование, модификация компьютерной информации, иное вмешательство в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

Как представляется, по мере развития информационного общества и цифровых технологий состав преступления, предусмотренный в ст. 159⁶ УК РФ и относящийся к числу специальных видов мошенничества, будет трансформироваться в самостоятельный вид имущественного преступления или отдельной группы преступлений, совершаемых во взаимосвязанных сферах имущественных и информационно-технологических отношений.

В этой связи одной из задач законодателя является уточнение социально-правовой природы рассматриваемого деликта и определение месторасположения нормативных положений об уголовной ответственности за компьютерное мошенничество с учетом его многообъектного характера.

Другая проблема – нормативное описание «компьютерного мошенничества» в уголовном законе. Полагаю, что это преступное посягательство нельзя сводить исключительно к хищению чужого имущества и даже к неправомерному приобретению права на чужое имущество. В научных работах начала XXI века такого рода деликты предлагалось определять как «получение выгоды путем использования ЭВМ». Так, по мнению А. Г. Безверхова, «получение выгоды путем использования ЭВМ» представляет собой незаконное безвозмездное получение имущественной выгоды в значительном размере путем использования ЭВМ, системы ЭВМ или их сети, основной состав которого следует отнести к преступлению небольшой тяжести. То же деяние, совершенное группой лиц по предварительному сговору или лицом с использованием своего служебного положения, является преступлением средней тяжести. То же деяние, совершенное организованной группой либо в крупном размере следует признавать тяжким преступлением. Наконец, то же деяние, совершенное в особо крупном размере, – особо тяжкое преступление [10, с. 357]

В. В. Хилюта считает, что к компьютерным преступлениям должны относиться только противозаконные действия в сфере автоматизированной обработки информации. В этой связи этот ученый-юрист полагает, что УК должен содержать норму, которая бы предусматривала ответственность за «хищение имущества путем модификации результатов автоматизированной обработки данных компьютерной системы». По мнению В. В. Хилюты, предлагаемой нормой охватывались бы противоправные деяния, совершаемые с использованием средств компьютерной техники, сотовой связи, сети Интернет и т. п. [11, с. 65–66]

В § 263а УК Федеративной Республики Германии компьютерное мошенничество определяется как противоправное получение имущественной выгоды и нанесение вреда имуществу другого лица воздействием на результат обработки данных ЭВМ, составлением неправильных программ, использованием неправильных или неполных данных, неправомерным применением данных или влиянием на такой процесс каким-либо иным неправомерным воздействием [12]. При этом под имуществом в германской уголовно-правовой доктрине понимается вся совокупность экономических благ потерпевшего, включая вещи, права требования и иные объекты гражданских прав.

В заключение еще раз подчеркнем, что механизм уголовно-правового регулирования информационных имущественных отношений нуждается в конструировании новых составов преступлений, смежных с нормами о традиционном мошенничестве,

совершаемом с использованием обмана или злоупотребления доверием в отношении исключительно чужих вещей как объектов физического мира или права на имущество. На это же обстоятельство указывают социально-экономические и информационно-технологические основания криминализации общественно опасного имущественного поведения в сфере компьютерной информации. При этом, как представляется, речь должна идти не о специальных составах мошенничества («компьютерном», «с использованием электронных средств платежа» или иных аналогичных традиционному мошенничеству конструкциях), а о самостоятельном виде двухобъектного имущественного преступления с вышеописанными особенностями объективной стороны.

Библиографический список

1. Коржанский Н. И. Объект и предмет уголовно-правовой охраны. М.: Изд-во Акад. МВД СССР, 1980. 248 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/3040689/9731db>.
2. URL: <http://crimestat.ru/51> (дата обращения: 04.09.2019).
3. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 426 с. URL: http://www.agprf.org/userfiles/ufiles/dis_sovet/diss/2018/Efremova/%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%95%D1%84%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%9C.%D0%90.pdf.
4. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54983> (дата обращения: 05.09.2019).
5. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (дата обращения: 05.09.2019).
6. URL: <http://www.itu.int/en/publications/ITU-D/Pages/default.aspx> (дата обращения: 05.09.2019).
7. URL: <http://www.cnews.ru/news/top/2018-04> (дата обращения: 05.09.2019).
8. Постановление Правительства РФ от 15.04.2014 № 313 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации «Информационное общество (2011–2020 годы)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 18 (ч. II). Ст. 2159. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184.
9. Ефремова М. А. Уголовно-правовая охрана информационной безопасности. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2018. 312 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30081476>.
10. Безверхов А. Г. Имущественные преступления. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2002. 429 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/3077228/6220f2>.
11. Хилюта В. В. Хищение с использованием компьютерной техники или компьютерное мошенничество? // Библиотека криминалиста. 2013. № 5 (10). С. 55–65. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20345709>.
12. Уголовный кодекс Федеративной Республики Германии. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. 524 с. URL: <https://constitutions.ru/?p=5854>.

References

1. Korzhansky N. I. *Ob'ekt i predmet ugolovno-pravovoi okhrany* [Object and subject of criminal law protection]. M.: Izd-vo Akad. MVD SSSR, 1980, 248 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/3040689/9731db> [in Russian].
2. Available at: <http://crimestat.ru/51> (accessed 04.09.2019) [in Russian].
3. Efremova M. A. *Ugolovno-pravovaya okhrana informatsionnoi bezopasnosti: dis. ... kand. jurid. nauk* [Criminal-legal protection of information security: Candidate's of Legal Sciences thesis]. M., 2017, 426 p. Available at: http://www.agprf.org/userfiles/ufiles/dis_sovet/diss/2018/Efremova/%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F%20%D0%95%D1%84%D1%80%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%BE%D0%B9%20%D0%9C.%D0%90..pdf [in Russian].
4. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/54983> (accessed 05.09.2019) [in Russian].
5. Available at: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170> (accessed 05.09.2019) [in Russian].
6. Available at: <http://www.itu.int/en/publications/ITU-D/Pages/default.aspx> (accessed 05.09.2019) [in Russian].
7. Available at: <http://www.cnews.ru/news/top/2018-04> (accessed 05.09.2019) [in Russian].
8. *Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 313 «Ob utverzhdenii gosudarstvennoi programmy Rossiiskoi Federatsii «Informatsionnoe obshchestvo (2011–2020 gody)»* [Decree of the Government of the Russian Federation as of 15.04.2014 № 313 «On approval of the state program of the Russian Federation «Information Society (2011–2020)»]. *Sobranie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii* [Collected legislation of the Russian Federation], 2014, no. 18 (part II), Article 2159. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162184 [in Russian].
9. Efremova M. A. *Ugolovno-pravovaya okhrana informatsionnoi bezopasnosti* [Criminal-legal protection of information security]. M.: Izd-vo «Yurlitinform», 2018, 312 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30081476> [in Russian].
10. Bezverkhov A. G. *Imushchestvennyye prestupleniya* [Property crimes]. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2002, 429 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/3077228/6220f2> [in Russian].
11. Khiluta V. V. *Khishchenie s ispol'zovaniem komp'yuternoi tekhniki ili komp'yuternoe moshennichestvo?* [A Theft Using Computer Equipment or Computer Fraud?] *Biblioteka kriminalista* [Forensic Library], 2013, no. 5 (10), pp. 55–65. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20345709> [in Russian].
12. *Ugolovnyi kodeks Federativnoi Respubliki Germanii* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany]. SPb.: Izd-vo «Yuridicheskii tsentr Press», 2003, 524 p. Available at: <https://constitutions.ru/?p=5854> [in Russian].

И. А. Кравцова

ОТДЕЛЬНЫЕ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИОННО-ТАКТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ НЕРАСКРЫТЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОШЛЫХ ЛЕТ, СОВЕРШЕННЫХ НА ТРАНСПОРТЕ

© **Кравцова Ирина Алексеевна** (irinakravc1991@yandex.ru), следователь, **Сургутский линейный отдел МВД России на транспорте**, 628414, Российская Федерация, Ханты-Мансийский Автономный округ – Югра, г. Сургут, Привокзальная улица, 17.

Тема планируемой кандидатской диссертации: «Криминалистическое обеспечение расследования преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте». Автор 12 научных публикаций, в том числе научных статей: «Состояние научного обеспечения расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте» (2019), «Субъективные обстоятельства низкой раскрываемости преступлений на транспорте» (2017).

Область научных интересов: криминалистика.

АННОТАЦИЯ

На современном этапе своевременное раскрытие и расследование преступлений, совершаемых на транспорте, выступает одной из самых трудноразрешимых задач для ОВД. В связи с этим продолжает оставаться низкой раскрываемость указанной категории преступлений. По данным ГИАЦ МВД России, каждое третье преступление остается нераскрытым. Таким образом, имеется острая потребность в разрешении сложившейся ситуации. Перспективным направлением является совершенствование криминалистического обеспечения расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте. В статье рассматриваются закономерности организационно-тактического обеспечения расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте. Специфика организационно-тактического обеспечения заключается в необходимости решения задач в первую очередь организационного характера и, соответственно, совершенствования тактических его особенностей, которые наполняют содержательную сторону этой деятельности. Наиболее актуальным направлением совершенствования организации расследования преступлений является создание специализированных следственно-оперативных групп, действующих на постоянной основе. В статье автором предложены отдельные направления совершенствования тактических особенностей организации расследования.

Ключевые слова: организационно-тактическое обеспечение; организация расследования; нераскрытые преступления; преступления прошлых лет; преступления на транспорте; анализ исходной информации; специализированная следственно-оперативная группа.

Цитирование. Кравцова И. А. Отдельные криминалистические аспекты организационно-тактического обеспечения расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 147–154. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-147-154>.

*I. A. Kravtsova***SEPARATE CRIMINALISTICS ASPECTS OF INVESTIGATION OF ORGANIZATIONAL AND TACTICAL SUPPORT OF INVESTIGATION OF UNSOLVED CRIMES OF THE PAST YEARS COMMITTED IN TRANSPORT**

© Kravtsova Irina Alekseevna (irinakravn1991@yandex.ru), criminal investigator, **Surgut Line Department of the Ministry of Internal Affairs of Russia in Transport**, 17, Privokzalnaya Street, Surgut city, 628414, Khanty-Mansi Autonomous Okrug-Yugra, Russian Federation.

Subject of planned Candidate's thesis: «Criminalistics of investigation of organizational crimes of past years, committed in transport». Author of 12 scientific works, including scientific papers «State of scientific maintenance of investigation of unsolved crimes of past years, committed in transport» (2019), «Subjective circumstances of low detection of crimes in transport» (2017).

Research interests: criminalistics.

ABSTRACT

At the present stage, the timely detection and investigation of crimes committed in transport, is one of the most difficult tasks for the Department of Internal Affairs. In this connection, the detection of this category of crimes continues to be low. According to the Main Information and Analysis Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia every third of crimes remain unsolved. Thus, there is an urgent need to resolve the situation. A promising direction is the improvement of forensic support for the investigation of unsolved crimes of the past years committed in transport. The article considers the regularities of organizational and tactical support of investigation of unsolved crimes of the past years committed in transport. The specificity of organizational and tactical support is the need to solve problems in the first place of organizational nature, and accordingly improve its tactical features, which fill the substantive side of this activity. The most relevant direction of improving the organization of their investigation is the creation of specialized investigative teams operating on a permanent basis. In the article the author proposes some directions of improving the tactical features of the organization of the investigation.

Key words: organizational and tactical support; organization of investigation; unsolved crimes; crimes of previous years; transport crimes; analysis of initial information; specialized investigative and operational team.

Citation. Kravtsova I. A. *Otdel'nye kriminalisticheskie aspekty organizatsionno-takticheskogo obespecheniya rassledovaniya neraskrytykh prestuplenii proshlykh let, sovershennykh na transporte* [Separate criminalistics aspects of investigation of organizational and tactical support of investigation of unsolved crimes of the past years committed in transport]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 147–154. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-147-154> [in Russian].

В настоящее время оперативное раскрытие и расследование преступлений на транспорте стало одной из самых трудноразрешимых задач для органов внутренних дел. Продолжает оставаться низкой раскрываемость указанной категории преступлений. Так, по данным ГИАЦ МВД России, за последние 11 лет всего на транспорте было совершено 552 764 преступления, из них остались нераскрытыми 158 273 (28,63 %), т. е. почти каждое третье, из которых было впоследствии раскрыто всего лишь каждое двенадцатое – 13 602 (8,59 %) преступления¹. Таким образом, имеется острая потребность в разрешении сложившейся ситуации. Перспективным направлением ее решения является совершенствование криминалистического обеспечения расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте.

При этом все, что происходит в процессе раскрытия и расследования преступлений функци-

онирует как единое целое, представляет собой неделимость, единство и целостность. Таким образом, в целях упорядочения данного процесса объективно необходима его организация, которая бы не только обеспечивала взаимосвязь между составляющими указанного процесса, но и гарантировала бы его высокую результативность. В этой связи, верно, отмечает В. Д. Зеленский, что «организационный процесс придает расследованию целеустремленность, цельность, во многом предопределяя его качество и результат» [1, с. 735].

Необходимость совершенствования организации расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте, вызвана значительным количеством обстоятельств. Преступность заметно активизировала свою деятельность в связи с ухудшающимся экономическим положением в стране, качественно изменившись на фоне глобализации мирового сообщества.

Проведенный нами анализ работы следователей, сотрудников органов дознания и других подразделений органов внутренних дел показывает, что она стала более трудоемкой, возросли нагрузки на одного следователя.

Кроме того, актуальность и необходимость изучения указанных аспектов мы находим в исследованиях как посвященных разработкам частных криминалистических методик, так и в иных, в том числе монографического уровня, непосредственно раскрывающих особенности учения об организации расследования преступлений.

В целом следует констатировать, что практически всеми учеными-криминалистами отмечается высокая степень эффективности применения положений отмеченного учения в решении задач по раскрытию и расследованию преступлений. Так, например, верно отмечает И. П. Можаяева, что организация расследования «...обладает достаточной степенью самостоятельности, систематизации, объемной и функциональной взаимосвязью с другими частными криминалистическими теориями и криминалистическими учениями. Это позволяет объединить в нем в качестве первоосновы совокупность теорий и учений, предмет познания которых составляют закономерности обеспечения эффективной организации деятельности в сфере уголовного судопроизводства» [2, с. 129].

Согласно мнению А. Ф. Волынского, «структурно-содержательный анализ организации раскрытия и расследования преступлений как целого показывает, что в качестве его частей выступают такие виды деятельности, как процессуальная, оперативно-розыскная, судебно-экспертная, криминалистическая, административная; деятельность контрольно-надзорных органов. Каждая из них чрезвычайно сложна, специфична по своему содержанию, решаемым задачам, реализуемым при этом методам и средствам (гласным и негласным). Все они характеризуются своей иерархической системой управления, обусловливаемой многоуровневой структурой организации соответствующих служб, аппаратов, учреждений и подразделений. При этом каждая из них в отдельности не в состоянии обеспечить достижение цели “целого”, т. е. раскрытие и расследование преступлений» [3, с. 11].

Организационные особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте, есть частное проявление такого процесса управления. В связи с этим они реализуются посредством организации управляемой деятельности следователя. При этом организационно-тактические особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте, составляют основную часть организационного аспекта в системе криминалистического обеспечения их расследования. Исходя из вышеизложенного, следует констатировать, что в данном случае сам процесс расследования выступает в виде управляемой деятельности, а тактические особенности наполняют ее содержательную сторону.

В этой связи видится актуальным еще раз обратиться к базовым моментам организации расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте, – определить организационные формы их раскрытия и расследования, т. е. систематизировать принятие решения о том, кто должен расследовать нераскрытые преступления. В научной литературе также нет однозначного подхода к разрешению указанной проблемы.

На наш взгляд, передача в такой ситуации дела другому следователю может иметь более положительный результат, так как «новый» следователь имеет в наличии уже сформированный материал, он видит недостатки и допущенные ранее ошибки коллеги. У такого субъекта совсем другое психическое отношение к делу, которое главным образом характеризуется отсутствием привыкания, которое дестабилизирует внимание следователя, лишая его возможности в первую очередь правильно оценивать ситуацию и, соответственно, принимать решения по ее разрешению. Но принятие такого решения нецелесообразно, если имеется четкий план раскрытия и расследования преступления, который выполняется следователем, обладающим такими качествами, как настойчивость и умение довести дело до конца.

Далее следует отметить, что нами в ходе исследования эмпирического материала было установлено, что по преступлениям, где логично предполагается создание следственно-оперативной группы, следователь расследует его единолично, что, на наш взгляд, не совсем правильно. Это обусловлено отсутствием специализированных следственно-оперативных групп (далее – СОГ), которые могли бы быть созданы на постоянной или хотя бы на временной основе с целью раскрытия и расследования нераскрытых преступлений прошлых лет. Специализированная СОГ (постоянно действующая) создается для обеспечения эффективного взаимодействия подразделений органов внутренних дел в процессе производства расследования по конкретному уголовному делу, а также отдельным категориям преступлений: тяжким и особо тяжким; прошлых лет, серийным и другим, в том числе тем, по которым лица, совершившие их, не установлены (например, убийств, дорожно-транспортных происшествий, квартирных краж, преступлений несовершеннолетних, преступлений в сфере экономики, организованных преступных групп и т. п.) [4, с. 124]. При этом специализация в раскрытии и расследовании преступлений всегда занимала ведущее место в организации работы сотрудников не только следственных подразделений, но и органов дознания.

Поэтому вряд ли следует надеяться на то, что при действующем положении состояние раскрытия и расследования данных преступлений изменится в положительную сторону. Наличие вышеперечисленных обстоятельств свидетельствует о неизменности ситуации.

В связи с этим, на наш взгляд, наиболее актуальным направлением по делам данной категории является их расследование в составе специализи-

рованных следственно-оперативных групп, действующих на постоянной основе (в частности, на такую необходимость обратили внимание 73,1 % респондентов).

При этом никто из опрошенных не выделил такую форму организации взаимодействия как применяемую при расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте. В основном ими были отмечены такие формы, как: создание следственно-оперативных групп в целях раскрытия и расследования конкретного преступления (22,4 %); направление письменных поручений, запросов (35,1 %) и сопровождение оперативным работником в процессе всего расследования (42,5 %).

В целом значимость расследования преступлений в составе специализированных следственно-оперативных групп, действующих на постоянной основе, трудно переоценить. Кроме того, еще в 70–80-е годы прошлого столетия известные ученые-криминалисты писали об актуальности данной организационной формы раскрытия и расследования нераскрытых преступлений прошлых лет. Так, например В. П. Лавров указывал, что отсутствие специализированных следственно-оперативных групп по расследованию указанной категории преступлений является типичным недостатком в организации работы следственных подразделений по делам о нераскрытых преступлениях прошлых лет [5, с. 88]. В. М. Быков писал: «...как показывает следственная практика, наиболее эффективной формой взаимодействия следователя и органов дознания при работе по приостановленным делам является создание специальной следственно-оперативной группы» [6, с. 12].

На эффективность указанной организационной формы раскрытия и расследования нераскрытых преступлений прошлых лет в своих исследованиях указывают криминалисты не только советской эпохи, но и многие российские ученые. Тем более, как верно указывает И. П. Можяева, в современных условиях, в частности в связи со значительным обновлением и омоложением следственных кадров, специализация становится важным инструментом, позволяющим эффективно организовать процесс расследования [7, с. 101]. Е. А. Травкин пишет, что наиболее эффективной и целесообразной организационно-тактической формой взаимодействия выступает постоянно действующая следственно-оперативная группа [8, с. 275].

Эффективность такой организационной формы определяется, по мнению С.В. Коровина следующими факторами, а именно – «...стабильностью личного состава, которая позволяет в кратчайшее время наладить деловой контакт между следователем и оперативными работниками, обеспечить постоянный обмен оценками сложившейся следственной ситуации. Руководитель постоянно действующей группы, зная личный состав, максимально использует возможности каждого сотрудника» [9, с. 16].

Кроме того, деятельность подобных СОГ будет систематически «обращать» информацией

не только о преступлениях, которые были совершены ранее, но и в том числе о готовящихся либо совершаемых. Такая оперативная осведомленность о фактах и лицах, прямо или косвенно причастных к подготовке или совершению преступлений, позволит не только повысить эффективность раскрытия и расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, но и способствовать выполнению функций по пресечению преступлений, задержанию с поличным и по горячим следам преступников, а также по их профилактике.

Аргументированную точку зрения приводит А. С. Бастрыгин, который констатирует, что «своевременное создание и правильная организация деятельности следственно-оперативной группы, постоянное взаимодействие группы следователей с сотрудниками действующей оперативной-розыскной группы позволяют успешно раскрывать и расследовать многие неочевидные многоэпизодные тяжкие и особо тяжкие преступления» [10, с. 23].

Позиция указанного исследователя более чем актуальна для раскрытия преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте. Это обусловлено тем, что подобные преступления, как правило, носят длящийся характер (34,1 % случаев, установленных по исследуемым нами уголовным делам), а также являются многоэпизодными. Кроме того, указанные преступления совершаются организованными преступными группами (4,1 % случаев), которые оказывают активные формы противодействия расследованию, что является фактором, существенно осложняющим процесс раскрытия и расследования. Также преступления, остающиеся нераскрытыми, как правило, совершаются опытными, неоднократно ранее судимыми лицами (39,3 %).

Об эффективности применения данной организационной формы также свидетельствует и правоприменительная практика, в том числе иных правоохранительных органов, которая и в настоящее время регулируется специальными нормативно-правовыми актами, разработанными и принятыми смежными ведомствами. Так, например, данная деятельность является одним из приоритетных направлений функционирования Следственного комитета Российской Федерации, которая регламентируется специальным нормативным актом – Приказом СК России от 31 июля 2014 г. № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет»².

Кроме того, как нами уже было ранее указано, по мнению практических работников (47,8 % респондентов отметили данный критерий), следователь и оперативный работник, специализирующиеся на раскрытии и расследовании нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте, должны быть из числа опытных сотрудников-профессионалов.

Исходя из представленных выше аргументов, считаем необходимым констатировать, что в настоящее время имеется острая потребность в разработке и принятии на ведомственном уровне нормативно-правового акта, регламентирующего в обязательном порядке создание специализиро-

ванных следственно-оперативных групп, действующих на постоянной основе, в целях раскрытия и расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте. По нашему мнению, реализация данной меры организационно-управленческого характера качественно изменит ситуацию, связанную с состоянием их раскрытия и расследования.

При этом данный ведомственный акт должен регламентировать особенности функционирования указанных подразделений, на наш взгляд, по образцу требований, закрепленных в приказе СК России от 31 июля 2014 г. № 65 «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет».

Кроме того, в ведомственном акте должны быть закреплены не только требования к составу участников данных СОГ и их специализации, но и критерии профессиональной компетентности, позволяющие отобрать в них высококвалифицированных сотрудников, способных повысить эффективность раскрытия и расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте. Не менее важным является закрепление требований к таким субъектам, которые характеризует их как сотрудников с высокой степенью ответственности за порученное им направление деятельности, что позволит избежать попадания в такие СОГ «случайных» людей.

В том числе в достаточной степени действенным, мы считаем, будет закрепление в нем также положений, регламентирующих особенности создания и функционирования информационно-аналитического подразделения (штаба), входящего в состав такой специализированной СОГ, действующей на постоянной основе. Информационно-аналитическое подразделение, как правило, занимается сбором и накоплением, хранением и анализом, оценкой и выдачей оперативно-розыскной и криминалистически значимой информации заинтересованным пользователям для проведения следственных действий, а также оперативно-розыскных мероприятий, т. е. управлением расследования преступлений. Такое подразделение, безусловно, повысит эффективность деятельности указанных СОГ посредством более оперативного принятия управленческих решений, а также быстрой и организованной их реализации.

В данном ведомственном акте также должны найти свое отражение организационные и тактические особенности взаимодействия между участниками специализированных следственно-оперативных групп, действующих на постоянной основе, в целях раскрытия и расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте. Кроме того, подобного рода формы взаимодействия должны предусматриваться и с иными сотрудниками ОВД на транспорте, не входящими в состав СОГ.

Чтобы эти нововведения не превратились в профанацию и не стали формальностью, в данном ведомственном акте необходимо закрепить положения, регламентирующие особенности ведения

учета результатов расследования указанных преступлений посредством составления таблицы ранжированных показателей, на основании которых будет происходить оценка эффективности деятельности указанных СОГ (на примере приложения к приказу СК России «Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет» от 31 июля 2014 г. № 65).

Раскрывая далее организационно-тактические особенности расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте, перейдем к тактическим аспектам, которые наполняют содержательную сторону этой управленческой деятельности.

Так, основные направления организации раскрытия и расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте, на наш взгляд, могут быть представлены двумя группами принятия и реализации управленческих решений.

Первая группа определяется принятием и реализацией управленческих решений после приостановления предварительного следствия и на подготовительном этапе, предшествующем принятию решения о возобновлении предварительного следствия.

В соответствии с ч. 3 ст. 209 УПК РФ после приостановления предварительного следствия производство следственных действий не допускается. Но этот процессуальный запрет не снимает со следователей ответственности за результаты расследования, поскольку ч. 2 ст. 209 УПК обязывает его принимать необходимые меры по установлению лица, подлежащего привлечению в качестве обвиняемого. Хотя действующее уголовно-процессуальное законодательство не определяет меры, которые могут быть приняты для раскрытия преступления, однако отсутствие подобного нормативного перечня полностью компенсируется криминалистическими рекомендациями, основанными на обобщении следственной и оперативно-розыскной практики.

Приостановив предварительное следствие на основании п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, многие следователи после этого чувствуют определенный психологический дискомфорт, связанный с неудачей, и некоторое время не могут приступить к сложному «второму этапу работы» по этому уголовному делу [11, с. 189]. Поэтому руководитель следственного подразделения должен вывести следователя из этого негативного эмоционального состояния и помочь ему в составлении плана работы по устранению ошибок и недостатков, скорейшему возобновлению приостановленного предварительного следствия.

В этой связи деятельность по приостановленному делу должна состоять из нескольких этапов.

Первый этап включает главным образом в свое содержание критический анализ всех материалов дела, направленный на выявление ошибок и недоработок. Данный анализ необходимо проводить с учетом следующих критериев оценки материалов дел: качества проведенных неотложных следственных действий; их полноты, всесторонности

и объективности; полноты, объема, точности и качества установления обстоятельств противоправного деяния; ошибок и недостатков, вытекающих вследствие этого последствия.

При этом в криминалистике по-разному исследователи подходят к определению целей такого анализа.

Так, например, В. М. Быков и В. Л. Ломовский, выделяют следующие:

1) критическая оценка проверенных по делу версий;

2) определение полноты проверки, особенно тех версий, которые признаны неподтвердившимися, решение вопроса о целесообразности дальнейшей проверки;

3) выдвижение новых версий и составление перечня действий по их проверке [12, с. 56–57].

Без сомнения, следует согласиться, что прежде всего необходимо всесторонне исследовать версионный процесс, установить, все ли возможные версии были выдвинуты, а затем полностью проверены. Названные ошибки являются наиболее распространенными и существенными. Так, нередко случаются ситуации, когда некоторые достаточно вероятные версии выдвигаются, судя по письменному плану расследования, а затем не проверяются или же проверяются формально (в 49,2 % случаев по изученным уголовным делам). Серьезную ошибку составляет проверка следователем одной из выдвинутых версий, которая представляется ему наиболее вероятной и после опровержения которой следователь, считая ситуацию безнадежной, необоснованно приостанавливает предварительное следствие. Достаточно часто невыдвижение всех фактических версий обусловлено не только недостаточными логическими и эвристическими способностями следователя, но, как нами уже было отмечено, и низким уровнем производства следственных действий, что приводит к отсутствию исходного материала для анализа и формирования фактической базы версий.

В процессе разрешения указанных целей в ходе анализа материалов приостановленных уголовных дел необходимо всегда без исключения использовать специальные анкеты с указанием в них всех обстоятельств как совершения преступлений, так и их раскрытия и расследования (в том числе ошибок и недостатков), а также отражения в них всех необходимых вопросов, требующих разрешения.

Кроме того, после приостановления предварительного следствия и на подготовительном этапе, предшествующем принятию решения о возобновлении предварительного следствия, по делам исследуемой нами категории особую значимость приобретает деятельность по анализу исходной информации.

Особенно важно на этапе подготовки к анализу исходной информации истребовать и изучить все уголовные дела, по которым преступления совершались аналогичным способом. Значение этого метода еще больше возрастает, если совершенные аналогичным способом преступления происходили на одной и той же территории и примерно в одно и то же время. Аналогия преступлений по

способу совершения представляется весьма оптимальным методом раскрытия преступлений прошлых лет, производство по которым было приостановлено. Таким образом, использование аналогии в раскрытии преступлений основано на замечательном свойстве этого метода: от сходства способов совершения преступлений можно с определенной (иногда очень высокой) степенью вероятности перейти к сходству лиц, совершивших эти преступления, а затем доказать, что это одно и то же лицо. Аналогия является обильным источником новых фактов. В простейших случаях можно почти копировать решения близкой, родственной задачи. В более трудных случаях, когда подобных, идентичных признаков мало, хрупкая аналогия может не привести сразу к реальной помощи. Однако, она может указать направление, в котором следует продолжать работу.

В этих целях следователю необходимо из общей совокупности уголовных дел выделить те, которые совершены аналогичным способом. Целесообразность такой деятельности заключается в том, что по тому или иному уголовному делу может иметься информация о конкретном лице, совершившем преступление. Это позволяет следователю сделать обоснованный вывод, что оба преступления – нераскрытое (приостановленное производством) и раскрытое (находящееся в производстве или уже рассмотренное судом) – совершены одним и тем же лицом.

Так, гр. З. 8 января 2012 г. около 04-00, находясь в вагоне № 4 во время стоянки поезда № 389 на станции Тюмень, воспользовавшись тем, что за его преступными действиями никто не наблюдает и не сможет им воспрепятствовать, тайно из корыстных побуждений похитил из женской сумочки, принадлежащей гр. Ф. и находящейся в рундуке спального места, кошелек, стоимостью 1 500 рублей с денежными средствами в сумме 400 рублей, банковской картой, принадлежащими последней³. Продолжая свои преступные намерения, гр. З. с похищенным имуществом из вагона пассажирского поезда № 389 вышел, после чего в тот же день около 04-28 подошел к банкомату, где по банковской карте, похищенной у гр. Ф. снял с ее счета денежные средства в сумме 32 000 рублей, принадлежащие гр. Ф., тем самым тайно из корыстных побуждений их похитил. С похищенным с места преступления скрылся и распорядился по своему усмотрению, причинив потерпевшей гр. Ф. значительный материальный ущерб на общую сумму 33 900 рублей. Первоначально по данному уголовному делу предварительное следствие было приостановлено по п. 1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, хотя на месте совершения преступления были изъяты следы рук. После проведенного комплекса мероприятий была получена информация, а затем и доказательства причастности к данному преступлению гр. З. Способствовало раскрытию и расследованию указанного преступления получение информации при проверке по учетам. Так как гр. З. совершил 22 кражи, в том числе данную, в течение 2012 г.

Кроме того, далее следует констатировать, что одной из важнейших задач анализа материалов приостановленных дел должны стать определение и оценка «косвенных» данных о личности преступника, использование которых дает возможность в будущем при определенных условиях установить лицо, совершившее преступление. Даже в тех случаях, когда в соединенных в одно производство нескольких уголовных делах отсутствуют данные о личности обвиняемого, объединение информации, содержащейся в материалах этих дел, позволяет существенно расширить исходные данные, значительно повысить их информативность и выдвинуть более перспективные версии, чем по каждому отдельному делу.

Второй этап работы следователя заключается в проведении всех возможных непроцессуальных действий с учетом выявленных ошибок и недочетов, а также результатов, полученных в ходе анализа исходной информации.

Вторая группа, по нашему мнению, характеризуется принятием и воплощением управленческих решений после возобновления предварительного следствия, которые находят свою реализацию в процессе осуществления процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, направленной на установление и закрепление доказательственной базы.

В заключение данной статьи считаем необходимым констатировать, что повышение эффективности расследования по нераскрытым преступлениям прошлых лет главным образом заключается в реализации следующих рекомендаций, направленных на совершенствование отдельных аспектов организационно-тактического обеспечения их расследования.

1. Наиболее актуальным направлением по делам данной категории является их расследование в составе специализированных следственно-оперативных групп, действующих на постоянной основе. Об эффективности применения данной организационной формы также свидетельствует правоприменительная практика, в том числе иных правоохранительных органов (например, СК России), которая и в настоящее время регулируется специальными нормативно-правовыми актами, разработанными и принятыми ведомствами. В этой связи в настоящее время имеется острая потребность в разработке и принятии на ведомственном уровне нормативно-правового акта, регламентирующего в обязательном порядке создание специализированных следственно-оперативных групп, действующих на постоянной основе, в целях раскрытия и расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте. На наш взгляд, реализация данной меры организационно-управленческого характера качественно изменит ситуацию, связанную с состоянием раскрытия и расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте.

2. Основные направления совершенствования организации раскрытия и расследования нераскрытых преступлений прошлых лет, совершенных на транспорте, могут быть представлены двумя

группами принятия и реализации управленческих решений. Первая группа определяется принятием и реализацией управленческих решений после приостановления предварительного следствия, и на подготовительном этапе, предшествующем принятию решения о возобновлении предварительного следствия. Вторая группа, по нашему мнению, характеризуется принятием и воплощением управленческих решений после возобновления предварительного следствия, которые находят свою реализацию в процессе осуществления процессуальной и оперативно-розыскной деятельности, направленной на установление и закрепление доказательственной базы.

3. Процесс принятия и реализации управленческих решений после приостановления предварительного следствия, и на подготовительном этапе, предшествующем принятию решения о возобновлении предварительного следствия, должен состоять из нескольких этапов. Первый этап включает главным образом в свое содержание критический анализ всех материалов дела, направленный на выявление ошибок и недоработок. Второй этап работы следователя заключается в проведении всех возможных непроцессуальных действий с учетом выявленных ошибок и недочетов, а также результатов, полученных в ходе анализа исходной информации.

Примечания

¹ Состояние преступности в России – январь-декабрь 2008–2018 гг. // Официальный сайт МВД России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 12.05.2019).

² Об организации работы по расследованию уголовных дел о преступлениях прошлых лет: приказ СК России от 31 июля 2014 г. № 65 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 07.12.2018).

³ Уголовное дело № 1-263/2012 // Архив Ленинского районного суда г. Тюмени.

Библиографический список

1. Зеленский В. Д. О понятии и содержании организации расследования преступлений // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 4. С. 734–744. DOI: 10.17150/1996-1996-7756.2015.9(4).734-744.

2. Можаява И. П. Концептуальные основы криминалистического учения об организации расследования преступлений // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 4 (40). С. 126–130. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27709620>.

3. Волынский А. Ф. Организация раскрытия и расследования преступлений: проблемы и пути решения // Российский следователь. 2016. № 1. С. 7–11. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25315919>.

4. Плесева Л. П. Формы взаимодействия следователя с органами дознания // Сибирский юридический вестник. 2015. № 4 (71). С. 119–125.

5. Лавров В. П. Организационные и тактико-криминалистические основы раскрытия и расследования преступлений прошлых лет: одобрено Советом

Академии МВД СССР; ред. А. В. Воробьев. М.: Ак. МВД СССР, 1979. 212 с.

6. Быков В. М. Расследование нераскрытых преступлений прошлых лет: лекция. Ташкент: Ташкент. ВШ МВД СССР, 1984. 38 с.

7. Можяева И. П. Организация расследования преступлений: криминалистические аспекты: учеб.-метод. пособие / Саратовский социально-экономический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г. В. Плеханова». 2-е изд., перераб. и доп. Саратов, 2015. 176 с. URL: http://www.seun.ru/content/learning/4/science/2/doc/Mojaeva_organizacia.pdf.

8. Травкин Е. А. О совершенствовании взаимодействия в форме следственно-оперативных групп // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2009. № 2. С. 275–280. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13076532>.

9. Коровин С. В. Взаимодействие сотрудников оперативных аппаратов и органов предварительного следствия в расследовании и раскрытии бандализма: методические рекомендации. Тюмень: Тюменский юридический институт МВД России, 2007. 29 с. URL: https://xn--h1aeok.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site151/document_file/aa01UJgGbY.pdf.

10. Бастрыгин А. С. Организационно-тактические аспекты взаимодействия участников – членов следственно-оперативной группы в раскрытии и расследовании многоэпизодных сложных групповых преступлений // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2017. № 127 (03). С. 2–34. DOI: 10.21515/1990-4665-127-003.

11. Драпкин Л. Я. Криминалистические и оперативно-розыскные аспекты раскрытия и расследования преступлений: учебное пособие. Екатеринбург: УрГЮА, 2014. 201 с. URL: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=87>.

12. Быков В. М., Ломовский В. Л. Приостановление производства по уголовному делу. М.: Юрид. лит., 1978. 108 с. URL: <https://ru.b-ok.cc/book/3263001/16e9ad>.

References

1. Zelenskiy V. D. *O ponyatii i sodержanii organizatsii rassledovaniya prestuplenii* [On the concept and content of organizing crime investigation]. *Kriminalogicheskii zhurnal Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law], 2015, vol. 9, no. 4, pp. 734–744. DOI: 10.17150/1996-1996-7756.2015.9(4).734-744 [in Russian].

2. Mozhayeva I. P. *Kontseptual'nye osnovy kriminalisticheskogo ucheniya ob organizatsii rassledovaniya prestuplenii* [Conceptual Foundations of the Forensic Theory of Organizing Crime Investigation]. *Trudy Akademii upravleniya MVD Rossii* [Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia], 2016, no. 4 (40), pp. 126–130. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=27709620> [in Russian].

3. Volynskiy A. F. *Organizatsiya raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii: problemy i puti resheniya* [Organizing detection and investigation of crimes: problems and ways of their solution]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2016, no. 1, pp. 7–11. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25315919> [in Russian].

4. Plesneva L. P. *Formy vzaimodeistviya sledovatelya s organami doznaniya* [Forms of Investigator Interaction

with Inquiry]. *Sibirskii yuridicheskii vestnik* [Siberian Law Herald], 2015, no. 4 (71), pp. 119–125. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25085802> [in Russian].

5. Lavrov V. P. *Organizatsionnye i taktiko-kriminalisticheskie osnovy raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii proshlykh let: odobreno Sovetom Akademii MVD SSSR; red. A. V. Vorob'ev* [Organizational, tactical and criminalistic principles of disclosing and investigating crimes of past years: approved by the Council of the Academy of the Ministry of Internal Affairs of the USSR; A. V. Vorobiev (Ed.)]. М.: Ак. МВД СССР, 1979, 212 p. [in Russian].

6. Bykov V. M. *Rassledovanie neraskrytykh prestuplenii proshlykh let: leksiya* [Investigation of unsolved crimes of past years: lecture]. Tashkent: Tashkent. VSh MVD SSSR, 1984, 38 p. [in Russian].

7. Mozhaeva I. P. *Organizatsiya rassledovaniya prestuplenii: kriminalisticheskie aspekty: ucheb.-metod. posobie; Saratovskii sotsial'no-ekonomicheskii institut (filial) FGBOU VPO «REU im. G. V. Plekhanova». 2-e izd., pererab. i dop.* [Organization of crime investigation: forensic aspects: study guide. Saratov Socio-Economic Institute of Plekhanov Russian University of Economics. 2nd edition, revised and enlarged]. Saratov, 2015, 176 p. Available at: http://www.seun.ru/content/learning/4/science/2/doc/Mojaeva_organizacia.pdf [in Russian].

8. Travkin E. A. *O sovershenstvovanii vzaimodeistviya v forme sledstvenno-operativnykh grupp* [About improving the cooperation in operational investigative group]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki* [News of the Tula state university. Economic and legal sciences], 2009, no. 2, pp. 275–280. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13076532> [in Russian].

9. Korovin S. V. *Vzaimodeistvie sotrudnikov operativnykh apparatov i organov predvaritel'nogo sledstviya v rassledovanii i raskrytii banditizma: metodicheskie rekomendatsii* [Interaction of operative apparatus and preliminary investigation bodies in the investigation and disclosure of banditry (methodological recommendations): methodological recommendations]. Tyumen: Tyumenskii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2007, 29 p. Available at: https://xn--h1aeok.xn--b1aew.xn--p1ai/upload/site151/document_file/aa01UJgGbY.pdf [in Russian].

10. Bastrygin A. S. *Organizatsionno-takticheskie aspekty vzaimodeistviya uchastnikov – chlenov sledstvenno-operativnoi gruppy v raskrytii i rassledovanii mnogoepizodnykh slozhnykh gruppovykh prestuplenii* [Organizational and tactical aspects of interaction within an investigative team in the course of detection and investigation of multiepisode complex collective crimes]. *Politematicheskii setevoi elektronnyi nauchnyi zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Polythematic online scientific journal of Kuban State Agrarian University], 2017, no. 127 (03), pp. 2–34. DOI: 10.21515/1990-4665-127-003 [in Russian].

11. Drapkin L. Ya. *Kriminalisticheskie i operativno-rozysknye aspekty raskrytiya i rassledovaniya prestuplenii: uchebnoe posobie* [Forensic and operational-search aspects of the disclosure and investigation of crimes: training manual]. Ekaterinburg: UrGYuA, 2014, 201 p. Available at: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=87> [in Russian].

12. Bykov V. M., Lomovskii V. L. *Priostanovlenie proizvodstva po ugovolnomu delu* [Suspension of criminal proceedings]. М.: Yurid. lit., 1978, 108 p. Available at: <https://ru.b-ok.cc/book/3263001/16e9ad> [in Russian]

Д. В. Давитавян, Р. В. Силантьев

СИСТЕМА ЗЕМСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК МЕРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

© Давитавян Диана Ваграмовна (dianadav98@mail.ru), студент III курса, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34

Область научных интересов: проблемы общей и отраслевой теории права

© Силантьев Роман Владимирович (silantyev@bk.ru), ассистент кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Автор одной научной статьи: «Влияние первой мировой войны и революционных событий 1917 года в России на практику Верховного Суда США в области защиты свободы слова» (2018).

Область научных интересов: всеобщая история права и государства, компаративистика, судебная защита фундаментальных прав и свобод личности.

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается система земского самоуправления как способ борьбы с коррупционными правонарушениями в Русском государстве в середине XVI века. Ставятся следующие проблемы: выяснить, против каких коррупционных правонарушений данная система была направлена, насколько эффективно справлялась с ними.

Основной для антикоррупционных мероприятий в рамках земской реформы являлась замена местного административно-судебного аппарата на органы местного самоуправления, формируемые выборными «лучшими людьми». При выдаче земских грамот разнообразие сборы в пользу волостелей и тиунов заменялись на фиксированный денежный оброк, уплачивавшийся в пользу верховной власти раз в год, что существенно сокращало возможности для проявлений коррупции. Более того, ряд положений земских грамот специально фиксировал отсутствие необходимости передавать каким-либо должностным лицам «посулы и поминки», т. е. не предусмотренное Судебником вознаграждение за осуществление должностным лицом его функций.

Судя по земским грамотам, верховная власть понимала, что новые выборные должностные лица тоже могут совершать коррупционные правонарушения, в связи с чем в грамоты включался прямой запрет принимать «подарки» в связи с осуществлением своих функций, а наказанием за нарушение этого запрета являлась смертная казнь.

Ключевые слова: право Русского государства середины XVI в., коррупционные правонарушения, кормление, губное и земское самоуправление.

Благодарности. Статья подготовлена в рамках проекта № 18-411-630004 «Конкретно-исторические формы коррупции в Московском государстве (XV–XVI вв.)» при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области.

Цитирование. Давитавян Д. В., Силантьев Р. В. Система земского самоуправления как мера противодействия коррупции // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5. № 3. С. 155–161. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-155-161>.

*D. V. Davitavyan, R. V. Silantsev***SYSTEM OF TERRITORIAL SELF-GOVERNMENT AS ANTI-CORRUPTION MEASURE**

© Davitavyan Diana Vagramovna (dianadav98@mail.ru), 3rd year student, Law Faculty, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Research interests: problems of general and branch theory of law.

© Silantsev Roman Vladimirovich (silantsev@bk.ru), assistant lecturer of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Author of one research article: «Impact of World War I and the revolutionary events of 1917 in Russia on the practice of the US Supreme Court in protecting freedom of speech» (2018).

Research interests: general history of law and state, comparative law, judicial protection of fundamental rights and freedoms.

ABSTRACT

In the article the system of territorial self-government as a way of fight against corruption offenses in the Russian state in the middle of the 16th century is considered. The following problems are put: to find out against what corruption offenses this system was directed, how effectively coped with them.

The main one for anti-corruption measures within the framework of the *Zemstvo* reform was the replacement of the local administrative and judicial apparatus with local self-government bodies formed by elected «best people.» In the issuance of *Zemstvo* diplomas, various fees in favor of *volostels* and *tiuns* were replaced by a fixed monetary hoard, paid in favor of the supreme power once a year, which significantly reduced the opportunities for manifestations of corruption. Moreover, a number of provisions of the *Zemstvo* diplomas specifically stated that there was no need to transfer to any officials «*bribes* and *pominki*», that is, an unexpected remuneration for the exercise by the Judicial Officer of his functions.

According to the *Zemstvo* diplomas, the Supreme Power understood that new elected officials could also commit corruption offences, which included an explicit ban on accepting «gifts» in connection with the exercise of their functions, and the penalty for violating this ban was the death penalty.

Key words: law of the Russian state of the middle of XVI century, corruption offenses, *fief-office*, *gubnoe* and *Zemstvo* self-government.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow State (XV–XVI centuries)».

Citation. Davitavyan D.V., Silantsev R.V. *Sistema zemskogo samoupravleniya kak mera protivodeistviya korrupsii* [System of territorial self-government as anti-corruption measure]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, Vol. 5, no. 3, pp. 155–161. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-3-155-161> [in Russian].

Способы борьбы с коррупцией – одна из тем, которая всегда находилась в центре внимания российского общества. Эта тема особенно актуальна для России, так как вызвана не только потребностью решения текущих проблем экономики, но и необходимостью понимания своей истории, перспектив развития современного мира и места в нем нашей страны. По словам древнегреческого философа Аристотеля: «Самое главное при всяком государственном строе – это посредством законов и остального распорядка устроить дело так, чтобы должностным лицам невозможно было наживать» [1, с. 13].

В научной литературе при рассмотрении и анализе методов борьбы с коррупцией в хронологическом порядке упоминается период Московского государства со ссылками на Судебники 1497 и

1550 годов, однако не делается упор на конкретные меры противодействия коррупции.

В рамках данной темы представляется целесообразным акцентировать внимание на земской модели системы самоуправления, существовавшей в Московском государстве, как методе борьбы с коррупцией и через правовые нормы о правонарушениях и наказаниях увидеть, какие коррупционные правонарушения существовали на тот период времени, каким образом велась борьба и насколько это оказалось эффективным.

Прежде чем приступить к исследовательской части работы, нужно оговорить, что современная терминология должна применяться при условии понимания, что она создавалась в иных конкретно-исторических условиях и не может в полной мере адекватно описать особенности московского права.

В период правления Ивана Грозного интенсивно проводилась реформа местного управления. Острие ее было направлено против окончательно скомпрометировавшей себя системы кормлений. Жалования от великого князя наместники и волостели не получали, а за свое управление брали с местного населения «корм» натурой. Такая система местного управления называлась «кормлением». Взимаемые с населения корма были так велики, что ими кормились не только семьи наместников и волостелей, но и их многочисленная челядь. Система кормлений первоначально ничем не ограничивалась. Укрепление нового государства требовало решительной замены хищнического аппарата власти на местах, сложившегося при боярском правлении.

В этом смысле обращение к текстам земских грамот показывает, что причины их выдачи во многом совпадали по своему описанию авторами грамот с теми причинами, которые в свое время приводили к выдаче губных грамот. Прежде всего жители жаловались на неспособность местных властей справиться с ростом преступности и на произвол местных административно-судебных должностных лиц: «...Что нам били челом, а сказали, что де у них... многие деревни запустели от прежних наших... волостелей, и от их тиунов, и от доivotчиков, и от обыскных, и от лихих людей, от татей и от разбойников... и крестьяне де от них от того насильства и продажи с Пенежки и с Выи и с Суры разошлись по иным волостем и за монастыри безсрочно и безо откату» [2, с. 227–228].

На повестку дня было поставлено создание аппарата государственных чиновников, деятельность которых исключала бы злоупотребления в отношении казны и произвол в отношении подданных со стороны практически бесконтрольных наместников [3, с. 52]. Перестройка местного управления, направленная на ликвидацию кормлений, во-первых, закладывала основы для создания единого унифицированного аппарата управления на всей территории государства, во-вторых, должна была ограничить произвол местной администрации в лице наместников и волостелей, то есть свести коррупционные риски к минимуму.

Система выборности местных властей, реально сокращавшая масштаб злоупотреблений и произвола, реально увеличивавшая доходы казны и реально улучшавшая правопорядок, была решительным шагом в направлении ликвидации пережитков удельно-феодальной эпохи, так как «спаять воедино разнородные территориально-административные элементы можно было только после создания необходимых предпосылок на местах» [4, с. 92].

Несмотря на то что памятник русского права XVI века, Судебник 1550 года содержит положения, ограничивающие власть наместников и волостелей, тем не менее в целом старая кормленая система сохраняется. Ограничение идет по двум линиям: во-первых, сокращается объем судебных полномочий наместников; во-вторых, усиливается контроль над наместниками как со стороны мест-

ного самоуправления, так и центральной администрации. Для того чтобы понять, с чем необходимо было бороться земской системе самоуправления, целесообразно рассмотреть конкретные меры противодействия коррупции.

Следует выделить формальные и содержательные аспекты противодействия коррупционным правонарушениям. Если первое направлено на борьбу с неограниченным кругом деяний, то содержательные аспекты ориентированы на конкретные виды коррупционных правонарушений.

Обратимся к содержательной стороне мер противодействия. Судебник 1550 года в статье 8 устанавливает взыскание в трехкратном размере с должностного лица, уличенного во взимании сборов сверх установленных пошлин. «А возмет боярин, или дворецкой, или казначей, или дьяк, или подьячей, или неделщик на ком что лишек, и на том взяти втрое» [5, с. 98]. Следующая форма противодействия коррупции является смежной по отношению к статье 8 в части наличия санкций. Статья 3 Судебника 1550 года регулирует материальную и уголовную ответственность судей в случае вынесения неправильного решения в результате получения ими взятки. Важно отметить, что Псковская судная грамота («А тайных посулов не имати не князю ни посаднику») [6, с. 332] и Судебник 1497 года («А посулов бояром, и околничим, и диаком от суда не имати никому. А судом не мстити, ни дружити никому») [7, с. 54] закрепляли запрет на получение должностными лицами вознаграждения от заинтересованного лица. Однако соответствующих санкций за нарушение вышеуказанных запретов не устанавливалось. Отсюда возникали трудности в разрешении дел по жалобам на несправедный суд наместников.

В статье 53 Судебника 1550 года предусмотрена уголовная и гражданско-правовая ответственность в отношении неделщика: «А поноворит которой неделщик татю или розбойнику по посулом, а его отпустит, и уличат его в том, ино на том неделщике исцев иск доправити, а его казнити торговою казнью да вкинути в тюрьму, а в казни что государь укажет» [5, с. 100]. Ответственность здесь наступает в случае, если неделщик совершает коррупционное преступление – принимает «посул», в обмен на который отпускает пойманного разбойника или татя.

Эта мера ответственности является новацией, т. к. Судебник 1497 года не содержит аналогичной нормы, предусматривающей ответственность в отношении неделщика за противоправные деяния. Насколько эта мера исполнялась и была ли эффективной, можно увидеть в сочинениях немецкого опричника Генриха фон Штадена «Записки о Московии»: «Было также много неделщиков, которые всякого высылали на суд за деньги, причем сумма определялась в зависимости от расстояния. Они ставили на суд всякого в стране. Обвиняемому назначался первый срок явки соразмерно с тем, жил ли он далеко, или близко. Недельщик же, придя на место, брал с собой с ближайшей таможи,

но не с поместий и не из уездов, двух или трех целовальников и бросал память в дом или во двор к обвиняемому.

Так повторялось до третьего раза. Если обвиняемый давал деньги, то он выигрывал дело, даже если действительно был виноват. Если же он не приходил, то жалобщик мог, словив и связав его, взять и бить на торгу публично до тех пор, пока тот не заплатит. Можно было также, по желанию истца, сделать человека холопом, если только у него не было защиты: нужно было либо уплатить все с процентами, либо всю свою жизнь вертеть ручную мельницу. Иного лихого человека подговаривали, чтобы он оговорил напрасно богатого купца или крестьянина в уезде: кривду все равно делали правдой. Так добывали эти ребята деньги» [8, с. 38].

Судейской деятельности была присуща еще одна форма коррупции – волокита. Волокита (под которой можно понимать умышленное затягивание сроков рассмотрения дела представителями административно-судебного аппарата) также может быть включена в число форм коррупции. Она упоминается в целом ряде губных грамот, хотя в их тексте волокита непосредственно не связана с деятельностью чиновников. Волокита также упоминается в земских уставных грамотах как порок управления, избавиться от которого должно помочь избрание выборных должностных лиц: «...учинити старост изблюбленных, кому меж крестьян управа чинити... которых себе крестьяне меж себя изблюбят и выберут всею землею от которых бы им продаж и убытков и обиды не было, и разсудити бы их умели впряду без посулно и без волокитно...» [9, с. 12–15].

Судебник 1550 года в статье 3 предусматривает материальную и уголовную ответственность в отношении судей, в случае если было вынесено заведомо неправильное решение в результате получения взятки. Если материальная ответственность заключалась в том, что судьи были обязаны возместить истцу сумму иска и все судебные пошлины в трехкратном размере, то уголовная ответственность вследствие судейского статуса определялась главой государства.

Так, по ст. 4 дьяк, составивший за взятку подложный протокол судебного заседания либо неправильно записавший показания сторон или свидетелей, уплачивал половину суммы иска. Другую половину возмещал боярин, который, будучи высшим по должности лицом, должен был следить за своим подчиненным. Дьяк, кроме того, подлежал тюремному заключению.

Согласно ст. 28 Судебника, вводился формальный запрет для лиц, ведущих делопроизводство, выносить судебные протоколы к себе домой: «А подьячему у собя дел никоторых не држжати... а вымут у подьячего список или дело за городом или на подворие, и тот список взяти на дьяке, а подьячего казнити торговою казнью да выкинути ис подьячих, и ни у кого ему в подьячих не быти» [5, с. 102]. Наказание здесь, как видим, составляет

торговая казнь и запрещение занимать в дальнейшем должность подьячего. В земских грамотах вводился аналогичный запрет для земских выборных дьячков: «А судные и обыскные и всякие дела у изблюбленных голов записывати земскому дьячку, которого изблюбят... а земскому дьяку без них дел и обыскных и всяких не записывати и у себя не держати ни которыми делы» [2, с. 233]. Наказание за нарушение этого запрета было более суровым, чем по Судебнику: «А учнет земскои дьяк судные и обыскные всякие дела записывати один, не при изблюбленных головах, или которые дела учнет земскои дьяк держати у себя... в том быти казненным смертною казнью, а животы их и статки велети мне отдати емлючи тому, кто на них доведет» [2, с. 233]. Как видим, наказаниями здесь являются смертная казнь и конфискация имущества.

Обратимся к формальной стороне мер противодействия коррупции. Статья 62 определяет развитие судопроизводства, устанавливая единый в общегосударственном масштабе размер местных судебных пошлин. Данная норма впервые появилась только в Судебнике 1550 года и способствовала упорядочению действий кормленщиков, ограничивала их права, содействовала единству судопроизводства. «...А имати намесником от суда пошлин: доищетца ищя своего в заемном деле или в бою или в лае, и ему имати на виноватом с рубля по гривне, то ему и с тиуном; а не доищетца ищя своего, а будет ищя виноват, и ему имати на ищее с рубля по тому ж, а будет дело выше рубля или ниже, иноимати на ищее или на ответчик по тому ж розчету. А довотчику его имати хоженое и езд и правду по уставной грамоте; а где не будет грамоты, и ему имати хоженое в городе по четыре денги, а езд на версту по денге, а на правду в городе или в волости вдвое...» [5, с. 109].

Кроме того, при анализе статьи 62 прослеживается тенденция укрепления позиций целовальников, которые превращаются постепенно в должностных лиц, своего рода присяжных заседателей. В их задачу входит контроль за соблюдением тиунами и волостелями уставных грамот, обычаев и т. д. Первоначально (Судебник 1497 г.) право держать на суде целовальников давалось в качестве привилегии, потому что выбранные присяжные представляли для подсудимых большие гарантии, чем лучшие люди. Вместе с тем на упрочнение положения целовальников указывают положения статьи 8 Губной Белозерской грамоты 1539 г., в которой говорится об ответственности избранных людей в случае неисполнения ими своих обязанностей или в случае попустительства разбойникам [10, с. 193–194].

Большое практическое значение имела статья 60 Судебника, которая сокращала судебные полномочия наместников по рассмотрению дел в отношении «о ведомых разбойниках» и делегировала их губным старостам. «А приведут кого в розбое или на кого в суде доведут, что он ведомой розбойник, и намесником тех отда(ва)ти губным старостам» [5, с. 108]. Из чего следует, что Судеб-

ник в своей ст. 60 превращает губные учреждения в органичную составную часть государственного аппарата в масштабе всего государства. Если при этом учесть, что губные старосты в своей деятельности находились под контролем Разбойного приказа, то усиление их веса в управлении за счет ограничения наместников и волостей означало дальнейшее укрепление централизованного государства, одним из органов которого и являлись губные учреждения.

Несмотря на то что земская система управления боролась с различного рода формами коррупции, «лазейки» оставались и при данной модели управления. Статья 72 определяет порядок судопроизводства, в частности формулирует нормы гражданского процесса. Согласно статье 72 Судебника 1550 года, правомерность размеров исков посадских людей определялась в зависимости от ценности имущества, доходов и суммы уплачиваемой ими царской подати. При подтверждении того, что истец требует больше, чем у него имеется, в таком случае он терял право на иск. Эти данные о его имуществе содержались в розметных книгах.

Составление их являлось обязанностью местной администрации. При этом одна копия розметной книги, переписанная земским дьяком и скрепленная руками городской администрации старостой, сотским, десятским, подлежала ежегодной отсылке на Москву: «...А хто взыщет много, не по животом, а ответчик учнет бити челом, а скажет, что тот истец ищет много, а живота его столко нет, на колко ищет, и тем волостелем посылати о том, выбираючи тех жо волостей лутчих людей да целовалника одного или дву посмотри по делу, а велети про то обыска ти накрепко: было ли живота его столко, на колко ищет. И скажут в обыску, что живота его столко было, и в том ему дати суд; а скажут в обыску, что живота его столко не было, ино его обвинити и пошлины на нем взяти, а в государеве пене, и в ябедничестве дати его на поруку да прислати с обыскным списком к Москве...» [5, с. 114]. Сам факт того, что розметные книги были на руках у московских приказных дельцов, не исключает, а наоборот, порождает возможность злоупотреблений с их стороны.

Земские грамоты, дополняя эту систему мер антикоррупционной направленности, известную по Судебнику, в качестве наиболее решительного направления противодействия коррупции предлагали ликвидацию местного аппарата управления и суда: «И нам бы... всех крестьян место тех волостей пожаловати, волостеля у них на Пинежки, и на Вые, и на Суре и его тиуна отставити» [2, с. 228]. Функции упраздненных должностных лиц перекладывались на представителей местных общин – «выборных лутчих людей, кого они излюбят» [2, с. 228]. Здесь важно отметить что речь не идет о всеобщем или тем более крестьянском органе местного самоуправления. На то, что земские органы самоуправления находились в руках имущей верхушки местных общин, прямо указывают сами земские грамоты, которые упоминают деле-

ние местных жителей на «лучших», «средних» и «молодших» [2, с. 229]. Как уже было отмечено, выборные головы и старосты составлялись из числа «лучших», т. е. наиболее состоятельных, людей.

Естественно, что перенесение функций с волостей и тиунов, которые были скомпрометированы коррупционным поведением, на земских выборных само по себе не ликвидировало возможность злоупотребления своим положением и властными функциями. Возникла угроза соответствующего поведения уже земских выборных, и эта угроза вполне ясно осознавалась правительством Ивана IV. В частности, на ее предупреждение и максимальное ослабление было направлено введение принципа коллегиальности управления на земском уровне – в земских грамотах постоянно подчеркивается, что все дела земские излюбленные головы решают вместе «с товарищи», то есть с представителями местных общин, выбранных им в помощники. Кроме того, в отдельной статье земских грамот нередко прописывался формальный запрет принимать «подарки» в связи с выполнением своих функций, т. е. фактически взятки: «Да и того б излюбленным головам меж себя беретчи на крепко... чтоб... посулов и поминков ни в каких делех на волостных крестьян никто не имел» [2, с. 232]. Дальше в тексте устанавливалось и суровое наказание за нарушение этого запрета: «А учнут излюбленные головы сами волостным, кому ни буди, силы и обиды и продажи безлипичные чинити, и посулы и поминки в каких делех имати, тем от меня, царя и великого князя, быти кажненым смертною казнию...» [2, с. 233]. Особо следует обратить внимание, что не только получение незаконных подарков наказывалось, но и другие проявления властного произвола, которые были свойственны прежней местной администрации в лице волостей и их тиунов. Смертная казнь в данном случае, по образцу губных грамот, дополнялась конфискацией имущества в пользу пострадавших лиц: «...а животы их статки велети имати и отдавати тем людем, кому от них продажи и обиды учинятце» [2, с. 233].

Важным направлением антикоррупционной политики в рамках земских преобразований следует считать замену разнообразных сборов и поборов единым фиксированным оброком – очевидно, что новая форма фискальных обязанностей оставляла гораздо меньше возможностей для злоупотребления правом сбора податей. Например, среди прежних поборов, собиравшихся волостелями и их тиунами, перечислялись «волостелин и тиунов корм, праветчиков и довотчиков корм, присуд, пятно» – вместо них вводился фиксированный оброк, уплачиваемый один раз в году [2, с. 228]. При этом, однако, значительная часть сборов и повинностей, шедших не в пользу местных должностных лиц, а в пользу центральной и верховной власти, не отменялась – «гостиные явки, оброки за белку и за горностая, ямские и пищальные деньги, посошная служба, городовое дело, полонянничные деньги и иные пошлины» [2, с. 228].

В связи с тем что земские грамоты подробно регулировали порядок доставки денежного оброка в Москву, эти памятники права вскрывают еще одну разновидность коррупционных правонарушений, известных московскому праву XVI в. Речь идет о взимании поборов с нижестоящих должностных лиц при осуществлении ими своих обязанностей, например при внесении собранных с населения податей. Для нижестоящих должностных лиц здесь возникала реальная угроза – если их руководство создавало препятствия для внесения собранных платежей вовремя, то за неисполнение вовремя своих обязанностей они подлежали наказанию от верховной власти. Таким образом, вышестоящие должностные лица вымогали у нижестоящих, местных чиновников взятки. В земских грамотах мы встречаем прямое указание выборным земским головам и старостам не уплачивать по приезду в Москву никому незаконных поборов: «А приехав им к Москве с тем оброком, посулов и поминков не давати никому ничего» [2, с. 229]. Наличие этого указания в земской грамоте давало правовое основание для выборных земских лиц оказать сопротивление незаконным поборам – другое дело, насколько это было возможно на практике, в условиях существования все еще живучего правового обычая «вознаграждать» должностных лиц за осуществление ими их функций.

Еще одним значимой тенденцией, характерной в целом для реформаторской деятельности Ивана IV, являлось усиление коллегиального характера суда. Осуществление полномочий земскими органами власти должно было быть коллегиальным, это специально подчеркивалось в выданных царской властью земских грамотах: «...судити всякие наши земские дела и управа чинити заедино всем» [2, с. 230].

Таким образом, земская система местного самоуправления в целом способствовала решению довольно остро стоящих перед государством проблем. В частности, в оказании противодействия и борьбе с формами коррупции, затруднявшими эффективное функционирование государственного аппарата. Однако помимо положительных результатов борьбы имелись и известные нам отрицательные, которые заключались в возможности злоупотреблений со стороны должностных лиц.

Библиографический список

1. Аристотель. Политика. М.: Аст, 2017. 381 с. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf.
2. Уставная земская грамота волостей Малой Пенежки, Выйской и Суры Двинского уезда // Российское законодательство X–XX вв. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1985. С. 227–234.
3. Альшиц Д. Н. Начало самодержавия в России. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1988. 241 с. URL: <http://moscowstate.ru/alshits-d-n-nachalo-samoderzhaviya-v-rossii-gosudarstvo-ivana-groznogo> [in Russian].

4. Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного: Очерки социально-экономической и политической истории России середины XVI в. М.: Соцэкгиз, 1960. 511 с. URL: <https://e-libra.ru/read/425555-reformy-ivana-groznogo-ocherki-social-no-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-istorii-rossii-xvi-v.html>.

5. Судебник 1550 г. // Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства: в 9 т. Т. 2 / отв. ред.: Горский А. Д.; под общ. ред.: Чистякова О. И. М.: Юрид. лит., 1985. 520 с. URL: http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf.

6. Псковская Судная грамота // Российское законодательство X–XX веков: Законодательство Древней Руси: в 9 т. Т. 1 / отв. ред.: Янин В. Л.; под общ. ред.: Чистяков О. И. М.: Юрид. лит., 1984. 432 с. URL: <http://en.bookfi.net/book/1345702>.

7. Судебник 1497 г. // Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства: в 9 т. Т. 2 / отв. ред.: Горский А. Д.; под общ. ред.: Чистякова О. И. М.: Юрид. лит., 1985. 520 с.

8. Штаден Генрих. Записки о Московии. Т. 1: М.: Древлехранилище. 2009. 488 с. URL: <https://iknigi.net/avtor-genrih-shtaden/110675-zapiski-o-moskovii-genrih-shtaden/read/page-1.html>.

9. Оспенников Ю. В. О разнообразии форм коррупционных правонарушений в Московском государстве XVI в. // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. № 2 (28). С. 12–15. DOI: 10.24420/KUI.2017.28.6252.

10. Белозерская уставная грамота // Российское законодательство X–XX веков: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства: в 9 т. Т. 2 / отв. ред.: Горский А. Д.; под общ. ред.: Чистякова О. И. М.: Юрид. лит., 1985. 520 с.

References

1. Aristotle. *Politika* [Politics]. M.: Ast, 2017, 381 p. Available at: https://www.civisbook.ru/files/File/Aristotel_Politika.pdf [in Russian].
2. *Ustavnaya zemskaya gramota volostei Maloi Penezhki, Vyiskoi i Sury Dvinskogo uезда* [Statutory zemstvo letter of volosts of Malaya Penezhka, Vyiskaya and Sura of Dvinsky district]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. T. 2* [Russian Legislation of the X–XX centuries. Vol. 2]. M.: Yurid. lit., 1985, pp. 227–234 [in Russian].
3. Al'shits D. N. *Nachalo samoderzhaviya v Rossii* [Beginning of autocracy in Russia]. L.: Nauka: Leningr. otd-nie, 1988, 246 p. Available at: <http://moscowstate.ru/alshits-d-n-nachalo-samoderzhaviya-v-rossii-gosudarstvo-ivana-groznogo> [in Russian].
4. Zimin A. A. *Reformy Ivana Groznogo. (Ocherki sotsial'no-ekonomicheskoi i politicheskoi istorii Rossii serediny XVI v.)* [Reforms of Ivan the Terrible (Essays on the socio-economic and political history of Russia in the mid-16 century)]. M.: Sotsekgiz, 1960, 512 p. Available at: <https://e-libra.ru/read/425555-reformy-ivana-groznogo-ocherki-social-no-ekonomicheskoy-i-politicheskoy-istorii-rossii-xvi-v.html> [in Russian].
5. *Sudebnik 1550 g.* [Law Book of 1550]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva: in 9 t.*

- T. 2. Otv. red.: Gorskii A. D.; Pod obshch. red.: Chistyakova O. I.* [Russian Legislation of the X–XX centuries: Legislation of the period of formation of formation and strengthening of the Russian centralized state: in 9 vols. Vol. 2. Responsible editor: Gorskii A. D. Chistyakov O. I. (Ed.)]. M.: Yurid. lit., 1985, 520 p. Available at: http://russiahistory.ru/download/library/istochniki/1073676_96334_sudebnik_1550_goda.pdf [in Russian].
6. *Pskovskaya Sudnaya gramota* [Pskov Court Charter]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: Zakonodatel'stvo Drevnei Rusi: v 9 t. T. 1. Otv. red.: Yanin V. L. Pod obshch. red.: Chistyakov O. I.* [Russian legislation of the X–XX centuries: Legislation of Ancient Rus': in 9 vols. Vol. 1. Responsible editor: Yanin V. L.; Chistyakov O. I. (Ed.)]. M.: Yurid. lit., 1984, 432 p. Available at: <http://en.bookfi.net/book/1345702> [in Russian].
7. *Sudebnik 1497 g.* [Law Book of 1497]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva: in 9 t. T. 2. Otv. red.: Gorskii A. D. Pod obshch. red.: Chistyakova O. I.* [Russian Legislation of the X–XX centuries: Legislation of the period of formation of formation and strengthening of the Russian centralized state: in 9 vols. Vol. 2. Responsible editor: Gorskii A. D. Chistyakov O.I. (Ed.)]. M.: Yurid. lit., 1985, 520 p. [in Russian].
8. Heinrich von Staden. *Zapiski o Moskovii. T. 1* [Notes about Moskovia. Vol. 1]. M.: Drevlekhranilishche, 2009, 488 p. Available at: <https://iknigi.net/avtor-genrih-shtaden/110675-zapiski-o-moskovii-genrih-shtaden/read/page-1.html> [in Russian].
9. Ospennikov Yu. V. *O raznoobrazii form korruptsionnykh pravonarushenii v Moskovskom gosudarstve XVI v.* [On a variety of forms of corruption offences in Moscow state of the 16th century]. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii* [Bulletin of the Kazan Law Institute of MIA Russia], 2017, no. 2 (28), pp. 12–15. DOI: 10.24420/KUI.2017.28.6252 [in Russian].
10. *Belozerskaya ustavnaya gramota* [Belozersk Charter]. In: *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov: Zakonodatel'stvo perioda obrazovaniya i ukrepleniya Russkogo tsentralizovannogo gosudarstva: in 9 t. T. 2. Otv. red.: Gorskii A. D. Pod obshch. red.: Chistyakova O. I.* [Russian Legislation of the X–XX centuries: Legislation of the period of formation of formation and strengthening of the Russian centralized state: in 9 vols. Vol. 2. Responsible editor: Gorskii A. D. Chistyakov O.I. (Ed.)]. M.: Yurid. lit., 1985, 520 p. Available at: <https://constitutions.ru/?p=5206> [in Russian].

СОБЫТИЯ

ОБЗОР КРУГЛОГО СТОЛА «ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ»

OVERVIEW OF THE ROUND TABLE «LEGAL REGULATION OF DIGITALIZATION OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT»

28 февраля 2019 года состоялся междисциплинарный круглый стол «**Правовое регулирование цифровизации социально-экономического развития**», в работе которого приняли участие преподаватели и студенты гуманитарных, общественных и технических направлений из нескольких вузов Самарской области.

Обзор по итогам круглого стола и круглый стол проведены в рамках выполнения исследования при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Самарской области в рамках научного проекта № 18-411-630011 «Повышение эффективности стратегического планирования социально-экономического развития и совершенствования институтов финансового рынка Самарского региона и муниципалитетов в условиях цифровой экономики».

Основными темами обсуждения стали проблемы трансформации права в условиях развития цифровых технологий, идентификации субъектов и их цифрового профиля, цифровизации в сфере публичной власти, государственного и муниципального управления, институтов развития экономики России, Самарской области, муниципальных образований, цифровизации в сфере частных отношений и на отдельных видах рынков (финансовом, товарном и др.), цифровизации правосудия и исполнительного производства, возможности применения технологий искусственного интеллекта в судебной деятельности, проблемы цифровой девиации и противодействия преступности в сфере цифровой экономики и др.

Организатор и модератор круглого стола, доцент кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского университета **Королева А. Н.** подчеркнула, что одним из ключевых факторов устойчивого экономического развития страны и Самарской области является расширение применения цифровых технологий, развитие цифровой инфраструктуры и компетенций кадров в области цифровой экономики. **Смирнов С. В.**, д.т.н., отметил, что в настоящее время происходит период смены управленческой парадигмы, трансформация в социальные сервисы. Для включения в повестку дня цифровизации юридической работы он предложил извлечение онтологий прецедентов из судебных решений для правосудия с искусственным интеллектом, форма-

лизацию «ограничений» и автоматизацию проверки их непротиворечивости при получении любых юридических «новелл» и др. **Красов С. И.**, к.ю.н., подробно остановился на проблемах соблюдения прав граждан в цифровом обществе. В июле 2018 г. Генеральный секретарь ООН учредил Группу по международному сотрудничеству в области цифровых технологий и поставил перед ней задачу – как Интернет, блокчейн, искусственный интеллект и их сочетание могут служить людям, не нарушая их прав и не подрывая основы демократии и социальной справедливости.

Продолжила заседание **Чупилкина А. Ф.**, к.ю.н., которая акцентировала внимание на том, что цифровизация процесса контроля финансовой, экономической деятельности органов публичной власти приведет к прозрачности деятельности властных лиц. **Трафимова Г. А.**, к.с.н., рассмотрела процессы цифровизации общества и связанные с ними риски. **Грицай О. В.**, к.ю.н., высказала предложение о возможности цифровизации одного из видов гражданского судопроизводства – приказного производства. **Развейкина Н. А.**, к.ю.н., и **Бедняков И. Л.**, к.ю.н., пришли к выводу, что распространение сфер применения искусственного интеллекта неизбежно. Очевидно, что внедрение систем искусственного интеллекта может лишь оказать судье содействие в решении типовых задач, или там, где имеется повторяемый алгоритм действий, или там, где можно допустить и гарантировать стабильность принимаемых решений на основе заданных алгоритмов. **Губина Е. Н.** осветила вопросы внедрения электронных технологий в сфере судопроизводства, нотариата и альтернативных механизмов разрешения споров.

Позиции относительно использования в юриспруденции искусственного интеллекта на круглом столе обозначили молодые исследователи: **Семенов В. М.** в докладе «*Судья с искусственным интеллектом: зачем это человечеству?*», **Давитавян Д.** в докладе «*Судья с искусственным интеллектом*». **Внутских А. Д.** отметила, что зарубежный опыт применения информационных технологий в процессе осуществления судопроизводства показывает принципиальное отличие процесса цифрового правосудия и технической информатизации судов. **Паулова Е. О.** выделила

«риски цифровизации в сфере правовых отношений». **Кузнецников А. А.** осветил в докладе «особенности рекурсивной теории права как теоретической основы "цифрового" права».

Королева А. Н., к.ю.н., отметила дискуссионность понимания термина «цифровые права». Дискуссию продолжила **Малаканова О. А.**, к.с.н., с докладом «Право на забвение»: специфика и проблемы реализации». **Канашина О. А.**, к.ю.н., выступила на тему: «Профилактика преступности в сфере цифровой экономики». **Свиридов В. А.**, к.ю.н., в своем докладе обозначил «место цифровой экономики в системе инновационного права». **Бортников С. П.**, д.ю.н., указал, что, несмотря на достаточное внимание со стороны государства к развитию новых рынков Национальной технологической инициативы, их понятие, структура и инфраструктура исследованы недостаточно. Слабо учтен зарубежный опыт правового регулирования в аналогичных сферах предпринимательской деятельности. **Васильева О. Ю.** проанализировала новеллы, связанные с использованием технологии маркетинга на финансовых рынках. **Салахова Л. А.** подготовила доклад «Краудфандинг: некоторые вопросы правового регулирования». **Ивлева М. М.** исследовала «Правовое регулирование формирования рынка TechNet Национальной технологической инициативы в цифровой экономике». **Шигин М. Д.** рассмотрел проблему цифрового неравенства.

В круглом столе приняли участие с докладами молодые исследователи: **Галлямова Д. Х.** («Механизмы обеспечения цифровой безопасности в России»), **Дурова О. Н.**, **Мартиросова Д. М.** («Цифровая экономика и качество жизни граждан:

дан: правовая природа и взаимообусловленность»), **Ахметгалиева Р. Х.** («Правовая природа криптовалюты»), **Зуева И. А.** («Современные вызовы в сфере правового регулирования цифровых технологий»), **Середкина А. А.** («Правовое регулирование "блокчейн"-технологии»), **Шуваева М. М.** («Цифровая экономика и геополитические отношения»), а также исследователи из Самарского университета: **Царева М. С.** («Цифровизация экономики и предпринимательское право: проблемы и перспективы развития»), **Яхимович К. С.** («Влияние цифровой трансформации на антимонопольное регулирование»).

Более подробно материалы круглого стола планируется опубликовать в сборнике статей, которые будут размещены на e-library.ru для включения в РИНЦ. Участники круглого стола предложили продолжить обсуждение вопросов цифровизации правового регулирования, в том числе в рамках проектирования и реализации новых проектов.

Материал о событии подготовила доцент кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева, кандидат юридических наук, доцент
А. Н. Королева

The material about the event was prepared by the associate professor of the Department of Civil Procedure and Business Law, Samara National Research University, Candidate of Legal Sciences, associate professor
A. N. Koroleva

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

ШАБЛОН ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-159-165
УДК 34.05

Дата поступления статьи: 15/III/2020
Дата принятия статьи: 1/VI/2020

В. В. Иванов

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

© **Иванов Виктор Валерьевич (ivanov@mail.ru)**, звание, должность, кафедра, место работы, адрес места работы в формате: 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

Тема кандидатской диссертации: «Структуры гражданского общества ...», тема докторской диссертации: «Структура права...». Автор более 50 научных работ, в т. ч. монографий: «Название» (год), «Название» (год).

Область научных интересов: история теории гражданского общества, современное состояние данной теории, право некоммерческих организаций.

АННОТАЦИЯ – не менее 250-300 слов

В статье дан краткий исторический экскурс правовой институционализации гражданского общества в США. Делается вывод, что существующие организационные формы и практики деятельности некоммерческого сектора – результат совмещения укорененной в американском обществе традиции филантропии и гражданского участия с государственной политикой по поддержке определенных направлений деятельности некоммерческого сектора. В разные периоды американское государство использовало различные инструменты для направления добровольческой активности и благотворительных капиталов в публично важные сферы деятельности. В настоящий момент американское общество находится в процессе постоянного экспериментирования с правовой формой и статусом организаций некоммерческого сектора, которые были бы способны вобрать в себя преимущества всех трех главных секторов: государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: гражданское общество, некоммерческая организация, налоговые льготы, публичные социальные услуги, благотворительный фонд, государство всеобщего благосостояния.

Цитирование. Иванов В. В. Название статьи // Юридический вестник Самарского университета. 2020. Т. 6. № 1. С. XX–XX. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-XX-XX>.

DOI: 10.18287/2542-047X-2020-6-1-159-165
UDC 34.05

Submitted: 15/III/2020
Accessed: 1/VI/2020

V. V. Ivanov

ARTICLE TITLES

© **Ivanov Viktor Valer'evich (ivanov@mail.ru)**, senior lecturer of the Department of Civil and Business Law, **Samara National Research University**, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of future Candidate's thesis: «Structures of civil society and their regulation: foreign and Russian experience (comparative legal analysis)». Author more 50 works.

Research interests: history of theory of civil society, current state of this theory, right of non-profit organizations.

ABSTRACT

The article offers the brief historical excursion of legal institutionalization of civil society in USA. The article concludes that existent organizational forms and practices of activity of noncommercial sector are the result of combination between embedded traditions of philanthropy and civil engagement in American society and the state policy to support some directions of activity of non-profit sector. The American government made use of different tools to turn voluntary activity and philanthropy funds to major public spheres in various ages. Now the American society is in the process of permanent experimentation with the legal form and status of non-profit sector's organizations which would able to absorb advantages of all three major sectors: the state, the business and the society.

Key words: civil society, non-profit organization, tax privileges, public social services, charity foundation, welfare state.

Citation. Ivanov V. V. *Pravovaia institutsionalizatsiia grazhdanskogo obshchestva v SShA (istoricheskii aspekt)* [Legal institutionalization of civil society in the USA (historical aspect)]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2020, Vol. 6, no. 1, pp. XX–XX. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2020-6-1-XX-XX> [in Russian].

ТЕКСТ СТАТЬИ

Ссылки в тексте [1; 4] или [1–6; 16, с. 12–14].

Библиографический список по порядку цитирования (с указанием DOI, URL)

1. Коэн Д. Л., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М.: Весь мир, 2003. 784 с.
2. Шмиттер Ф. Размышления о гражданском обществе и консолидации демократии // Полис. 1995. № 5. С. 16–27. DOI: 12123/56/87/99.
3. Вайнштейн Г. И. Закономерности и проблемы посткоммунистических трансформаций // Политические институты на рубеже тысячелетий. Дубна: Феникс+, 2001. С. 136–170.
4. Мельвиль А. Ю. Демократические транзиты // Политология. Лексикон / под ред. А. И. Соловьева. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. С. 123–134.
5. Либоракина М. Некоммерческий сектор: международный опыт. URL: <http://www.SocPolitika.ru>.
6. Фурман Ф. Филантропия в Америке. М.: Издательские решения, 2015. 256 с.
7. Berman Lila Corwin. Donor advised funds in historical perspective. URL: <http://www.bc.edu>.

References

1. Cohen J. L., Arato A. *Grazhdanskoe obshchestvo i politicheskaia teoriia* [Civil Society and Political Theory]. M.: Ves' mir, 2003, 784 p. [in Russian].
2. Shmitter F. *Razmyshleniia o grazhdanskom obshchestve i konsolidatsii demokratii* [Reflections about civil society and consolidation of democracy]. *Polis* [Polis. Political Studies], 1995, no 5, pp. 16–27 DOI: 12123/56/87/99 [in Russian].
3. Vainshtein G. I. *Zakonomernosti i problemy postkommunisticheskikh transformatsii* [Conformities and problems of post-communist transformations]. In: *Politicheskie instituty na rubezhe tysiacheletii* [Political institutions on the boundary of millenniums]. Dubna: Feniks+, 2001, pp. 136–170 [in Russian].
4. Melvil A. Yu. *Demokraticheskie tranzity* [Democratic transits]. In: *Politologiya. Leksikon. Pod. red. A. I. Solovieva* [Political science. Vocabulary. A. I. Solovyev (Ed.)]. M.: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia (ROSSPEN), 2007, pp. 123–134 [in Russian].
5. Liborakina M. *Nekommercheskii sektor: mezhdunarodnyi opyt* [Nonprofit sector: international experience]. Available at: <http://www.SocPolitika.ru> [in Russian].
6. Furman F. *Filantropiia v Amerike* [Philanthropy in America]. M.: Izdatel'skie resheniia, 2015, 256 p. [in Russian].
7. Berman Lila Corwin. Donor advised funds in historical perspective. Available at: <http://www.bc.edu> [in English].